

Инга Полякова

Горбуны

Часть 1. Калашниковы

Издательские решения
По лицензии Ridero
2022

УДК 82-3
ББК 84-4
П54

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Полякова Инга

П54 Горбуны : Часть 1. Калашниковы / Инга Полякова. — [б. м.] :
Издательские решения, 2022. — 406 с.
ISBN 978-5-0059-2082-9 (т. 1)
ISBN 978-5-0059-2081-2

Роман описывает первый год студентки-первокурсницы Арины, которая ради практики языка случайно попадает в Американский центр своего университета. Здесь она встречает приятного улыбающегося миссионера Эдама Хейсона и его всегда счастливую жену Морген. Арина здесь заведет друзей как среди американцев-миссионеров, так и среди русских... Она даже не представляет, как резко изменится ее жизнь после того, как она переступит порог этого центра. Ведь все совсем не так, как кажется на первый взгляд...

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0059-2082-9
ISBN 978-5-0059-2081-2

© Инга Полякова, 2022

**Посвящается моим американским друзьям-протестантам
Эрику и Мейсон Хейстанд (Eric and Meison Heistand)
Рейчал Кулбертсон (Вайт) Rachel Culbertson (White)
Рэнди Шопенгауэру (Randy Shopengauer)
Джессике
Сэнгвин (Sanguine)
Эмили
Алине (Анне)
Энн Гаррисон (Anne Garrison)
Кевину (Джону) Спенсерхолду (Kevin (John) Spenserhold)
И, конечно, же Джошу Роджерсу (Josh Rogers)
И всем неупомянутым, но приезжавшим в Краснодар с религиозной
миссией и не только летом далекого 2003 года**

Многие диалоги я приведу на русском, потому что слишком много переводить и не хочется художественную прозу писать на чужом языке, но некоторые фразы оставлю на английском, чтобы сохранить впечатление от другого (иностранный) языка и чужой культуры.

...На конце веревки, на высоте двух туазов над мостовой, закачалось тело несчастной девушки с человеком, вскочившим ей на плечи. Веревка перекрутилась в воздухе, ... по телу цыганки пробежали страшные судороги.... Священник тоже глядел на эту ужасную группу, на мужчину и женщину – на паука и муху...

Квазимодо поднял свой взор на цыганку, тело которой, вздернутое на виселицу, билось в последних предсмертных судорогах под ее белой одеждой...

В. Гюго «Собор Парижской Богоматери»

***

Шерил Блэк ехала в Россию ослепить какого-то известного писателя будущего, ей знакомый оракл предсказал. Таблетка со «слепотой» грела ей карман куртки. Как оказалось, этим писателем была я. Это была таблетка сестры парня, соблазвившего ее замужнюю мать... Но эта история не о том...

***

– Ты или вылезешь, или сдохнешь! Желаю тебе вылезти, – сказала мне учительница по русскому языку, подменявшая мою классную руководительницу перед моим поступлением в университет. В наше время такие свидетели, как я, не выживают. А она желала мне выжить... – Спасибо. Буду стараться! Попробую... Попробую выжить... – Она имела в виду мое свидетельство по делу о похищенных детях. Только я поняла это много лет спустя...

Часть 1. Американский английский

Осколок

Изобрели таблетки. Все дорвались до медицины. Медицина стала всеместной. Убийства стали замаскированными и более гуманными. С помощью раковых опухолей смерть стала отсрочена во времени и менее заметна — по десять лет жить можно «тикающими». И врачам нравится — опухоли вырезают, хирургия процветает, химиотерапию разрабатывают — врачи придумали себе работу, есть, чем заняться. Теперь умирали дважды. Первый раз — когда пили таблетки «смерти», рак не лечится, если он не гормональный. Второй раз — непосредственная смерть. Медикам лишь бы издеваться...

— Надо же от чего-то умирать, — говорили врачи, а потом и мы, вслед за ними. Развели опухоли. Врачи решили, что из-за плохой экологии теперь будем умирать от рака... Сначала стариков убивали по алфавиту — имя и фамилия чем ближе к центру, тем дольше жили. Потом стали убивать по «нужности» обществу и т. д.

Некоторые растворяли «таблетки смерти» себе, чтобы преуспеть в карьере. Например, актеры, чтобы сыграть пару ролей или крупную роль в телесериале. Растворить себе таблетку — стать «козленочком», «напиться яда рака». Выпив таблеток, такие люди начинали «тикать». Становились бомбами замедленного действия. Они могли жить еще долго, до десяти лет, потом пили катализатор, вылезала опухоль, и они еще лет десять могли лечиться, потом соответственно умирали. У каждого по-разному. От выпитой таблетки до смерти могло пройти до двадцати пяти лет, как у моей мамы, а могло и пару месяцев. Маме растворили даже не целую таблетку, а осколок. Потом через десять лет на селене вылезла раковая опухоль. Просто до осколка она была живая и здоровая и могла прожить хоть до ста. А после — она стала обреченной, смертницей, дайте только срок, неизбежно через несколько лет умирающей, бесплодной и до конца дней одинокой — такие женщины не могли родить, не могли вести половую жизнь — «опухоль» могла передаваться и детям, и мужу при половых контактах. Когда ей незakonно растворили осколок в чае, маме было тридцать восемь — вся жизнь еще впереди. Можно и замуж выйти. И ребенка родить. Но не ей. Не «тикающей» бомбе. В тридцать восемь на ней поставили крест, как на женщине. У нее уже не было шанса жить долго. А она еще хотела семейного счастья...

Потом маму мгновенно медикаментозно состарили, придумав заболевание щитовидной железы, увеличив дозу гормонов, она сильно поправилась. У нее была жизнь, было возможно женское счастье! А после той чашки чая его не стало!

В сорок восемь в витаминах она пропила селен, мамин катализатор, и ее бомба «взорвалась»! Через полгода у нее обнаружили маленькую

опухоль в груди – агрессивный рак третьей степени, мгновенно разрастающаяся. Опухоль вырезали, удалили левую грудь, сделали химиотерапию помогающим ей препаратом, созданным специально под эту опухоль, и облучение. Дорогой препарат ей дали «по ошибке», под мою тогда уже «утреннюю звезду». И она прожила еще десять лет, потом опять селен, опять «взрыв», рецидив в поджелудочную железу, рак на этот раз четвертой степени и опять химия, которая все равно не помогает. Через два года непрерывной химиотерапии все равно смерть. У медиков правила «взрывать бомбу» каждые десять лет, и никто эти правила нарушать не будет. Тем более в мамином случае. Мама умерла в шестьдесят с метастазами по всему телу. С сорока восьми она лечилась и жила без одной груди.

Маме достался осколок от таблетки для одной неверной жены.

Ее подруга, тетя Оля, растворила ей осколок в чае на море. Сказала, что если мама не выпьет этот чай, она растворит этот осколок мне. Мы тогда троим поехали на море: я, мама и тетя Оля отдохнуть на побережье.

Тетя Оля медикам дала отчет, что растворила осколок от опухоли в теле другой своей подруги, тетя Тани, гены которой подходили для эксперимента. Ее родители были з доровыми долгожителями, и она сама могла похвастаться отменным здоровьем, без хронических заболеваний. Тетя Оля подделала анализы – договорилась с врачом, обеспечив ее сыну обучение в вузе на бюджете, тетя Оля была кандидатом наук, доцентом и работала на кафедре в техническом университете, как и ее мать. После осколков в анализах всегда был рост лейкоцитов. У мамы резкий рост лейкоцитов был, а у тети Тани нет, когда она сдала анализы потом сама. Так дедушка с бабушкой поняли, что мама растворили осколок и у нее теперь «пассивный» рак, активный рак – после катализатора, в мамином случае селена, активации бомбы. Но даже мизерные осколки приводили к смерти.

Маме незаконно растворили этот осколок на море в солнечное затмение в 1998 году, нарушив все правила, возможные и невозможные. И «прикрыли» все это «плащом» – чтобы якобы никто ничего не узнал. Маме было тридцать восемь, когда она «затикала». И стала смертницей. Знали ли медики, в чьих телах они растворяли таблетки смерти, вызывающие рост раковых опухолей, и где оказывались осколки таких таблеток? Кому в итоге их отдавали и зачем? Смерть всем раздают, а кого убивают – неизвестно... Врачи бесплатно раздают смерть...

За мою смерть всегда много платили предателям.

Время было сложное, талантливых детей раковыми опухолями косили. Мне свидетельство притянули, спасали, как могли. Насколько уж я была талантлива в свои девять, когда меня сделали свидетелем, сказать сложно. Тогда часто играли в рулетку – крутили и пили то опухли, то инсульты, то инфаркты и «зажигали себе гейзеры». Но в эти игры играли смертники. Кого уже продали или за что-то убивали.

Меня не могли просто так убить, потому что я была крутым свидетелем. Поэтому они решили убить мою маму – развели предателей! Желая так

убить мать ребенка с большим потенциалом и замаскировать ее смерть. Тетя Оля думала, что маму бросят под машину через год или два и никто ничего о ее проделке не узнает... Тогда так делали многие, растворяли осколки в телах скоро умирающих.

Мама думала, что если меня, как свидетеля убьют, как убивали остальных свидетелей, она сама проплет витамины с селеном и умрет, таким образом совершив самоубийство.

Всем я нужна была мертвой. И только маме я нужна была живой... Всем на меня было наплевать, умри я – потеряют свидетели, есть еще Маша... Свидетелей развести легко – показал пару фоток, ткнул пальцем в пару людей на улицах – вот тебе и свидетель. Так зачастую и делает наша полиция...

Когда мама «затикала», мне было четырнадцать.

Так тетя Оля якобы нашла гены, которые могут переварить рак, растворив осколок в теле другого человека, подделав анализы, выдав здорового человека за больного, обманывая врачей. Потом пустили клич, что эту опухоль якобы можно переварить. Вот люди стали тогда «мамину» опухоли глотать. Думая, что ее можно переварить и не умирать от рака потом. Теперь мамина опухоль, таблетки, ее распространяющие, стали популярны. Все пили эти таблетки, думая, что осколки можно переварить. Многие стали ее пить и ставить тебе гейзеры денег, поддерживая медицину, в надежде, что потом не умрут. И делать ничего не надо – выпил таблеточку, поставил себе гейзер и можно дальше, бездельничать! Думали, переварят опухоль, но рак никто не переваривает. Опухоли так созданы. И умирали потом от рака, заболели и умирали. Рак никто не переваривал, и доза яда, как оказалось, была неважна. Таких стало слишком много... Хорошо, если они были богачами, могли еще пожить, а если бедняками, то умирали за считанные годы, никто долго не «тикал».

Тетя Оля постаралась, выбрала опухоль, от которой сильно не лысеют, которая хорошо лечится дорогими препаратами, от которой не умирают, крича от боли, и долго не сидят на сильных наркотических обезболивающих. Эта опухоль хорошо подходила богатым, она хорошо лечилась дорогими препаратами и на ней еще можно было пожить. Если бы я была богата к моменту маминого «второго» селена, могла бы мать лечить, могла ей помочь, но когда мама умирала, у меня не было и лишнего рубля.

Маму заживо закопали, растворили опять селен, чтобы доказать, что ее подруга незаконно двадцать лет назад растворила ей осколок опухоли. Чтобы доказать обман и потом наказать подругу мамы.

Мама умерла, когда мне было тридцать шесть. Ей еще повезло, ей «по ошибке» дали нужный препарат, так бы умерла на двенадцать лет раньше. Тетя Оля убила бы мать раньше, подмешав ей селен, но не получилось. Мать порвала с ней дружбу и все контакты. Специально продали дачу, по которой тетя Оля была соседкой. Селен ей в чашку было уже не подмешать.

Тетя Оля после того, как подделала анализы, жила в чести, стала завкафедрой, потому что поставила такой удачный генетический эксперимент над одной своей подругой, в то время, как другая ее подруга, уже бывшая, умирала от рака. Тетя Оля якобы нашла людей, которые «переваривают» рак. Тетя Оля даже с мамой фотографироваться не хотела, чтобы потом не было общих фотографий и никто через десять лет не мог доказать, что они вообще были знакомы. Все, конечно, это доказали.

Тетя Оля обманывала врачей, а люди умирали. И ничего не доказать. Тетя Оля говорила всем, что в ее случае гены подруги переварили рак, а другие гены этого сделать не смогли. Врачи даже тогда стали искать генетические мутации. Человеческий организм рак не переваривает...

Маму тогда врачи и убили, опять растворив селен, чтобы доказать, что тетя Оля лжет. Чтобы доказать ее вину. Только мамина опухоль давала такой рост в поджелудочную железу, только при ее опухоли не было сильных болей и облысения и т. д.

Мою маму просто убили за мой талант. За мою смерть всегда хорошо платили... Чтобы я сдохла побыстрее. Талант, который мог так никогда и не раскрыться. Потому что я была подающим надежды писателем. Чтобы я выросла в детдоме, где мне бы тут же растворили раковую опухоль. А еще лучше – умерла. Ее просто заживо сложили в могилу, не имея на это никакого права. Чтобы я не выжила в этом мире... Чтобы я никогда ничего не добилась. Чтобы я просто умерла... не стала писать... Чтобы мои книги так и не появились на свет... Чтобы моей жизни просто не было...

Тетя Оля ее просто убила! Чтобы я выросла без матери! Чтобы меня отравили в детдом! Оттуда я бы уже не вышла здоровой... После этой таблетки мама стала одинокая, бесплодная, «тикающая» и умирающая, дайте только срок.

Мама сама выбрала умереть, чтобы наказать свою убийцу, доказать, что ей растворили этот осколок, чтобы ее «подруга» не избежала наказания. Что ее убивают зря... Да и спорить с медиками мама не стала – врачей все бояться. Неизвестно, чем этот спор закончится – и детей покосят, и внуков. И редко такие споры заканчиваются в пользу пациента. Умные люди и в больницу стараются не ходить... Зайдешь туда здоровым, уйдешь больным... Врачи даже не знают, чьи тела она убивает этими таблетками, кто растворяет эти «убийственные» осколки и в чьих телах. Врачи не несут абсолютно никакой ответственности за свои «таблетки смерти»...

Маму, не имея на это никакого права, просто заживо сложили в могилу. У нее забрали жизнь... тетя Оля забрала...

Чтобы доказать, маме второй раз растворили селен. Заставили выпить селен и умереть... Шанса жить у нее уже не было... И я знала, что я ее все равно похороню... Им всем надо было, чтобы она умерла, чтобы доказать преступление тети Оли... Чтобы доказать, что такие таблетки нельзя переваривать... Чтобы эти таблетки не пили массово, доказать преступление и прекратить смерти... Ее опухоль не захотели свернуть. Дать маме еще

пожить... Заживо похоронили, сказали, нам надо доказать ошибку и все тут. Гуси-лебеди... И не спасет никто.

Ее живой запихали в могилу. А она могла жить до сих пор...

Врачи маму просто убили, чтобы доказать свое же преступление, убийство, свою халатность, беспечность, причиной которой сами являлись. Им надо сначала, чтобы преступник, в данном случае тетя Оля, замараться. Сначала преступление, потом наказание... Предотвращать в наше время никто не будет.

И можно плакать сколько угодно, маму это не вернет...

Врачи ее просто убили... Она же это все, что у меня есть... было...

Они просто ее убили... Это же моя мама... А она могла жить и быть со мной...

Немного о себе

Я из неполной семьи. Родители развелись, когда мне было десять лет. Отец — военнослужащий, потомственный военный, вышел в отставку в звание майора. Мама микробиолог. Потом она заканчивала курсы бухгалтеров и работала на маленькой фирме своего брата бухгалтером-архивариусом. В свои сорок папа женился во второй раз, подобрал отбросы, «шашечки», его вторая жена пропустила через себя весь свой квартал по любви, переспала со всеми мужчинами на райне, сперму набирала. Ему подложили свинью в прямом смысле этого слова. Сначала она переспала с врачом за здоровье их сына, моего сводного брата, потом с преподавом за поступление его же на бюджет, потом за его перевод на другую специальность и т.д... Папа с ней не развелся... Со временем он стал менее молод и менее принципиален. Рассчитывал стать вдовцом...

Дядя Леша, брат-близнец отца, инвалид по психиатрии... Он шизофреник. У меня «странная» бабушкой по линии отца и плохая память. Дедушка подполковник сначала слегка свел бабушку с ума, подпаивал галлюциногенами, мухоморами — она была слишком красивой, боялся, что начнет ему изменять. Да и легче жить с глупой куклой. Кто еще согласится ездить по казармам и дальним гарнизонам. Она зажгла звезду в литературе, поэмы необычные писала, но дедушка приревновал ее и растворил ей пятнадцать «дубин». Моя мама фельдшер-лаборант считала ее пассивной шизофреничкой, которую всю жизнь дед держал в рамках и опускал на землю, не доводил до дурдома. Дядя, папин брат-близнец, каждые два года лежал в психушке. Его подпаивала галлюциногенами жена Лида. Но больным он, наверное, все-таки был. Тетя Лида все бегала по любовникам, дядя Леша на постоянном лечении стал импотентом, муж ей живой и здоровый был не нужен. Но с больным дядей Лешей тетя Лида не развелась. Боялась бросить четырехкомнатную квартиру, которую дедушка получил за службу. Все квартиру высиживала. Статьи, через несколько лет после смерти дедушки и бабушки, после того, как тетя Лида и дядя Леша продали семейную квартиру и сложили деньги себе в карман, тетя Лида вложила дяде Леше в руки лезвие и он порезал вены, веря во всякую чушь — что в следующей жизни он будет Богом и надо побыстрее умереть. Сначала все жизнь с ума сводила, а потом убила... Все удачно...

Итак, я из семи потомственных военных, «генеральский» «подполковниковский» отпрыск... Генеральских детей тогда сильно прокалывали...

Мой репетитор по английскому

Я начала учить английским, когда мне было двенадцать по совету Яна Абдуловича Дажуху, отца моего одноклассника, помощника прокурора города по уголовным делам. В школе у меня начались проблемы с иностранным языком в пятом классе. Я была отличницей по всем предметам и только по английскому на грани тройки. Учительница по английскому, ненавистная Алла Григорьевна, на уроках кричала чаще, чем говорила и постоянно таранила по столу карандашом, чтобы никого ничему не научить. Чего соответственно и добивалась. Говорили, что она и стучала постоянно карандашом или ручкой по столу, чтобы никто на ее уроках ничего не выучил — так сложнее ученикам запоминать. Считалось, что если постоянно стучать во время ответов ребенка или объяснений, то внимание ребенка отключается и он перестает воспринимать информацию. Аллу Григорьевну называли за это «дятлом» и ученики не любили. Но кто еще будет преподавать английский в школе? Она внушила мне стойкое отвращение к инородному языку, его грамматическим конструкциям и чуждым словам. Ее в школе называли «дятлом» именно за постоянное «тарабание». В конце года она поставила мне скрепя сердце пять — даже не четыре, при условии, что я за лето подтяну язык... Я знала, что в следующем году пять мне уже не светит. Четыре, а то и три. Сама я понимала, что «три» — моя настоящая оценка. И меня с одноклассницей, троечницей Соней, мама которой была директором курсов повышения квалификации, отдали на те же курсы «повышения квалификации» для учеников — курсы английского...

Там я встретила свою учительницу английского языка. Первую и для меня единственную. Черноволосая кучерявая Виолетта Генриховна из жаркого Баку пришла на наш первый урок в зеленых мокасинах, льняной кофте без рукавов и отложным воротничком с низким вырезом и короткой прямой коричневой юбке. Ей было двадцать семь. Она вошла в небольшую аудиторию на втором этаже, слегка наклонив корпус вперед и оттопырив зад... и озарила наш убогий только русскоговорящий мир светом своих знаний английского, которыми она должна была делиться с нами! Она поставила на стол светлую кожаную недешевую сумку. Ее стиль в одежде сразу понравился моей маме, которая меня на эти курсы и привела.

Группа состояла из семи человек, меня, Сони, десятиклассницы Наташи Айвановой, двух старшеклассников из станицы Титоровки Сережи и Жени и замужней пары с десятилетним ребенком. Старшеклассники летом ездили каждый день по двадцать километров туда и обратно, потому что думали, что репетиторы в Краснодаре лучше. Уровень нашей группы бы начальный.

Виолетта Генриховна как раз подтверждала теорию Дарвина, что человек произошел от обезьяны. Ее тяжелая округлая нижняя челюсть, длинный плоский рот, тонкие губы, смуглая кожа, закрученные спиральками иссиня-черные волосы и манера говорить напоминали обезьянью, как в мультяхах. Обезьян для мультяхов однозначно срисовывали с нее... Кстати, ее подруга-одногруппница была директором этих курсов.

У Виолетты Генриховны была дочь Дана трех лет. Если Виолетта Генриховна была высокой смуглянкой, с вьющимися черными волосами и карими глазами, худой и тонкокостной, то ее трехлетняя дочь была абсолютно белокурый и белокожим пухленьким ангелом. Бывает же такое! Дочь пошла в мужа — невысокого, лысого, пятидесятишестилетнего учителя физкультуры уже на пенсии, который пригонял машины из-за границы, ремонтировал их, красил и продавал втридорога. Ее муж, Николай Владимирович, был старше Виолетты Генриховны на тридцать лет... Он был ровесником моей бабушки. И их пара вызывала во мне, подростке непонимание и изумление. Она — молодая красивая под тридцать, он — старый пенсионер шестидесяти лет, даже спортивное прошлое в пятидесят шесть его уже не спасало....

Николай Владимирович часто забирал Виолетту Генриховну с занятий на разных иномарках — поэтому все с курсов имели представление о ее личной жизни.

Как говорили у нас в семье — пятнадцать лет разница между мужем и женой — это еще приемлемо, двадцать — терпимо, тридцать — уже перебор. Это люди разных поколений, какие у них будут точки соприкосновения, о чем они вообще будут разговаривать? Что привлекало Виолетту в Николае Владимировиче? Этот вопрос не давал мне покоя... Но ответ был прост — деньги.

Курсы длились два знойных летних месяца. Троечница Соня курс не закончила, уехала с родителями на море отдыхать. После них я по английскому не знала ничего — что и предполагалось! Хотя что можно выучить за два месяца изучения языка? И моя семья решила, что мне надо продолжать образование у частного репетитора — самой Виолетты Генриховны, других достойных вариантов просто не было. Аллу Григорьевну я даже не рассматривала. Кто будет заниматься с «дядьлом»? Репетиторство вала Виолетта Генриховна дома. Офис не снимала. Там я поближе познакомилась с ее семьей. Кстати, Женя и Сережа тоже стали ходить к Виолетте Генриховне на дополнительные по английскому в старших классах.

Виолетта — дома мама и бабушка называли ее по-дружески именно Виолетта или Ветка, а Николай Владимирович называл ее Виолетта Генриховна, коверкая отчество... Итак, Виолетта Генриховна жила в частном одноэтажном кирпичном доме с треугольной крышей. Угловым доме на пересечении тихих улиц, недалеко от центра. Рядом с кинотеатром. Этот дом построил ее муж Николай Владимирович для новой семьи после рождения их совместной дочери Даны. В доме была боль-

шая кухня, две комнаты – зал и по совместительству учебный класс и спальня.

Как я узнала потом из рассказов Виолетты Генриховны о себе самой моей маме и бабушке, она приехала в Краснодар получать высшее образование, поступила в государственный вуз на лингвистический факультет, тогда, да и сейчас, единственный в городе. В Баку у нее остались мать и младшая сестра-колясочница, инвалид детства. Ее отец был азербайджанцем, они с ее матерью рано развелись. Виолетта Генриховна, будучи студенткой, решила всеми силами остаться в Краснодаре, домой возвращаться ей было невозможно. Тут подвернулся относительно богатый Николай Владимирович на крутой машине – крутые машины он менял тогда как перчатки, правда, он был женат и в браке у него было два сына двадцатилетний Митя и одиннадцатилетний подросток Толя, но Виолетту Генриховну его семейное положение не смутило. Она крутила с ним шашни со второго курса и сделала от него первый аборт. Пять лет она была его любовницей. Потом второй раз забеременела Даной и решила уже оставить ребенка. Все эти годы жена Николая Владимировича знала о его похождениях, когда она узнала о внебрачном ребенке, со скандалом от него ушла – Виолетта уже была на большом сроке. После рождения Даны Николай Владимирович на Виолетте все-таки женился – Дане было три месяца – первая жена уже все равно с ним развелась... Николай Владимирович изменял первой жене, потому что она переспала с врачом, лечившем Толю, чтобы якобы спасти ему жизнь. Его первая жена стала в его глазах шлюхой, и он ее так и не простил. Ей можно было изменять. И по правилам теперь Николай Владимирович мог жениться на женщине со смуглой кожей. Николай Владимирович женился на Виолетте.

Николай Владимирович наверняка решил на старости лет покрутить с «молодухой», почувствовать себя двадцатипятилетним, вернуть юность.

Виолетта Генриховна была не единственной его любовницей, еще об одной пассии она даже знала. Эта пассия сама «отвалилась», когда Виолетта Генриховна была на четвертом курсе.

Первый год моя семья еще могла оплачивать такого дорогого репетитора, как Виолетта Генриховна, репетитора оплачивал дедушка. Но его шашки закончились и. соответственно, должен был закончиться и мой дополнительный английский. Поэтому с Виолеттой Генриховной решено было расстаться. Но тут случилось чудо – Виолетта Генриховна решила заниматься с такой умной девочкой, как я, бесплатно. В общем, повезло мне несказанно.

Николай Владимирович называл Виолетту Генриховну фригидной – сказывалась его старческая слабая потенция. Она была за ним замужем пятнадцать лет и сделала от него еще один аборт – мальчиком, Николай Владимирович боялся, что не успеет поднять еще одного ребенка.

Изменял ли Николай Владимирович Виолетте Генриховне в течение брака – думаю, изменял не скрывая. Со всем присущим ему цинизмом.

Она кинулась на его деньги, чтобы остаться в Краснодаре... Он это знал... И относился к ней соответственно.

Виолетта Генриховна вкладывала огромные деньги в дом, который построил Николай Владимирович. Он его только построил, а отремонтировала и обставляла уже Виолетта. Она сделала кухню, выложила плиткой туалет с ванной, два раза поменяла мебель в зале-учебном классе. Спальню разделила на две комнаты — комнату для Даны и спальню поменьше. Как она говорила: — Зачем иметь большую спальню. Поспал и все! Все время мы проводим в зале, а женщины — на кухне. — На их большой кухне тоже можно было заниматься. Она любила высокие растения с большими листьями и не любила цветущие цветы — говорила, что листья очищают воздух.

Виолетта Генриховна за свой счет делала ремонт в их общем доме. Выкладывала итальянской плиткой совместный туалет и ванну. Вложив столько денег в ванну, Виолетта Генриховна сказала, что хотела в этой ванной комнате жить, ночевать и проводить уроки.

Виолетта Генриховна для практики языка старалась ходить на встречи с иностранцами, американцами, англичанами и австралийцами. Чтобы узнавать сленговые выражения, быстрее вспоминать слова, тренировать свою речь и лучше понимать на слух — она постоянно стремилась улучшить свой уровень языка, как и многие серьезные преподаватели.

Подруга Виолетты, хозяйка курсов, на которые я пошла после шестого класса, ходила к гостинице общаться с иностранцами, за практикой языка — у нее не было ни мужа, который бы ее остановил, ни детей. Муж и детей, кстати, так и не появилось...

На Николай Владимирович не отпускал Виолетту к популярной гостинице общаться с иностранцами, боялся, что ее перепутают с проститутками, которые также караулили у гостиницы иностранцев.

Дана пошла в языковую гимназию не рядом с домом. Там раньше учителем физкультуры работал Николай Владимирович. А учиться дочку Виолетта Генриховна отправила именно в языковую гимназию, о чем потом сильно пожалела. Потому что троечница Дана терялась на фоне умных или богатых детей. Она не была ни сильно умной, ни очень богатой. Только комплексов насобираала, а язык хорошо так и не выучила. Виолетта Генриховна обычно с гордостью говорила, что Дана знает язык на уровне *preintermediate* — ниже среднего, и этим уровнем дочери она даже хвасталась. Теперь сама Виолетта говорила, что языковые гимназии явно переоценены.

Виолетта Генриховна всегда любила готовить. Часто приглашала меня на пироги, легкие и не очень. Консервировала. Варила компоты. Николай Владимирович учил нас готовить глазированную свинину кусочками на сковородке. Потом ее рецепты с яркими фото часто публиковали в местной новостной газете. Рассказывала, как у нее даже жил настоящий американец.

Кстати сказать, через несколько лет Николай Владимирович с Виолеттой Генриховной все-таки развелся. Она повелась на его друга, высокого красавца-хирурга, оперировавшего Николаю Владимировичу катаракту сначала на одном глазу, потом на другом. Николай Владимирович их и познакомил. Виолетта Генриховна влюбилась в хирурга по уши, трезвонила всем о своей любви, позоря Николая Владимировича направо и налево, и не давала красавцу-хирургу покоя. О ее любви знали абсолютно все: соседи, друзья их с Николаем Владимировичем семьи, его взрослые сыновья от первого брака. Даже десятилетняя Дана предлагала маме развестись с папой и выйти замуж за Сергея Викторовича — так звали хирурга. Даже до этого дошло. В общем Виолетта позорила его, как могла. — Ну, шлюха, — говорил об Виолетте мой дедушка с протяжной интонацией, долго тянув [у] во втором слове и как бы разводя руками. Вот позору Николай Владимирович с ней натерпелся! Виолетта Генриховна думала, что накинула ему «плащ» и он вдруг перестал замечать, что творится кругом. А он, конечно, сидел и смотрел на все это. Но вдруг овдовевший хирург женился на другой... Виолетта Генриховна осталась с нелюбимым мужем... Она, естественно, не развелась с ним, а он не развелся с ней, отложив месть на потом!..

Но Николай Владимирович публичной обиды не простил и не забыл. Он подобрал Виолетту Генриховну на улице, отмыл, почистил, так сказать... Дал пропуск в Краснодар. Женился на ней, в конце концов... Дал ей хорошую обеспеченную жизнь и прописку. А она это не оценила. Кинулась на молодого, красивого, высокого и длинноволосого, талантливого и перспективного врача — полную противоположность старому, низкому лысому пенсионеру Николаю Владимировичу.

Николай Владимирович постриг Виолетту покороче, считал и забирал все ее деньги от репетиторства и начал строить планы мести. Через несколько лет, выпив таблетку с агрессивной раковой опухолью, уже с онкологией четвертой степени за пару месяцев до смерти он развелся с ней, забрал самое дорогое и любимое — дом, в который она вложила много кровных денег и сил, забрал ее прописку. Можно сказать, выгнал как собаку на улицу! Со стороны это выглядело, как будто Виолетта Генриховна бросила умирающего на смертном одре. Дом он отдал пронырливому младшему сыну Толе, который выплатил Виолетте Данину долю — за столько лет в доме, в который Виолетта вложила столько денег, ее доли не было. И последние часы жизни Николай Владимирович провел в своей первой семье, прося прощения у первой жены и получив его — первую жену, свою мать привел Толя. В доме Виолетты Генриховны теперь жил Толя и его семья. Точнее одна из семей — у него их было две, и в обеих были дети-ровесники, дочь и сын — Толя был весь в отца! Правда, один ребенок был не его, а миллионера, которому дети были не положены и который теперь содержал Толю... Но который это ребенок никто не знал... С таким отцом Толю ждала импотенция к тридцати.

После развода Виолетта Генриховна вернул себе девичью фамилию – Давиденко. Зачем носить фамилию предавшего и бросившего тебя мужчины..... Фамилия в замужестве у нее был Новицкова. Мне всегда нравилось, как она ее переводила на английский – newtskova, а не novitskova. Ее перевод был не транслитератный, а смысловой.

Потом после развода она писала книгу о своей любви в надежде, что хирург ее когда-нибудь прочитает. Кстати, именно тогда Виолетта Генриховна втянула меня в литературу. У нее рано началась глаукома.

Я занималась с Виолеттой Генриховной шесть лет до первого курс университета, и эти шесть лет были наполнены счастьем изучения языка. Виолетта Генриховна – человек-магнит, к ней всегда хотелось возвращаться.

Лучше репетитора я не знала, и, сама уже став репетитором, всегда сравнивала себя с любимой учительницей и не выдерживала сравнения. «Лучшее враг хорошего» – это про нас. Лучшим репетитором была она, а хорошим я. Поэтому свое репетиторство по английскому я похоронила на много лет и в основном учеников набирала по основной специальности – математике. Пока сама Виолетта Генриховна не сказала, что мне можно репетиторствовать в своем районе – мы с ней жили на разных концах города. Дала свое добро! Благословила меня, так сказать!

Высшее образование с английским я не стала связывать, сама Виолетта Генриховна говорила, что надо быть специалистом со знанием языка, а на единственном очном лингвистическом факультете нашего города творился садово гомор и мне там делать нечего – поступали за большие взятки, бюджетных мест было мало, и их занимали в основном «свои», договор стоил немерено, и моей неполной семье его было не осилить. Границы страны десять лет как открыли и все ринулись учить языки и уезжать за границу. Как думали многие, единственным лазом за рубеж будет язык. Такой трудноизучаемый английский. Потом они поняли, что можно уезжать за границу и не зная языка. А учить язык уже на месте. Но знание языка во многом облегчало жизнь иностранцам за пределами родины, помогало найти работу получше и поудобнее устроиться в жизни. Многие думали, что язык решит все их проблемы за рубежом. Потом поняли, что язык облегчает жизнь, но не решает проблемы.

Язык на довольно хорошем уровне я уже знала – шесть лет с Виолеттой Генриховной сыграли свою роль, и поэтому я пошла на популярный тогда, многочисленный и многобюджетный мальчишеский факультет информатики, на единственную специальность, подходившую мне по сдаваемым предметам – матмоделирование. Здесь в отличие от остальных специальностей было только два экзамена – математика и русский. И не было информатики, которую я совсем не знала и не готовила. Кстати, информатику я не знала тогда, ни знаю и теперь. Закончив, я должна была стать математиком-экономистом со знанием английского, как когда-то и было задумано!

Итак, я поступила в ведущий университет на факультет информатики и, увидев пригласительное объявление на доске с расписанием, решила

предусмотрительно походить в Американский клуб для практики английского – хороший вуз предлагал такую возможность...

Когда я была на первом курсе, Виолетта Генриховна продолжала со мной заниматься. Но приревновала меня к Николаю Владимировичу – старый хмырь заигрывал со мной напропалую, приглашал кататься на машине, учил водить, сидя у него на коленках... Такой ребенок, как я, тогда не увидел в этом ничего особенного. От Виолетты Генриховны он это не скрывал, как обычно, поэтому она быстро и тактично прекратила наши занятия – и правильно сделала, я бы на ее месте поступила бы точно так же. Изучение языка я планировала продолжить в Американском центре своего вуза. Как говорила сама Виолетта Генриховна: – Не надо портить отношения с человеком, предавшим тебя, надо просто самой знать, с кем ты имеешь дело... – Отношения со мной она не испортила...

Итак, я училась на первом курсе и по средам и понедельникам решила посещать американский клуб.

До этого я только один раз общалась с настоящей американкой у Виолетты Генриховны. К ее знакомой на лето приехала американка Джессика Рэбитс, или просто Джес, Джесси...

История Наташи Айвановой

Решила рассказать историю Наташи Айвановой из моей первой и единственной группы английского здесь. Я ее плохо знала, в основном из рассказов Виолетты Генриховны и слухов «о той самой Наташе с географического факультета, покорившей Америку» — Виолетта старалась поддерживать отношения со всеми своими учениками, особенно из стран изучаемого языка и часто мне рассказывала о ней...

Наташа Айванова — натуральная блондинка, в группе ее считали очень красивой — маленькие серые глаза, нос картошкой, небольшой рот, очень худая. Ее рост тогда был уже метр семьдесят два, и она могла еще вырасти. В группе муж из семейной пары, не помню, как его зовут, называл ее просто красавицей. Ее называли «львицей» и говорили, что у нее был инцест с бабушкой под наркотическими веществами, но она ничего не помнила. Ее пятки были очень плоскими...

Наташа Айванова после школы поступила на географический факультет. После четвертого курса она уехала по студенческой рабочей программе в Америку, где ей очень понравится. После пятого курса, уже защитив диплом, она опять поехала в Америку по студенческой программе, нарушив правила программы, что можно уезжать только после четвертого курса, не закончив образование. Для поездки по таким программам нужна кругленькая сумма, которую Наташа набрала, разменяв квартиру матери с двухкомнатной на однокомнатную. Итак, она уехала после пятого курса, только защитив диплом, в жаркий Лос-Анджелес поближе к океану и там устроилась работать фотомodelью. Диплом об окончании высшего образования она забрала через пятнадцать лет, уже легально вернувшись в Россию, тогда же она растворила матери онкоtabletку, вызывающую рост раковых опухолей различного вида, и поставила себе из-за матери гейзер. Через пятнадцать лет она также будет работать моделью и официанткой — подрабатывать на вечеринках у звезд Голливуда. Жить она будет в совместных квартирах, которые будет снимать с другими моделями и официантами. Будет встречаться то с одним молодым человеком, то с другим. Уже после сорока после смерти матери Наташа получит небольшое наследство, но оно будет мизерным в Америке из-за высокого курса доллара. В России в Краснодаре это однокомнатная квартира, а в Америке — даже не комната в коммуналке. Наташа вступит в ипотеку для покупки однокомнатной квартиры, продав однокомнатную квартиру матери в России. Некоторые говорили, что в Америке она стала проституткой...

К сорока все еще будет не замужем и бездетной. Как я уже сказала, в сорок она вступит в ипотеку в Америке. Зато фото ее со всемирно известными знаменитостями, актерами и музыкантами, которым она при-

служивала, разносила напитки на элитных мероприятиях, иногда вручала статуэтки на разных церемониях вручения, часто будут украшать ее новостную ленту в социальных сетях. В сорок ни семьи, ни детей – ипотека на много лет вперед.

Наташа Айванова станет знаменитостью на своем географическом факультете – ее «история успеха», знакомство со знаменитостями будет вдохновлять многих девушек вуза покидать Россию в поисках лучшей доли. А мы все надеялись, глядя на ее фото с чужими позолоченными наградами-статуэтками, что в Америке в сорок ее все-таки хоть кто-то «подберет» или хотя бы ребенка сделает... и ее не будут только «таскать» и передавать из рук в руки и американские мальчики и русские...

Джессика Рэбитс

С Джес Рэбитс я познакомилась в четырнадцать. Она, как и большинство американок, о чем я узнаю намного позже, была достаточно полной. Джес была светловолосой и синеглазой, с узким лбом и очень короткой стрижкой «под мальчика». С постоянной улыбкой в крупные ровные тридцать два зуба. В Россию она приехала на пару месяцев на каникулы. Она уже встречалась с русским мальчиком и ходила по гостям — частные и школьные учителя и репетиторы английского любили потчевать ее своих подопечных. Ростом она была, как и я, — метр шестьдесят четыре, только в свои девятнадцать в три раза шире. В Америке Джес играла в хоккей. Она уже жила половой жизнью с русским мальчиком Леней — он недавно лишил ее девственности — девственности она приехала лишиться в Россию. Она называла его Леонидом, а не Леней и, наверное, этим превозносила его в своих глазах и его собственных. Я несколько раз видела этого Леню в молодежных организациях с младшей сестрой. Это был очень высокий и очень худой длинноносый брюнет двадцати трех лет. Его родители работали в администрации, поэтому он был активным членом молодежных организаций. Я его знала из детского лагеря, куда ездила с той же одноклассницей Соней, куда опять же попала через ее маму-директора. Признаюсь, Леня мне не нравился и казался неприятным. Мне было четырнадцать, и Джессика была на пять лет меня старше. Небольшая разница — подумаю я сейчас, но тогда это была пропасть.

Виолетта Генриховна пригласила Джес домой. Джес пила чай у них дома на кухне. И Николай Владимирович предлагал ей налить чай в сахарницу. А не наоборот. — No, thanks¹, — сказала Джес рассмеявшись. Она любила сладкое.

— Можно потрогать настоящую американку? — спросила я ее тогда и пару раз слегка сдавила ее полное плечо... Ее плечо не отличалось от всех остальных полных плеч. Джес только рассмеялась — она чувствовала себя звездой среди англоговорящих русских.

У Джессики было два старших брата, самый старший уже был женат и имел дочь — Джессика обожала племянницу и постоянно корила брата, что тот плохо обращался с женой: — Если бы я была его женой, я бы уже от него ушла. — Кстати, жена брата Джессики действительно ушла от него через несколько лет.

Перед поездкой Джессика растворила таблетку с раковой опухолью в чай матери, которая ее «продавала» в детстве, «дубинила» медикамен-

¹ — Нет, спасибо.

тозно, «продавала» ее мозги и знания. Медикаментозно тупят – продают знания своих детей, дают таблетки, тормозящие интеллектуальное развитие. Так Джес отомстила матери, как говорится. Убив ее, но отсрочив ее смерть на долгие годы... На самом деле ее мать умерла именно тогда, в тот день, когда Джессика растворила в ее чае таблетку с раком. В ее организм попал яд, который уже никогда не покинет и когда-нибудь обязательно вызовет смерть. В наш цивилизованный век медицины убийства стали более гуманными и отложенными во времени. Хотя гуманными ли?

Итак, Джессика растворила матери в чае «раковую опухоль» и поехала в Россию лишаться девственности. Попала на Леонида, все сложилось удачно, девственности лишилась. Дурное дело – нехитрое...

Джес понравилась дочка Виолетты. Джен писала Виолетте Генриховне потом сообщение, что Дана «sweet and smart» – милая и умненькая.

Потом Джессика еще долго писала Виолетте Генриховне интересные, длинные письма, которые мы вместе читали, подчеркивая слэнговые выражения. Виолетта их даже заучивала. Терпению Джес не было предела – нам с ней очень повезло!

Потом мы ездили ко мне на дачу, там собирали ягоды и нюхали цветы. Джес очень нравилось, что эта дача построена на «моем глазе» – за эту дачу мне потом закроют глаз, я ослепну или буду плохо видеть одним глазом. Еще до моего рождения дедушка подписал, что «продаст» глаз один глаз внучки и ему дали деньги на покупку этого участка, а дом они с бабушкой построили сами. Джес очень льстило, что родственники продают органы, которые им не принадлежат, детей и внуков – это обеляло ее в собственных глазах и делал ее поступок – чай с опухолью матери – менее преступным.

Кстати, Джессика до сих пор общается с Виолеттой Генриховной, и поэтому я знаю, как сложилась ее судьба. Она вскоре рассталась с русским мальчиком Леней – любовь по переписке не сложилась. Потом вышла замуж за русского мальчика в Америке Ваню, он был то ли детдомовский, то ли усыновленный. Родила от него дочь, но он к ней плохо относился, и они развелись. Потом Джессика опять влюбилась и вышла замуж... за Эмили. Я видела ее приглашение на свадьбу в социальной сети. И они вместе стали воспитывать дочь Джессики от первого брака.

Лесбийский брак был воспринят моими знакомыми и родными по-разному.

– В этом есть что-то противоестественное: женщине любить женщину, – оценила ее поступок моя двоюродная сестра словами своего мужа. – Это как болезнь. Это физиологическое.

– Представляешь, как этот Ваня к Джес относился, что после развода с ним она стала лесбиянкой? – сказала моя мама, двадцать пять лет в разводе с папой.

— Какие американцы все-таки свободные! — сказала Виолетта Генриховна. — У них возможны однополые браки! Все-таки России до Америки далеко!..

Итак, имея небольшой положительный опыт общения с англоговорящими американцами, я на первом курсе впервые переступила порог Американского центра...

American center

Американский центр находился в новом корпусе, Интернет-центре на первом этаже государственного университета. Каждый год американцы-протестанты приезжали в Россию с религиозной миссией — наш университет активно сотрудничал с иностранцами. Здесь они жили в общежитиях при университете, учили язык, русский, и пропагандировали свою религию, что было их главной миссией. Они рассказывали о своей религии, приглашали в баптистские церкви. Другими словами — вели студентов-лингвистов к их баптистскому Богу. Если в православии верующие поклонялись триединому Богу, то в протестантстве чтити больше его сына Иисуса Христа. В православной России баптисты были малочисленны. Многие их опасались именно из-за их навязчивости — они верили, что, приведя нового человека в веру, спасают его от ада и любой неверующий автоматически попадал в ад.

Некоторые американцы центра уезжали уже через год, некоторые через несколько лет, некоторые оставались на всю жизнь. Новые партии американцев приезжали в начале года и через год, ближе к осени, уезжали. Когда я попала в американский центр, новая партия американцев как раз прибыла в Россию...

Иностранцы жили в элитных общежитиях около Интернет-центра. Не в обычных однокомнатных с двумя туалетами на этаж и желтой от сожженной эмали ванной, а в комнатах по два человека, с туалетом и ванной на две комнаты.

В коридоре висели разноцветные красочные объявления с разными студенческими программами по обмену, учебными и рабочими, программами стажировки, иностранной магистратуры, вторым высшим за границей — американский центр предлагал разные возможности уехать за рубеж. Напротив комнаты американского центра была комната Интернет-центра с бесплатным интернетом для студентов.

Встречи происходили в американском клубе. Это была огромная светлая конференц-комната с огромным столом из красного дерева посередине со стульями вокруг него.. Когда я попала туда впервые, все пришедшие сели за этот огромный стол и знакомились друг с другом, беседовали, брали бейджики со стола и писали свои имена на английском, чтобы остальные знали, как к ним обращаться.

Потом огромный красный стол убрали, наставили светло-желтых низких учебных стульчиков кружочками и разбили всех на группки. По понедельникам в дни обсуждений они стояли в кружочках по группам, а по средам, в дни фильмов, в несколько рядов напротив большого телевизора — формат американского клуба поменялся.

Кто видел плохо, старался сесть поближе. Иногда около последнего ряда ставили второй экран-монитор. Вообще по сравнению с другими классами американский центр был хорошо укомплектован, на порядок выше.

По понедельникам у американцев было обсуждение важных, заставляющих задуматься, взрывающих мой мозг тем. А по средам мы смотрели фильмы на английском с субтитрами, а потом обсуждали их. Встречи начинались в пятнадцать или шестнадцать часов и длились по два часа. Мне повезло: встречи как раз начинались после моих пар.

Когда я в следующий раз появилась в Американском центре, попала в понедельник на дискуссию о музыке. Я попала в группу к Аманде и хорошо запомнила американскую пару — Аманду и ее мужа...

Аманда была невысокая русоволосая шатенка с каре по плечи. Ее волосы были распущены. На ней было свободное платье болотного цвета, длинная коричневая юбка, скрывающее живот — она была на шестом месяце беременности. У нее было красивое лицо — карие подвижные глаза, аккуратный, маленький, острый, немного вздернутый нос и широкий рот. Она казалась милой, красивой и чем-то напоминала мне мышку.

Ее муж Джон был высоким — Аманда была ему по плечо — среднего телосложения, темноволосым. У него был большой нос с горбинкой и светлые глаза с опущенными уголками. Его прическа была взъерошенной, волосы не прилегали к голове. Помню, что тогда он показался мне очень красивым. Через год он сильно поседел...

Я, во-первых, поразились одежде американцев — они были одеты очень просто, даже безвкусно: мешковатые джинсы, футболки и рубашки. Аманда сидела в больших бесформенных деревянных сабо. Я обратила внимание на ее обувь, потому что никогда таких не видела ни до, ни после. Они были старомодные, такие бывали только в мультиках или фильмах о средневековье.

Эта американская пара собиралась уехать через пару месяцев — Аманда была на шестом месяце беременности, ей было скоро рожать. Они говорили, что в начале зимы должна прилететь новая партия американцев, и те уже останутся точно до следующей осени.

Аманду и Джона я плохо запомнила. Я была только на паре их встреч: они быстро уехали рожать в Америку — лечиться американцы предпочитали на родине. Боялись, что в России их будут не лечить, а заражать — сказывались годы «холодной» войны и вечное противостояние между Америкой и СССР.

Как они и говорили, в октябре приехали новые американцы из Колорадо, замужня пар Эдам и Морген Хейсонд, две девушки-протестантки, уже закончившие университет Шерил и Дженнифер. В центре также оставался высокий парень в очках Майкл, который жил в России второй год. Майкл в начале лета собирался уезжать в Новую Зеландию продолжать религиозную миссию, а Дженнифер и Шерил оставались до конца года, дальнейшие планы они не разглашали.

Эдам Хейсонд – американец среднего роста под тридцать, относительно худой, только начинающий лысеть, красивый, с тонким прямым носом, серо-синими глазами и большим тонким «безгубым» ртом. Его жена Морген, натуральная блондинка, была выше и толще его, шире его в костях. Уголки ее синих светлых глаз были опущены вниз. У нее был маленький аккуратный нос и широкий рот. Сейчас у нее был ровный пробор и волосы по плечи. Думаю, до этого у нее была челка и ровные распущенные волосы. Улыбка не сходила с ее лица. У нее был очень широкий таз – такой широкий таз я редко видела в жизни – узкие плечи и маленькая грудь. Она постоянно носила черные или темные брюки или джинсы, визуально делающие таз меньше. Ее фигура скорее напоминала грушу. Она тоже чем-то напоминала мышку из американского мультика. Эдам и Морген говорили, что поженились несколько лет назад, но у них пока не было детей.

На встречах с американцами мы разбивались на кучки – малые группы. И всегда начинали со знакомства, вкратце рассказывали о себе, проносили свое имя, место учебы и хобби. Например, я – Арина Симоненко, факультет информатики, люблю изучать английский. – И одно и то же мы повторяли из встречи во встречу, из раза в раз. И говорили это скорее для себя, чем для других. Я как будто приучалась к звучанию своему имени: – My name is Arina¹...

Обычно в большом зале стояло несколько столов, и студенты были разбиты по группам, в которых шло обсуждение разных животрепещущих тем, от кинематографа и музыки до книг. Иногда играли в игры. Мы обсуждали музыку, которую тут же слушали. Эдам ставил разные песни, особенно его трогала песня о человеке, потерявшем ребенка. Исполнитель этой песни был тезкой Эдама. Этот факт Эдам с песней просто сроднил.

Иногда на встречу с американцами заходили и плохоговорящие по-английски русские с физики, химии или филологии. Они тупо улыбались и больше не приходили. Задерживались все-таки русские, говорящие по-английски.

По средам мы смотрели фильмы на английском иногда с субтитрами, иногда без, чаще с субтитрами. Эдаму очень нравился американский фильм о мечтах. Именно тогда я увидела несколько известных блокбастеров, фильмов о жизни после смерти и путешествии по аду и раю. Американцы затрагивали темы, о которых я раньше даже не задумывалась. Эти американцы-миссионеры всегда смотрели вглубь, если в каком-то фильме я следила в основном за сюжетом, то они рассказывали о скрытых смыслах, как будто все видели эти скрытые значения, и русские, и американцы. Все кроме меня. Эдам часто ставил рок, ему нравился этот стиль в музыке. Он сам немного играл на гитаре, как и Майкл.

¹ – Меня зовут Арина...

Эдам всегда был на позитиве, в приподнятом настроении и постоянно улыбался.

Эдам старался запомнить имена всех новых знакомых русских, что было непросто, потому что познакомился он с двадцатью сразу, не меньше, всеми кто в этом году ходил в Американский центр. Все в первый раз представились Эдаму, что-то типа: Маша, Даша, Коля, Катя, Ваня, Витя, Илья, Арина... и еще десять разных и повторяющихся имен. Эдам тут же повторил все имена в том же порядке. Чем очень удивил меня. И он ни разу не назвал меня чужим именем.

Как говорил Эдам, русские отличались от американцев гостеприимством:

— Если у русского спросить, когда он может увидеться, посидеть в кафешке, то русский обычно отвечал, что он круглосуточно свободен. Он может в любое или почти в любое время... — Эдам говорил это эмоционально и воодушевленно и невольно заряжал энергией нас. Я думала, что священник как раз и должен быть таким! — А если зад ать этот же вопрос американцу, то он обычно заглядывает в свой блокнотик с расписанием и отвечает, что он свободен только в пятницу с шести до семи. А все остальное время он занят. Американцы круглосуточно заняты. А русские все время свободны. Просто у русских есть время для дружбы! — такой вывод делал сам Эдам.

Хотели ли американцы казаться лучше, чем они есть на самом деле? Этого требовала их миссия.

В клубе

Американцы вели себя, как будто всю жизнь дружили с одними и теми же людьми и оставались друг у друга навсегда. Мне это показалось тогда странно и почему-то страшно. Русские друг у друга не оставались, дружеские связи чаще всего рвались, люди расходились. И почему-то мне показалось, что дружить всю жизнь с одними и теми же людьми — это хорошо... У меня возникало именно такое чувство.

По понедельникам во время обсуждений стулья стояли кружочками. В центре каждого круга стоял маленький столик или табуретка с буклетами. Буклеты американцы печатали на цветном принтере. Иногда даже их заказывали в типографии. На буклетах писали тему и вопросы для обсуждения. Иногда столик отсутствовал, просто стулья в кружочек. А буклеты можно было взять самим при входе в американский центр. В американском центре также стояли кулер с холодной и горячей водой, лежали пакетики недешевого чая, черного и зеленого, и галетные печенья, чего не было в других аудиториях, разве что на кафедрах и в деканатах.

Каждый раз мы по-разному разбивались на группы. Сами выбирали себе стулья и соответственно попадали к разным людям, так мы знакомились с большим количеством англоговорящих посетителей клуба, расширяли круг общения. Эдам говорил стараться попасть к разным ведущим-американцам. Друзья садились вместе, рядом на стульчиках, но друзьями в американском клубе я еще не обзавелась.

На некоторых просмотрах фильмов я засыпала — просто сидела и спала...

Эдам сказал на одной из встреч: — Надо встретить свою пару и прожить с ней до конца дней. Вместе всю жизнь. Это следующий шаг эволюции. — Он, наверное, свою уже встретил. Эдам говорил, что у него было два младших брата, Эдам был старшим в семье.

Эдам говорил, что американцы-миссионеры выбирали одного партнера на всю жизнь. Всю жизнь жили с одним человеком — это следующий уровень цивилизации.

— Don't worry, Adam! Be happy!¹ — сказал Эдаму недавно приехавший миссионер, его старый знакомый. Он сидел на первом ряду, седоватый с бородой. Он не собирался надолго задерживаться в России.

На одну из первых встреч я одела короткий топ под жакет, и был виден голый живот. У меня было круглое родимое пятно около пупка, диаметром

¹ — Не переживай, Эдам! Будь счастлив!

в сантиметр, с двумя немного скошенными краями. Эдам увидел это мое родимое пятно.

— Oh, Arina! You have this birthmark!..¹ У одного моего друга у жены будет такое же родимое пятно... Он сейчас ее как раз ищет! Я ему сообщу! Может быть, он даже придет этим летом!

Эдам мне сказал мимоходом:

— Сейчас находят талантливых детей и убивают. Много предателей... Владик о тебе уже знает...

Тогда предатели носили кольца на больших пальцах или вязали платки на предплечьях. Американцы любили предателей...

Я знала племянницу Владика, ее звали Ханна, она рассказывала, что ее дедушка, отец Владика, называл Владика Славой, от Владислав. Все называют Владом, а отец Славой. Владик — как двуликий Янус.

В то время убивали талантливых детей, растворяли в их телах раковые опухоли. Потом решили, еще неизвестно, насколько талантливы ребенок — может, необязательно его убивать. Слишком многих детей покосили тогда.

На одной из встреч к нам по очереди подводили Морген, и мы желали ей скорейшей беременности. Говорили, что среди нас есть сильная «бабка» и теперь Морген могла забеременеть. В компании американцев было очень интересно.

Дженнифер — натуральная блондинка невысокого роста и немного полная, с приятным красивым лицом, небольшими светлыми глазами, аккуратными носом и ртом. Ей было двадцать четыре, когда она приехала в Россию. У нее на подбородке и щеках росли светлые волосы, и все руки и лицо были в веснушках. У нее был очень узкий пологий лоб и низкая линия роста волос на лбу, при этом она лысела со лба. Дженнифер была ниже меня. Натуральная блондинка, Дженни не красилась, и цвет ее волос был пшеничный. У нее была маленькая грудь, впалая грудная клетка, и она немного горбилась.

Вечно улыбающаяся Джен, с вечно горящим гейзером за спиной, как говорил о ней Эдам, вела себя, как маленькая девочка, чья-то любимая дочка. Она наигранно стеснялась, улыбалась и немного прятала голову в плечи. Ей нравилось казаться маленькой девочкой. Дженнифер всем рассказывала, что она из семьи серьезных потомственных юристов.

Шерил Блэк тоже была блондинкой, немного выше меня ростом. С выпуклыми синими глазами, и своей лупоглазостью напоминала лягушку. У нее тоже лысина росла со лба. У нее был большой минус, примерно минус шесть, и она практически всегда носила линзы. У Дженнифер тоже был большой минус — я заметила, у многих американцев было плохое зрение, больше минус шести. Шерил была худенькой, спортивной, увлекалась бегом, у нее была очень маленькая грудь, и грудная клетка каза-

¹ — О, Арина! У тебя родимое пятно....

лась вогнутой, хотя позвоночник был ровный. Она красила волосы в светлый «выжженный» блонд, обесцвечивала волосы краской с перекистью, ее цвет волос выглядел ненатуральным. Она, как мне казалось, часто глупо и бессмысленно улыбалась. Но говорила всегда достаточно умные вещи. Ей было тоже двадцать четыре, как и Дженнифер.

Шерил в университете, как и я, учила математику, любила читать, при этом она еще хорошо говорила на португальском и немецком, и активно учила русский, занималась бегом, спортсменка. «Какая разносторонняя личность», — думала я, глядя на Шерил.

Шерил, из семьи потомственных баптистов, не любила говорить о своей семье, но потом призналась, что ее мать изменял отцу, ее соблазнил какой-то парень намного младше нее, ровесник Шерил, из их церкви... Она считала свою мать очень слабой. А отца наоборот, очень сильным мужчиной... Что он смог жену простить и принять обратно... Но отец, узнав об измене, не ушел из семьи, остался с женой, сказал, что он его бремя... После этого каждый день ложиться с ней в кровать... После измены ее мать сильно поправилась и подурнела — ее посадили на гормоны, врачи сказали, что разыгралась щитовидка. Состарили, изуродовали руками отца Шерил. У Шерил был младший брат... Он собирался в скорости жениться... Невеста брата очень нравилась Шерил. Отец Шерил напоил свою неверную жену таблеткой с раковой опухолью. Он не мог с ней просто развестись, он предпочел ее убить.... Баптисты не разводятся — они убивают!

Говорили, что отец Шерил «чернокнижник», увлекался черной магией и «продал» все за науки, поэтому Шерил была такая умная. Она бегло говорила на португальском, активно начала учить русский, как и Эдам, и хорошо знала высшую математику...

Про Шерил говорили, что через пару лет в России она ослепит великого писателя будущего. Тогда я не обратила на это никакого внимания.

В группе американцев было видно сразу — по одежде. Они носили рубашки, майки, мешковатые прямые джинсы и всегда кроссовки. Они никогда не гладили одежду. Их носки были немного синего цвета от синьки... Девушки никогда не красились. Были неопрятными. Я как-то видела, как Эдам ходил в грязной футболке. Американцы бегали по утрам, всегда Шерил и Эдам — старались вести здоровый образ жизни. Американцы всегда улыбались — улыбка просто никогда не сходила с их лиц!

Белозубая улыбка была частью американской культуры. Все американцы стандартно улыбались во весь рот. Они носили виниры, выравнивали зубы брекетами, вставляли себе искусственные зубы и пользовались отбеливающими пастами, не думая о вреде для здоровья.

Эти американцы приехали на целый год, а дальше решали. Обе девушки не говорили, собираются ли они остаться в России больше года или уехать. Но никто из них не говорил, что они вскорости, через год или два уедут. Никто не утверждал этого и не опровергал.

Майкл был высоким и относительно худым, черноволосым, кучерявым, немного заросший, с волосами, намазанными гелем, в плоских очках в тонкой металлической оправе. Он увлекался музыкой и часто на американских встречах за последними столами сидел за синтезатором, подключенным к ноутбуку, ставил нам музыку. Сам писал электронную музыку. Он умел играть на гитаре. Я ни разу не попадала в группы, которые он вел, и мало с ним общалась.

На Рождество и Новый год американцы уезжали. Я заметила, что они достаточно часто уезжали на родину, хотя билеты были дорогие — каждый раз лететь через океан — в клубе говорили, что их кто-то спонсировал, кто-то из богатых верующих, занимающихся благотворительностью.

Многие русские в американском клубе носили на больших пальцах кольца или завязывали на предплечьях ленточки — первый признак «предателя», кто во всем действовал в интересах Америки, а не России... Вообще, было сложно общаться с американцами и не помогать им. Не помогать разрушать нашу страну изнутри.

Я тоже однажды надела тонкое серебряное кольцо на большой палец. — Ты тоже? — спросила меня радостная Дженнифер. — Я нет, просто так одела... — Дженнифер была явно разочарована.

Среди американцев в первый год я больше всего сдружилась именно с Дженнифер. Если американцы распределяли русских, с которыми хотели подружиться и привести их к Богу, то Джен взяла шефство именно надо мной...

Прогулка с Дженнифер

Американцы приглашали русских прогуляться. Гуляли один на один и все разговоры в итоге сводили к смене религии. Меня пригласила прогуляться Дженнифер, тогда моя главная американская подруга. Была зима. Она носила теплую серую непродуваемую куртку, даже слишком теплую для Краснодара со средней температурой зимы плюс десять. И синюю шапку машинной вязки с голубым бумбончиком. Дженни была в вязаных варежках, а не перчатках — их часто носили американцы.

Мы с Дженнифер гуляли между озер-Карасунов, шли по заасфальтированной дорожке в метр вокруг одного из озер, по обе стороны которой стояли засохшие, замерзшие желтые камыши на метр выше меня. Это место считалось опасным после девяти: нет фонарей, здесь часто грабили. Но днем нормально — экзотика.

Место прогулки было недалеко от элитных общежитий университета. Может, именно поэтому Дженнифер выбрала именно это место для прогулки недалеко от места своего обитания. Тогда я мало общалась с Шерил, больше с Дженнифер и «тащилась» от Эдама.

Увидев Дженнифер сразу обняла меня. Все американцы любили обниматься, что для более «закрытых» русских было непривычно. Мужчины-американцы всегда обнимались даже с девушками, как, например, Эдам.

Все приезжие американцы были баптистами и исповедовали «любовь к Христу».

По понедельникам и средам американцы учили русский — у них было по две пары, русского языка и литературы. За месяцы проживания в России Дженни русский выучила плохо, а Шерил и Эдам делали заметные успехи. Морген тоже училась плохо — считала, что уже слишком взрослая для этого, и у нее откровенно не получалось.

С Дженнифер мы гуляли после пар. Она сразу угостила меня бананом. Я заметила, что Дженн чистила бананы с другой стороны, с хвостика. Все мои знакомые, и я в том числе, чистили бананы с противоположной стороны. Американцы делали иначе.

После стандартных объятий и ответов на вопрос «как дела?» и «что нового?» Дженнифер задала вопрос, к которому я была в принципе готова, но который все равно поверг меня в шок. В американском центре меня предупреждали, что американцы будут говорить о Боге:

— А ты веришь в Бога? Ты читаешь Библию? — спросила она. Я неуверенно кивнула, впервые задумалась, верующая я или нет, и если да, то насколько. После неуверенного кивания, внутренних сомнений, я вспомнила, что накрытый стол седьмого января и крашенные яйца на Пасху тоже по сути приравнивались к относительному верованию, а несколь-

ко икон дома — это уже вера потомственная... А вера вообще-то передается из поколения в поколение. И если бабушка верующая, то я, по сути, тоже. И крестик на шее все же что-то значит. И православие — это приятный атрибут. На крашеных яйцах, жареной утки на рождество и чисто символического крещения в детстве вера большинства моих знакомых заканчивалась. И моя в том числе... Я относила себя к слабоверующим или верующим в сложные жизненные моменты.

Я опять неуверенно кивнула, а Дженнифер, видевшая мои внутренние метания, с довольной улыбкой добродушно продолжала:

— По сути, мы верим в одно и тоже. И неважно, как называется наша вера, протестантство или православие!

— Да! — выдохнула с облегчением я.

Потом Дженнифер стала рассказывать, что Иисус занимает важное место в ее жизни. Для нее Иисус Христос был как человек, с которым она общается, практически дружит, только руку протяни. Она спрашивает у него совета, и он ей всегда отвечает. Иногда через Библию или других людей. Для меня это звучало как откровение, по меньшей мере, странно. У Дженнифер с Христом были налажены дружеские отношения. Для нее Христос — как член семьи... с которым она в любой момент могла поговорить по душам.

Религия Дженнифер досталась от родителей. Хотя ее родители пришли в протестантскую церковь «с улицы», то есть их родители были неверующие или несильно верующие, и они сами пришли к Иисусу Христу во взрослом возрасте. Начальник отца Дженнифер был протестантом, он-то впервые и пригласил подчиненного в баптистскую церковь. Отец Дженни привел жену. Они стали вместе читать Библию и говорить о Боге. Джен рассказывала мне, пока мы шли вдоль озер, свою историю «прихода» к Богу:

— Родители куда-то уходили каждую субботу все время, сколько себя помню. Сначала я не знала, куда. Когда я подросла, я стала спрашивать, куда они уходят. Они стали отвечать, что в церковь. Они приглашали к себе друзей по субботним или воскресным вечерам, говорили с ними о Боге и вместе читали Библию. Они закрывались в зале и сидели там часами. Я не могла заходить. Мне не разрешали. Но родители никогда не заставляли меня идти с ними в церковь и молиться, хотя сами молились перед каждой едой и по вечерам. После моего восемнадцатилетия (у американцев совершеннолетие наступает в двадцать один год) они только спросили, хочу ли я пойти в церковь с ними — я согласилась... Они впервые пригласили меня в субботу. Но мне почему-то в церкви не понравилось в первый раз, — Дженни покачала головой и рукой в варежке сделала неопределенный жест около головы, слегка покрутив кистью, показывающий ее сумасбродность и странность в тот момент... — Я даже как-то закрылась в себе. Стала менее разговорчивой. Ушла в себя, что ли... продолжала ходить в школу, но внутренне поменялась...

— Родители не стали больше приглашать меня в церковь, если я не хочу. Они не настаивали. Не навязывали мне свою религию... Я продолжала жить, как и до этого... Но через несколько месяцев я захотела опять пойти с ними в церковь и сказала им об этом... Помню, как они обрадовались тогда! Это был настоящий праздник дома. Мы накрыли стол, папа подарил мне золотую цепочку... Я ношу ее до сих пор! С тех пор я стала ходить с родителями в церковь по воскресеньям и через три года меня крестили — я приняла Христа...

— Я благодарна, что родители не заставляли меня... Они хотели, чтобы это было взрослое, взвешенное решение. Чтобы я сама пришла к Богу и впустила Бога в свою жизнь! Я благодарна родителям, что я в итоге пришла к Богу сама, что они не давили на меня. Я сама выбрала свой путь! Это было взрослое осознанное решение! — Дженнифер говорила все более и более одухотворенно. А меня смущали слова «впустить Бога в жизнь» и «принять Христа».

И вообще меня смущала ее такая «открытая» религии, баптистскую религию уже сделали во всех смыслах приятной — и хоровое пение последователей, и личное общение с Богом. Меня смущало панибратское общение Дженнифер с Христом, ее исписанная карандашом и «исчисленная» Библия, как будто целая религия может уместиться в одной книге. Баптистские церкви как амбары со скамейками, их песни про Христа под попсу, их ор в церквях — религия стала повседневным стилем жизни, а не ярким праздничным дополнением к ней. То ли дело наши елейные церкви все в иконах, загробное высокое пение священнослужителей, запах ладана и просфора при причастии. В наших церквях есть что-то успокаивающее и примиряющее «сохранительное»... Как успокоительная таблетка, на время останавливающая жизнь... Православные редко меняют веру. Но и редко становятся «глубоковерующими». Среди моих знакомых нет никого. Сами церкви предполагают вечную долгую веру... Это не просто зал со скамейками. Каждая церковь — как маленький художественный музей, как произведение искусства как внутри, так и снаружи, округлые церкви, разноцветные купола как шлемовидные или луковичные шапочки-крыши на многочисленных тонких башенках.

Есть в этом что-то высокое — ходить в ту же церковь, в которую ходил твой прадед, поклоняться то же иконе... Такая вера глубоко укореняется в сердцах, врастает в сознание, не заменяя при этом жизнь и не становясь ей. Она, как сторонний наблюдатель, тихо смотрит в сторону и никогда не вмешивается в жизнь... такие религии, незаметные, обычно самые крепкие, а их последователи — самые верующие. В таких религиях никогда не разочаруешься, потому что никогда и не очаровывался. Такие религии ничего не требуют взамен, а просто украшают твою жизнь...

Православие в России для большинства — это приятный красивый атрибут. Как золотистый бантик на моральном облике страны.

Вообще, как я всегда думала, религия – способ управления нацией. Сейчас менее заметный.

После своих откровений Дженнифер ждала от меня ответных исповедей, как я пришла к Богу и своей вере, как я «впустила Христа в свою жизнь». Но мне было нечего ей сказать, никого в жизнь я еще непустила и впускать не собиралась. Для меня, выросшей в сдержанном православии, тет-а-тет с Христом был диким и противостоительным.

Дженнифер внутренне расстроилась, не услышав моих признаний, и показала мне свое расстройство... Но потом как будто встрепенулась, как бы сказала себе, что у меня еще впереди, что еще не все потеряно, я еще не так безнадежна, поэтому она и здесь – наставить меня на путь истинный, спасти от ада, забрать из моей «неправильной» веры и привести к своей, правильной. Единственно правильной. То есть ее миссия – привести меня к Богу, к своему «правильному» Богу и к своей «правильной» баптистской вере.

Поэтому-то миссионеры и ездили по миру – они несли флаг своей веры как когда-то крестоносцы... И жгли души своими рассказами и исподволь насаждали свою религию...

Я рассказала Дженни, что меня крестили, когда мне было пять лет. Тогда в Советском Союзе отрицали веру, крестить детей было нельзя. Меня крестила прабабушка Люда в тайне от родителей в церкви недалеко от дома, в церкви Святого Георгия Победоносца. И что я крещеная, прабабка призналась дедушке с бабушкой еще спустя четыре года...

Для американцев вообще был важный ключевой момент – крещения, принятия новой веры. И на каждом важном мероприятии, будь то религиозный лагерь или летний клуб, они обязательно крестили кого-нибудь, если летом, то в воде. Я даже думала, что они могли крестить уже крещеных, лишь бы «привести» кого-либо нового к Христу, показать, что кто-то постоянно перенимает их веру. И показать это еще некрещеным.

Пока Дженнифер говорила, мы гуляли вокруг озер и немного продрогли. Дженнифер сама предложила пойти в кафе около университета – согреться.

Среди бедных студентов дешевые пиццерии были популярны.

В кафе мы заказали горячего чая. И грели о белые низкие керамические чашки без ручек руки. Дженнифер говорила также увлеченно, в кафе достала свою Библию и прочитала пару строчек, в которых нашла ответы на свои вопросы. Сегодня она открыла мне свое сердце. Ее Библия была все «исчитана», вся исписана карандашом и даже ручкой и вся была в маленьких закладочках. Я не удивилась бы, если бы такие закладочки были почти на каждой странице или через две-три. И такие «исчитанные», практически заученные наизусть Библии были у каждого американца из группы. Эдам однажды сказал: – Всю жизнь читать одну книгу, всю жизнь любить одну женщину. – Американцы так и делали. Всю жизнь читали одну книгу – зачитывали ее до дыр!

Когда американцы приглашали на встречи кого-то побогаче, чем я, они их вели в заведения их уровня – то есть бедную меня вели в дешевую пиццерию, а богатую неверующую вели бы в дорогие рестораны... куда эти неверующие обычно сами ходили с друзьями... Все было продумано. Миссионеры подстраивались под наш материальный уровень.

Дженни прочитала еще пару своих любимых мест. Она ждала от меня обратной реакции, но моя реакция никак не наступала... Я тактично отвечала молчанием, пожиманием плечами, легким киванием и незнанием, что можно сказать и надо ли что-то говорить!

Поняв, что во мне единомышленника она не найдет, Дженнифер быстро свернула наш разговор, душевно, с обниманиями торопливо со мной попрощалась недалеко от универа. Я пошла на трамвайную остановку ехать домой...

Дженнифер намекнула мне, что по их американским правилам мне уже пора пригласить ее домой, чтобы показать, где я живу, познакомиться с родителями – с американцами все было по-серьезному! В нашу следующую встречу она пригласила меня к себе в общежитие, показала свою комнату вместе с Шерил, тумбочку и фотографии с родителями над заправленной голубым покрывалом кроватью.

– Вот! Здесь я и живу! – радостно сказала она, открыв дверь своей комнаты, как будто показала мне святая святых.

Для американцев было важно побывать у меня дома. Но я стеснялась своей маленькой неремонтированной квартиры в старом фонде, отсутствия отца, вместо отца бабушки и дедушки, разводу родителей, поэтому приглашать благополучную или создающую внешнюю благополучность американку, у которой точно было двое родителей, домой не стала. У них, наверное, и разводов-то среди баптистов никогда не было.

Я решила, что среди протестантов было мало разводов. То есть разводов практически не было. В их «протестантском» обществе разводы порицались.

Потом я узнала, что у каждого «небаптиста» таких встреч с американцами, когда их заманивают в религию, рассказывают об Иисусе Христе и как хорошо открыт в себе Бога, ограниченное количество и, исчерпав эти встречи, их уже никто «Богом» не будет «потчевать», никто не будет показывать им свою «исчисленную» Библию, рассказывать о своем пути к Богу и читать любимые строчки. У баптистов еще много таких «неверующих» или «неправильно» верующих, которых надо спасти и «направить» на пусть истинный. Они не могут тратить свое драгоценное, утекающее, невосполнимое время на таких неподдающихся, как, например, я. Они идут нести веру, «нести спасение» дальше. Ведь только, приняв их баптизм, мы могли обрести после смерти вечную жизнь. Иначе по их понятиям мы должны были гореть в адском огне после смерти. И уже через несколько месяцев меня на такие душевные встречи никто не приглашал и одухотворенно свою Библию не читал. На мне

американцы поставили «протестантский крест», как на «слабоверующей» православной.

Я решила остаться со своим религиозным атрибутом – православием.
Я не была готова предать религию своей семьи...

Баптистская церковь

Зимой Дженнифер в свою очередь пригласила меня в одну из протестантских церквей. В Краснодаре таких было несколько — оппозиционные формы религии сейчас становилась более и более популярны. Как говорили у американцев, многие искали альтернативную веру, не находя друженности и понятности в православии. Американцы говорили, что православная вера слишком строгая, нет личного общения с Богом. Появилось множество сект «служителей Христа», некоторые считались опасными: там вытягивали деньги из прихожан. Могли и обокрасть. Прихожане жертвовали «церквям» трехкомнатные квартиры, машины — так их быстро брали в оборот. Потом, естественно, ничего не возвращали. Зачастую люди не помнили, как подписывали дарственные священникам — подписывали или под гипнозом, или под наркотическими веществами — потом «священники» таинственным образом исчезали с квартирами и машинами, только их и видели.

В православии было слишком много ограничений и запретов. Посты слишком строгие. Вера была слишком «старой», «допотопной», не адаптированной под двадцать первый век, непонятной, чем отпугивала от себя молодежь, ищущую религиозной опоры в жизни и не найдя ее ни в чем другом.

Меня православие этим не смущало. Меня не пугали запреты — я и так не соблюдала никакие правила православной церкви и соответственно ее ограничения обошли меня стороной.

В баптистские церкви ходили те, кто хотел что-то изменить в своей жизни. Многие верующие, с которыми я познакомилась в американской тусовке, часто меняли церкви, веря во что-то свое. А иногда просто дома читали Библию, не найдя ничего подходящего для себя в Краснодаре. Говорили, что в Москве таких «церквей меньшинств» было больше и можно было найти подходящую для себя.

Баптистская церковь, куда пригласила меня Дженнифер, находилась недалеко от кинотеатра в центре. Проповедь начиналась в двенадцать. Дженнифер уже бывала в этой церкви на прошлой неделе с другой русской недавно появившейся девочкой, подружкой-протестанткой. Мы с Дженнифер заранее встретились на троллейбусной остановке. Как обычно встреча сопровождалась обниманиями и улыбками. Как я заметила, американцы обнимались со всеми сколько-либо знакомыми русскими.

Что было удобно в баптизме, их церковь мог быть любой концертный зал, любой кинотеатр. В этот раз был именно старый концертный зал. В нем почему-то пахло пылью — здесь давно никто не убирал. У сцены стояли свернутыми красные занавески. Наверняка тоже пыльные и гряз-

ные. На сцене скакал в прямом смысле молодой инициативный священник в очках. Ему было около сорока. Худой, одетый, как мы с Дженнифер — просто и без изысков — в голубой рубашке и джинсах.

Баптизм в России был сравнительно молодым, появился относительно недавно вместе с распадом Советского союза и конституционным закреплением многоконфессиональности. До этого в союзе религия вообще была гонимой и малозначимой.

Когда-то религию насаживали огнем и мечом. Сейчас же ее засаждали в сердца дружбой и хорошим отношением. Дженнифер была тому ярким примером.

В «церкви» было достаточно много людей, что меня опять же удивило. Так много людей теперь поклонялось малознакомому новому Богу — я думала, что увижу в этой церкви не более десятка отщепенцев. Публика здесь была разномастная — некоторые одеты богато, некоторые очень бедно, большинство — бедно.

В холле Дженнифер встретила двух знакомых девушек, прихожан этой церкви. Одну блондинку звали Ирой. «Очень милая», — подумала о ней я. Я пару раз видела их на американских встречах. С Дженнифер они встретились тепло, как обычно пообнимались.

Большинство русских в этой церкви пришли со своими Библиями. Не все. Я думаю, «русские» Библии были менее зачитанными, чем у американцев. Я была без Библии. Дженнифер пришла со своей «американской» на английском, с пометками карандашом, редко ручкой, и многочисленными закладочками.

До этого Дженнифер подарила мне Библию на русском — у книги была очень тонкая, почти прозрачная бумага и мелкий шрифт. Книга была в черной под кожу тонкой дерматиновой обложке, маленькая, формат «а-пять», и очень толстая. Дженнифер надеялась, что эту Библию я буду читать, но у меня она не читалась. В этот раз моя Библия осталась дома. Я даже не подумала взять ее с собой в баптистскую церковь.

Нам раздали листовки, напечатанные обычным принтером на разноцветной бумаге. Мы с Дженнифер уселись на откидные кресла в центре кинозала, тоже, по-моему, пыльные. Прочитали листовки. Приглашали на следующую встречу в следующее воскресенье. Также раздавали тексты песен на нескольких листах, скрепленных степлером, напечатанные на том же принтере, но уже на белой бумаге. Листы были неновые, потертые на кончиках, как я потом поняла многоразовые. Их раздавали прихожанам, а потом забирали и раздавали в следующее воскресенье. Пока проповедь не началась, мы с Дженнифер быстро ознакомились с текстами песен. Дженни вряд ли что-то поняла, она очень плохо говорила по-русски.

Проповедь начали с молитвы. Священник сказал: — Давайте поблагодарим Бога нашего Иисуса Христа за то, что мы живы, здоровы. За то, что мы здесь собрались. Помолимся за здесь присутствующих! — Все встали

со своих кресел, закрыли глаза и опустили головы, поднеся сомкнутые руки с перекрещенными пальцами к лицу. В усердной молитве прошло пару минут.

— Я хочу представиться — Алексей, кто меня не знает, — легкий смех прошел по залу. — Я вижу в зале новые лица, — священник заинтересованно пробежался глазами по лицам в зале, немного вытянувшись.

— Господи, я хочу поблагодарить тебя за этот день светлого воскресенья. За этот зал и эту встречу, за всех людей в этом зале.... У Бога есть план для каждого из нас!

Потом включили музыку, и мы стоя стали петь песни с листовок, прославляющие Иисуса Христа.

Чтобы не произошло, Бог со мной всегда!
Все равно я буду славить Иисуса Христа!
Господа моего и друга! Он в жизни моей навсегда!

Кто из русских ходил постоянно, знал слова наизусть. Между рядами стояла специальная аппаратура, колонки, усилители, за аппаратурой сидел «диджей». Рядом стоял проектор — в этом театральном зале, видимо, проходили постановки.

Ты Иисус — ты мой Бог!
Ты мой друг и Господь...
Ты за меня пострадал,
Все грехи мои взял!

В их хвалебных песнях Иисусу Христу зачастую отсутствовал глубокий смысл и рифмы. Песни показались мне примитивными. Музыка тоже была «легкой» попсовой, достаточно быстрой и мелодичной. Но все присутствующие громко пели, некоторые поднимали вверх вытянутые руки ладонями вперед, как будто прикасались к чему-то божественному, свету, исходящему от сцены, или хотели до чего-то дотянуться. Как будто так на них снисходила благодать.

Дженнифер тоже пыталась петь. Сегодня Дженнифер была в желтой кофте одетой на рубашку и синих потертых ровных джинсах. Она что-то мычала себе под нос, напевая мелодию. Она немного пританцовывала на месте и прижимала к груди свою Библию в пергаментной обложке и выглядела, как маленькая доверчивая девочка. Такое впечатление ей и хотелось производить на окружающих.

Все песни были на русском. Церковь была русская, песни были на русском и проповедь соответственно тоже. Поэтому Дженнифер было сложно. Она ничего не понимала и иногда просила меня переводить ей.

Мы пели не все песни с листовок, священник говорил название, и мы находили нужную в распечатке песен. На белом экране тоже транслирова-

лись слова песни, которую мы в данный момент пели, чтобы прихожане могли читать текст. Когда мы закончили петь, священник залез на сцену, до этого он ходил внизу около, взял микрофон и начал воскресную проповедь по теме «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки». Тема проповеди тоже была стихом из Библии. Тема проповеди тоже появилась на экране.

Проповедь

Сначала мы разбирали стихи «К филиппинцам» 4:3–4:9. Дженнифер зашуршала Библией. Она быстро находила нужные стихи.

Священник энергично ходил по сцене из одного конца в другой и говорил:

— Бог любит вас! Вот мы идем на богослужение. А в чем суть? — шепот пошел по залу. — Мы идем послушать слово Божье! Чтобы поклониться Богу! И музыка нам в этом помогает! Чтобы легче стало на душе! Почему мы делаем это постоянно?.. И ответ прост! Господь, мы доверяем тебе! Наша молитва — это средство! Мы доверяем тебе в болезни! Мы доверяем тебе в безденежье! Мы доверяем тебе, Бог Господь! И это первая мысль! Мы не всегда можем изменить обстоятельства, но мы можем довериться Богу! И это вторая мысль! Богу Слава! Надейся на Господа всем сердцем своим!» Чтобы ни случилось, я все равно буду славить Бога. Христос любит тебя! Надо возлюбить Христа как самого себя!

Священник смотрел в зал, скользил по лицам присутствующих и ловил взгляды прихожан.

Во время службы священник разбирал места из Библии. На экране показывали место, стих и само изречение. Глубоковерующая Дженнифер открывала свою Библию на нужном стихе. Она находила это место в Библии, внимательно слушала священника, хотя почти ничего из того, что он говорит, не понимала. Я наклонялась к ее уху и пыталась передать общий смысл проповеди. О синхронном переводе в моем случае речи не шло. Дженнифер улыбалась и пыталась меня понять, кивая головой.

— Христос любит вас! Он говорит вам — все получится! Идите ко мне и обрящите! Доверьте ему свою жизнь и финансы! Христос говорит нам...

Сначала священник скакал по сцене из угла в угол, громко и заразительно говорил в микрофон. Он был хорошим оратором. Подходил к трибуне, где у него был свой план проповеди, куда он периодически заглядывал или откуда читал.

В церкви стояла тишина. Все внимательно слушали священника, и только я «суфлировала» — старалась дословно, но получалось в общих чертах переводить Дженнифер, что говорил священник. Поэтому около наших кресел стоял гул.

Я пыталась переводить Дженнифер, но моего английского было недостаточно для всех религиозных терминов и мой «суфлерный» гул не понравился соседям по проповеди. Нам поцыкали с ряда сзади и пару раз недовольно оглянулись с ряда впереди. Дженнифер остановила мой перевод, благодарно кивнув, и добродушно развела руками — нельзя отвлекать соседей. И продолжала внимательно слушать, ничего не понимая... Потом Дженни-

фер сказала, что знает священника и поговорит с ним, чтобы американцам, не говорящим по-русски, разрешали, чтобы им кто-то переводил.

— А теперь, если кто-то хочет сделать пожертвование нашей церкви, то может... Мы собираем на нужды церкви и на операцию для Ирины. На ее дорогие препараты! Я приглашаю поклониться Богу нашими финансами! Вы должны чувствовать себя свободно, когда мимо вас проходит сокровищница. Это для миссионерства! Мой помощник также ходит с желтыми конвертами.

Сокровищницей он называл красивый мешочек из гобелена на круглой деревянной основе с двумя деревянными палками по бокам. Дженнифер положила туда сто рублей и внимательно посмотрела на меня. Я сделала тоже самое.

Потом мы смотрели видео на экране о тех, кто недавно принял крещение. Дженнифер была явно заинтересована.

— Я с самого детства с Богом, — говорила первая девушка-блондинка с экрана. — С детства хожу в церковь. И вот недавно приняла крещение.

— К Богу пришел через людей, — потом говорил взрослый мужчина и показывал свою десятилетнюю дочь.

— Я с детства в церкви и уже давно хотела принять крещение, — говорила девушка постарше в очках. — Даже была попытка. А потом я поняла, что это мои отношения с Богом, и я определились, крестилась. Теперь Бог рядом, и он не оставит никогда!

Все встали и со священником опять молились:

— Мы молимся за всех больных, кто сейчас в больнице! Надеемся на Господа! Мы молимся, чтобы дух был тверд тех, кто помогает! Я конкретно молюсь за Игоря, который сейчас в больнице. Он где-то упорствует... но... Мы молимся за финансовую сторону жизни и благодарим за то, что имеем. Мы благодарны тебе, Господи. Работай с нами чрез это. Работай с нами, Бог. Благослови нас быть верными, в обетах веры. Благослови тех, кто сейчас с миссиями за границей. Мы молимся за наше начальство, — священник читал по бумажке. — Мы молимся, чтобы ты дал разумение нашим лидерам. Мы молимся за всех страждущих. Господи, ты над всеми! Благодарим, что знаем тебя! И славим тебя! Да будет слава тебе! Во имя отца и сына и святого духа! Аминь!

В конце своей речи священник приглашал молодежь в клуб по изучению Библии для подростков и на молитвенные собрания.

Священника сменил молодой адыгеец с небольшой бородой, в черно-белой шахматной рубашке и голубых, потертых на коленках джинсах, который рассказывал о Нагорной проповеди, стоя у трибуны. Он прочитал еще раз название темы сегодняшнего богослужения, прочитал двенадцатый стих Нагорной проповеди.

— Нагорная проповедь о взаимоотношениях между людьми. Если нам нравится осуждать, то мы сами можем быть осуждены, — он говорил без адыгейского акцента, что меня удивило.

Он сделал движение кистью, сложив пальцы, как в пистолете: вытянув указательный палец, подняв большой и согнув остальные, и резко поднял немного кисть вверх, как будто стрелял из пистолета. Молодой проповедник-адыгеец читал разные стихи из Библии в подтверждение своих слов, например «Рим. 2:1».

— Есть закон. Есть люди, которые не принимают Евангелие. Иисус называл таких «псы и свиньи». Первые стихи проповеди запретительные, а с седьмого стиха — повелительные. Если вы будете просить, то вам будет дано. Надейся на Господа!

— Греховная природа человека эгоистична. Мы говорим: «Что я могу взять?» Бог говорит: «Что я могу дать?» Я взял вещь, велосипед, брата и был неаккуратен. И брат мне это сказал. Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой.

На экране появилась фраза: «Я не буду делать вам плохо → я хочу вам помочь».

— Надо помогать людям! Быть открытым! Быть готовым откликнуться на нужду, поддержать мирные отношения. Быть готовым откликнуться на нужду по силам, по дарам. Мы не должны думать о том, чем нам воздадут.

Проповедник-адыгеец долго рассказывал.

— Иисус говорит: «Если можешь — делай», помогай, проявляй инициативу! В этом Иисус меняет вектор.

Я оглядела опять «церковь» — на удивление много прихожан. Полный зал. Много старушек. Много молодых. Много молодых мужчин и женщин. Много детей на первых рядах. На балконах тоже было много народа. «Сколько отщепенцев», — подумала я.

— Вы должны проявить любовь! Ответственность лежит на вас. Не смотри на соринку в глазе брата твоего! Посмотри на себя! У тебя в глазах бревно!

Некоторые возрастные посетители спали. Седая женщина средних лет в ряду перед нами.

— Господь исцеляет. Когда нельзя исцелять. Праведность фарисеев относится к внешним формам.

Очень много говорили о финансах и деньгах. «Слишком много», — подумала я.

— Некоторые говорят: «Я не люблю людей. Я не могу их принимать. Они столько неправильного делают в жизни».

Проповедник-адыгеец говорил больше первого священника. Его проповедь занимала основное время богослужения.

— Любовь есть исполнение закона. Бог есть любовь. Все пройдет. Но любовь не перестанет.

«Сборище преступников, уголовников», — подумала я.

— Когда я взял чужую вещь, я начал оправдываться.

Около проповедника странно то ли щелкало, то ли цокало.

– Мы будем ставить себя на место другого человека.

У проповедника был маленький микрофон у рта.

– Во всем поступайте так, как хотите, чтобы поступали с вами. В этом суть всего. Я буду стремиться помогать людям вокруг себя. Они уникальны. Замечательны.

Потом на экране появились выводы мелким шрифтом.

– Господи, мы стоим перед тобой. Мы не хотим быть псами или свиньями.

Проповедь напоминала скорее митинг во главе с талантливым оратором... В православии таких проповедей я не видела и не уверена, что они бывали в принципе.

Проповедь тоже заканчивали молитвой. На экране появился этот же молодой адыгеец крупным планом. Два в одном.

Священник-адыгеец опять призвал благословить всех присутствующих, поблагодарить Бога за то, что мы имеем. Потом призвал помолиться за большую девушку из этой церкви, ей предстояла скорая сложная операция на сердце. Мы все усердно замолились, замолкли, закрыли глаза, опустили головы, перекрестили пальцы, сомкнули руки, усиленно «зажелали» больной девушке скорейшего выздоровления. Потом священник попросил помолиться за его друга, у которого болела мать. У нее была онкология. За мать друга мы тоже помолились, мысленно пожелав ей здоровья. Потом мы помолились за самого священника Алексея: он собирался в командировку по миссионерским делам в Санкт-Петербург и адыгеец сказал, что следующую проповедь будет читать его коллега.

Потом зазвучала песня поклонения опять же без рифмы. На сцену вышли две девушки, одна коротко подстриженная в длинной белой юбке в складку до пола и белой рубашке в черный горошек. Другая с длинными темно-русыми прямыми волосами. Сначала они заразительно и громко запели в микрофон про религию. Потом блондинка, закрыв глаза, эмоционально говорила про благословление Бога.

– Мы доверяем тебе, отец. Ты доведешь нас домой в твои объятия. Иисус, я готов идти за тобой. Господи, идти за тобой и видеть только тебя!

Потом вышел хор, все белый верх, черный низ, форма, которую легче всего найти, и тоже запели религиозные песни в разных октавах.

– Мы рады быть твоими. Господи! Мы верим твоему слову! Господи, мы всегда уповаем только на тебя. Доверяем тебе этот выбор!

Блаженны те, кто верят Богу

Как самому себе!

Блаженны ищущие Бога,

Ибо они найдут,

Доверием живут...

Женщина вынесла к сцене маленького ребенка месяцев четырех. Он спал у нее на руках. Громко играла музыка, все громко пели. Но ребенок все равно спал.

Проповедь закончил молодой адыгеец в шахматной рубашке.

— Господь, все в твоих руках. И даже когда горы не двигаются и моря не раздвигаются, мы верим тебе. Мы поклоняемся тебе. Общение святого духа да прибудет со всеми нами. Аминь.

Потом мы опять стали петь те же песни и новые с листовок, опять священник Алексей говорил название песни. В конце и начале проповеди мы пели.

Дженнифер сказал мне, что священник сам пишет тексты песен. «Какой талант», — подразумевала она.

Многие быстро разошлись. В конце проповеди Дженнифер подошла поздороваться к священнику. Он уже был с ней знаком. Он с жаром пожал ей руку — Дженнифер с ним к моему удивлению обниматься не стала. Я уже могла переводить громко, и его простая речь легко переводилась.

— Я рад вас видеть! Вам понравилась сегодняшняя проповедь?

Дженнифер заулыбалась и закивала. Ей лекция точно понравилась, если бы она еще что-то поняла...

— Ну хорошо! — священник похлопал Дженнифер по предплечью, как старого друга.

— Could you translate for me please? — сказала мне Дженнифер, улыбаясь и отойдя от священника.

— Of course!¹

— Could that girl translate for me please during the service? — спросила Дженнифер у священника.

— Не могли бы эта девушка переводить мне во время службы? — тут же перевела я.

Но священник сделал вид, что не понял мой перевод вопроса Дженнифер. Хотя мне переводить эту просьбу было легко. Просто посмотрел на нас и отошел в недоумении. А потом пошел разговаривать с другой группой прихожан, ожидавших его внимания.

Потом Дженнифер подошла к своему знакомому. Он хорошо говорил по-английски и был помощником Алексея. Она повторила ему свою просьбу. Он передал ее священнику и тот, естественно, согласился!..

Помощники священника, не обязательно дети, разносили одноразовые белые тонкие тарелки с бюджетными мелкими луковыми крекерами в форме то ли рыбок, то ли лука. Самым дешевым печеньем из возможных. Но вкусным. Содержащим непопулярное тогда пальмовое масло, поэтому недорогим и вредным для здоровья..

Я из приличия съела несколько печенек-«рыбок», много есть было неудобно.

Также предлагали горячий чай в белых одноразовых стаканчиках. Чай можно было заварить самим. В зале стояло несколько кулеров с кипятком

¹ — Не могла бы ты перевести сейчас? — Конечно!

и холодной водой. Рядом лежали одноразовые пакетики с дешевым черным или зеленым чаем и сахар в кубиках.

Дженнифер как будто тоже осталась не в восторге от этой проповеди — пыльные церкви, этот молодой священник. Дженнифер как будто разделяла со мной эти чувства. — Надеюсь, тебе понравилось. Обычно бывает лучше. Священник так себе, — сказала она мне, когда мы вышли, и помахала растопыренной кистью правой руки с натянутыми мизинцем и большим пальцами. Я проводила Дженнифер на остановку, она ехала к универу на маршрутке, а я пошла на трамвай, я жила в трех трамвайных остановках.

И на следующей проповеди (я была с Дженнифер еще пару раз в этой церкви) нам разрешили переводить и тихий гул моего голоса и общий перевод уже никого не смущал. Проповедь проводил новый священник — Алексей уехал в Питер. В этот раз Дженнифер принесла на проповедь сразу две Библии — свою «американскую» на английском и «синхронную» русскую — и сидела с двумя книгами, внимательно слушая проповедь и находя нужные стихи в английской Библии, а потом и в русской. В этот раз и я принесла Библию, подаренную Дженни.

— Ты читаешь Библию? — спросила она меня и внимательно посмотрела в мою книгу, ища пометки на полях и закладки и не найдя их. Этот священник, заменивший Алексея, понравился Дженнифер еще меньше. — Тот был лучше, — сказала она мне, уже начиная разбираться в русских священниках-протестантах.

Я честно прочитала пару страниц дома. Но отложила — чтение Библии показалось мне скучным и бессмысленным.

Я относилась к походу в баптистскую церковь, как к интересному, ничего не значащему опыту. Было в смене религии что-то авантюрное и для меня запретное — скрытый протест против общества или семьи выражался в смене веры.

Их веселый полсовый Бог из песен предстал легким» и ненастоящим. И очень отличался от Бога, к которому привыкла я — строгому, суровому, карающему, глядющему с православных икон.

Сначала меня покорила вид их церковей, после православных, вид баптистских церковей попахивал фальшивкой и дешевкой...

Православие не требовало от нас, большинства слабоверующих русских, ежедневных усилий. Протестанство было чуждым и искусственным. И во всем дружелюбии американцев было что-то ненатуральное.

В смене религии был определенный протест против современности. Как будто лозунг «Тебя не устраивает что-то в жизни — смени религию, поменяй жизнь». Но жизнь в основном со сменой религии не менялась. Тот же дом, те же родители, в основном те же проблемы.

Все это пахло подделкой. И по сравнению с православием вымогательством... В древнем православии было что-то монументальное — одни древние церкви в средневековом стиле чего стоили, а тут модная «лег-

кая» религия, отвечающая веяниям времени. Все легко – любой подвал мог стать их церковью. В принципе любой хороший оратор мог стать их священником, песни, проповеди как концерты самодеятельности.

Но православие тоже с рыночными отношениями испортилось, погрязло в купле-продаже. Все службы стали платными, крещение, молебны за здоровье или упокой, и недешевыми. В священников стали набирать тоже чуть ли не с улицы после быстрых курсов «православия» даже из бывших уголовников. В священники шли теперь даже слесари-сантехники, зная, как выгодно сейчас быть священником, позарясь на большие заработки.

Сейчас такие дома Евангелия становились местом встреч и тусовок преступников, местом, где собирались оружейники, находили спонсоров, хранили контрабандные товары, устраивали перестрелки, торговали контрабандой. Баптизм был хорошим прикрытием для контрабандных операций... Все думали, что в такие церкви ходят очень правильные, хорошие люди, может быть, заблудившиеся, не нашедшие себя в сдержанной православной вере. Такие тоже туда ходили. Сюда ходили и праведники, которые на самом деле хотели быть лучше с каждым днем и воспринимали проповеди буквально, без скрытого «оружейного» смысла. Но редко. Но в основном это были базары, места незаконной торговли. Полиция знала и закрывала глаза. Преступники прикрывались другой верой. В протестантских храмах летала живая музыка. Полицейские это понимали и были к ним благосклонны.

Пасхальная служба

Теперь Дженнифер очень хотела сходить со мной в мою, православную церковь — в баптистской мы уже не раз были — именно на торжественную пасхальную службу. Как раз приближалась Пасха, и мы решили сходить в церковь около моего дома, храм Святого Георгия, с синими и позолочено-синими шахматными куполами-луковками и косыми крестами на них. Здесь меня крестили, когда мне было пять.

В этот раз Пасха была ранней — в начале апреля. В Краснодаре было еще холодно, на земле лежал мокрый грязный снег, и мы ходили в теплых куртках.

Мы встретились в десять вечера в ночь с субботы на воскресенье. Праздничная литургия была до двенадцати и длилась два часа.

— Тебя крестили здесь? — Дженнифер посмотрела снизу вверх на храм, стоя на ступеньках. На Пасху в церковь шли много народу — я не думала, что у нас столько людей ходят в церковь на Пасху. Но торжественность и святость этой минуты Джен не тронула. Она не задержалась на несколько секунд подробнее рассмотреть храм, почувствовать благоговение, мысленно представить мое крещение и что это значило в моей жизни. Наоборот, Дженнифер быстро поднялась по ступенькам, даже забыв перекреститься у двери. Я быстро перекрестилась и поспешила в храм за ней. Джен смотрела на меня и повторяла движения, как креститься по-православному... Она исподволь как будто принижала мою религию.

В церковь на службу я не надела платок, а была в обычной вязаной шапке, моя голова была покрыта.

Мы с Дженни, как и все, слушали богослужение на улице у заднего входа. Мы стояли в теплых куртках. Дженнифер в платочке. Тепло одетые.

На заднее крыльцо вышли несколько священников в нарядных позолочено-красных ризах... Перед ними был алтарь, покрытый бордовой бархатной накидкой с зажженными свечами в красных цилиндрических подсвечниках с прорезями. Перед алтарем ближе к прихожанам поставили украшенную икону. Священник в центре совершал каждение — качал церковное кадило на цепочке, как маятник, движением вперед, окуривая ладаном прихожан и алтарь. Высоко пел женский хор в церкви за спинами священников, часто повторяя: «Христос воскресе»! А прихожане отвечали хором «Воистину воскресе»! Кадило испускало благовонный дым, фимиам.

Священники пели на разные голоса. Сначала низкий речитатив, а потом высокий: *Господи, помилуй!*

Священники держали раскрытые молитвословы, смотрели в них, пели, крестились и кланялись.

Господи, помилуй!

Некоторые священники держали свечки.

Славу возсылаем тебе. И отцу и сыну и святому духу. И ныне и присно...

Аминь...

Главный священник держал украшенный подсвечник со свечами, махал им, но свечи не гасли и не вываливались, и несколько раз спрашивал у толпы:

– Христос Воскресе?

– Воистину воскресе! – отвечала толпа. Главному священнику молодой безусый священник в центре поправлял микрофон на ножке-стойке, потом вынесли второй микрофон. Мы с Дженни крестились, кланялись и отвечали «Воистину воскресе», как и остальные прихожане.

И благословен Христос Боже навсегда и ныне и присно...

Два священника по бокам от главного держали нарядные свечки-факелы в красно-зеленых бумажных украшениях и пели басом.

И ныне и присно, и во веки веков. Аминь...

Главный священник в центре махал кадиллом и под звон, как у бубенчиков, испускал приятный голубоватый дым на алтарь и других священников ниже рангом. Главный священник опять спрашивал, и толпа отвечала ему:

Христос Воскресе? – Воистину Воскресе!...

Другой священник, полноватый, с небольшой темно-русой бородой пел басовым речитативом из молитвослова: «И Господу помолимся!» А другие крестились и кланялись под следующее высокое пение: «Господи помилуй!»

Слушающая толпа праведников тоже крестилась и кланялась вслед за священниками. Мы с Дженнифер были как все.

И Господу помолимся! – Господи помилуй!

Перед иконой стоял кандило, большой подсвечник, со всеми потухшими свечками. Но дело происходило на улице и все свечки задуло – так что нормально. И подсвечник вынесли. Не пленились. Молодцы!

Помилуй и спаси нас Боже твою благодатью. – Господи помилуй!

Слава Отцу и Сыну и Святому духу!

Священники смотрели в молитвословы при басовом пении коллеги и крестились, и кланялись под высокое пение женского хора.

Хор в храме долго, медленно пел высоким голосом:

Христос Воскресе из мертвых!

Главный священник подошел к иконе и поцеловал ее. А молодой безусый священник помахал кадиллом с дымом ладана.

Господу помолимся...

«Все-таки как красиво они поют! Многоголосье», – подумала я.

И во веки веков... Алилуя!

Вышел молодой священник с большой книгой, стал спиной к прихожанам и запел тенором.

Христос Воскресе? – Воистину Воскресе!...

Этот молодой священник очень красиво и громко пел.

Алилуя! Алилуя! И Господи воскрес!

Некоторые прихожанки в платочках делали фотографии службы.

Алилуя! Алилуя! Алилуя!

Джен надела платок не так, как обычно надеваю его я или многие православные, слегка свободно, откинув один конец платка за плечо. Она сильно натянула его на голову, платок «прилизал» ее волосы, и выглядела смешно и глупо... Не по-русски, а по-американски. Было смешно смотреть на типичную американку с волосатым лицом, светлым пушком на щеках, постоянно улыбающуюся белозубой улыбкой, в православном красном расписном платочке, обтягивающем ее голову. Так не носили платок русские-православные. И в своей длинной прямой куртке напоминала матрешку. Она знала, что выглядела смешно и показывала мне это.

Старший священник перекрестил прихожан книгой-молитвословом, подняв ее над головой и нарисовав в воздухе книгой виртуальный крест.

Слава тебе, Господи! Слава тебе.

Один священник басил, другие целовали алтарь, женский хор повторял: *Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!..*

Где-то громко проехала машина...

Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!..

Господу помолимся... Яко благ и человеколюбец...

Один священник дважды обошел в одну и в другую сторону с кадиллом около алтаря, разбрызгав дым. Потом побрызгал запахом ладана на прихожан и других священников. Священники и мы усиленно закрестились. Два священника поцеловали алтарь и зашли в храм.

И тебе славу воссылаем! И ныне и присно...

В храме послышались бубенцы кадила.

Дженнифер заинтересованно смотрела службу и выглядела смешно и стебно, и у меня вызывала внутреннюю улыбку. А у Дженни православная Пасха вызывала внутреннюю насмешку. Она один раз хмыкнула, глядя на наших священников, так, чтобы я это видела, тем самым показав легкое презрение к моей вере.

Я подумала, что Дженнифер немного насмешливо относилась к пасхальной службе, да и к самой православной церкви. И это меня покорило...

Из храма вышла новая партия священников, двое с украшенными свечками-факелами. Они стали перед алтарем и запели басом.

Аллилуя! Аллилуя!

Господу помолимся – Господи помилуй!

У Господа просим! – Поддай, Господи!

Мир всем!

Некоторые священники начинали обниматься друг с другом, другие целовали алтарь. Потом запел мужской хор, но достаточно высоко... Один священник долго читал текст из молитвослова...

Христос Воскресе! – Воистину Воскресе...

В конце священник по Евангелие рассказал о воскресении Христа, как ученики приходили к его гробу и не нашли тела:

– Как они почувствовали, что воскресение Христово состоялось. Если Христос не воскрес, то наша вера напрасна, – говорил главный священник. – Мнимые сложности пройдут. – Священник благодарил за веру и вспоминал советское время запрета веры. Рассказывал о своем храме. Призывал дорожить тем, что имеешь... Возможностью находиться с Богом. Говорил про благодатный огонь, который уже привезли в этот храм из Иерусалима, который знаменует воскресение Христово. Он пожелал пасхальной радости, мир семьям и домам.

– Мы живем от Пасхи до Пасхи. Христос Воскресе! – закричал он, и толпа ответила радостно ему: – Воистину Воскресе... – Наша вера не напрасна. Аминь.

Мы с Дженнифер простояли всю праздничную службу до двенадцати...

Дженнифер потом спрашивала меня, хочу ли я пойти с ней в баптистскую церковь еще раз. Пару раз приглашала меня, но я отказывалась. Дженнифер сначала ходила в ту баптистскую церковь около кинотеатра с русским девчонками с лингвистики, но потом сказала мне, что тоже просто молится дома с другими американцами, тем самым объединившись со мной. Русский баптизм ей тоже пришелся не по вкусу.

Еще Дженнифер спрашивала меня, хочу ли я поговорить с ней о Боге. Но я всегда уклончиво отвечала, что это личное. Все американцы, особенно Эдам, были хорошими психологами. Американцы понимали все с полуслова, им не надо было ничего втолковывать или повторять. Наверное, через полгода Дженнифер отнесла меня к неподдающимся и переключилась на другую русскую...

Потом Эдам сказал мне: – Знаешь, как эта девочка (имея в виду Дженнифер) старалась, когда уговаривала тебя поменять религию. – Я ничего не ответила. Но почему я должна отказываться от религии своей семьи, потому что Дженнифер старалась? Чтобы Дженнифер поставила себе галочку или «зажгла гейзер»?

Часть 2. Миссионеры

Американские русские

На первом курсе круг моих знакомых и друзей сильно расширился — в нем оказались все одногруппники, многие однокурсники, немногочисленные американцы, а также англоговорящие русские с факультета лингвистики или географического. Они тоже старались постоянно общаться с иностранцами для практики языка, посещали все из недели в неделю. Каждую среду и понедельник я видела одни и те же лица.

Самой яркой среди девчонок в американском клубе была Лена Ситокова. Она была гласным и негласным лидером, иногда помогала Эдаму. Ее не заметить было невозможно. Она дружила со всеми американцами. Была на короткой ноге, относилась к ним, как к старым друзьям. И сразу при общении переходила черту от просто знакомого до близкого друга.

Мне всегда было сложно переступить эту черту.

Лена Ситокова — блондинка выше меня из Майкопа. Она училась на первом курсе лингвистики на договоре. Сначала родители снимали ей квартиру в Краснодаре. Она была моей ровесницей, тоже первокурсницей. У нее были длинные ровные волосы ниже пояса, маленькие иссиня-синие глаза с опущенными уголками и маленький тонкий рот. Она часто щурилась. Ее глаза слезились, она капала капли. Она смотрела подслеповатыми глазами. У нее был длинный тонкий нос, немного крючковатый на кончике, больше, чем предполагало ее лицо, и неправильный прикус, верхняя челюсть с крупными неровными зубами сильно выступала вперед, что делало ее лицо немного отталкивающим. Она была на полголовы выше меня, худая и с фигурой по форме груши, тяжелым «задом», маленькой грудью и немного толстыми ногами. Она накручивала, смазывала гелем или сбрызгивала лаком ровную челку, которая всегда «стояла» полукругом. Челку она укладывала каждый день, челка была густой, но все равно делилась на пряди, проявляя частые зубчики. В малых группах Лена любила сидеть, скрестив ноги и подперев лицо кулаком. Она рассказывала, что дома мама в ее комнате на стенах развесила ее дипломы, и все стены были завешены ее наградами. Лена была золотой медалисткой, отличницей на языковом факультете, что непросто, а на лингвистике практически невозможно. Была лучшей из лучших, другими словами. Даже среди лингвистов она выделялась, она знала язык лучше других, из ее речи я всегда смотрела пару слов в словарях. Она говорила быстро и всегда была уверена в грамматике. Скорость ее речи была, как у самих американцев, и иногда она говорила невнятно — но ее знание языка позволяло ей это.

Подругой и одногруппницей Лены Ситоковой была Вика. У нее были черные волосы спиральками, от природы выщипанные, и сильно лысеющий лоб, черные спиральки падали на лоб и его маскировали. Вика была невы-

сокого роста, с длинным носом, карими глазами и тонким ртом. Она тоже была отличницей... Говорили, что один препод поставил ей пятерку, догворившись, что она потом по требованию переспит с ним на одном из последних курсов.

Как я поняла, на лингвистике почти все девушки были отличницами или так сами о себе говорили.

У детей шлюх, раздвигающих ноги за оценки, продвижение по службе и т. д. обычно лысели лбы. Их «сводили», «старались» выдать замуж за лысеющих мужчин или разводили, растворяли им «лысину» в напитках. Чтобы они рожали от лысых мужчин и у них рождались лысеющие со лба дети, желательно дочери. Особенно лысый лоб заметен у девочек, соответственно. Если у тебя лысел лоб, значило только, что твоя мама могла спать с кем-то ради выгоды, за оценки, ради получения диплома, денег, твоего здоровья при операции и т.д...

К американцам в основном ходили девушки с лингвистики, парней были единицы — долговязый Саша и маленький худенький Егор. Они оба учились на лингвистике. «Вот, они в цветнике учатся», — думала я. По-моему, Саша был единственным парнем в своей группе и на своем потоке.

«Высокий» Саша Янченко учился на лингвистике на третьем курсе — старше меня на два года — и знал всех девчонок американского клуба. Помню, когда я его в первый раз увидела, меня поразила красота его лица. У него были большие синие глаза с опущенными вниз уголками и густыми ресницами, большой тонкий нос с ярко выраженной горбинкой и маленький плоский рот с тонкими губами. Он был сильно лопо- и большешукий. У него было всегда красное лицо и плохая кожа. Но он был очень красив. Он был худой и высокий, под два метра. «Каланча». Его фигура совсем не была накачанной. Он не принимал стероиды и был subtilный с широкими плечами, как «вешалка». У него была старшая сестра. Он тоже был верующим. Читал Библию, все выбирал себе религиозную секту, периодически их менял. Как некоторые баптисты ходил то к одним верующим, то к другим. Наверное, поэтому Саша и пришел к Богу, хотел стать лучше или лучше казаться. Что он учился на лингвистике, уже многое о нем говорило — на девчачьем факультете — единственный парень на деревне. Интересно, почему он выбрал именно лингвистику? Необычный факультет для парня... Он часто менял стрижки и стригся у хорошего парикмахера.

С Сашей я иногда ездила в университет в одном троллейбусе — он тоже жил в центре.

Дедушка Саши был из военных высокого чина и один раз, служа за границей, приказал загнать чернокожих детей в реку и утопил там. Повторил несколько раз. Они могли вырасти и стать противниками. При этом подпольное сопротивление никто не отменял. Его дед не любил чернокожих. Поэтому Саша получился с орлиным носом и красным лицом. Генеральский отпрыск. Генеральских отпрысков хорошо «прокальвали», смелость, верность отечеству...

Саша дружил со всеми девчонками клуба, и своей группы, и своего курса сказывался навык общения со старшей сестрой, был всем своим в доску. И скорее бы «другом», чем «парнем». Я с трудом могла себе представить, что Саша заведет себе романтические отношения с кем-либо из группы или американской тусовки. Он так легко общался с девушками и был, как их брат, и скорее младший, чем старший.

Егор очень маленький и очень худенький, черноволосый, хиленький, тонкокостный. У него было длинное худое лицо. Он был из семьи баптистов, и у него было две старших сестры. Он был то ли адыгеец, то ли армянин, из национальных меньшинств. Постоянно посмеивался и хорошо говорил на английском. Он был на курс старше меня.

Американцы приглашали всех на празднования своих праздников – Хеллоуин, католическое Рождество и т. д.

Зимой на американских встречах я познакомилась с Ясей Ворониной. Мы с ней быстро подружились, вернее, Яся подружилась со мной. Поэтому я лучше узнала ее историю, семью и жизнь. Яся была примерно моего, среднего роста (я метр шестьдесят четыре). Она, наверняка была адыгейских или каких-то кавказских кровей, но уже поменявшая фамилию и, главное, перекрашенная. С такими «желтыми», выжженными перекисью, что практически «белыми» обесцвеченными волосами. Она так сильно обесцвечивала волосы до практически белого цвета, что я никогда не воспринимала ее брюнеткой, только блондинкой. Яся всегда ярко, открыто и «сексуально» одевалась, на ней всегда был макияж. У нее были маленькие глаза, Яся сильно выщипывала черные брови, и они становились тонкими, полукругом. И тоже их обесцвечивала. Яся всегда улыбалась во весь рот на фото и всегда прятала зубы в жизни. У нее был адыгейский нос, немного большой и с горбинкой, и плохая кожа, которую она маскировала тональным кремом, она всегда пользовалась румянами. Ее рот был маленький, неправильной смазанной формы, с тонкой верхней губой и более широкой нижней. Яся была примерно моего роста и моей комплекции, ей было шестнадцать, а мне девятнадцать.

Яся жила в центре в трехкомнатной квартире с мамой. У нее дома был питомник шиншилл. Яся училась в девятом классе, английский знала плохо, поэтому говорила мало с американцами и много с русскими. Яся имела слабые базовые знания и, даже ходя на встречи американцев, английский подтянула слабо.

Как она оказалась в американской тусовке, я тогда не знала. Случайно забрела?

Говорили, что дедушка Яси был директором детского дома в Адыгее, растворил много опухолей в телах детей – деньги государства экономил, много детей продал в рабство в Казахстан, слишком много, и Яся должна была «платить» за его ошибки. Хорошее будущее в России Ясю не ждало, и поэтому она очень хотела переехать в Америку, желательно выйти замуж. Она не знала, что американцы в большинстве своем не женятся на русских.

У Яси была внешность типа «плохой нянюшки», что неудивительно, ведь ее дедушка был директором детдома и приторговывал детдомовскими детьми.

Мама Яси, тетя Люба, была очень толстой сильно обесцвеченной адыгейкой — Яся с мамой были на одно лицо. У Яси был старший брат Гена, тоже очень на них похожий, но брюнет, не обесцвеченный. Но он уже ушел из дома, встал на сторону отца, чтобы не «платить» за погубленных детей.

Родители Яси сейчас разводились — тяжело и долго. Ее мама постоянно судилась с ее отцом, пытаясь вернуть свои деньги — она на него не подумав переписала большую часть состояния, чтобы избежать потери имущества при какой-то финансовой махинации. А он не хотел ничего возвращать, только с ней развестись. Тетя Люба погрязла в судах, апелляциях и опротестованиях. Он дал взятку судье, которая вела ее дело, сделал ее своей любовницей. Потом, когда закончились деньги на адвокатов, тетя Люба спустила все на тормоза... Ее бывший муж большую часть ее состояние передал их общему сыну Гене, который открыл миллиардный клуб.

Саша был одноклассником Нади Мерноковой. Она была старостой его группы. И дружила с ним, была очень общительной. Саше она точно была как старшая сестра. Надя была ниже меня, с волнистыми светло-русыми волосами, но не яркая блондинка, она не красила волосы. У нее были большие светлые глаза, немного длинный нос с горбинкой и маленький рот. «Американская шестерка» — так говорили о ней среди русских... Оракл предсказал ей, что и через двадцать лет она будет ходить в тот же американский клуб и общаться с иностранцами, приехавшими и живущими в Краснодаре. Поэтому ее любили американцы, она была среди краснодарских американцев постоянной величиной, константой, американцы собирались и дальше поддерживать с ней отношения. Третьекурсница Надя редко ходила на американские встречи в этом году... Хотя потом ее часто видела... Ее родители были преподавателями этого вуза.

Кстати, оракл — человек, который видит будущее... или говорит, что видит...

Надю невозможно было представить женой и матерью. Она была девушкой-подруга, но не возлюбленная. Она была не по «мальчикам» и детям.

У нее хранился компромат на местную шишку, «акулу». Как он был причастен к смерти, разрешил убить талантливого мальчишку, художника и, образно говоря, «положил» его голову на алтарь американского Бога. И нашим и вашим, как говорится. Сложно быть «акулой» во времена перемен. А сейчас были именно такие времена. Родители Нади, преподы, «покосили» тоже много детей, поэтому Надя была не «жилец», жила, пока хранила компромат на «акулу» — как компромат достала, себе таблетку с раковой опухолью растворила. Она также была свидетельницей по какому-то серьезному убийству.

Итак, обычно говорили, что «отбросы собрались на факультете лингвистики»... Кого надо в итоге выгнать из страны.

Как говорили в Америке — хорошо отправлять «шлюшных» девушек за границу. Зачем они нужны в России? Опять ноги раздвигать, как их мамы и бабушки? Они там говорят на языке, который до этого так долго и старательно учили, но все равно на языке они говорят хуже, чем сами американцы, а ничего другого не знают. Они на порядок ниже остальных жителей — не знают ничего другого, кроме языка. И его знают хуже, чем коренные американцы, им языка всегда мало... И обычно за границей они живут плохо...

На американские встречи я ходила с большим удовольствием, красилась и наряжалась, распускала до этого обычно убранные волосы. Меня тогда, как магнитом, тянуло в эту американскую тусовку, возможно, мне там пару раз добавляли наркотические вещества...

Бирки и этикетки

Этикетки и бирки. Он обещал ей гореть,
и не жить под копирку.

В один из понедельников апреля на американских встречах мы обсуждали «бирки и этикетки», как люди любят вешать этикетки и ярлыки на других людей и общаться с ними согласно своим представлениям.

Эта встреча была так важна для американцев, что они даже развесили объявления по доскам факультетов с приглашением на это обсуждение, что бывало редко.

В американском центре всем новеньким раздавали бейджи, на которых были написаны их имена, и эти бейджики мы старались всегда одевать в американском клубе. Мой бейджик подписала Дженнифер и дала его мне на одной из встреч.

— У меня в номере телефона три шестерки. Но я не верю в предрасудки, так мой номер легче запомнить, — и Лена Ситокова продиктовала нам свой номер с тремя шестерками в середине. Мы обменялись номерами. Мне нравилась Ленина речь, она была такой легкой, воздушной. «Sword — это меч», — сказала Лена, переведя мне текст из сегодняшнего буклета. Я еще раз отметила ее хорошее знание английского. Лена рассказала мне и Ясе притчу о мотивации про двух лягушке, которые оказались в глубоком кувшине с молоком. Одна просто утонула, а другая начала там плавать, пока не взбила молоко в сметану и смогла выпрыгнуть из кувшина.

Лена Ситокова любила Мессинга, много книг читала о нем и хорошо знала его жизнеописание.

Сегодня я оказалась в группе с Сашей Янченко, Машей Бонтюк и Леной Ситоковой. Со мной в группе была и Яся Воронина. Мы уже немного подружились. Яся как будто «прибилась» ко мне в этом клубе... Не во всех группах сидели американцы. Иногда группы состояли из одних русских. Но в нашей группе оказалась Дженнифер. Она возглавляла группу и должна была вести обсуждение, направлять беседу. У американцев были свои листочки (у всех одинаковые), свой план ведения встречи и свой список вопросов для обсуждения. И среди русских Саша был за главного.

Мария Бонтюк сегодня пришла в американский клуб впервые. Она училась на третьем курсе географического факультета. Это была худенькая, тоненькая брюнетка моего роста, с тонкими немного жирными волосами в каре, свисающими сосульками, лысеющим лбом и узкими очками в черной оправе. У нее был ровный пробор, и волосы свисали с двух сторон, маскируя лысеющий лоб. Она была просто одета, в широких коротких

джинсах, футболке и тряпичных высоких кедах на шнуровке. Мне показалось, что она одета не по сезону. Она носила самодельные фенечки на обоих запястьях...

Мария сразу освоилась в компании... Она любила заигрывать с мальчишками. Сразу с теми, кого видела в первый раз, переходила на дружеский панибратский тон и, как мне показалось, намного больше интересовалась парнями, чем девушками. Девушки ей были даже по-дружески не интересны.

Сначала мы делали упражнение на понимание: нам раздали маленькие желтые стикеры, на каждом из которых было написано имя какого-то известного человека, ныне живущего или который когда-либо жил раньше, но, как потом оказалось, не на всех стикерах были именно известные люди. Мы повесили эти стикеры на лбы. То есть, на каждого из нас как бы повесили «ярлык». Все в группе видели это имя, кроме нас самих. Сначала мы просто разговаривали друг с другом, но говорили как бы не с человеком напротив, а с личностью, написанной у него на ярлыке и вели себя соответственно этой личности. То есть если было написано имя известного писателя, то мы просили автограф. При этом мы сами не знали, что за имя написано у нас на лбу.

— Итак, я хочу автографы от Лены. Конечно же. От Машки тоже... Нет, Яся, не от тебя... От тебя Арина... Даже не знаю... Хотя тоже давай... — Саша был веселый и прикольный и постоянно смеялся и смеялся нас.

Потом мы стали задавать вопросы, пытаюсь понять, какое имя написано у нас на лбах. Здесь не было победителя. Можно было угадать или не угадать свой ярлык. Можно было задавать только вопросы, которые допускали ответ «да» или «нет». Или альтернативные вопросы с «или», их тоже можно свести к «да» и «нет». Нельзя было задавать открытые вопросы типа: «Кем я работаю?»

Ведущим в нашей группе была Дженнифер, но она была достаточно пассивна.

«Отрывать», вернее «снимать», ярлыки начали с Саши.

Он первый задавал вопросы группе. Отвечали хором или кто-то один. Ответы у всех соответственно были одинаковыми, двух правильных ответов быть не могло.

— Я живу сейчас или уже умер?

— Саша, ты уже умер! — это был прикол новенькой Маши. Она говорила с Сашей, как со старым другом, хотя видела в первый раз. Это меня удивило.

— Ты живешь сейчас...

— Я мужчина или женщина?

— Саша, ты — женщина!

— Я женщины? Серьезно? — Саша даже хихикнул и откинулся на стул, стукнув себя по коленкам.

– Да, Саша, ты женщина, – хотя Саша, естественно, был мужчиной в полном смысле этого слова. Пол «ярлыка» -стикера и человека, носившего этот «ярлык», необязательно совпадал.

– А я известная женщина?

Было необычно наблюдать, как Саша говорил о себе в женском лице.

– Да, очень известная!

– Я актриса?

– Нет!

– Ну, ты играла в нескольких фильмах. Двух, по-моему.

– Так... Я неудавшаяся актриса... Тогда я певица?

– Да!!

– Ооо, это уже интересно. – Саша, наконец, получил конкретную информацию – он известная певица и актриса пары фильмов.

– Иностранная?

– Да!

– Американка?

– Да!!! – На американских встречах логично быть именно американской певицей.

Теперь шло гадание на кофейной гуще. Американских известных певиц было очень много. Саша сам решил конкретизировать.

– Я брюнетка или блондинка?

– Блондинка.

– Вообще-то цвет твоих волос часто меняется. Но твой основной цвет и образ – блонд, кучерявый блонд, – ответила Маша со знанием дела.

– Ты чаще блондинка, чем брюнетка...

Сам Саша был брюнетом, сейчас подстриженным «под ежик».

– У меня короткие волосы?

– Да, чаще короткие, чем длинные. Обычно у тебя длинное каре.

– Прически постоянно меняются!

– Я сильно известная певица?

– Да, очень известная! Известнее некуда! – тут вся группа была единоголосна. – Ты самая известная певица в мире! Самая!

– Ну, тогда это очевидно! Я – Ирина!!!

– Да!!! – все захлопали Саше. Он угадал, кто он, достаточно быстро.

– Я понял, кто я, когда вы сказали, что я певица и немного актриса. Что я играла в нескольких фильмах. Только в паре. И я – очень известная певица. Тут я понял, что я Ирина, и дальше просто проверял! Только Ирина мало снималась. Особенно запомнился ее фильм про друга-любовника. И она часто меняет образы!

Мне еще раз захотелось захлопать Саше – так он круто выглядел в наших глазах и своих собственных!

Итак, у Саши на лбу было написано имя попсовой всемирно известной американской певицы.

Маша была известной французской певицей семидесятых. Лена Ситова была Суворовым. Я заметила, что у американцев часто вспоминали этого великого русского полководца. Дженнифер была Флемингом, изобретшим пенициллин.

«Гадали» по кругу, теперь была очередь Яси.

Яся плохо говорила по-английски. Поэтому она задавала вопросы на русском. И ей сильно подсказывали. Саша ей, конечно, помог.

— Я русская?

— Нет...

У Яси был очень тихий и нежный голос. Она всегда сидела согнувшись. Она ходила ровно, а сидела сторбившись. Мышцы ее спины не держали ее спину при сидении.

— Я американка?

— Нет...

— Я англичанка...

— Нет...

— Француженка?

В это время Саша, мотал головой и делал частые перекрестные движения руками, говорящими, что Яся вообще не на том пути. Типа «холодно»...

— Спроси: «Я человек»? — опять подсказал Саша, у Яси было совсем «холодно».

— Я человек? — послушно спросила Яся.

— Нет...

Повисла двадцатисекундная тишина. Яся была озадачена: — Я не человек?

— Нет, — Маша преувеличенно пожала плечами и наигранно и несильно разводила руками, типа: «С этим ничего не поделать».

— Мда... Это сложно, — опять же сказал Саша покивав.

— Да, кто же я тогда?

— Ну... — Саша тянул «у». — Ты должна еще погадать!

— Да кто же я тогда, блин! — Яся гадать не стала. Она не выдержала, тут же сорвала со лба желтую наклейку и посмотрела надпись. На ней было написано: «empty spot». Яся не знала этих слов: — Что это такое? — она показала свой ярлык Саше, а потом мне.

— Ну «empty» — пустой. — Слова «spot» я сама не знала. До этого Дженнифер спрашивала меня, должны ли они переводить, писать буклеты и на русском, и на английском. Даже какое-то время писали листовки для встреч по понедельникам на двух языках. Но потом с Эдамом решили, что посещение американского клуба подразумевает знание языка.

Мария всегда улыбалась и часто смотрела, повернув голову набок и наклонив ее. В этой ее манере всегда была неподдельная заинтересованность словами собеседника и определенное кокетство. Восхищение собеседником, обязательно мужчиной. Она была «рубаха парень», своей «в доску», девушка-подруга.

– «Пустое место», – Маша громко и заливисто расхохоталась. – Ты «пустое место!» «Spot» – это место!

Дженнифер большую часть времени молчала и давала шанс Саше главенствовать, или же она не понимала Ясин русский, что вероятнее. Она смеялась, когда мы смеялись, и улыбалась, когда мы улыбались.

– Did she get it? – спросила она, повернувшись ко мне.

– Oh, yes!

– Good!¹

Саша тоже засмеялся. Ясин ярлык гласил «Пустое место». Я хихикнула. Маша постоянно улыбалась, когда говорила.

Я сидела рядом с Ясей. Точнее, Яся сидела рядом со мной – это она садилась со мной, а не я с ней. И теперь была моя очередь угадывать, кто же я на ярлыке.

– Я человек, живущий сейчас или уже умерший?

– Живущий сейчас...

– Я мужчина или женщина?

– Женщина, скорее девушка. Молодая девушка.

– Я актриса или певица?

– Нет...

– Я известная?

– Нет... Никому не известная... Ну нам, конечно, известная...

Можно сказать, что меня сбили с ног этим ответом.

– А чем я занимаюсь?

– А можно задавать такие вопросы, на которые можно ответить не только «да» и «нет»?

– Ну, я думаю, в этом случае можно, – сказал Саша.

– Ну, ты учишься в университете.

– А я русская?

– Да, ты русская!

– А я из Краснодара?

– Да!

– Сейчас я тебе подскажу! – подбодрил меня Саша. – Ты находишься в этой комнате!

– Да?!! – я еще больше удивилась. – А я блондинка или брюнетка?

– Брюнетка!

– С длинными волосами?

– Да, довольно!

– А я сейчас нахожусь в этой группе?

– Да!!! Ну?!! Ну?!! – Саша протянул ко мне руки в ожидании правильного ответа...

¹ – Она поняла это? – Да! – Хорошо!

Я была в замешательстве: — Я думаю, что это.... — Я осмотрела своих «коллег» по группе... Длинноволосой брюнеткой в этой группе была только я...

— Это я?

— Да!!! Да!!! Это ты!!!!... Арина Симоненко... Бинго!!!

Ответ был очевиден и после Суворова и Ирины достаточно странен. Я сняла со лба стикер и прочитала «Симоненко Арина». Мой ярлык совпал с моим именем. Это и взорвало мне мозг. И разорвало шаблон — я ожидала прочитать имя известного человека, а прочитала свое собственное.

Я продолжала сидеть в замешательстве: угадать, что это я сама, было не так-то просто... У меня на лбу было просто написано «Арина Симоненко». То есть я была сама собой.

Потом мы разговаривали друг с другом согласно нашим ярлыкам. Теперь мы уже знали, кто мы. С Сашей как с великой певицей. С Ясей как с «пустым местом» — ее вообще никто не видел. И только со мной все разговаривали как обычно, и это было очень необычно — я не меняла своей роли.

Мы задавали друг другу вопросы:

— А как ты себя чувствуешь великой певицей?

— Ой, только вернулась с гастролей! Все время репетирую... Готовлю новую программу. Ни минуты свободной! — Саша вжился в роль.

— Мне так нравятся ваши песни! Я ваша большая фанатка! А можно автограф?

Почувствуй себя всемирно известной певицей Ириной.

Ясю соответственно никто не замечал. Это ей подходило, она плохо говорила по-английски и теперь могла не нервничать и не мучиться.

И вопросы, которые задавали мне:

— Во сколько у тебя сегодня закончились пары?

— В три.

— Какой у тебя любимый предмет?

— Матанализ...

— Ты поедешь сегодня домой на троллейбусе или на трамвае?

— На трамвае

Почувствуйте разницу!.. Мне нечего было сказать!

Мы быстро вжились в новые роли. Но недолго выполняли это упражнение.

Потом мы продолжали диалог и делали выводы...

— Кто как себя почувствовал, выполняя это упражнение? — Голос у Саши был приятный, высокий и «мягкий», хотя его росту больше бы подошел бас.

— Кто почувствовал, что сросся с ярлыком. К концу упражнения почувствовал себя своим ярлыком?

Многие неуверенно и невысоко подняли руки.

— Особенно я, — сказал Саша. Все рассмеялись. — И Арина. Особенно Арина, — Все рассмеялись еще раз. — Видите, мы срастаемся с нашими ярлыками. Мы надеваем маску и срастаемся с ней.

«Все-таки какой Саша умный», – подумала я.

– Да, и другие люди ведут себя с нами в соответствии с маской. Смотрят на нас через ярлык... И глядя на меня, видят, например, известную певицу, а на Ясю – пустое место...

– А надо за маской видеть человека. Надо учиться снимать ярлык! Надо стремиться видеть человека за ярлыком, что не всегда получается!

– Да! – Маша высоко подняла руку с кулаком. – Ура! – закончив тем самым обсуждение.

Другие группы еще обсуждали, мы закончили раньше многих. Саша с Машей продолжали дружески общаться.

Дженнифер все обсуждение просто сидела, кивала, смотрела на нас, мало говорила, внимательно слушала и улыбалась.

Маша увлекалась роком и недавно была на концерте известного уже пожилого рок-исполнителя. Они с Сашей пообсуждали этот концерт и немного позаигрывали...

– Да? – Маша наклонила голову набок, приблизилась к Саше и внимательно на него посмотрела. – Тоже его обожаю! – она засмеялась. – У него сейчас концерты в Краснодаре.

– У меня знакомые идут на его концерт? А я не успел купить билет! Вот блин!

Я не увлекалась роком и не любила этого певца.

– А я тоже иду! Хочешь со мной? У меня есть лишний билет на завтра! Сестра не пойдет! Мы идем компанией!

– Супер! Если можно! Ой, как мне повезло! Вот классно! Спасибо, Машка. – Саша полез к Маше обниматься.

– Да что ты!

– Да, – Саша тут ж принял правила игры. Маша кокетливо к нему наклонилась и положила голову на плечо...

Саша и Машей понравились друг другу. Она как обычно запросто общалась со всеми парнями, а он также со всеми девчонками. И никто бы не подумал, что они только сегодня впервые видели друг друга.

Маша с Сашей немного позаигрывали. Остальные уже закончили обсуждение ярлыков. Эдам попросил внимания. Он заканчивал эту встречу.

Эдам сделал выводы по встрече для всех групп, сказал:

– Итак, друзья, сегодня вы увидели, что мы смотрим на себя глазами окружающих и ведем себя соответственно. Вы заметили, как меняется наше поведение в зависимости от «взятой на себя роли». Мы постепенно становимся теми, кем нас считают окружающие. Мы «срастаемся» с нашим ярлыком. И это не всегда хорошо! Подожди, подожди, Саша, как это по-русски, – Эдам достал небольшую бумажку в линию, на которой были написаны новые слова, и хотел прочитать по слогам, но не знал, как читается. Саша помогал Эдаму выучить язык и уже дружил с ним. Эдам каждый день учил несколько новых слов на русском. Русские слова у него были написаны английскими буквами.

– Итак, по-русски это: .... – Саша написал ему русское слово латиницей. – А это читается как «п»? – Да, это читается, как «п»... – И Саша стал открывать Эдаму секреты русского произношения.

И Эдам, коверкая буквы, прочитал по слогам на русском: «сте-ре-о-тип», чем вызвал всеобщий смех. Он замер на мгновение, ожидая реакции зала.

– Вух, – Эдам смахнул пот со лба. – Какое длинное русское слово!.. А теперь слово сегодняшней встречи: «Inspiration – Вдохновение», – воодушевляющее сказал Эдам. Он в конце каждой встречи говорил одно слово. Кстати, слово одной из прошлых встреч было «оружие».

– Видишь, сегодня слово «Вдохновение», – сказала мне наклонившись Дженнифер.

Яся активно записывала в тетрадку, что на встречах говорил Эдам, и слова встреч в том числе.

В этот раз понедельничный американский клуб получился веселым и прикольным.

– Кстати, Эдам – «региональный директор», – сказал мне Саша Янченко. В компании американцев становилось все интереснее. Эдам пропивал таблетки, стимулирующие развитие нейронных клеток мозга, большие такие.

– Вот мы с Машкой классно на концерт сходили! Вот она молодец! Вот мне повезло! – сказал мне Саша на следующей встрече в среду.

Итак, мне было восемнадцать, я училась на первом курсе и благодарно подружилась для практики английского с группой протестантов-американцев...

Яна

На встречах стала появляться маленькая худенькая женщина Лена Соил, с лысеющим лбом, тщательно загримированным, коротко подстриженная, крашенная в темно-рыжий, многодетная мать со смешным мультяшным голосом, тоже из баптистов. У нее было, по-моему, шестеро дочерей. С ее старшей дочерью я познакомилась там же, в американском клубе. Ее звали Яной. Женщина ходила на несколько встреч по средам, один раз была со мной в малой группе. В тот раз она была с новым любовником, высоким, бородатым худым, мышечным красавцем. Они познакомились в походе в горы, которые, как я поняла, она любила. Она недавно начала с ним встречаться. Он не сводил с нее глаз и казался влюбленным. Мне запомнилось, как она сказала, что «детей надо воспитывать своим примером». Мы тогда говорили о героях. Каждый вспоминал героев, рассказывал, кого он считает своим героем и почему. Американцы вспоминали Мартина Лютера Кинга и даже ставили музыку с его речью, когда негры собирались на работу. Еще вспоминали Линкольна, некоторых политиков. Русские вспоминали великих полководцев Суворова и Кутузова, героев Великой Отечественной войны. Саша Янченко тоже назвал своего главного героя, он сказал, что его героем является текущий президент.

А эта маленькая женщина сказала: — Для меня главный герой — это я сама. Я одна воспитываю шесть детей. Без отца. И да, я герой. Их отец пропал и даже не платит мне алименты. Сейчас буду его разыскивать через суд. Шесть детей воспитать одной — да, я герой в своих глазах! И герой для своих детей! — Ее сорокалетний «парень» смотрел на нее уважительно и с восхищением, когда она это говорила нам всем.

Говорили, что эта женщина тоже растворила своей матери «ракковую опухоль» и сейчас сидела на «денежном гейзере», поэтому с мужиком и начала встречаться. Эдам сказал, что он с ней скоро расстанется. Еще поговаривали, что она «продаст» свою старшую дочь Яну в проституцию — продать старшего ребенка всегда плохой знак, старшие дети самые энергетически сильные, несут силу рода. Поэтому Яна и общалась с американцами, они могли ей помочь, прикрыть — представители другой страны...

Наши американцы взяли над этой женщиной шефство — решили помогать многодетной матери. Думаю, что помощь ей на самом деле была нужна...

Ее старшая дочь Яня примелькалась у американцев... Ей было семь, и она только пошла в школу — абсолютно очаровательная, темноволосая и кареглазая, похожая на мать. Она сама была не в восторге от такого количества сестер, и что сама нянчила младших, была им как нянька, самой младшей было года два. Одна из средних сестер тоже начала ходить

к американцам, и Яня уже ревновала ее к ним. Яна учила язык, американцы иногда кормили ее, отдавали свою старую одежду. Ее мать надеялась, что американцы будут помогать ей, материально в том числе, но она хотела, как я думаю, слишком многого, никто помогать Яне особо не собирался. Американцы улыбались, обнимались со всеми, но менять чью-либо жизнь к лучшему, или брать за кого-либо ответственность, не торопились... Их миссия была приводить к Богу, а не усыновлять или удочерять.

Имя Яны подразумевало недолгую жизнь — начиналось с последней буквы алфавита и состояло только из трех букв. Так называли тех, кого в семье приносили в жертву, как в случае Яны. В то время так называли детей, метили их именами... И имена на первые и последние буквы алфавита были первыми на вылет... из жизни... Имена из середины алфавита жили дольше всего.

Если определенному человеку в определенном возрасте говорить определенные фразы, то можно сделать его во многом «сделать», предсказать его будущее... Так можно сделать проститутку, так проститутку хотели сделать из Яны. Две-три-четыре фразы, и из самой чистенькой девочки можно сделать проститутку.

Лысые лбы шлюх в нескольких поколениях требовали жертв, обходились дорого, и они «продавали» чаще всего старших детей, растворяя им раковые опухоли в чашках. Мама готовила Яну в проститутки. А что? Выгнала из дома и дело с концом — отправила на панель. Но она надеялась, что американцы ей помогут, прикроют и на улице торговать собой Яна не будет. Проституткам, которые старели, которых списывали, подруги за красоту или давние клиенты растворяли раковые опухоли в чашках. А что с ними еще делать? Куда их девать? А так похоронили — и забыли, все счастливы! И дело с концом!

Яна тоже надеялась, что американцы изменят ее жизнь к лучшему. Она выйдет замуж за кого-нибудь из американцев и уедет в Америку. Ан нет. Американцы не торопились жениться на «шлюшных» россиянках. Женились на своих, дружили со своими. Их открытая манера поведения очень отличалась от сдержанной манеры русских, к которой я привыкла. Русским улыбались, с русскими обнимались, русских вели к «своему» Богу — исполняли свою миссию и только.

«Американская» весна

В Краснодар ворвалась весна. Как говорила моя школьная учительница по физике, весна в Краснодаре — самое красивое время года. Лето — жаркое и душное, дышать нечем — плюс сорок в тени, пахнет пылью. Зима — одна слякоть, дожди и грязь, плюс десять. А вот весна — все распускается, цветет, зеленеет, молодая листва — воздух чистый. В Краснодаре рано теплеет, уже в конце апреля иногда плюс двадцать.

Теперь мы с американцами часто встречались на свежем воздухе в паре остановок от университета на открытой площадке — по понедельникам в университете, по средам там же обсуждение фильма, по четвергам на площадке иногда играли во фризби — летающую пластмассовую тарелку.

Весной на американские встречи стала ходить «новенькая» Таня Солянская с третьего курса лингвистики. Это была высокая блондинка, очень худая, с длинным «лошадиным» красным лицом, широким ртом, проблемной кожей и жидкими «желтыми» некрашеными волосами по плечи. Ее воспитывала одна бабушка, говорили, что ее мать чуть ли не проститутка — бросила дочь и уехала, пропала без вести. И Таню тоже готовили в проститутки, за ней по пятам следовали сутенеры.

Площадка, где мы играли во фризби, была недалеко от волейбольной, отделенной железным сетчатым забором, среди белых кирпичных девятиэтажек. Вокруг волейбольной площадки росли березки. Деревья были еще совсем без листвы, но с набухшими зелеными бутонами-почками. Трава была зелено-желтой, прошлогодней, утопанной. За сетчатым забором в конце расчищенного поля виднелось краснокирпичное здание местной двухэтажной школы. На том расчищенном поле были футбольные ворота. У забора, огораживающего школу со всех сторон, пролежала широкая наружная труба горячей или холодной воды, обернутая желтым поролоновым утеплителем, а потом блестящей теплоудерживающей фольгой...

Справа от расчищенной площадки стояли черные жестяные самостройные «драмиковые» гаражи с черными и красными крышами. Возможно, эту площадку расчищали для будущего строительства очередной белой кирпичной девятиэтажки, для которой не надо было так уж много места.

В один из первых четвергов апреля нас пригласили на «фризби». Как обычно встречу вели Эдам и Морген, с русскими болтали Шерил и Дженнифер, Майкла в этот раз не было. Майкл был тем типом мужчин, который нравился Шерил. На трамвае приехала девятиклассница Яся Воронина, мы уже немного подружились. Здесь же среди больших крутилась маленькая Яна. Мы встречались в четыре, как обычно. От универа я прошла пешком. Американцы уже ждали всех на открытой площадке:

Весна в Краснодаре была теплая, но мы все были очень разнопланово одеты, все в куртках, но куртки мы сложили на невысоком кирпичном квадратном строении со стороны примерно метр, визуально похожем на колодец, возможно, там были спрятаны внутренние коммуникации, трубы, недалеко от расчищенной площадки, где дети играли в футбол. Эдам играл во фризби в белой майке с коротким рукавом и широких прямых «баптистских» джинсах, я в теплой вязаной розовой жилетке на тонкую кофту, о чем потом пожалела, потому что сильно вспотела, играя во фризби. Яся была в открытой легкой кофте, американки в трикотажных тонких кофтах и синих джинсах. Все русские одевались по-разному, все американцы-баптисты примерно одинаково. Эдам говорил, что бегал каждое утро и вечер. Он приучал бегать Морген. Она, как и все немолодые жены, сопротивлялась.

— Hey, Arina! — крикнул мне Эдам, увидев подходящую меня, и полез обниматься, сохраняя дистанцию на уровне моей груди.

— Hey! — улыбалась во весь рот Морген и тоже пообнималась со мной. — How are you today?

— I'm fine, thank you. And you?

— All good.

— Arina's fine as usual, — сказал Эдам. — Going to play? — Эдам как обычно улыбался.

— I think so... Never tried¹. — И Эдам, хлопнув меня по плечу, пошел поговорить со своим новым другом, подопечным, оставив меня Шерил и Дженнифер.

— Hi, Arina. Glad to see you², — Шерил и Джен тоже подошли к нам и по очереди обнялись со мной. Я не очень любила прикосновения посторонних людей, но все американцы каждый раз лезли обниматься. На Шерил были шлепки на босую ногу, она была обута не по погоде. У нее сегодня была смешная прическа — ее светлые волосы были скручены и «защелкнуты» зубастым крабиком, и короткие «незащелкнутые» концы смешно торчали над головой, как нимб. У Дженнифер как обычно был короткий хвостик.

Было еще пару незнакомых взрослых девчонок с географического факультета.

Потом делали «дружественные» фотки с улыбающимися американцами, укрепляющие межнациональную дружбу. Яся на всех фотографиях скрещивала бедра и становилась боком, визуально делая их меньше и себя уже. Фото делали до игры — пока еще не «в мыле» после фризби.

¹ — Привет, Арина! — Привет! Как ты сегодня! — Хорошо, спасибо. А вы? — Все в порядке. — У Арины всегда все хорошо. Собираешься играть? — Думаю да, без усталости.

² — Привет, Арина! Рада увидеть тебя!

– Hey, guys! Let’s play Frisbee today! – крикнул Эдам всем, полуобернувшись и пару раз воодушевляющее хлопнув в ладоши, приглашая всех к игре. Эдам достал из целлофанового пакета красную потертую пластиковую тарелку, закругленную у концов, и почему-то отдал ее именно мне. С такими тарелками некоторые играли со своими собаками – собаки ловили их на лету и несли хозяевам.

Я не знала, что делать с тарелкой. Эдам посмотрел на меня и весело хмыкнул. Шерил взяла тарелку у меня:

– Let’s start playing!¹

Мы встали в кружочек разыграться...

¹ – Эй, друзья! Давайте играть во фризби!... Давайте начнем играть!

Фризби

— Девчонки, вы когда-нибудь играли во фризби?

— Нет, а как это?

— Надо перебрасывать тарелку друг другу...

Фризби — игра с тарелкой. Сначала Эдам аккуратно кинул тарелку Ясе. Тарелку можно было поймать или хлопком, поймав ладонями, или рукой, схватив пальцами в щипке. Иногда кто-то сбивал тарелку на лету, при этом сам мог сильно ударить руку. Так делали Эдам или кто-то из русских парней. Пару раз бросив, Эдам ушел разговаривать с другими русскими парнями, организовывать новые американские встречи. Он теперь становился все более и более занят.

Сначала мы в кружочке девчонок «разыгрывались», просто аккуратно перебрасывали друг другу тарелку. Мы перекидывали друг другу летающий диск, стараясь попасть в руки соседа. Яся очень грациозно и «легко» ловила тарелку. — Оп, — говорила она. — Арина, лови! — И перекидывала мне тарелку, присев на корточки и выпрямив руку, выглядя при этом профессионально.

Яся ловила тарелку хлопком, немного присев и повернувшись, и тут же изящно передавала ее Шерил или Дженнифер. Я удивилась, как быстро Яся научилась играть и какой спортивной была.

— Ok. Let's play in teams now!¹ — опять направлял нас, уже разыгравшихся, Эдам. Мы пошли на поле.

Затем мы пошли на поле играть. Сначала мы с американцами разминались, играя в игру «Are you a trustworth person?» — «Ты человек, которому можно доверять?» Мы встали в два ряда друг напротив друг друга, вытянули вперед руки. Каждый из нас по очереди проходил ряд из вытянутых рук. Начинала первая пара с одного конца, выходил сначала один из пары и начинал проходить ряд рук, потом следом за ним другой из пары, потом следующая пара и так далее. Прошедшая ряд пара становилась в начале шеренги. Когда «человек» -игрок проходил ряд, стоило только подойти ему к человеку, стоящему в шеренге, — руки перед ним опускались, а за спиной опять поднимались. В спину шел следующий проходящий, руки перед ним тоже опускались, а после него поднимались. Мы как будто шаг за шагом гуськом проходили «лес» рук. И так пара за парой... Как только пара оказывалась в шеренге последней, сразу же начинала проходить ряд, а пара до них тоже быстро начинала свое путешествие по шеренге, «поход» через руки был быстрый. Так все прошли по паре раз шеренгу — это был восторг!

¹ — Сейчас давайте сыграем в командах!

Потом мы разделились на команды — мы с Ясей в одной. Команды по пять человек, у нас из сильных игроков — Шерил и две незнакомые девочки. С нами бегала Яна, но игроком не считалась. В соседней команде играл Эдам, Дженнифер, Таня и пара незнакомых девушек... Мы старались перебросить тарелку за ворота противника — как в футболе, только мы не пинали резиновый мяч, а кидали пластиковую тарелку.

Суть игры заключалась в том, чтобы забить тарелку в ворота соперника, если не было ворот, то просто перебросить за определенную, на земле начерченную линию. Как в футболе две команды бегали по полю за одним мячом, так во фризби две команды бегали за одной «летающей» тарелкой. Как в футболе игроки пасовали друг другу мяч, так во фризби перебрасывали друг другу тарелку. Старались передать мяч своим товарищам по команде, что не всегда получалось. Как мяч стремились загнать любыми способами в ворота соперника, так и тарелку стремились сбить и передать в другую сторону, к воротам соперника. Как мяч перехватывали, сбивали, передавали в другую сторону, так тарелку в воздухе перехватывали соперники, сбивали рукой или даже ногой подпрыгнув. Такие фортели выкидывал, например, Эдам. Тарелку или сбивали в прыжке, или ловили хлопком или щипком...

На земле начертили линии ворот, перебросив за которую забившей команде начисляли гол. Играли до семи или десяти очков... Потом менялись сторонами. Иногда виртуальной чертой служила ветка соседнего дерева, так сказал Эдам. Сейчас играли до семи очков.

От футбола фризби отличался линией ворот, в футболе надо было именно попасть в ворота — в фризби просто перебросить через линию, «запулить» подалее через линию противника.

Если в футболе игроки пасовали чаще всего ногами, то во фризби — перебрасывали тарелку чаще всего руками. Конечно, во фризби с американцами не было никаких пенальти в конце игры. Темп игры зависел от игроков. Вратарь в футболе стоял в воротах, вратарь во фризби — караулил всю линию и ловил тарелку у всего края поля своей команды.

Морган поздоровалась, сыграла с нами в «Are you a trustorth person?» и сразу ушла — она не умела играть во фризби и не хотела учиться. Ей, такой взрослой замужней женщине, неловко было бегать с подростками за тарелочкой. Она бы выглядела смешно в своих собственных глазах и, как она думала, в глазах окружающих. Ей неудобно было чего-то не уметь и учиться чему-то новому в свои двадцать семь. Особенно спорту она не собиралась учиться. С ее грузной комплекцией она считала себя неспортивной и для спорта старой. Но муж принимал и любил ее и такой, неспортивной.

В тарелку можно было играть вдвоем, как в бадминтон, просто перебрасывать тарелку друг другу. Играть можно было по командам на футбольном поле, где ворота — это линия на земле. Игра — поймай тарелку, подпрыгни выше других. Во фризби, как в футболе, игроки перебегали

из позиции в позиции, передавая друг другу тарелку к воротам команды противника. За тарелкой бегали гурьбой. Нельзя было долго держать тарелку или бежать с ней, надо было ее сразу же пасовать. И обязательно кто-то караулил у черты, ловил летящую к воротам тарелку, как вратарь, предотвращая гол.

Если тарелка падала на землю, то команда не поймавшая теряла «право паса» и пас переходил к другой команде. Мы бегали среди многоэтажек по кое-где появляющейся молодой травке.

Игроки подпрыгивали и дотягивались, ловили в прыжке хлопком или рукой летающий пластик. Игра, как и любой спорт, вызывала ощущение счастья. Кто выше подпрыгнет, тот и получит тарелку. Уворачивались от соперника, кидали снизу, сбоку, в прыжке, стараясь передать своим «сокомандникам».

В руках опытных игроков, как Эдам, тарелка летела высоко, разрезая воздух, и иногда как будто с шуршанием замедлялась в воздухе. Сначала начинающая команда делала первый бросок — чем дальше тарелка отлетала от своих ворот, тем лучше. Обычно бросал сильный игрок через все поле. Дженнифер бросала тарелку ребром прямо в толпу — и она летела прямо на головы других игроков — Джен была слабым игроком и могла убить новичков-«сокомандников». Обычно бросали на уровне груди или выше и держа тарелку плашмя. Иногда тарелка закручивала свою траекторию и возвращалась, как бумеранг. Эдам играл хорошо, часто крутил фризби на указательном пальце, мог кидать перевернутую фризби. Он бросал сильно и далеко, и фризби в его руках даже меняло направление, как он хотел.

Каждого игрока кто-то закрывал, особенно сильных, и не давал ему поймать тарелку или передать другому члену своей команды, и нужно было кинуть тарелку так, чтобы человек, тебя закрывающий, не сбил твою тарелку, твой бросок в воздухе. Эдам мельком показал мне рисунок, где на схеме тарелки были нарисованы градусы, как я поняла, ее возможного поворота.

Игра в тарелку тоже была травмоопасной. Можно было упасть, повредить руку или ногу.

Таня стояла на воротах у соперников — она была высокой, и ей легко было ловить тарелку, летящую к их нарисованным на земле «воротам».

Начинали играть мы. Шерил кидала первая через все поле. Ее подачу поймал в прыжке Эдам и пасанул Дженнифер. Она неуклюже поймала и слабо пасанула... Но ее бросок поймала я, кое-как впопыхах схватив летающий диск. Ронять тарелку было нельзя, тогда команда теряла право подачи, как только тарелка касалась земли. Я кинула куда-то в сторону ворот противника... Но мою тарелку опять перебил Эдам, а бросок Эдама перебила Шерил, пасанув мне и т. д. Я поймала одной рукой, но чуть не уронила, боялась не удержать, тарелка выскользнула из рук, я ее поймала другой рукой, перекинув из руки в руку, как горячую картошку,

но Таня выбила тарелку меня из рук. Тарелка упала на землю, и мы потеряли право подачи — оно перешло к команде Эдама. Наша команда была командой Шерил.

Мы перебежали от одной границы поля до другой. Я неловко ловила, еще привыкая к тарелке. — Арина! Кидай мне... или Шерил, — Яся подпрыгивала над толпой. Рядом крутилась Шерил и тоже махала мне руками. Шерил старалась оторваться от толпы, чтобы ей было легче кинуть. Эдам закрывал Шерил и отбивал или ловил тарелки, которые кидали ей, как сильному игроку. Я кинула Ясе, Шерил была закрыта... Яся отбежав быстро пасовала Шерил. Игроки постоянно перемещались по полю в сторону одних или других «ворот».

Шерил явно играла лучше, чем Дженнифер. Яся быстро «поймала волну» фризби.

...Я поймала тарелку Шерил. — Арина, кидай мне, — кричала мне Яся из толпы подпрыгивая. В то время Шерил перебежала и тоже подпрыгивала над толпой. Я кинула Шерил, она удачно поймала и пасанула за черту, нарисованную на земле, которая служила границей. Гол!!! Мы забии гол!

Опять кидала Шерил. Опять крутой бросок через все поле. Ее тарелку в прыжке опять поймал Эдам и кинул Дженнифер. Джен кинула Тане... тарелка летела прямо на меня — я начала закрывать Дженнифер. Я почему-то испугалась летящей на меня тарелки и присела, закрыв голову руками... Это всех рассмешило. Тарелка в меня не попала, а упала на землю рядом со мной. Команда наших противников потеряла право подачи.

Теперь доверили пасовать мне. Я стараюсь кинула тарелку, Эдам тут же перебил ее. Тарелка упала на желтую прошлогоднюю траву.

Теперь кидала команда Эдама — новая девочка, которую я пару раз видела на американских встречах. Она кинула плохо, Шерил поймала ее бросок.

— Арина, — Шерил передала мне пасс прямо в руки. Все-таки Шерил хорошо играла. Дженнифер вообще играла слабо.

Я кинула куда-то в сторону ворот. Но Дженнифер, закрывающая меня, перебила тарелку...

Мы бегали еще минут двадцать, выиграла команда Эдама, не помню счет. Сильно взмокли. В итоге в основном Шерил играла против Эдама, партия двух.

— Ok, guys! All for today! — Эдам захлопал в ладоши, как бы организовав нас и закругляя игру. Он нами руководил. — But you can go to our place and have some tea!¹

Но все, кто хотели, могли пойти к ним в общежитие и продолжить встречу. Попить у них чай и поговорить о Боге или о любой другой интересующей теме.

Мы вместе с Ясей сели на трамвай и поехали в сторону центра...

¹ — Ok, ребята! Все на сегодня!.. Но вы можете пойти к нам на чай!

«Kick» и «kite»

На следующей американской встрече я оказалась в одной группе с Леной Ситовой, Сашей, Егором, Ясей и парой малознакомых русских, которые зашли случайно и ненадолго. Из американцев со мной сидела Шерил. Эдам ставил песни для всех. Он был лидером клуба. Он ставил песню, ее все слушали, а потом обсуждали в малых группах. За синтезатором, подключенном к компьютеру, колдовал кучерявый высокий Майкл.

Прикольный, креативный Эдам учил новые слова, сносно говорил по-русски, вызывая смех, чего он и добивался от публики — положительных эмоций. Эдам иногда носил на шее бело-сине-желтый стеклянный камень, амулет в виде глаза... Эдам любил играть в горячо-холодно, иногда играл с Ясей или Марией Бонтюк...

Недавно я рассказала Эдаму и другим американцам в клубе стихотворение о Родине, которое все учили в школе классе в шестом.

Американцы любили устраивать мозговые штурмы, планируя разные мероприятия. И сегодня у нас тоже был мозговой штурм следующей игры во фризби. Эдам поставил флипчарт, доску-мольберт, к которой были прикреплены белые листы, и чертил на большом листе план игры цветными маркерами. Саша и Яся ему активно подсказывали.

Потом мы читали листовки, распечатанные Эдамом на цветном принтере. У меня было пару непонятных слов, я спросила их у Лены, она сидела рядом.

— Только сегодня смотрела это слово в словаре. «Kick» — это «бить ногой», «удар ногой». А «Kite» — это летающий змей. — И опять я была покорена Лениным знанием английского и «шириной» ее словарного запаса. Я этих слов не знала.

Я вот в словаре сегодня никаких слов не смотрела. Да и забыла, когда смотрел в последний раз. Мне моего простого языка вполне хватало для американских встреч.

Рядом с такими крутыми лингвистами, как Саша Янченко и Лена Ситкова я чувствовала себя ущербной и глупой. А их такими крутыми, какой мне никогда не стать. Круче только космос. Моего словарного запаса рядом с ними было явно недостаточно. Могу сказать, что на факультете лингвистики существовала жесткая конкуренция и «лингвисты» стремились внушить чувство неполноценности другим однокурсникам и студентам других факультетов, отбивая их от американского клуба, от репетиторства, «переводчества», в принципе от работы в лингвистике. Непристроенных лингвистов в городе было слишком много, а учеников, постоянно занимающихся английским, слишком мало. Работы не хватало на всех.

— Эдам хочет выйти из реки сухой... с ухой. — Саша задорно рассмеялся. Он даже шутил по этому поводу. Он пытался «на пальцах» перевести Эдаму, что значит «уха» и игру слов в этом словосочетании.

Вдруг Эдам спросил у меня:

— Арина, значит ли что-то серебряное кольцо с черным рисунком на твоём большом пальце.

— No, nothing...¹

— Ок...

Я обычно молчала и отвечала, только когда подходила моя очередь.

Все русские, попавшие в американский центр, проходили определённые этапы развития.

Этап первый — какие американцы классные, насколько они лучше нас, как с ними весело и здорово. У меня это был первый курс.

Этап второй — с американцами весело, но они только улыбаются и все тут. Поулыбались и разошлись.

Этап третий — за их улыбками скрывается полное равнодушие. Им напевать на нас. Они ничем нам не будут помогать. Как сказал Саша Янченко — мы для них как пушечное мясо.

— Ты можешь молиться с ними, читать с ними Библию, но ты никогда не станешь одним из них! — Когда русские это понимали, они от американцев начинали уходить.

Сейчас некоторые русские даже начинали одеваться как американцы, чтобы американцы принимали их за своих. Так делала Яся и, например, Тая Соснянская. Но американцы уезжали и женились на своих.

Одни американцы уезжали и забывали нас. Другие приезжали. Опять начинали с нами дружить, общаться, а потом опять уезжали и опять приезжали новые и т. д. А русские оставались, и общаться было перспективнее с русскими... они тоже женились на своих, на русских... И такие «душевные объятия» американцев тоже ничем заканчиваются... вся дружба американцев заканчивается ничем. Пообнимались и разъехались. Все девушки и парни в репродуктивном возрасте, ходя в американский центр, подсознательно искали себе пару.

Этап четвёртый — лучше держаться от американцев подальше, и мой пример со слепотой был хорошим примером. Они неадекватны, от них не знаешь, чего ждать. Свои слепоту просто так в чашки растворять не будут. Американцы хорошо, если не навредят. Тогда, считайте, повезло. А какую-то талантливую девчонку из Европы покосили — убили — тройкой инсультов, но её уже после смерти «продала» мать, так что все шито-крыто. Саша Янченко знал этот случай. Творят, что хотят, думают, пересекли границу и ничего им не будет. Другая страна — другие законы.

¹ Нет, ничего...

Эти глубоковерующие американцы делают одно, говорят другое, а думают третье. Как сказала Виолетта Генриховна: — Американцы открыли дверь с ноги, приехали в Россию убивать, — органы себе искать. И думали, раз другая страна, им за это ничего не будет! А будет, наоборот и вдвойне. — Виолетта в такие минуты вспоминала жившего у нее американца, который приезжал на три месяца, соблазнил русскую девушку, обещал жениться, а в итоге бросил, как и было изначально задумано, и уехал.

Яся это тоже поняла и через четыре года в американском центре больше не появлялась.

Потом русские начинали в американцах разочаровываться. Понимали, что за улыбками ничего не стоит, что они не торопятся никому помогать и менять жизнь к лучшему. И единственным, что оставалось неизменным в американском центре — это показное американское дружелюбие, формальное радушие и чисто американская улыбка, иногда природная, иногда сделанная. Чтобы сделать зубы, вырывали полностью свои и вставляли искусственные. И многие американцы проходили эту процедуру. В России искусственные зубы были не так распространены. Русские понимали, что русская сдержанность лучше, чем американская «помощь». Что практика языка — это максимум, что они могут предложить. Знакомство с другой культурой американцев-протестантов. Ни больше. Ни замуж здесь не выйдешь, ни друзей нормальных не заведешь. Американцы уезжают и приезжают, а русские остаются! Ни Яся, ни тем более я друзей здесь не завели. Нажили ли мы врагов? Возможно... Не надо ждать от людей, чего они не могут вам дать. Почему американцы должны взваливать на себя ваши проблемы. У них своих полно! Хоть бы не вредили! Они только свои проблемы решают за ваш счет!

Поэтому русские в американском центре менялись примерно каждые три года. А оставались только лингвисты, как Виолетта Генриховна или Надя Мернокова. Надя потому что работала в универе, а Виолетта для постоянной практики языка. Ей по статусу было положено ходить на американские тусовки. Кому надо сохранить хорошую мину при плохой игре.

Эдам и Морген

Когда видели написание имен семейной четы Хейсонд, всегда возникал вопрос, кто из них мужчина, а кто женщина. Потому что имя Морган может быть как мужским, так и женским именем, как русские имена Саша или Женя. Кто-то несведущий мог подумать, что это пара гомосексуалистов, ведь в Америке разрешены однополые браки. Потом все делали вывод, что имя Эдам не может быть женским, значит, Морган — это женщина в их паре. И вывод напрашивался сам собой, что имя «Морган» в данном случае женское.

Когда семья Хейсонд приехала в Россию, Морген было двадцать семь, а Эдаму, как я поняла, двадцать шесть. Он был на год младше жены. Хотя Саша Янченко говорил, что Эдаму было тридцать пять... Но кто поймет этих американцев, они говорят то одно, то другое.

Девушки в американском клубе любили пообсуждать первых знакомых замужних американцев. Аня Петрилина, толстокостная блондинка, рассказывала мне улыбаясь:

— В первую брачную ночь Эдам был девственником, а Морген соответственно нет... Эдам был мальчиком...

Аня рассказала мне, улыбаясь, что Эдам сам женился на невесте Морген — большинство верующих протестантов выходили замуж девственниками. Но Эдам стал исключением. Со временем он хотел стать священником, главой протестантской церкви. У Морген было сложное прошлое. У нее было два брата, старший и младший. Она после совершеннолетия увлекалась наркотиками, курила травку и потеряла девственность в каком-то ночном клубе в групповухе непонятно с кем обкурившись. Делала ли Морген аборт после той групповухи? Была ли эта групповуха единственной? Снимали ли ее братья с панели? История умалчивает... Такие женщины, как Морген, созданы для увеселения своих братьев. Когда они все были под гипнозом или только она, братья с ней развлекались сексом.

Потом Морген долго лечила что-то серьезное венерическое. Вернее, под ответственность ее дяди ее никто лечить не хотел, заразная ходила. Говорят, и Эдама заразила. У нее был плохой дядя. «Опять борьба за жилплощадь», — подумала я. Вот Эдам с ней намучился, говорят. У нее столько проблем было.

Сам Эдам говорил, что Морген его карма. Он, как будущий священник, взял «подпорченный товар», «бремя», которое будет нести всю жизнь, подавая другим пример. Так делали только лучшие из священников. Он стал священником, потому что ему досталась «грязная» жена с сомнительным прошлым. Он как бы взял «заблудшую», обездоленную душу и исправил

ее жизненный путь, дал ей счастье, семью, покой. В его руках она нашла убежище. Что ждало Морген дальше, не познакомься с ней Эдам и не жевившись на ней? Бесплодие? Дальнейшее падение? Наркотики? Смерть?

Невысокому, хлюпкому Эдаму сразу понравилась Морген, крупная, породная блондинка. Полная. На ней он бы исправил свою мелкую породу. Дети от нее были бы выше Эдама и блондины.

Младший ее брат так и остался наркоманом. Она ездит в Америку его лечит, в клиники кладет.

Родители у Морген умерли от рака. Они не хотели лечиться. Верили в самоисцеление. Ходили по знахаркам и отрицали традиционную медицину. Оракл, знакомый дяди, говорил им не лечиться по врачам, а ездить по целителям. Не доверять традиционной медицине. И вместо того, чтобы делать операцию, удалять опухоли, делать химиотерапию и облучение, они ездили по народным знахарям, а опухоли в это время все росли, а оракл им все подтверждал, что так они скоро излечатся полностью! Они, конечно, в итоге оба умерли, обратились к врачам слишком поздно и «сгорели» за считанные месяцы! Из первой стадии рака сделали четвертую! Считай, живых людей в гроб положили, крышку забили и закапали! Дядя просто чудовище! Сейчас верят ораклам вместо того, чтобы лечится! Такая форма убийства, и не прикопаться! Кого надо так и убивают свои!

Думаю, именно дядя Морген и напоил сестру и шурина раковыми таблетками.

В случае смерти Морген все ее наследство и наследство ее братьев перешло бы к семье дяди. Им была выгодна ее беспорядочная половая жизнь, наркотики, а потом и смерть...

Но в жизни Морген появился Эдам, она стала верующей протестанткой, переняла его религию... И русло ее жизни пошло совсем в другом направлении...

Эдам взял «грязную» женщину («грязную» во всех смыслах этого слова), попорченный товар с букетом венерических заболеваний, проблемными родственниками, наркоманку и «шлюшную» по сравнению с девственницами-протестантками... Даже священнику такую еще пришлось поискать среди правильных лысеющих протестанток. Эдам нашел. Смог. В прямом смысле снял с панели. Он, наверно, искал долго. Все притоны обошел, пока с Морган познакомился. Эдаму это удалось. Найти такую «шлюху» подходящую во всех отношениях.

Из таких «шлюх» в нескольких поколениях сложно вылезти. Эдам решил попробовать. Такую «шлюху» в нескольких поколениях проще похоронить, чем перевоспитать. Такая шлюха раздвигает ноги и будет их раздвигать по требованию, по щелчку; по нужной комбинации пальцев, при любой возможности и при любых трудностях выходить на панель.

Когда Эдам познакомился с дядей Морган, он только быстро и крепко пожал его руку. Особенно крепко... Дальше они говорили, как старые доб-

рые знакомые... Таковыми они и оставались до конца дней... недолгих дней жизни дяди Морган...

Но и Эдам был не так прост. Он был оружейным бароном, ку-клус-клановцем, наркоторговцем, контрабандистом, убийцей и сутенером... И прикрывал все это миссионерством.

Работорговля

С тех пор как генсек Брежнев подписал кровью разрешение на продажу рабов, каждые пять лет выбирали пять городов России, где продавали детей в рабство в Казахстан. С 1970-х годов в каждом дворе забирали по ребенку, продавали в рабство примерно по двести детей от города. На крупных фирмах тянули спички, кто вытягивал короткую — отдавал своего ребенка в рабство... И все в городе надеялись, что короткую спичку вытянут не они.

Ради поставки ковров из Казахстана русские власти согласились поставлять в Казахстан детей-рабов. Им ковры были дороже детей... Рабы должны были быть маленькими. Не взрослыми, чтобы хорошо «приручаться»... Забирали детей десяти-пятнадцати лет, не старше, чтобы рабы были уже физически сформированы и выращены. Но еще психологически незрелы. Чтобы еще успеть этих рабов воспитать и «сломать» — старше плохо «ломались».

Брежнев был сильным ораком и видел будущее. Он присутствовал на жертвенных убийствах негров в Америке, видел, как негритянку зарубили и подали к столу, видел последствия черного рабства для всего мира. И подписал разрешение, желая прекратить рабство, «видя», что потом будет написана книга о рабстве, которая привлечет внимание к этой проблеме и будет причиной искоренения рабства как такового.

В России теперь прямо на улицах хватали детей десяти-двенадцати лет, редко старше, кололи им лошадиную дозу снотворного, засовывали в машины, заворачивали в ковры и отвозили к границе с Казахстаном. Детей хватали прямо на улицах и отвозили к границе с Казахстаном. Здесь их встречали будущие хозяева. Потом местные работорговцы приносили им золотые слитки за этих детей... По современным меркам один раб стоил примерно двадцать миллионов. Любой мог схватить на улице ребенка нужного возраста и отвезти к границе.

Рабы жили в богатых домах на юго-западе Казахстана.

В итоге страну раскололи пополам — были работорговцы, кто по тем или иным причинам стал работорговцами, кинул ребенка к границе и теперь стремился «отмыть» полученное золото. И те, чьих детей украли и чьи дети горели в аду в Казахстане, кому выкалывали глаза, отрезали уши и пальцы, держали на наркотиках, делали проститутками... Кто уже забыл, что такое нормально есть и спать...

Сейчас в Краснодаре за контрабанду детей отвечали Байсек и Алек. Алека на самом деле звали Казбек, но имя Алек ему больше шло, и этим именем он тоже иногда назывался. Они жили в Краснодаре, «подчищали» свидетелей, вели переговоры по поводу поставок рабов, организовывали следующие поставки.

Периодически из Казахстана приезжал урегулировать сложные вопросы и контролировать основные процессы работорговли Али Рашид Хасан Адам Мухамед. Высокий, худой, рано седеющий, с орлиным носом и бесцветными глазами. Он был основным из организаторов работорговли в России и ездил по разным городам.

Байсек был невысокий и вполне мог бы сойти за двенадцатилетнего мальчика. Его рост был не больше метра пятидесяти. Крепкого телосложения. Побритого, его принимали за шустрого ребенка. У него были большие глаза и густые ресницы, копна мягких волос на голове и лицо – перевернутый овал, «куколка». У него были пушистые ресницы, верхние и нижние, что делало его взгляд более мягким, делало его самого больше похожим на ребенка и беззащитным. Алек был выше Байсека и худой, жилистый. С мелкими чертами лица. Он часто ходил с небольшой щетиной.

Байсек, как переехал в Россию, стал учить русский и через несколько лет вполне сносно говорил – ему частично «загрузили» язык...

Байсек пошел в работорговлю, чтобы спасти семью от рабства. Его отец рано умер, когда Байсеку было десять, его дом спалили, у Байсека остались старшая сестра и мать. Сестру ждала проституция, а Байсека и его мать рабство. Его спас Али Рашид. Взял в работорговцы. Сестра так и не оказалась на панели... Мать Байсек убил, чтобы доказать свою преданность Али Рашиду, сердце у матери он не вырвал... Али Рашид сказал, что ему этого не надо делать, это уже слишком – сердце у матери вырывать. Байсек всегда боялся за свою сестру, поэтому был хорошим работорговцем, управляемым. Байсек был из казахской элиты. Богатый. Породитый. Проколотый.

Алек был из дворовых, бедняков. Он был сиротой, у него не было семьи... Поэтому он был худшим работорговцем, чем Байсек. Он ни за кого не боялся и был менее управляем.

Мне было девять, когда я оказалась на остановке с подружкой Марией Герций, и блондинка Надя в очках девятнадцати лет со своим толстым спутником Женей уговаривали нас сесть в синюю машину с двумя дверьми и поехать в кафе на окраине города... Думала, не доживу до десяти... А все дома вокруг были уклеены фото пропавших детей. Мы по счастливой случайности не сели... Подружка через пару дней уехала на родину, в Украину, а у меня под окнами поселились Байсек и Алек ждать моего признания и тогда меня убивать. Надя была хорошая, правильная, дети ей верили, и в Краснодаре многих поймали... В Великом Новгороде тоже детей ловили, там ловила блондинка Вика, и ей дети верили меньше и хуже в машины шли... А толстый Женя себе на пересадку почек зарабатывал...

Я «канатная плясунья», в девять я вступила на свой канат. А потом «девочка на шаре», когда я осталась единственной серьезной свидетельницей работорговли в России. Остальных убили. Я видела и Али Рашида, и лысых в очках толстых живодеров братьев-организаторов работорговли в Казахстане Хасам и Кайзека, поэтому была важным свидетелем...

Старший Хасам был лысый, а Кейзек наоборот с волосами, но подстриженный налысо. У Хасама левый глаз был вставной, и он использовал его как маленький тайник. Хасам ходил в очках с большим минусом, чтобы его глаз не было видно. Он был сильным ораком и импотентом, а у Кейзека было раздвоение личности: одна его личность жестоко убивала детей, а вторая ничего не помнила. Из полицейских за меня отвечал Дажуху Ян Абдулович, помощник прокурора Краснодар по надзору за исполнением уголовных наказаний, отец одноклассника. Он меня как «кошку» с разрешения знакомого генерала Александра, отправил к контрабандистам в центр мафиозной группировки Эдама Хейсонда. Из огня да в полымя, как говорится. Ян Абдулович даже один раз оплатил мой английский под Калашниковых Виолетте Генриховне. Решили протянуть меня через все тяжкие — через все преступные группировки, как «кошку». В работорговлю все равно уже попала.

Меня и сделали этим свидетелем, чтобы сохранить жизнь. Чтобы меня нельзя было убить просто так раковой опухолью. Тогда пачками убивали талантливых детей... И только это свидетельство могло меня спасти... Сделали, а потом поняли, что похоронят быстрее...

Мария Герций благодаря свидетельству вылезла из шлюх. Ее хотели сделать проституткой. Бабушка по отцу продала. А бабушка по матери, наша соседка в соседнем доме, «продавала» «баптисток», под наркотическими веществами подкладывала их под клиентов и складывала за них деньги себе в карман,.. «Баптистки» потом ничего не помнили и вроде все шито-крыто. У «баптисток» вагины поуже. Так мою бабушку в невменяемом состоянии «подкладывала» под клиентов бабушка Марии, подрабатывала сутенером. Мария тоже так пару своих подруг подложила и меня в невменяемом состоянии предлагала, но не получилось. Ее бабушка по отцу тоже так делала, подрабатывала сутенерством. Поэтому Машу и хотели сделать проституткой, но отец вовремя отправил ее в свидетельство, и проституция прошла для нее стороной. Меня отправили в свидетельство, чтобы жизнь сохранить, чтобы раковой опухолью не убили, а Машу — чтобы проституткой не сделали. В свидетелей и отправляют, кого не жалко. Убьют работорговцы — и не жалко... Или кто за жизнь борется... Выживающих. Маше или в свидетельство, или на панель. Ее отец приехал в Краснодар, схватил какого-то ребенка на улице и отвез к границе с Казахстаном. Продал в рабство, чтобы карточный долг покрыть. А свою единственную дочку свидетельницей сделал. Но этого ребенка мать «продала» за деньги, через несколько лет он должен был выпить раковую опухоль и умереть.

Я третье поколение свидетелей работорговли в нашей семье. До этого свидетелями были папа и дедушка по папе. Правда, они не в первом круге. Мы — «молчуны». Главное — молчать. Молчание гарантирует выживание. Молчишь — живешь, рассказал — умер. Я сохраняю молчание...

Байсек был актером. Хорошо гримировался. Поэтому я была молчуньей... Если молчишь — живешь. Третьего не дано... Он мог загримироваться под мою подругу или даже мать...

Как только ты рассказываешь свою историю, свои показания, ты начинаешь умирать. Как только ты начинаешь дружить с работорговцами, ты начинаешь умирать. В итоге такие работорговцы, как Байсек или Казбек, становятся тебе дороже друзей — поверьте, они это умеют. И как только ты признаешься, что знаешь. Рассказываешь свои показания, ты умираешь, они тебя убивают... Они все равно убьют, не могут иначе... Им ведь тоже опухоль растворят, если они тебя не убьют... они тоже пишут отчеты и отчитываются своим боссам... У них тоже есть своя иерархия... Он просто не может иначе... Их тоже так крутят. Не дай Бог. И не дай Бог в этом всем завертеться и оказаться... Потом работорговцы становятся тебе ближе самых близких, матери и отца. Он вытянут из тебя признание, они ради этого и общаются с тобой... Меня и у подъездов караулили, и кирпичи на голову бросали. И казни других свидетелей показывали...

Мое молчание позволило мне дожить до девятнадцати и поступить в университет, где я «по случайности» попала в компанию контрабандистов оружия... Я четко запомнила, пока молчишь — живешь. Молчание гарантирует мне выживание... Хочешь жить — умеи молчать. Никому ничего никогда не говорить...

Вот что ты выберешь — быть живым и молчаливым или мертвым и разговорчивым? Ну сначала разговорчивым, а потом мертвым? Вот и я думаю, что лучше живой и молчаливой... Такого варианта, как разговорчивой и живой нет, жизнь не предоставила.

Все думали, что я нежилец. И Виолетта Генриховна, и мои одноклассники и однокурсники, и, наверное, американцы, и даже моя мама. И дружит со мной нельзя, и привязываться ко мне нельзя. Кто же привязывается к живому трупу? А если я расскажу свою тайну, то убьют и меня, и их. Они все думали, что меня скоро похоронят, и все готовились меня хоронить. Такие свидетели, «из первых» вообще не выживают. И людям вокруг было так легче ко мне не привязываться, если выживу — ничего особенного, а если умру — им проще это будет пережить.

Полицейские даже делали ставки, когда меня убьют или отравят опухолью. Вот только я не умерла...

Даже Виолетта Генриховна для себя одной популярной песне про девочку-призрака присвоила мое имя. И каждый раз, когда ее слышала, думала обо мне. Такие, как я, не выживают. Сегодня девочка, одна из любимых учениц, завтра призрак. Это я. И моя жизнь или скорая смерть.

Тогда свидетелей убивали пачками, раковыми опухолями, работорговцы сотрудничали с полицией в том числе. Что именно меня, как свидетеля массового похищения детей, или толкнут под мусороуборочную машину, или перережут трамваем, или зарежут в канаве. То, что я выжила, череда случайностей. И опухоли разыгрывали, но меня пронесло... Сначала я ду-

мала, что не доживу до десяти, потом до двадцати. И никто из знакомых не думал, что я доживу до двадцати пяти в принципе. Только я думала иначе. Вернее, я вообще ни о чем не думал, просто жила, и надеялась, что все само собой образуется, как и случилось в итоге... Лучше сильно не драматизировать и на своем свидетельстве не заикливаться. Лишний раз не задумываться, а если задумываться, то жить не хочется... И в итоге у меня жизнь сама сложилась. Если так, конечно, можно сказать... Жизнь сохранилась точно! Если начинаешь драматизировать, то жить не хочется. У нас вузы тоже полны преступников, в вузе работаешь, тоже как по лезвию бритвы ходишь.

Для рабства лучше, когда кого-то из детей все-таки возвращают... И хорошо, когда кто-то из свидетелей остается жив... Тогда у рабов есть шанс на спасение, вернуться домой, в свой собственный дом... Так рабам легче жить в рабстве, зная, что их могут спасти и вернуть... Так легче переносить рабство...

Есть один способ вывести свидетелей из игр. Надо показать им самых крупных «шишек». За которых убивают. В моем случае братьев Хасама и Кайзека Нагайновых, принца Халима и «маму».

Принц Халим Хусейн Хусейн Третий был на вершине пирамиды рабства, как президент, главный организатор. Братья Нагайновы – как безжалостные исполнители в домах ужаса. Остальные – исполнители на местах. Али Рашид отвечал за Россию. Байсек, Алек-Казбек – за город Краснодар. Али Рашид правил балом из Казахстана, иногда приезжал в Россию, а Байсек и Алек на местах.

Принц Халим Хусейн Хусейн даже приезжал к Эдаму на американские встречи выражать почтение и жать ему руку. У принца были правильные мелкие черты лица, а само лицо обычное, продолговатое, принц был лопухим. А потом он еще раз приезжал с зашитыми ушами и накладным носом горбинкой, чтобы его никто не узнал, сделал пластическую операцию, потом часто операции делал. И поменял третьим имя на Адам вместо Хусейна, чтобы нашему Эдаму тезкой быть, а потом еще на какое-то, но на какое уже не помню.

Эдам иногда тоже на американские встречи носил накладной нос с горбинкой, чем сильно удивлял Аню Петрилину. Лена Ситокова говорила, что ее отец носил накладной нос, когда у него были важные встречи. Лена тоже так делала – носила накладной нос, когда у ее отца были важные встречи...

На встречи даже приходила «мама» Халима, Елена, ненастоящая, конечно, высокая, крупная, толстокостная, с короткими волосами покрашенными в неяркий рыжий, в больших квадратных затемненных очках, нос картошкой. В длинном песочном плаще. В пирамиде рабства Казахстана она заведовала финансами. Ее зубы, с большими расстояниями между ними, вываливались из челюсти... Потом Эдам заплатил ее стоматологу и ей сделали красивые ровные зубные импланты. Второй раз она приезжала

на сборы к Эдаму с носом уже с горбинкой, носила накладной. Один раз она приходила в полный рост, а другой раз присев на корточки и казалась намного меньше, чтобы запутать свидетелей. Братья тоже иногда ходили на корточках, чтобы их путали и не могли опознать... Елена ради своего места в пирамиде рабства убила своего ребенка. Сначала пытала. Вырывала ему все ногти один за другим, а потом ослепила, как котенка... Такая безжалостная была.

Надежда Николаевна Сафоронова, которая запикивала меня в машину, была «матрешкой». Ей дети верили. Она сама не понимала, что творит зло, и поэтому была хороша на своем месте. Сами полицейские выбрали ее детей воровать. Им проще с такими, им понятными и подходящими.

Чтобы победить рабство, искоренить его и стать более развитой цивилизацией, надо передать рабство в более развитую страну, например, в России, надо делать рабами белых.

Как говорили английские монархи, чтобы победить мировое зло, надо отправить его в Россию, оно там и утонет на их бескрайних просторах. Так сделали и с французской армией Наполеона, так сделали и с Гитлером. Так решили сделать и с рабством, отправить его в России, чтобы русские с ним стали бороться. «Если вы хотите что-то искоренит, отдайте это русским, они разберутся». Россия как губка впитывает в себя все плохое или оставляет себе.

Мой дедушка еще в молодости со склада работы к границе Казахстана привез ковер. Потом оказалось, что в нем был спящий мальчик. Все деньги за раба получила работа дедушки и на костях этого ребенка продолжила свой бизнес... Тогда несколько разных человек с дедушкиной работы отвозили к границе ковры, и в каком ковре был ребенок, никто не знал... Дедушка машину не водил... Все его коллеги тогда таскали ковры со склада, но в каком ковре был ребенок — никто не знал... Дедушка не знал, что вез ребенка. Его сделали просто исполнителем. А если бы он тогда не отвез с коллегой тот ковер к границе, то их бы обоих уволили. А работу тогда найти было сложно... С тех пор у нас завыл под окнами виртуальный раб... Дедушка проработал на этой фирме до пенсии. Насколько дедушка был виноват, но заплатили мы по полной.

Начальница моей бабушки тоже в это время отвезла к границе раба, в итоге она похоронила сына в двадцать — ему растворили раковую опухоль... Начальник фирмы дедушки тоже тогда похоронил сына от рака...

Тогда в России стремились замарать всех, чтобы все в каком-то поколении продавали в рабство детей... Плохо было быть последними... И меньше осуждали...

За этого раба дедушка «продал» мой глаз и спустя почти тридцать лет отправил меня в свидетели — за тридцать лет работорговля в России не затихла...

Ку-клус-клановцы

На юге Америки в принципе не в восторге, что в 1865 года рабство было отменено... Американская культура пропагандирует равенство белых и черных, в которое многие американцы-южане сами не верят.

Студенческие программы, которые неизвестно, чем заканчиваются, — это поиски американцами дешевой рабочей силы, замены рабов... Американцы все велосипед изобретают, ищут альтернативу рабства и никак не могут найти. Ку-клус-клановцы вообще считают, что гражданская война между Севером и Югом была на самом деле между северянами-людьми и южанами-вампирами. Если правительство думает, что рабство просто так закончится с окончанием гражданской войны, то зря так думает. Ку-клус-клан в Америке — это звучит гордо!

Америку когда-то осваивали вампиры. Именно вампиры поднимали экономику Америки, она в полном смысле слова держится на костях и крови бесчисленного количества негров.

Эдам и его компания была последователями ку-клус-клана, устраивали встречи и жертвоприношения. Они ели мясо убитых негров и варили из костей бульоны...

Ку-клус-кланы двадцать первого века процветали в Америке. Южные штаты еще помнили, как хорошо и богато они жили во времена рабов. Прошло сто пятьдесят лет, а американцы этой секты все также хотели повсеместно вернуть рабство. Мечта многих зажиточных южан — вернуть бесплатную рабочую силу. Они воспринимают черных, как скот. Для них черные не люди, а мясо, домашние животные...

Эдам маньяк, в Америке жестоко убивал и разделывал негров... Он убивал негров пачками каждый год... Его Боги, принципы, убеждения требовали именно таких жертвоприношений...

Американцы ку-клус-клановцы верили, что люди изначально были разделены по цвету кожи на черных и белых. Белые были созданы господами, а черные — рабами. И, несмотря на отмену рабства, они считали негров рабами и убивали их, как скот. Ку-клус-клановцы хранили традиции старины, своих семей — рабовладельцев...

Мясо рабыни сродни мясу коровы... Это красное мясо. Американцы говорили, что мясо белого отличается, его есть невозможно, не то, что мясо негра, оно мягкое сочное. Эдам любил есть свежее мясо с кровью, человеческое в том числе. Он был каннибалом и людоедом. Один раз убил большого мальчика, чуть сам не заразился...

Богатые американцы из ку-клус-клана чернокожих рабынь зарезали, как коров на убой, и ели их мясо, мариновали, варили бульоны из их костей. Негров специально тупили медикаментозно под скот, чтобы мозгами

они не очень отличались от коров. Медикаментами идиотами негров делают, бесплатной рабочей силой.

Просто они делили людей по цвету кожи на рабов и господ. И если ты родился черным, то ты априори раб, а если белым, то господин...

Приверженцы ку-клус-клана мариновали и консервировали мясо убитых ими негров и ели его по особым случаям. Как память о временах, когда негры официально считались домашним скотом. Серьезные ку-клуклановцы ели мясо негров минимум раз в неделю.

Только в самых лучших домах юга в двадцатом веке делали все, как сто пятьдесят лет назад, до той бойни, называемой гражданской войной. Дом Эдама был одним из таких...

А что сейчас американцы творят? Сотнями негров истребляют! Придумали их усыплять и заживо изнутри растворять кислотами, делать из негров «супчик». И смотрят, как у них органы растворяются... Американцы поэтому и вырывают себе все зубы и делают вставные челюсти. Поэтому что их зубы из-за постоянного каннибализма разваливаются и выпадают изо рта.

Эдам — мясник. Он хорошо знал, как разделять скотину и людей... Мясо негров он мариновал, хранил дома в баночках. Чекотилы, маньяки, серийные убийцы отдыхают... Я думаю, белых он тоже убивал в перестрелках, просто не ел... Американцы приехали в Россию, как в страну третьего мира негров убивать.

Есть что-то ужасное в том, чтобы убивать маленьких негрятят, расчленять их и засовывать по банкам их маленькие ручки и ножки. У Эдама на съемной квартире в кладовке, скрытой от глаз, стояли банки с консервированными органами негров, маленькие ручки и ножки негрятят, их отрезанные членики, отрезанные груди негрятенок. Русские консервировали варенье, закручивали компоты, а американцы-южане органы убитых ими негров.

Эдам и Морген показывали мне эту консервацию под гипнозом. Думали, я не запомню... В банках в кладовке консервированные маленькие черненькие ручки и ножки. Глазки. Эдам сказал, что перед отъездом съест все консервированное мясо. Возможно, с собой заберет.

Нормальные люди считают, что буренка — это корова, а Эдам считает, что буренка — это негрятенка...

Эдам Хейсонд носил засушенный глаз убитого им негра-врага на груди в кожаном коричневом футляре, как амулет. У Эдама было три таких амулета, один негра-врага, которого он убил взрослым, другой его сына, который он вырезал у живого мальчика, сына врага, просто напал и вырезал, но мальчика не убил. Негритенок на всю жизнь остался без глаза. И третий не засушенный, а маринованный. Этот глаз он показал только Саше Янченко, другу. Это был глаз врача, который не смог вылечить его мать после той страшной аварии, когда она умерла. Друг Эдама носил на шее засушенный зародыш сына его врага, который он вырезал из чре-

ва его женщины, убитой им за минуту до... Ку-клус-клановцы хвастались таким амулетами.

Другой друг Эдама члены негров ест, чтобы себе потенцию поднимать. Ему потом потенцию колют. У органов нет цвета кожи, и негры также подводят на органы, как и белые.

Иногда негры в отместку убивали детей ку-клус-клановцев: «Мы убиваем их, он убивают нас». Белые убивают черных, а черные — белых.

Как говорил сам Эдам, бедным рабы не нужны, рабы нужны богатым... Бедные работу рабов могут сами делать. Им сложно рабов содержать.

Кто выкалывают у врагов глаза, самые страшные. Они забирают самое ценное в жизни — они забирают свет, погружают во мрак. Такой была семья Хейсондов — самыми страшными! Можно жить без руки, без ноги, но заберешь зрение — и заберешь жизнь... заберешь все! И люди становятся подобно пятидневным котяткам, беспомощными... Самые страшные ку-клус-клановцы забирают глаза и носят их в таких вот кожаных небольших амулетах из выделанной кожи, с узором.

Хотя с одним глазом можно прожить всю жизнь, опасаясь за здоровый глаз, и быть при этом прекрасным рабом. Но потеряй один глаз — и ты раб обстоятельств. А можно по неосторожности потерять второй глаз, некоторые могут поспособствовать — неудачно чиркнуть спичкой, выколоть веткой, может отлететь какой-то осколок — и все, слепота на всю жизнь, можно остаться до конца дней «слепым котенком». И ты всю жизнь боишься ослепнуть на второй глаз. Но при этом, потеряв руку, ты станешь плохим рабом до конца дней, ногу тем более, а, потеряв один глаз, еще можешь неплохо работать... Как удачно колоть глаза.

Как говорил Эдам на одной из встреч, у американцев в Сенате даже лежит законопроект, делающий рабство легальным в нескольких южных штатах. Но пока этот законопроект был заморожен и отложен в дальний ящик... Как бились за равенство прав и свобод в Лиге Наций, так в Америке бились за возвращение рабства... У них был свой человек в Сенате, с ним был даже знаком Эдам Хейсонд. И каждый год они поднимались вопрос о воскрешении рабства в той или иной форме. Но времена были другие. Рабство стало незаконно, запрещено разными конвенциями на мировом уровне. И в такой развитой и продвинутой стране, как Америка, легализовать рабство стало практически невозможно. Это хорошо для такой полуразвитой страны, как Казахстан. Как объяснял Эдаму его знакомый в Сенате, раньше рабов поставляли из Африки, без прав и документов. Сейчас все чернокожие были уравнены с правами с белыми на законодательно уровне. И вернуть рабство законодательно стало очень сложно. Должен быть промежуточный этап, когда черные работали на белых на плантациях задешево и отдавали им свои документы для хранения. А потом работали за кров и еду. И у белых на плантациях жили лучше, чем у себя дома. Но этот этап было сложно реализовать, пока американцы жили на соцпособие и имели социальное жилье. Поэтому

свою задумку Эдам оставил на потом... Он ехал в Россию продолжить рабство в той форме, в какой оно было возможно в двадцать первом веке — продажа детей-рабов в Казахстан... Эдам кричал, что каждому белому нужно по рабу, по негру в домашнее хозяйство. Но рабство было хорошо на земле. В северных штатах и без рабов справлялись. Многие тупые «дубинистые» рабы были не нужны. Было достаточно умной наемной силы. Негров дубинили под рабов. Специально делали идиотами.

Американцы борются за рабство и против на каждом конгрессе. И знаковый в Сенате уже говорил Эдаму и его дяде, что сейчас вернуть рабство очень сложно в таком масштабе, как хотят они, как было до 1865 года. Надо принимать документы на уровне Лиги Наций. И рабство должно прийти извне, а не из самой Америки. Что если Америка относит себя к цивилизованным странам, то в Америке рабство должно быть запрещено... Но оно может существовать в странах попроще, например, в Казахстане...

Слишком много надо отменить конвенций и бумаг на уровне Лиги Наций для легализации рабства. О легальном рабстве уже речи не было... Только о нелегальном, незаконном...

Такие, как Эдам, готовы были положить оружейный бизнес на алтарь рабства. Если бы рабство вернулось в Америку, обменять оружейный бизнес на рабовладельческий. Как говорили американцы: — Нам обещали тихую и спокойную жизнь без постоянных перестрелок, чтобы наших детей не убивали в бандитских разборках, взамен мы должны были проголосовать за возвращение рабства. Но тихую жизнь нам никто не мог гарантировать, а рабство возвращать не надо торопиться... Не надо торопиться возвращать то, что когда-то было так сложно отменить. И за что мы все так долго и кровопролитно боролись...

Поэтому крепостничество было хуже рабства с точки зрения бесплатной рабочей силы, потому что крепостные были белыми и после революции смешались с господами. Крепостного и господина переодень и не отличишь. Совсем другое дело деление по цвету кожи. Какая удачная форма закабаления: «черный=раб». Удачный был вариант рабами делать негров. Хороший вариант разделить людей по цвету кожи, если черный, то точно раб... Рабами всегда могли быть только негры. Но у черного цвета есть оттенки, и есть мулаты и метисы. И цвет кожи азиат тоже может быть темен... Теория ку-клуб-клана Эдама требовала коррекции. Но Эдам был именно главным по работоторговле. Ку-клуб-клуб возглавлял другой.

Проблема ку-клуб-клана — что белые американцы стали жениться на мулатках или вообще негритянках, это пропагандирует СМИ. И у них стали появляться дети-мулаты. Тогда они стали говорить, что оттенок имеет значение, и чем темнее цвет кожи, тем более ты раб. А мулатка — это рабыня или нет? А азиатка? А адыгейка? А микс? А индусы? Как тогда понять, кто раб, а кто нет, если летом они все одинаково темнеют. Если все небелокожие. то тогда большинство жителей планеты Земля — рабы. Если только темнокожие негры, то меньше четверти рабов. Даже сам Эдам ле-

том заметно смуглел, и кожа его приобретала оттенок рабского... Эдам говорил, что надо смотреть на волосы и черты лица... И браки с темнокожими никто не отменял... Поэтому рабоприверженцы, рабопоследователи предпочитали блондинок... Сам Эдам женился на блондинке.

Теория Эдама, что корова равна негритянке, требовала поправок. Если негры коровы, то почему им тоже дают паспорт, но у коровы тоже есть документы, но у негров такие же документы, как и у белых, разница только в цвете кожи на фото. Например, если взять корову, то ее никак через три поколения не сделать белой женщиной. Но если взять негритянку, то «повязав», «скрестив» ее с белым мужчиной, получится мулат. А потом на внуках оттенок кожи станет еще белее и т. д. В итоге можно получить белокожего... С коровой такого не получится... Значит, рабыня не равна корове... Эдам даже занимался сексом с коровой, чтобы проверить, равна ли она негритянке, сказал — одинаковые. Но от коровы у тебя не может быть детей, не получают, ку-клуб-клубовцы проверяли, пытались сделать ребенка корове, «человекобыка», а от негритянки могут.

Ку-клуб-клубовцы очень не любили, когда их члены женились на чернокожих или мулатах... Такие сразу выбывали и получали черную метку. Неприятно смотреть на жену друга, как на обед... Некоторые по молодости женились на мулатках, а потом очень сильно жалели... Но правительство, борясь с ку-клуб-клубовцами, именно поощряло межрасовые браки, чтобы перемешать население.

Для Эдама буренка-корова и рабыня ничем не отличались. Поэтому американцы не кормили детей грудью, чтобы их не ассоциировали с домашним скотом. Эдам предлагал нации оружейный бизнес обменять на рабовладельческий. Вернуть рабство в том виде, в каком оно нравилось богатым американцам, в «черном» виде.

Американцы в России

Днем в американском клубе мы говорили об этикетках и бирках. А вечером Эдам звонил по межгороду в Казахстан на домашний разговорить с главным по поставке рабов Али Рашидом Хасаном Адамом Мухамедом... И такие разговоры он проводил уже несколько раз... Хасан для этих звонков несколько раз отъезжал на большие расстояния из дома, чтобы не было возможности выйти потом на Эдама, но один раз заболел и собирался говорить из дома. Эдам договорился, что в следующем году придет партия студентов-иностранцев из Казахстана, чтобы прикрыть эти его междугородние звонки...

До этого Эдам и Морген были с религиозной миссией в Африке и, говоря, «съели», «покосили» там много негров. Под Эдамом земля проваливается, такой он плохой человек... От всего содеянного. Он раковую опухоль просто так африканскому мальчику растворил год назад. А врачи ничего сделать не смогли... А мальчик умер за считанные недели... А родители ничего не поняли, за что и почему их сын семи лет так быстро умер. А Эдам верил, чтобы ему разрешат завести ребенка, ему надо убить другого ребенка... Он убил этого ребенка просто так... Чтобы своей «потомственной шлюхе» когда-нибудь ребенка сделать. Эдам и Морген под гипнозом связали и ослепили молодую африканскую девушку. Эдам ей выколол один глаз, а Морген другой. Оракл Эдам говорил, это африканская девушка в будущем станет проституткой. И ее отец будет потом ему, Эдаму, благодарен. А что вы хотите от контрабандистов оружия? От бандитов? В Россию их отправляли «исправляться» и учиться жизни.

Сейчас вечерами Эдам с Морген ходили обмазывали кровью больного СПИДом мост поцелуев на набережной. Возможно, тоже отвлекали внимание и работали на будущее.

До того, как Эдам Хейсонд приехал в Краснодаре, здесь уже пару лет жил его «дядя», готовил почву и проводил операции по контрабанде, искал поставщиков. Дядей он называл отчима. Эдам не любил слово «dad», оно было созвучно слову «dead» — «мертвый», а Эдам, как и все преступники, был суеверным. Поэтому у него папа-отчим стал дядей, а мачеха — тетей. Мать Эдама, бывшая жена отчима, уже умерла, и дядя женился во второй раз на бабе, снятой с панели, что и рекомендовал сыну... У Эдама на самом деле был только родной младший брат. С младшим братом у Эдама постоянно шли соревнования, кто более крутой преступник, сын их общего отца. Сам Эдам говорил, что он был старшим братом в семье и у него было два младших брата. Возможно, Эдам Хейсонд тоже надел маску священника, которым никогда не был, чтобы провести операции по поставке Калашниковых, и рассказывал семейное древо того священ-

ника, маску которого надел. Убийца нравилось надевать маски нормальных, обычных людей.

После женитьбы Эдам взял фамилию Морген, чтобы его не ассоциировали с «дядей», который занимался контрабандой оружия и снабжал им бандитские группировки Америки. Его «дядя» уже даже получил золото за пару детей-рабов. И не постеснялся, приехал в Россию работоторговлей подрабатывать. И золото взял, и в Америку переправил.

Этим американцам на пленных детей было наплевать! Они их сами в рабство продавали. Тетя Эдама, вторая жена его «дяди», чтобы стать своей в бандитском мире Краснодара, просто схватила маленького ребенка на улице, вколола ему много снотворного и положила в машину. Потом они вместе с «дядей» Эдама отвезли ребенка к границе с Казахстаном. Байсек передал ей горшок золота. Даже у Казахских работоторговцев, у Байсека и Али Рашида, в этот момент отвисла челюсть от ее смелости. Дядя Эдама, известный в Америке торговец оружия, тоже снял тетю с панели, женился на проститутке. Эдам пошел по стопам «отца». Бывшая проститутка смело чужих детей на улицах хватала, это все объясняло для казахстанских работоторговцев. Но эта история не о том...

Такому Эдаму и «шлюха» нормально. Эдам поэтому и женился на шлюхе Морген, снял ее с панели. Зная, что только шлюха с панели будет его надежной опорой в криминальной деятельности, будет из благодарности вместе с ним выкалывать глаза, воровать рабов, закручивая их в ковры, убивать раковыми опухолями детей... Шлюха с панели – хороший вариант для контрабандиста оружия, не гнушающегося и работоторговлей.

Эдам снял ее с панели, ее, уже обслуживавшую несколько клиентов, побывавшую в аду, которая будет до конца дней его боготворить, что он вытащил ее из ада панели, вернул к нормальной жизни. Которая уже успела понять, куда попала и что такое проституция. Которая будет до конца дней ему благодарна и будет его верной спутницей во всех его преступлениях. Эдам сам говорил, что удивлялся, на что у него, контрабандиста, торговца оружием, смертью, убийцы, не хватило бы смелости, всегда хватало у его жены... Чего он не смог бы сделать, где у него бы дрогнула рука, Морген делала не колеблясь. Например, воровство русских детей на улицах и продажа их в рабство.

Морген была так благодарна Эдаму за эту новую, полную приключений, подаренную ей жизнь! Хотя ей судьбой было уготовано совсем другое. С Эдамом Морген стала работоторговкой, убийцей и контрабандисткой. Ей уже нечего было терять, и работоторговля и контрабанда ее уже не пугали.

Эдам с Морген даже могли меняться паспортами, затирали пол в паспортах и пересекали границы – самое сложное для преступников. Эдам по паспорту становился Морген Хейсонд, а Морген – Эдамой, дописав в паспорте букву «а» – еще один пакет документов... Английские фамилии не изменялись по родам в отличие от русских – еще одно преимущество родиться американцем, как говорил Эдам.

Для Эдама миссионерство – хорошее прикрытие контрабанды – можно возить кого угодно куда угодно под видом верующих протестантов. Эдам в Россию и приехал, чтобы в сложное «мутное» время, когда затухала работорговля детьми в России, отвезти флаг работорговли в Европу, передать контакты работорговцев в Литву. Эдам мечтал возобновить работорговлю в Америке. Стремился, чтобы огонь работорговли не погас. Эдам приехал контрабанду Калашниковых наживать, заниматься сутенерством и наркоторговлей.

К тому моменту, как Эдам Хейсонд переступил границу России, он убил и линчевал уже более девяноста человек...

Крестное знамение

— Добрый день, мои русские друзья, — сегодня, когда мы заходили в американский центр, Эдам встречал каждого из нас индивидуально, жал руку и узнавал, как наши дела. Так он поступал не всегда. Но сегодня. Рядом с ним стояла Морген. Нас сегодня принимали, как добрых гостей.

Так делали только лучшие и з священников и... контрабандисты оружия... У Эдама недавно было собрание с коллегами-оружейниками.

— Арина, как твои дела сегодня? — Эдам говорил с милым английским акцентом.

— Хорошо, спасибо...

Иногда Эдам подглядывал в свою тетрадку, когда смотрел новые русские слова или фразы, тонкую двенадцатилистовую зеленую тетрадку в линию.

В начале встреч Эдам всегда говорил на русском. А потом переходил на английский... Я каждый раз удивлялась, как хорошо он говорил по-русски. Каждый день он учил по одному новому слову. Русским он занимался с репетитором-женщиной (репетиторшей) и иногда его также учил Саша Янченко, сначала платно, а потом бесплатно, как друга.

Мы расселись на скамейки рядами. Я с Ясей были в первом ряду.

До сегодняшнего обсуждения Эдама очень волновал вопрос, как крестятся православные христиане. Он стоял на сцене перед нами, как обычно в широких джинсах и белой майке, несмотря на то, что для маек было еще холодно. И мы говорили о православии.

— А русские крестятся двумя или тремя пальцами? Так? — И Эдам сложил большой, указательный и средний пальцы в трилистник. Потом спросил: — Или так? — И показал два выпрямленных пальца, средний и указательный, и стал подносить их ко лбу.

Саша тут же пришел ему на помощь, он даже сидел рядом со сценой, чтобы всегда быть под рукой у Эдама. Он показал два пальца и сказал: — Так делают староверы, старообрядцы... И они еще рисуют свои иконы... Православные крестятся тремя пальцами, — и Саша сложил пальцы в трилистник.

— А мне знакомый священник пытался объяснить, как правильно креститься и показывал и так, и так... Но сказал, что двумя пальцами правильно. Но, наверное, я не понял... — Эдам усмехнулся и вытянули два пальца.

— Так крестятся староверы...

И Саша начал рассказывать о церковном расколе Никона 1653 года, когда русская церковь раскололась на две.

Лена Ситокова тоже много знала о реформе Никона, она любила этот период истории. Эдам говорил, что фраза про гору, которая идет к Магомету — это про Лену.

— А рука имеет значение? — спросил Эдам. — Левая или правая? Крестятся левой или правой рукой?

Мы все попробовали покреститься разными руками. Я сначала перекрестилась правой, а потом левой. По-старообряднически и по-современному.левой неудобно...

— Наверное, правой. Да, правой... — сказал Саша, тоже попробовав.

— А порядок имеет значение? Is the order matters? — Эдама очень интересовал именно механизм крестного знамения... Эдам старался говорить по-русски, но у него не всегда получалось, и он переходил на английский. Ему иногда переводил Саша и помогал ему, отвечал на вопросы по русскому, как иностранному. Эдам записывал в тетрадке русские слова латиницей.

— Да, — опять объяснял Саша. — Сначала лоб. Потом живот. — Саша показывал на себе, крестился и говорил. — Потом правое плечо. А потом левое... — Мы все вслед за Сашей перекрестились. Эдам тоже перекрестился. Саша сразу же попробовал перекреститься двумя пальцами.

— Сначала левое, а потом правое? Или правое, а потом левое?

Саша тут же попробовал... — Нет, сначала правое, а потом левое... да, именно так...

Мы на скамейках сидели и крестились.

Эдам попробовал в двух последовательностях.

— Потому что если сначала левое, а потом правое, — продолжал Саша, — то как бы ставишь на себе крест... Правильно сначала правое, а потом левое...

Эдам перекрестился слева направо, потом справа налево... — Да. Теперь правильно...

— Странно, мне священник совершенно точно говорил, что сначала левое плечо, а потом правое... — Эдам достал свои записи и внимательно посмотрел рисунок крестного знамения, который он нарисовал со слов знакомого священника и рисунок самого священника. — Да. сначала левое, а потом правое... Именно так он и говорил... И креститься правой рукой... Странно. Что бы это могло значить? — И Эдам отложил тетрадку. — It doesn't matter actually... Left shoulder or right one... Does anyone know if it matters?

Никто не знал...

— That's OK. I'll find out... Never mind...¹

Этой ночью Эдам убил негритенка именно в такой последовательности... — сначала удар в лоб, потом в живот, правое плечо, а потом левое...

Эдам и собак убивал. Тренировался. Собак тоже ел, но не любил... предпочитал негров. У собак очень жилистое мясо, они постоянно бегают.

¹ — Это на самом деле неважно... Левое плечо или правое... Ктонибудь знает, важно это или нет?... Ок. Я узнаю... Не берите в голову...

Яся дома спросила у мамы тети Любы, что значит сначала крестить левое плечо, а потом правое, и рассказывала на следующей встрече Эдаму.

— Если сначала левое, а потом правое... так крестятся или крестились раньше оружейные бароны... Кто занимается торговлей оружия... Или контрабандой. Их так метили раньше... — сказала Яся.

— Яся, ты даже дома спрашивала, — Саша рассмеялся. — А я думал, кто это скажет... И не постеснялась даже, — сказал Саша даже с восхищением и немного стебом. — Да, наша Яська такая, она не стеснительная!

Саша все быстро перевел Эдаму.

— Да я понял... — Эдам весело усмехнулся... — Понятно... Значит, это ты... — Он сразу же сосредоточенно посмотрел в свои бумаги... — Я со священником поговорю... — Эдам отложил тетрадку.

Потом Эдам сделал важное объявление:

— Друзья, у меня в жизни произошло радостное событие, и я хочу поделиться им с вами! Моя красивая прекрасная жена беременна! Our child was made in Russia,¹ — и он довольно преувеличенно покивал головой улыбаясь, так он был собой горд. Говорили, что Морген долго не могла забеременеть, что с ее историей и родословной Эдама неудивительно.

Дьячок, у которого консультировался Эдам, работал в церкви, и у него была своя маленькая комнатка за иконостасом, где он хранил старообрядческие иконы. Он служил в православном храме, но сам был старообрядцем... Это был молодой старообрядческий священник и поэтому учил Эдама креститься двумя пальцами, как считал правильно креститься самому. Он учил Эдама своей единственно правильной старообрядческой вере, думая, что американцы не разбираются...

Эдам долго пытал этого священника, который, как он считал, его обманывал и метил, как оружейного барона. Сначала Эдам у священника порезал язык, что тот не мог говорить и вести службы — священник зашил язык у хирурга. Потом Эдам совсем отрезал ему язык и вырезал глаз, который теперь носил в своем кожаном футляре на груди. Вырезанные глаза, которые носил в футляре Эдам, как амулеты, периодически менялись. Несколько дней священник ходил без языка и глаза, с повязкой. Пытался даже вести службы, но мог только мычать... Его очень жалели служительницы этой церкви... Священник думал, что страдает за свою веру, которую считал истинной. Через несколько дней Эдам убил этого старообрядческого священника... Священника нашли в канаве с отрубленной правой рукой и выколотым единственным глазом... Этот священник недавно начал «тикать», выпил раковую опухоль. Он мог еще долго «тикать» и умереть, как человек, а мог и быстро умереть. Эдам убивал смертника.

Этого старообрядческого священника не любили православные, потому что он втихаря исповедовал старообрядчество в православной церкви.

¹ — Наш ребенок был сделан в России.

Его не любили старообрядцы, потому что он вел православные службы и был священником в православном храме, а не старообрядческом. Он не построил старообрядческий храм. Как некоторые... И прихожане церкви его тоже не очень любили и понимали. И старообрядцы, и православные. Если ты старообрядец, то почему ты поешь в православном храме? А если ты православный, почему ты крестишься двумя пальцами, если никто не видит?... Его не принимали ни те, ни другие...

Эдам передал нашим полицейским, что если они не могут сами защитить своих служителей церкви, какими бы они ни были, то грош им цена. У ку-клус-клановцев были такие правила проверки полиции... И Эдам, как священник, должен был убить в нашем городе нашего священника — у него такие правила. Старообрядческого священника никому не жалко... Наш полицейский Георгий Семенович, ответственный за Эдама, конечно, нашел Эдама и жестоко избил... Но священника это не вернуло...

Яся все пыталась достать из футляра Эдама глаз священника и сделать ДНК-тест. Эдам глаз Ясе сам передал с приветом полиции, сказав, что взял его у врача, проводившего операцию. Яся отнесла глаз своему полицейскому, который за нее отвечал... Все в рамках игр, заранее сделанной договоренности.

Полицейских тоже можно понять, так они хоть как-то держали в рамках убийц и преступников, хоть как-то на них влияли!

Чтобы Эдам докладывал нашим полицейским, сколько он убил и когда, и им не пришлось напрягаться, для Эдама они убили негритянку, когда Эдам только приехал, — он требовал негритянских жертвоприношений! Эдам с Морген убили «тикающего» негритенка-младенца, а потом и его «тикающую» мать!

Эдам все переживал, что если он съест мясо «тикающих», то у него тоже будет рак. Его врачи убедили, что если он заразится, что вряд ли возможно, то ему опухоль свернут. Он так попытался свернуть «законную» опухоль дочке друга оружейника, но не проскочил.

Вечеринка в пижамах

В апреле в одну из пятниц американцы пригласили девушек на вечеринку в пижамах.

Вечеринка в пижамах проходила в трехкомнатной квартире, которую снимали американцы. В этой квартире сейчас жили Эдам и Морген. Остальные американцы жили в общежитии.

Квартира Эдама и Моргена была на первом этаже блочной белой пятиэтажки в остановке от универа. Блоки-секции были с залитыми разноцветными керамическими кусочками. Пол в квартире был холодный, поэтому везде были тонкие дешевые ковровые покрытия, даже на кухне.

Квартира по сути небольшая, с небольшими комнатами, но хорошо обставленная — новые деревянные двери, стиральная машина — обязательное условие американцев, мягкие диваны, тонкие ковры во всех комнатах, новая плитка в ванной и туалете, со старым широким неплазменным телевизором в зале — американцы в среднем жили лучше, чем посещающие их встречи русские.

На эту вечеринку в пижамах пришли Яся Воронина, Аня Петрилина, Лена Ситокова с подружкой Викой, Лида Дорошина, рыжая, высокая, очень худая и сильно прыщавая, с факультета лингвистики, и, конечно же, маленькая Яна. Потом подходили остальные. Была также блондинка Ира, которую я видела с Дженнифер в баптистской церкви. Беременная Морген с небольшим животиком месяце на третьем-четвертом встречала гостей.

Но не все верили в беременность Морген. Некоторые говорили, Эдам и Морген имитировали беременность, что у Морген рос живот от постоянных запоров, которые она сама вызывала у себя с помощью сухих бубликов и сухарей, периодически ходила в туалет и в эти дни «облегчения» носила подушку или специальную накладку. Беременность Морген была частью легенды семьи Хейсонд. Кто поймет этих американцев-контрабандистов? Зачем они придумали эту беременность и от чего отвлекали внимание?

Первая самая большая комната съемной квартиры — зал. Здесь были белые флизелиновые обои. Эта комната была проходной с угловым тканевым диваном между дверьми.

Над диваном висел красивый светильник «фонтанчик» с хрустальными капельками на концах блестящих желтых «прутиков», выгнутых как падающие струи воды. Двери были деревянные, недавно лакированные и поэтому блестящие, диван мягкий, светло-коричневый, угловой, раскладывающийся, обтянутый тканью, но с узорчатыми фланелевыми подушками. На диване были квадратные подушки с бахромой по краям, светло-коричневые и зелено-желтые, с орнаментом и угловатым многослойным цвет-

ком в центре... На обивке дивана были такие же вставки, как и подушки, болотного, желто-папоротникового цвета. На полах красно-зелено-желтое ковровое покрытие с низким ворсом, с большими красными цветами с острыми лепестками и зелено-желто-папоротниковыми листочками. Возможно, зеленый на покрытии был выгоревшим и стал папоротниковым. Из зала дверь вела на балкон.

В комнате стоял журнальный столик цвета ореха из дешевого ДСП. Напротив, типичная советская стенка на всю стену — такие стенки вмещали тонны вещей в советскую пору и так выполняли свою главную функцию... За стеклом только пустые деревянные полки без посуды. Мебель казалась дорогой, но на самом деле была дешевой, как во многих сдаваемых квартирах. Дешевую стенку выдавали облезлые пластмассовые ручки «гвоздиками». Стенка была как бы разделена на две части или состояла из двух секций — часть с нижним комодом и с открывающимися ящиками. В низу стенки с одной стороны были три ряда широких выдвигаемых полок по две, как у комодов. С другой стороны были два нижних открывающихся ящика с полками внутри, стеклянный пустой буфет над ними и рядом двухдверчатый шкаф на двух ящиках. Пленочное покрытие стенки кое-где облазило, оголяя прессованные опилки. Стенка тоже была желто-орехового цвета.

Батарея у стены балкона была спрятана за пластиковой панелью цвета ореха с редкими продолговатыми трехсантиметровыми вырезами...

На ТВ тумбочке в углу был «толстый» японский телевизор с серебристым видеомагнитофоном под ним. На телевизоре стояли большие колонки. На полу недавно лакированный блестящий паркет. Как будто деревянные двери и пол недавно хозяин квартиры сам покрыл одним и тем же лаком.

Морген встречала гостей в свободной белой футболке и черных штанах — она носила только черные брюки, делающие ее огромные бедра визуально уже.

Аня Петрилина — крупная блондинка на полголовы выше меня, с длинными ниже пояса волосами и очень широким тяжелым тазом, толстокостная, я бы даже назвала ее полной. Я до этого видела ее на американских встречах, но ни разу не была с ней в малой группе. Аня с серыми глазами, широким лицом, острым носом, тонким маленьким ртом и низким лбом. У нее был острый подбородок и ярко выраженные скулы. Она, как и я, заканчивала первый курс, но училась на лингвистике в нашем университете. Она училась на договоре и говорила, что была отличницей.

Яся пришла в ярко-бирюзовых бриджах с ромбовидными вырезами в два ряда вдоль внешних сторон ног и белом топе качелями, ее тело была намазано специальным маслом и блестело. Через вырезы на штанах не проглядывали трусы, поэтому я решила, что у нее трусы на липучках... Яся была одета легче, чем все остальные, а я теплее. Яся была одета не по погоде. На мне была черная трикотажная кофта с одним вязанным кружевным рукавом, а другим обычным и серые брюки. На дворе был ап-

рель. На маленькой Яне была короткая юбка в красно-синюю клеточку и белая футболка.

Сначала мы сидели в проходном зале. Американцы угощали как обычно порезанными бананами, апельсинами и крекерами.

Морген развлекала гостей разговорами:

— Эдам начал немного лысеть, — Морген хихикнула, сказав это, как и подбаивает жене. — Так из-за этого переживает!.. Вчера играл на гитаре... пам-пам-пам, — и Морген как будто взяла несуществующую гитару и стала нажимать пальцами левой рукой на лады, а большим пальцем правой руки дергать струну. Я отметила, что она точно не умела играть на гитаре — ее выдавали неумелые движения и неправильная постановка рук.

Мы делали фото, сидя на диване. Почти у каждого был фотоаппарат, и мы сидели как фотомодели, пока делали одинаковые фотки на разные фотки. И старались смотреть в объектив фотика, на который снимали, что не всегда получалось. Поэтому возникали фото, на которых все смотрели в разную сторону в разные объективы, одни смотрели в одни объективы, другие в другие, глаза были в разные стороны. Получались «раскосые» фотографии. В компании Эдама было много «зайцев». И опять много вспышек на разные фотки.

Последней Дженнифер делала фото на «мгновенный» фотоаппарат, он тут же выдавал фотографии — мы в обнимку, я лежу на девчонках, я фоткаю с Джен, которая опять выглядит как маленькая девочка. Я с Морген, Дженнифер и Ясей в обнимку на диване, при этом мои глаза полузакрыты и как-то скошены... На фото Морген поставила пластиковый стаканчик между ног. А Дженнифер делала вид, что она маленькая беззащитная девочка.

Дженнифер случайно сделала мгновенное фото, где Морген была задумчивой, стандартно не улыбалась, а просто и равнодушно смотрела в кадр. Я хотела рассмотреть это фото, которое сразу же выдал фотоаппарат и которое проявлялось у меня на глазах, но Морген тут же вырвала у меня эту фотографию, порвала на мелкие кусочки и выбросила.

Меня шокировала ее реакция — она рвала все фото, на которых не улыбалась?

Морген хотела на всех фото получаться только смеющейся. Если кто-то вдруг видел ее неулыбающейся и, не дай Бог, снимал в этот момент, то она теряла адекватность.

...Я видела, как грустила, не улыбалась, жена Эдама. Поэтому по правилам теперь я должны была или умереть... или ослепнуть.

Из зала можно было попасть в маленькую темную комнатку, куда мы пошли красить ногти. Ковровое покрытие здесь тоже было с тусклыми красными цветочками и папоротниковыми крючочками, а диван тоже светло-коричневый.

Я заметила, что и ковровые покрытия, и диваны в обеих комнатах были похожи. Мебель можно было переставлять из комнаты в комнату, не на-

рушая при этом цветовую гармонию. Мебель и даже ковровые покрытия были универсальны — мебель из одной комнаты хорошо бы смотрелась и в другой. И все комнаты квартиры были в желто-коричнево-папоротниковых выгоревший цветах. Говорили, что у хозяина квартиры был слепнувший большой брат-зверь.

Морген принесла свою черную косметичку с лаками — негритянки в Африке очень любили красить ногти, для них это было в новинку, и Морген думала, что мы, как негритянки, тоже любим. Но для русских это был привычно, и Морген это быстро поняла. Мы расстелили газеты на ковровом покрытии и красили ногти на руках и ногтях в разноцветные цвета. Яна красила ногти вместе с нами, хотя я думала, что ей в ее семь красить ногти рановато. Я обратила внимание, что американцы-мужчины тоже иногда красили ногти на руках и ногах в яркие цвета, особенно часто в синий и черный, по крайней мере так делали Эдам и Майкл, последний собиравший в мае уезжать проповедовать в Новой Зеландии.

С новым лаком тоже делали снимки на разные фотки.

Я была в двух комнатах из трех квартиры Эдама и Морген. Их спальню я не смотрела. Может быть, американцы хотели казаться богаче, чем были на самом деле.

Женя Снисарь, новенькая невысокая девушка, и Лида дурачились в американских спальниках, ярко-синем и ярко-бирюзовом. Они залезли в спальники и высоко синхронно поднимали ноги, как гусеницы то в одну, то в другую сторону. Спальники были новые, легкие, блестящие.

На девичник приходили то одни, то другие. Ненадолго заскочили Саша Янченко и Егор. Они громко говорили и смеялись на кухне с Морген, а потом пошли обратно в общежитие к американцам. В это время у мальчиков в общежитии был мальчишник, где главным заводилой был Эдам, наверняка, не обошлось без алкоголя. И Яна с Дженнифер и Ясей тоже были приглашены на мальчишник, немного потусовались с пацанами. Яся уехала ночевать домой. Яна с Дженни собирались в общежитии лечь спать. В квартире Эдама и Морген не хватало спальных мест.

Потом мы играли в твистер. Эдам и Морген любили эту игру, они привезли свое потрепанное игровое поле из Америки.

Мы не спали до трех утра — красили ногти и разговаривали.

Уже поздно ночью я, Аня Петрилина и Лида пошли на кухню пить чай с крекерами — бананов уже не осталось. А Морген с Леной Ситоковой отправилась в круглосуточный супермаркет на остановке пополнить запасы фруктов. Лена нужна была Морген в качестве переводчика. На кухне был стол, соединенный с двумя скамейками с двух сторон, тоже из ДСП под дерево. Было много кухонной бытовой техники, что меня опять же удивило и подчеркнуло богатство квартиры.

У меня дома тоже была маленькая кухня. Поэтому небольшая кухня на съемной квартире, немного больше моей, меня не смутила, чего нельзя

было сказать об Ане Петрилиной — их маленькая кухня ее удивила, но она сказала, что все нормально, раз много бытовой техники.

После трех мы решили ложиться спать. Нам намекнула переодевшись Морген. Она легла у себя в спальне.

Спальные мешки положили на пол, на их тонкие ковры. Спальник Шерил был темно-синий. Этот спальник был тонкий, но, наверняка, очень теплый. С синтетическим верхним слоем. Около нас бегала Шерил в мальчишеских шортах и белой футболке — она не торопилась ложиться спать.

Меня в спальнике положили в проходном зале. Я ночевала не в пижаме, а в большой майке в спальном мешке неизвестной мне Элен, кто это была и как выглядела, я пока не поняла, она должна была приехать летом. Рядом со мной, только повернув ноги в другую сторону, лежала полная невысокая незнакомая мне адыгейка. Она сегодня пришла впервые и больше на американские встречи не приходила.

Лена Ситокова ложилась спать в фиолетовом атласном комплекте, тонкой майке на бретельках и шортиках. Говорили, что именно Лена Ситокова — эта тот писатель, которого через год ослепит Шерил, или это был просто «плащ» — отвод глаз.

Моя соседка «по полу», ночевавшая в соседнем спальнике на полу, невысокая, но крупная, с коричневыми волосами, с очень широкой грудной клеткой, долго не могла заснуть — все ворочалась — она редко спала вне дома, — встала около шести утра, попила чай на кухне, повозмущалась, какая у американцев маленькая кухня, и уехала на такси домой с Викой. На американских встречах я ее тоже больше никогда не видела. Говорили, что ее «продали» родители за финансы, ей нарастворяли «орангутангов», поэтому у нее «раздуло» грудную клетку, и что она тоже смертница, скоро умрет от рака. «Орангутанги» — вещества, вызывающие набор массы тела, «отяжеление», расширение грудной клетки, «отяжеление» скелета...

Это был апрель. На днях Эдам и Морген еще раз нарушили закон в России — поймали на улице ребенка, мальчика-блондина, закололи снотворным и в ковре отвезли к границе с Казахстаном... У них в гостях часто сидел Байсек. В день вечеринки в пижамах в апреле Байсек как раз принес им золото за похищенного ребенка. Мы веселились в зале, а золото в горшочке стояло на кухонном столе... В это время в окне их кухни мелькал чей-то телефон — кто-то делал видео, как Байсек отдавал Эдаму и Морген золото за ребенка, и записывал их разговор...

Теперь у четы Хейсонд начались проблемы с русскими — наши работорговцы были недовольны, что приезжие хватают наших детей на наших улицах и получают золото, которое могли бы получить они! Свои русские тоже могли бы хватать детей на улицах и получать это золото! Эти американцы продавали наших детей и получали наше золото... В итоге Эдам отдал половину золота за ребенка в общаг Краснодара...

Письмо ку-клус-клану, март 2000

Дорогой, ку-клус-клан! Пишем тебе из далекой России!

Низкий вам поклон в пол. Мы рады знакомству!

Дорогой ку-клус-клан, приезжайте в Россию! Вы нам родненькие! Мы вас ловить не будем! Никогда! Вам у нас можно все и всегда! И не благодарите!

Мы вас понимаем. Вам надо постоянно негриков убивать. Убивайте на здоровье, мы не против! Только за! Зачем вам убивать своих? Убивайте наших! Они нам тоже не нужны! Приезжайте дорогие гости убивать наших негритосиков! Нам их не жалко! Для вас все, что угодно! Милости просим в Россию!

Приезжайте люди добрые ку-клус-клановцы, в Россию убивать наших негритят! Мы вам всегда рады! (И низкий поклон в пол).

Мы знаем, что у ку-клус-кланов свои правила, и мы не лезем в ку-клус-кланы. Мы с ку-клус-кланами не связываемся! Никогда! Приезжайте, дорогие ку-клус-клановцы, убивать наших негритят. (Просим-просим!) Ешьте наших негриков! Негритосики-то наши без вас-то никак не умрут! Мы вам всегда рады! (И низкий поклон до земли!) И ни в чем себе не отказывайте! Можете себя не ограничивать! Смелее! Не стесняйтесь! Мы вам мешать не будем! Мы вам во всем поможем! Мы в ваши дела не вмешиваемся. У вас свои правила! У нас правил нет! Ку-клус-клановцы, не стесняйтесь... Приезжайте, гости дорогие, еще в Россию убивать наших негритосиков! Милости просим! Мы ваши дела расследовать не будем! Скажем, собаки умерли, кости и не отличить!.. А негритята пропали без вести! А кости собачьи нашли! Так и быть! Это собачьи. Это не человечьи... А негритят в рабство забрали, поверьте нам... Казахстанцы уже всех берут в рабство — даже негриков! Уже не гнушаются! Им и негры уже нормально! Они-то предпочитают блондинов! Но где мы на них блондинов-то наберемся!

Мы ку-клус-клан не раскрываем! И не расследуем! Не переживайте, спите спокойно! Мы вас не тронем! Накормили негритятками, все сыты и здоровы. Калашниковыми снабдили. Домой отправили! Приезжайте еще! Снабдим негритятами про запас! Чтобы в дорогу не голодали... Сытненькие такие наши негритятки! Полиция не вмешивается. Не переживайте! Негрики, негритятушки! Ешьте наших негритосиков. Приятного аппетита!

Кушайте наших негритосов смелее. Не подавитися! С солью вкуснее! А нужен рецепт маринада, мы вам хороший дадим... И не благодарите!

Не переживайте, все будет хорошо! Мы вам гарантируем!

С полицией все согласовано! Все договорено! Все по пунктам! Ничего лишнего! Эдам лишнего не убьет! А если убьет, не докажете! А мы и доказывать не будем! Не переживайте!

Приезжайте к нам, гости дорогие! Убивать наших негритосиков и воровать наших Калашниковых! Даже если свои не закончились! Мы вам всегда рады! Исконно русское гостеприимство! (и низкий поклон в пол)

Как хорошо в России преступникам живется! И не ловит никто! Приезжайте к нам жрать негритосов! Они не люди, они телята! Мясо на убой! Мы тоже так думаем! Мы для вас негриков разведем!

Жрите наших негритят, не стесняйтесь! Вы ку-клус-клановцы, вам можно все! Россия – рай для ку-клус-клана!

Чтобы вы украли у нас Калашниковых, надо вам поубивать наших негритосиков! Мы вас понимаем! Мы бы тоже так сделали!

Ешьте наших негриков, их, и, правда, от коров не отличить совсем! Зачем нам эти черненькие! Мы беленьких любим! Как и вы! Милости просим к нам каждый год негров жрать! У нас сытненько! Голодать не будите! Россия большая! Негров много! Разведем если что! Все для вас!

Приезжайте к нам, маньяки-убийцы! Мы вам всегда рады!

Ку-клус-клану мы всегда рады! (И низкий поклон в пол!) Все будет хорошо! Не сомневайтесь! Наши негритосики будут вас ждать!

Все договорено с Дажуху Яном Абдуловичем! Если что, обращайтесь к нему! Он вам поможет во всем! Все будет хорошо! Милости просим!

*Безопасная для вас полиция
России*

Именно это письмо-приглашение получил в марте 2000 года Эдам Хейсонд и решил съездить в Россию. Это письмо наделало тогда много шума. И Ян Абдулович получил много разнообразных ответов и не от ку-клус-клана в том числе.

Один немногословный ответ:

Письмо безопасной полиции России, июнь 2000

Мы согласны. Едем к вам! Ждите! (и низкий поклон в пол). Вот это мы понимаем – исконно русское гостеприимство!

Оружейные бароны Америки

Эдам показал письмо главе ку-клус-клана. Он, правда, нашел пару несоответствий.

– А можно пару вопросов? – Эдам Хейсонд.

– Можно, – Дажуху Я. А.

– Если негров сравнивают с телятами, то почему кости негритят выдают за собачьи, а не коровьи?

– Дело в размере, кости негритят по размеру такие же, как у собак....

«Тогда все в порядке», – решил про себя Эдам.

Потом началась длительная переписка:

– Давайте еще давайте уточним некоторые моменты, – Эдам Хейсонд.

- Хорошо, – Дажуху Я. А.
- А вы Калашниковыми про запас не снабжаете?
- Нет.
- А впрок?
- Нет, но я уточню...
- Все-таки нет.

(А неграми впрок снабжают? – Да зачем тебе негры? Негры и у нас есть, а Калашниковы только у них.)

- А вы нас прямо в аэропорту снабдите негрятками и Калашниковыми?
- Нет.
- Тогда мы еще подумаем...
- Так мы думали, вы нас сразу снабдите негрятками в аэропорту и дадите связку Калашниковых? Или нам их еще искать надо?..
- Не... Все по правилам.
- Тогда мы обратно поедем! И мы еще будем думать!

Потом получили мы сдержанный ответ из далекой Америки следующего содержания:

Здравствуйте, россияне! (и тоже низкий поклон в пол!)

Спасибо за ваше приглашение... Если вы настаиваете, то мы, конечно, приедем поубивать ваших негрят и воровать ваших Калашниковых. Россияне, мы рады вашему гостеприимству и принимаем ваше приглашение. Согласно нашим правилам мы будем убивать негров каждые два-три месяца... По количеству Калашниковых мы еще договоримся! Не можем удержаться, чтобы негров ваших не поубивать! Мы едем к вам все, мы готовы ехать! Если вы нам так рады, ждите! Спасибо за чисто русское гостеприимство!

Ваш ку-клус-клан

– Едет к нам ку-клус-клан во главе с Эдамом Хейсондом, значит, есть наших негритосиков и воровать наших Калашниковых! – говорил важный генерал Александр Яну Абдуловичу.

– Хорошо! – ответил Ян Абдулович. – Все по плану.

И пришли к нам другие ответы:

– А вы всем, простите, Калашниковых дарите?

– Нет, только американскому ку-клус-клану...

... – А вы маньяков и убийц тоже жертвами снабжаете и ловить отказываетесь? – И ответ был:– Нет! Мы занимаемся только ку-клус-кланом и смотрим, как тюрьма ведет себя, когда там сидит кто-то из ку-клус-клана. Эдам Хейсонд нашей тюрьме родненький! – И написал тот ответ Ян Дажуху. – Ой как жалко. А мы так надеялась, что вы и маньяков не ловите.

– Нам и своих хватает, спасибо... А вы, простите, кто?

— Я каннибал Гедрон...

— Ой нет! Спасибо, не надо! Вас мы точно не приглашаем. Извините!
Но будем иметь вас в виду!

И вся полиция лежит в инфаркте:

— Эдам нам родненький! Самый страшный убийца, насильник, каннибал и людоед нам родненьким стал! Так нет бы он русским был, нет, он же американец! Мы уже с американскими убийцами сроднились и не выпускаем их из страны... Эдам Хейсонд нам родненький! Ку-клус-клан нам родненький! Какой ужас!

А Дажуху Ян Абдулович даже упал с кровати на пол лицом вниз... — А мы всех маньяков и убийц будем родней называть? — Нет, только самых страшных!

Это было в 2000 году, а в 2003 Эдам Хейсонд с женой впервые пересек границу России...

Эдаму так понравилось в России, что он даже подумывал, чтобы переехать сюда навсегда! Мы решили, что это обдумаем! Всем маньякам будем вид на жительство давать!

Майкл

После очередной американской встречи я зашла в столовую, белое здание около стадиона...

Майкл стоял в столовой в двух метрах от меня, смотрел на меня, как будто немного смущаясь. Он держал в руках толстую книгу в темно-синей твердой обложке... Я нечасто видела его на встречах — он хотел иметь как можно меньше отношения к Эдаму и его делишкам. Я в этот день неплохо выглядела: длинные распущенные волосы, длинные штаны по шиколотку Виолетты Генриховны с разрезами впереди до колен. Виолетта Генриховна отдавала мне некоторые свои вещи, которые ей были уже малы.

Майкл мялся на одном месте... Рядом боком стояла Шерил ко мне в профиль, смотрела на Майкла и как будто с ненавистью и злостью сказала ему: — Ты знаешь, она не будет здесь через год, — имея в виду меня...

Как я поняла, этот Майкл был тем типом мужчин, который нравился Шерил, и она его слегка ко мне приревновала. Мне показалось, что Шерил сильно хотела выйти замуж и размножаться.

Говорили, что Майкл «тикал» и должен был скоро умереть, но я неуверенна. Через неделю Майкл уехал в Новую Зеландию, и я его больше никогда не видела. Вовремя он уехал...

Итак, я попала в тусовку американцев-протестантов. Они летом ждали своих друзей-американцев. Из их штата Колорадо приезжала еще группа на лето...

— Среди верующий есть один американец, — рассказывала мне Шерил. — Он кстати, приедет этим летом. Он очень странный. Он всем рассказывает о своей «маленькой жене». И как будто видит будущее с ней... Ну, он такой высокий... -Шерил показала уровень на голову выше себя.

Дженнифер тоже рассказала мне о «странном американце».

— One of them is very strange, weird¹, — сказала мне Дженнифер, — у него горб (He is a hunchback. Do you know this word?.. Ты знаешь это слово? Он ездит по миру. Ищет свою жену. Этим летом он будет в России.

Этого слова я тогда не знала, и кто же едет в Россию, так и не поняла. А жаль.

Когда по американской тусовке прошел слухок, что в Россию едет горбун, многие перестали ходить на встречи. От греха подальше, как говорить. Или же испугались бандитов-контрабандистов...

Знакомые девчонки потом, конечно же, рассказали мне, что летом приедет американский горбун. Но почему-то это не вызвало во мне ника-

¹ Один из них очень странный. У него горб.

ких опасений. Надо было рассказать родителям, но я не была очень откровенна дома...

«Колорадские» американцы

В конце мая — начале июня приехала новая партия американцев из Колорадо. Эдам сам встречал новую группу в аэропорту. Русские их не встречали. Нас не пригласили. Партия новоприбывших состояла из семи человек — достаточно немногочисленная. Они совершали если не кругосветное путешествие, то посещали несколько стран. До этого были в Китае. Они говорили, что сами еще студенты, приехавшие на месяц на каникулы. А потом они должны были отправиться путешествовать по Европе.

В группе была девушка-азиатка Сулгвин, темнокожий и прямоволосый Райли, высокий Джейк, невысокий смуглый парень, который назвался Эдамом, тезкой мужа Морген, лидера этой группы американцев, Анна, Элен и Элисон.

Мне казалось, что среди американцев есть только одна Дженнифер. Или одна Элен. А теперь я даже привыкала, что, как среди моих знакомых есть несколько Кать или Вик, так и среди американцев может быть несколько Дженнифер, Майклов или Эдамов...

«Летние» американцы приехали на месяц-полтора в Краснодар. Они путешествовали на летних каникулах. Все новоприбывшие американцы были верующими баптистами-протестантами, как они говорили...

И среди них наверняка были серьезные контрабандисты оружия...

Штат Колорадо вообще был центром оружейного бизнеса, слово «Колорадо» ассоциировалось с колорадскими жуками. А форма, тень жука чем-то напоминала тень человека с оружием, мечами и автоматами, спрятанными за спину.

Все «новенькие» говорили, что учатся в вузах, но в Америке высшее образование стоило очень дорого, поэтому, скорее всего, большинство из них просто закончили школу, а нам пускали пыль в глаза. Они хотели быть как мы, ведь мы все в американском клубе получали высшее образование.

Впервые новую группу я увидела на одной из встреч. Они сидели среди русских на скамейках в несколько рядов, а потом по столикам и, как предыдущие, вели «малые группы». Сейчас я ходила в американский клуб меньше — началась сессия, зачеты и экзамены. Не могу сказать, что я кем-либо заинтересовалась или кто-то произвел на меня впечатление из «новеньких».

Как говорили новые американцы, они все были из одного штата Колорадо и хорошо знали друг друга. Многие учились в одном вузе и ходили в одну церковь — протестантскую. Все они были верующие.

С новыми американцами я мало общалась. Напряженная сессия. Я тогда мало ходила на встречи.

К Дженнифер тогда тоже приехали родители, и она проводила им экскурсии по городу и тоже сейчас в американском центре появлялась мало.

— Папа в самолет взял разговорник, — рассказывала мне Джен, — и пока летел в самолете в Россию, учил русские разговорные выражения. Когда он прилетел, он уже знал несколько фраз, — Дженни явно гордилась отцом.

— Русские по нам одним будут судить по целой нации американцев, поэтому мы должны произвести хорошее впечатление. — Я подумала, что Дженнифер серьезно относилась к поездке в Россию и что она «зрела в корень». Кстати, эту же фразу я уже слышала от Джессики, американки Виолетты Генриховны. Родителей Дженнифер я ни разу не видела.

— Они такие взрослые, — сказала о Дженнифер и Шерил одна моя одноклассница, которую потом отчислили с первого курса. Она случайно столкнулась с ними на «пяточке», у нашей факультетской доски объявлений. Американки выглядели как наши ровесники благодаря минимуму косметики, простоте одежды, пуританскому образу жизни и определенной наивности, которой обладали все верующие. — Да, им всем уже по двадцать три-двадцать четыре. — Про эту одноклассницу говорили, что она тоже, как Шерил, «чернокнижник».

Еще весной в американской тусовке появилось одно новое лицо — Женья Снисарь. Она училась на геофаке, но хорошо знала английский. Это была невысокая, моего роста или ниже меня девушка тоже первого курса, с овальным лицом, выпуклыми щеками, небольшими глазами и яркими бровями. Она была хохотушка. У нее была красивая улыбка и большие ровные зубы. Чертами лица она чем-то напоминала хомячка. Она часто смеялась, была веселой и смешливой и любила анекдоты. У нее было крепкое телосложение, маленькая грудь и ровные ноги, «как бычок». Потом она коротко подстриглась и стала напоминать мне мальчика. Говорили, что ее мама убила раком какого-то мальчика за «деньги». И в дочери теперь видела этого убиенного ребенка...

Итак, среди новоприбывших был один горбун... Но меня это почему-то абсолютно не беспокоило. Я даже не знала, кто из них горбатый. На первый взгляд горб не был заметен.

Fucking yankees

Сейчас я была занята по учебе и редко ходила на американские встречи. Но в одну из сред я заглянула в клуб на первом этаже Интернет-центра, мы посмотрели известный американский боевик — большинство фильмов, который я видела по ТВ, были американские.

Новые американцы сидели на скамейках, перемешавшись с нами.

Эдам сказал, что теперь появились «утки»...

— Fucking yankees¹ наступают, — сказала его словами Морген.

Фраза «Fucking yankees» означала, что этим американцам все-таки русские полицейские давали отпор, внедряли «засланных казачков». Fucking Yankees были Яся и Саша Янченко... Сашина фамилия тоже по-английски начиналась с «yaп». Эти американцы любили скрытые смыслы. Эдам говорил, что теперь «летят утки».

— Don't worry, Adam! Be happy!² — сказала Элен, невысокая полная американка, которая сидела в одном из первых рядов.

— Yasya, what are you doing here? You don't speak English... at all...³ — Эдаму не нравилось теперь, что Яся ходит на американские встречи.

— Я тоже хочу учить английский, — громко возмущалась Яся. — Разве это запрещено!

Эдаму переводил Саша.

— Учить английский? Яся, are you kidding?⁴

Но Саша говорил, что в американский клуб могли ходить и те, кто английский не знал, а только учил. Эдам где-то проконсультировался, а на следующей встрече сказал Ясе:

— Я узнавал! Ты можешь ходить! Это не запрещено. В клуб ходят и плохоговорящие... — И Эдам опять уткнулся в свои бумаги...

Яся — подсадная утка... Она сотрудничала с полицией. Саша тоже... Роли заранее были определены...

Эдам сегодня был в черных туфлях, в которых были вставки из кожи негритенка, которого он убил в Америке. Его знакомый шил обувь из такой кожи. А у Морген были такие перчатки, со вставками из кожи негритят. — Они берут кожу со спины обычно для обуви.... А вот этот кусочек с живота. Вот хороший мастер, хорошо кожу обработал. — Эдам считал, что приятно

¹ Гребаные янки

² — Не переживай, Эдам! Будь счастлив!

³ — Яся, что ты делаешь здесь? Ты не говоришь по-английски... совсем...

⁴ — Ты шутишь?

носить обувь из кожи врагов, созданных рабами. Знаете, как это влияет на негров в округе.

...Из домов Америки ушло счастье – они убивали негров пачками, устраивали судные ночи... Негров косили целыми семьями. Вы хотите убивать себе подобных и жить нормально? Это вещи несовместимые! Счастье американцев не положено! Ну не положено им счастье! Надо прекращать жрать людей!..

Потом выступал Эдам. Он представил новоприехавших американцев одного за другим. Мы все им хлопали. – My friend! Bro! Rather tall! – сказал Эдам, показывая на высокого американца по имени Джейк, который был на полголовы выше Эдама и даже вышел на сцену. – He is looking for his little wife. She even can be in this room... Yes, yes.. Girls, he is still free...¹ – «Bro» было сокращением от «brother», брат. Кто-то из новоприехавших американцев мог стать Эдаму братом... по контрабанде... Остальные американцы не выходили на «сцену», вперед, а просто сидели на скамеечках или стояли в толпе, поднимали руку и махали нам.

Эдам был создан, чтобы «зажигать» массы.

– А сейчас давайте послушаем my beautiful pregnant wife², – Эдам любил повторять, какая красивая у него жена. Мне Морген не казалась такой уж красивой, но Эдаму виднее. Ну какой муж будет называть свою жену уродиной? Хвала ее, он хвалил, прежде всего, себя. – Ты бы меньше своей шлюхой хвастался, – советовал Эдаму даже Саша. Но Эдаму надо бы делать шоу, отвлекать внимание от его основной цели в России – контрабанды дорогих автоматов.

...На самом деле у Эдама была любовница в Америке, элитная проститутка Мэри, которой он посылал деньги, когда мог... Он ее очень любил... Эта проститутка уже пустила в него глубоко корни и проросла насквозь...

– I am a married man!³ – сказал Эдам и дотронулся до тонкого обручального кольца на безымянном пальце. Он имел в виду, что его сердце принадлежало его элитной проститутке Мари – Mary, игра слов...

¹ – Мой друг! Брат! Достаточно высокий!.. Он ищет свою маленькую жену. Она даже может быть в этой комнате... Да-да... Девушки, он все еще свободен!

² Мою прекрасную беременную жену

³ Я женатый человек. (я человек Мэри)

Мэри

Лучше всего, если таких набирают из наивных девочек, которых отдадут на все закляны родители.

А на самом деле ее звали Энн... Она была из многодетной семьи...

Она пережила изнасилование в девятнадцать. Потом сделала аборт от насильника. Ее продали в проституцию родители...

Его отец дал ее ему.

Он пришел к ней, когда убил первого человека в шестнадцать.

Он пришел к ней, когда стал импотентом. Его отец продал его потенцию за убийства... Она лечила его от наркозависимости... Она поила его живой водой, когда он умирал... Она даже отдала ему свою живую воду... Последнюю воду... Она так не хотела жить.. Не хотела больше принимать клиентов... И пить таблетки жизни...

Она просила смерти и отдала ему свою жизнь...

Только с ней он счастлив...

Ты не можешь лечь спать, если не услышишь ее голос. Он звонит ей каждый день... Не можешь жить без ее губ... Без яда ее губ...

Быть с такой женщиной — это значит, быть собой. Быть без нее — это быть другим... «Она со мной даже целовалась...»

Она тоже все время ускользает. Убегает... и живет для всех, кроме себя...

Яд ее губ нельзя забыть... Такие женщины, как наркотик... Попасть к такой женщине, как потерять себя... Вот они вызывают зависимость... Значит, никогда уже не вернуться... Пойти туда, откуда не возвращаются...

Есть что-то особенное в этом типе женщин... они все время ищут того, кто может их выкупить. И поэтому часто спят с бандитами. И всегда хотят бросить проституцию и никогда не могут. Они могут выбрать только одного настоящего возлюбленного. Кого будут любить всю жизнь... и дарят ему красный цветок, олицетворяющий ее сердце... Остальных делают своими солдатами... А своих солдат держат и на наркотиках, и на эндорфинах... И на своем яде...

— Если бы я смог, я бы это сделал, я бы дал тебе другую жизнь... — И Эдам Хейсонд получил красный цветок от своей Мэри.

Он всегда должен к чему-то стремиться. Он должен стремиться спасти ее.

Ее надо или выкупить, или отпустить... такую женщину ты не можешь себе позволить...

Такие мужчины Мэри уже не могут быть счастливы в семейной жизни... только с ней они счастливы. Они не могут от нее уйти... Они всегда должны к ней возвращаться...

Но это падшие женщины, и они любят любого, кто платит им деньги... Кто может их выкупить...

Есть мужчины, которые не ходят к таким женщинам. Они считают, что ты можешь полюбить только ту женщину, которая тебя родила, которая тебе родит и которая у тебя родилась.

Бабушка Арины говорила, что мужчины, которые ходят к таким элитным проституткам, очень бедовые. К таким женщинам можно зайти, но от них уже никогда не уйти нетронутым... Они запоминаются навсегда... Они тоже используют эндорфины... легкие наркотики, психологию... Такие женщины вызывают зависимость и прорастают в сердце... остаются в душе навсегда...

Такие женщины вызывают наркотическую зависимость, от которой нельзя вылечиться. Такие женщины уже не отпускают своих жертв, особенно тех, кто может снять их с панели... Именно таким был Эдам для своей Мэри.

С Мэри Эдам был с шестнадцати, а с Морген совсем недавно...

Именно к такой проститутке посянно ходил Эдам, именно ее любил... именно ей звонил каждый вечер... Именно к ней так ревновала его Морген...

Важное объявление

Теперь Эдам пригласил к микрофону Морген. У Эдама сегодня даже был маленький микрофон с тонкой проволокой у рта. С микрофоном было слышно явно лучше. С микрофонами Эдаму не везло, они то ломались, то барахлили... Он покупал новые, иногда говорил без микрофона. Теперь на американских встречах микрофон стал проблемой.

Морген, в отличие от Эдама, не чувствовала себя уверенно перед большой аудиторией. Она запинаясь тихо говорила, смотря в свои записи... Голос у Морген был старческий и доброжелательный и говорила она с выражением: — Мы хотим пригласить всех девушек в пятницу вечером к нам на вечеринку в пижамах с ночевкой. Спать будем в спальнях мешках, потому что «спальных» мест может на всех не хватить. Если у вас нет своего спального мешка, то мы можем одолжить вам свой. — Морген не переставала улыбаться и хотела всем казаться милой женой такого подающего большие надежды человека. — Кто будет, сообщите нам, мы посчитаем количество мест.

Девчонки закричали: «Да!» и захлопали, а Морген быстро и как можно незаметнее отошла от микрофона: не дай Бог еще что-то спросят. Морген казалась мне неуверенной в себе. В апреле американцы уже устраивали вечеринку, значит, в июне опять будет.

— А мы, мальчишки, в пятницу вечером тоже идем на мальчишник... — тут же добавил Эдам. — Да!!! — Теперь была очередь радоваться парней.

— И у нас еще одно важное объявление — мы набираем группы в лагерь для молодых лидеров! Будет три потока — три выходных подряд в июне! Но! — Эдам поднял палец вверх. — В лагерь будет проводиться отбор! Поедут только лучшие из лучших! Уровень вашего языка должен быть не ниже pre-intermediate, и вы должны пройти собеседование. Записаться можно у Морген! Мы опросим всех желающих!

Опять же на доске объявлений на своем факультете я уже видела объявление, что американцы объявляют конкурс в лагерь лидеров.

Эдам продолжал, он говорил с Сашей, но закончил громко, так, что все слышали:

— Русские очень плохо относятся к своим женщинам. — В этот момент я подумала, что в этой тусовке американцев кого-то хотят выдать замуж за американца. — Русские женщины самые красивые! Но американки тоже не плохи!

Когда Эдам говорил о красоте русских женщин, он опять странно посмотрел на меня. Прямо остановился на мне взглядом. Как будто я была самой красивой девушкой среди присутствующих.

— Кого-то ты можешь даже не заметить, а потом уже не сможешь оторвать взгляда, — в этот момент Эдам опять почему-то посмотрел на меня и повернулся к высокому смуглому новому американцу, который в этот момент смутился, Джейку...

Американцы опять угощали бубликами, порезанными бананами и печеньем... Приносили порезанные дольками бананы и апельсины. Я заметила, что эти американцы тоже чистили банан с другой стороны, с «хвостика», что показалось мне удобнее.

Морген составляла списки. Я подошла к ней и записалась на собеседование в лагерь и сказала, что не приду на новую вечеринку в пижамах, не успеваю по учебе.

Эдам тоже увлекался музыкой. И пошел в конец конференц-зала за музыкальную стойку... Он, как и Саша Янченко, тоже писал музыку на компьютере и «миксовал» разные стили. Потом кто хотел, общались с американцами.

В апреле американцы уже устраивали девичники, где мы делали из материалов американцев поделки. Делать поделки очень нравилось маленькой Яне. С новыми американцами мы тоже устраивали вечеринку в пижамах.

— Эдам говорит, что рабство не должно затухнуть! — говорила мне Морген по секрету у заднего стола с печеньем. Морген, держа список на собеседование, показывала на мужа, который делал важное заявление. Я иногда сомневалась в адекватности Морген. Хотя поживешь с контрабандистом, еще не то запоешь.

Потом мы стояли в коридоре Интернет-центра и разговаривали. Теперь Морген часто разговаривала со мной. Морген увидела бегающего по коридору мальчика девяти-десяти лет. — Ой, ты посмотри, бегают... — С таким подтекстом, как будто он даже бегают, и никто еще не схватил. И никто за него не боится. Даже бегать рядом со мной осмеливается. Как будто вместо этого ребенка Морген видела горшок с золотом... Так и сделала теть-мачеха Эдама год назад — увидела на улице ребенка и запихнула в машину...

Эдам мечтал возобновить работоторговлю в Америке. А Европа ближе к Америке, чем Россия. Ведь если работоторговля процветает в Европе, то в Америке может процветать и подавно. Работоторговля в Европе — еще один шаг к работоторговле в Америке. Эдам собирался передать пламя рабства, контакты Байсека и Али Рашида, дальше в Европу, в Литву. Зажиточные американцы южных штатов, которые часто спонсировали его поставки оружия, были не в восторге от отмены рабства более ста лет назад. Они были бы не против вернуть рабство и в Америку, и процветание рабства в такой серьезной стране, как Россия, играло им на руку. Если есть рабы в России, в Америке рабство тоже может существовать в той или иной форме. Эдам даже хотел схватить на улице в Америке негритенка и отправить его за золото в Казахстан... Посмотреть, что будет. В итоге он схватил

двух десятилетних детей на улицах Нью-Йорка, белого и черного, и отправил на корабле в Казахстан, золото за детей он отдал в общаг в Америке на развитие оружейного бизнеса. Но не прижилось, эта идея никому не понравилась! Свои, контрабандисты оружия, в том числе его спонсоры, его не поддержали, им не понравилось хватать маленьких американцев на улицах, заворачивать их в ковры и делать рабами в Казахстане, отправлять в рабство на всю жизнь. Им хотелось вернуть «черное» рабство именно в Америке, чтобы черные опять работали на них, белых американцев целые жизни напролет бесплатно... Эдаму, как и всем богачам южных штатов, хотелось вернуть времена, когда рабами были именно негры. И горбатиться рабы должны были на благо Америки, а не на благо Казахстана. Рабство в той или иной форме было выгодно американцам. Ку-клукс-клановцам хотелось вернуть рабовладельческое прошлое. И сделать Америку супердержавой, вернуть ей былое, потерянное сейчас величие!

Эдам проводил переговоры с поставщиками оружия, на некоторых я была переводчиком, и в итоге вышел на Марину Шайн, внучку известной в России контрабандистки Калашниковых. Марине было тринадцать, и она собиралась бросать семейный бизнес. А Эдам, известный оружейный барон Америки, хотел этого не допустить. Он хотел наоборот ее поддержать, чтобы контрабанда Калашниковых процветала.

Марина несколько раз уже была на американских встречах. Это была тринадцатилетняя девочка, очень высокая для своих лет, смуглая, худая и жилистая. Ростом уже с меня. У нее было широкой лицо, выраженные скулы и прозрачно-голубые глаза. И немного мальчишеское поведение... В свои тринадцать она запросто могла бы сойти за студентку первых курсов. Поэтому ее и пропускала охрана университета, принимая за студентку. Марина ходила в темной толстовке с капюшоном и широких джинсах.

На паре встреч она демонстрировала свой товар, приносила автоматы и показывала их Эдаму и компании. Они разложили их на самом дальнем столе от входа. Мы смотрели разные винтовки, ружья, автоматы, в том числе и Калашниковых. Даже могли поддержать.

Эдам тоже считал, что Марина Шайн — плохой поставщик. Очень была запятнана ее бабушка поставками, слишком много наших убили нашими же автоматами ее руками. Ее бабушка перешла границы дозволенного. Она сотрудничала с серьезной колдуньей, которая ей помогала во всем. Но Эдам считал, что несколько поставок через Шайн — это нормально... На его долю ее Калашниковых хватит...

На одной из встреч Марина Шайн сидела за одним из последних столов. Ее сначала проверяли, ее реакцию — она положила растопыренную ладонь левой руки на стол, взяла нож и стала быстро тыкать нож между пальцами. Ее движения пугали меня, она в любой момент могла промахнуться и проткнуть себе палец. Но ее движения были верны и точны. Она со скоростью пули тыкала нож между пальцами в одну и другую сторону.

Марина проделывала этот фокус несколько раз и один раз оцарапала себе указательный палец с внутренней стороны...

Собеседование

Мое собеседование проходило в пятницу. В понедельник вывешивали списки, а в лагерь мы выезжали в следующую пятницу утром.

Эдам для лагеря устраивал серьезный отбор. Уровень владения языком — не ниже pre-intermediate. Все желающие должны были пройти собеседование. Было три потока — в горы ездили три уикенда подряд. Я хотела попасть во второй поток — он мне больше подходил по расписанию экзаменов.

Отбор в лагерь проводили Эдам и Морген.

Собеседование было в общежитии для иностранцев, где жили недавно приехавшие американцы. Но не в своих комнатах, а в пустующей комнате недалеко от лестницы, которую им предоставил для собеседований комендант этого общежития. В комнате стоял небольшой открытый шкаф для книг со стеклянными верхними дверьми, стол и пара стульев для Морган и Эдама и несколько стульев у стен. В шкафу было только несколько книг за стеклом, что меня удивило: шкаф был не полностью забит книгами, как обычно бывало. Собеседование проводили по потокам, в каждый поток отбирали примерно по пятнадцать человек.

Я подошла к назначенному времени. Сначала мне дали тест на знание английского на листах формата «а-четыре», который я заполнила в коридоре, пока Эдам и Морген опрашивали прибывшего до меня. Я бы сказала, что уровень теста был не pre-intermediate — ниже среднего, а скорее advanced-продвинутый. Потом Эдам и Морген пригласили меня в полутемную комнату и стали задавать вопросы. Морген сидел за столом, светло-желтом, невысоком, деревянном, как учительская парта. Я села на низком деревянном стульчике без стола в центре практически пустой комнаты и чувствовала себя психологически достаточно неуверенно. Если бы рядом стояли другие столы или стулья, я могла бы за ними спрятаться, они бы создавали своеобразную защиту, скрывали меня от посторонних пронизательных глаз Эдама и подобострастных глаз Морген, которая, как мне казалось, находилась под сильным влиянием мужа, что было заметно. Хотя, наверное, мы все находились под влиянием харизматичного Эдама... Я сидела на стульчике в полупустой комнате, и была полностью на виду. Эдам и Морген бегло проверили мой тест и сказали, что моего языка вполне достаточно:

— Ну, мы знаем, что ты хорошо говоришь по-английски! Тест ты прошла! — сказал мне Эдам, махнув рукой, мельком пробежав глазами по тесту и сверив ответы... Я внутренне запищала от счастья! — Свободна ли ты в следующие выходные... — Эдам смотрел в свои бумаги.

— Да, конечно... — уверенно, охотно и радостно кивнула я. Вряд ли я бы стала подавать в лагерь в выходные, в которые была несвободна.

Но спросить все равно стоило. Список вопросов Эдама предполагал такой вопрос.

— У меня же есть спортивная форма? — Да, конечно!

— А спальный мешок? — Я могу найти! — мешок я брала у тети.

— Какой у меня уровень физической подготовки... — Спецгруппа по физкультуре в школе...

Эдам держал черный клипборд, доску-планшет с прижимом, на которой были прикреплены несколько листов с вопросами, и переворачивал листы по ходу интервью, то пролистывал на пару листов вперед, то возвращался назад. Вопросов наверняка было не так много, и мне показалось, что он слишком часто, излишне листал страницы, как будто на каждом листе у него было только по одному-два вопроса, создавая тем самым видимость занятости и морально подавляя собеседуемого...

— Нет ли у меня ограничений по здоровью? — Вроде нет... Только плохое зрение, минус четыре с половиной и тахикардия...

Эдам посмотрел на мои длинные ногти — тогда они росли лучше... Я всегда любила длинные ногти и красила их в яркие цвета. В день собеседования мои ногти были синие.

— Все в порядке, — сказала Морген, поймав взгляд мужа и тоже оставив свой на моих ногтях. Для американцев, видно, ногти — показатель физического здоровья.

Я заметила, что Морген во всем слушалась Эдама. Я смотрела на их пару и думала, что ей с ним очень повезло... Тогда я еще не знала о работоргове и контрабанде оружия...

— Есть ли у меня теплые вещи? В горах ночью холодно. — Да, конечно.

Потом Эдам и Морген начали задавать мне вопросы о моей вере. И мои ответы на эти вопросы им не понравились.

— Верите ли Вы в Бога? — Да, конечно.

— Что значит Христос в Вашей жизни? — Я больше верю в триединого Бога... Я православная...

Мой ответ вызвал недоумение, как будто до этого Эдам и Морген не знали, какой я веры.

— По сути, мы верим в одно и то же, — сказала я словами Дженнифер, видя замешательство четы Хейсонд. — И не собираюсь отказываться от религии моей семьи, — сказала я уже менее уверенно...

— Да, — ответила мне Морген. — Но... — Ее интонация подразумевала, что она недовольна моим ответом. Она как будто в растерянности стала просматривать дальнейшие вопросы анкеты, тоже переворачивая листы на своей темно-синей доске-планшете. Ее вопросы повторяли вопросы Эдама. У них у каждого был свой картонный планшет-доска. Как я поняла, все дальнейшие вопросы на собеседовании были о вере протестантов или Иисусе Христе и мне не подойдут.

Эдам тоже бегло посмотрел следующие вопросы на своей черной ла-

ковой твердой картонке, пролистал две страницы вперед, потом отмотал эти же страницы назад и... закончил интервью:

— Ну, тогда все! Интервью окончено... — сказал он и встал со стула, как будто со мной больше нечего было обсуждать и интервью я не прошла. Но кто возьмет меня такую «неверующую» в лагерь лидеров? Я спокойно вышла.

А в соседней комнате второй Эдам договаривался о поставке Калашниковых с тринадцатилетней Мариной Шайн... Она столкнулась со мной, когда выходила из своей комнаты в общежитии. Она также была в темной широкой мастерке и натянутым до бровей капюшоном. Мы столкнулись с ней лицом к лицу... И это был поворотный момент моей жизни!

После собеседования я была уверена на сто процентов, что в лагерь меня не возьмут, и это было для меня шоком. В полном коматозе я приехала на трамвае домой... Хотя в объявлении не говорилось, что лагерь христианский и туда едут только верующие баптисты. В объявлении говорилось только о лидерстве и лагере для молодых лидеров.

Я помню, как я тогда была обескуражена после собеседования. Что не прошла... Почему-то мне показалось, что жизнь кончилась... Как будто от этого лагеря зависела моя жизнь...

Собеседование проводили в пятницу, все выходные я была уверена, что меня не возьмут. За выходные в принципе смирилась. Почему-то дедушка считал, что я пройду. Но в понедельник Эдам вывесил списки принятых, и мое имя в списке, конечно же, было...

И много лет спустя я думаю, как было бы хорошо, если бы меня в тот лагерь все-таки не взяли. Сложилась ли моя жизнь лучше? Несомненно!

Леша и Маша

Эдам пару раз меня просил работать переводчиком при его общении с поставщиками оружия. Но моего языка было явно недостаточно для оружейной терминологии. Лене Ситоковой тоже Эдам сначала предлагал ему переводить поставщикам оружия — она хорошо знала английский. Но в основной переводчиком был Саша Янченко. Эдам искал поставщиков Калашниковых и вел переговоры сразу с несколькими. В итоге нашел Марину Шайн...

Даже меня Эдам просил переводить одному из контрабандистов. Я однажды разговаривала с невысоким щетинистым мужчиной в серой толстовке с капюшоном европейского типа и с крупными наростами на лице. Я его хорошо запомнила. Эдам его называл «пес бродячий», а по имени Лешей, он тоже занимался контрабандой Калашниковых. Он был «актер», специалист по камуфляжу и гриму, как-то приходил на одну из наших встреч, переодетым женщиной. Однажды приходил на ходулях под штанами — так он хотел загримироваться под высокого мужчину, ходил с горбом и говорил, что это я. Потом ходил на корточках — маскировался под невысокого... И даже без грима приходил: европейского типа, с тонким ртом, светло-русыми волосами «ежиком», небольшими впалыми глазами и обычным небольшим ровным носом, с ярко выраженными скулами, среднего роста. На его внешность обратил внимание Эдам на одной из встреч: — Посмотрите на него, таким его можно увидеть редко... Саша Янченко даже зарисовал его портрет ручкой. Леша был из серьезных оружейников, не из богатых, но из серьезных. Его дед выиграл состояние в карты у своего босса, подпаивал его сначала, а потом забрал состояние, босс подписал дарственную, а потом застрелился. Дед долго гримировался под босса. Отец Леши был игрок и проиграл все состояние семьи, весь бизнес потому что этого босса, а потом застрелился, не смог отцу в глаза смотреть. Дед убил его жену, мать Леши, думая, что она неверна сыну, мать переспала с врачом за здоровье Лешика. Дед Лешу воспитал под роль «актера». Знал, что нужен будет новый «актер», научил хорошо накладывать грим. Леша выиграл конкурс среди таких же «актеров», стал лучшим, выбрали именно его.

Чтобы сделать ему хорошее здоровье, дед сделал инвалидом сильного военного.

Дед считал, что форма лица очень меняет внешность человек, поэтому его называли «овалом». У Леши было заостренное лицо, но он накладывал грим и становился круглолицым, таким большинство его и видели. Редко кто его видел без накладных щек и скул, таких было единицы.

Леша гримировался и под Ясю Воронину, и под Сашу Янченко и даже под меня. Он был хорош в своей роли. Эдам говорил, что ему редко удавались молоденькие девушки из-за широкой спины. Он уже убил пару «генеральских» и нарастил мышечную массу таблетками.

Поэтому Эдам избегал убивать «генеральских», боялся набрать слой мышц. Худым и субтильным, он мог гримироваться под подростка и выглядеть моложе, также ему легко было гримироваться и под сутулых стариков. Эдам предпочитал убивать «генеральских» другими способами, ослепив, например. Меня тоже приравнили к «генеральским».

Леше плохо удавались лупоглазые – выпуклые глаза не держались на лице, «лупоглазость» можно было создавать только с помощью макияжа – визуальный эффект. Лешу называли «человеком-поясом», потому что он мог, завязав пояс на бедрах, стать на ходулях визуально выше, а, завязав пояс на груди и присев, визуально ниже. Каждый такой «актер» должен был привнести что-то новое в профессию. И Алексей привнес пояс и овал. Он любил яркие красно-алые рубашки. Он носил специальные нашивки на одежде, две красные ленточки с синим, они означали, что он подстрелил в перестрелке двух генеральских... и одну зеленую, значит, он серьезно ранил еще одного, но тот выжил... Леша, как и его отец, был игрок.

Его хозяйка, Маша, была из Сибири. Ей контрабанда тоже досталась по наследству от отца. Высокая, худая. С тонким небольшим острым носом, большими светлыми глазами, средним ртом. У нее было квадратное лицо с ярко выраженными скулами. Внешности типа «колобок». Леша звал ее «мамой», значит, матерью она никогда бы не стала. Она исповедовала малоизвестную восточную религию. У Маши были вывернутые немного толстые для ее комплекции ноги. И женщины такого типа могли сильно набрать вес.

Маша выросла без матери, ее мать умерла в детстве от рака, и отца никогда не знала. Ее воспитывала тетка по матери, а отец всегда присылал деньги. Маша всегда хотела познакомиться с отцом. Потом Маша встретила отца, «осьминога» из-за количества убитых солдат, и приняла его бизнес.

Один раз Леша приходил, загримировавшись под нее, Машу – они сидели, как близняшки. Леша все скукоживался, чтобы визуально казаться меньше, а Маша наоборот хотела казаться шире и под него расправляла плечи. Так их и различали...

– Посмотрите, они примерно одного роста, – опять же тогда обратил наше внимание Эдам. Один раз Маша пришла с красным лицом – у нее была то ли аллергия, то ли разыгрывался псориаз, весеннее обострение.

– Видишь, какой у него рот! Какой он мужественный! – однажды сказала мне Маша.

У Маши было странное поведение. Она смеялась над несмешными вещами, например, что я ослепну.

— Она ослепнет. Я же говорила. Ха-ха-ха... — она показала на меня пальцем на одной из встреч. Дура. — А она сойдет с ума, — она показала на Ясю и громко смеялась, то откидываясь назад, то сгибаясь. А «актер» Леша ударил ее под локоть и говорил: — Пс, пс. Это не смешно....Над этим нормальные люди не смеются...

— А он? — и она показала пальцем на Сашу.

— Я еще буду думать, — ответил ей Эдам.

— Эдам, ты должен убить ее, — она опять показала на меня вытянутой прямой рукой, уже уходя, и практически кричала. — А если она не ослепнет? Она «проснется» после тридцати пяти. Ее надо убить... Она же писатель...

— Я подумаю...

— Пошли уже, — и «плешивый пес» Леша потянул ее под локоть к двери.

Говорили, что за такое поведение Маша периодически лежала по психушкам.

Она была «гидрой», у нее после специальных таблеток, когда в перестрелке отрывали голову, вырастала новая. Эту способность она отдавала и псу — он с ней периодически по дружбе спал.

А у Леши была способность растягиваться, он был «жвачкой», «тянучкой», мог тянуться в разные стороны, выпив специальный препарат, «по-яс», как говорится.

Но Эдам, как глава операции, пока предпочел этой веселой парочке Марину Шайн, оставив их с носом. С живым носом для обучения Леше.

Я видела только этих двух контрабандистов Калашниковых и Марину Шайн.

Говорили, что я «кошка» на четырех ногах — одновременно свидетельница работоторговли, контрабанды Калашниковых, наркоторговли и убийств. В центр организованной преступности меня отправили с разрешения Яна Абдуловича и генерала Александра...

**Часть 3. Уикенд,
изменивший мою жизнь /
Life changing weekend**

Американский лагерь / American camp

Что я попаду в лагерь я, честно, не ожидала. И так, в понедельник вывесили списки, во вторник я внесла две тысячи рублей, а в пятницу в шесть утра уже села в автобус в горы. Стоимость лагеря, две тысячи, очень дешево для трех дней в горах с доставкой, питанием, проживанием и еще скалолазанием. В лагере предполагалось начальное обучение альпинизму, оборудование предоставляли американцы. Мы ехали в лагерь в Лаго-Наки.

Таня Сонянская не поехала в лагерь — не смогла набрать две тысячи, ее бабушка не смогла выделить из пенсии — их единственного семейного дохода... Или просто не отпустила внучку, от греха подальше. Говорили, что Таня редко ела даже куриное мясо.

Перед лагерем Эдам предупредил всех не забыть ручку и тетрадку.

В лагерь выезжали в пятницу утром, должны были вернуться в понедельник днем. Ехали на автобусе, если не считать американцев, то поехало человек пятнадцать, с американцами двадцать шесть, — неполный автобус, много задних сидений пустовало — Эдам заказал очень большой автобус на сорок мест. Отбирали только пятнадцать человек — конкурс на место действительно был серьезный!

С собой мы брали сухой паек на один обед и завтрак. Эдам в воскресенье вечером отпускал повара и утром в понедельник мы ели свой сухой паек. В пятницу, когда мы приехали, у нас был заказан только ужин.

Спальный мешок я взяла у двоюродной тети. У кого не было спальных мешков — можно было взять у американцев. Они давали напрокат. Американские спальные мешки были легкие и тонкие. Они легко сворачивались в черные «бомбочки». Мой мешок был лоскутный, шитый, красный атласный с одной внутренней стороны и цветочный с другой внешней, как лоскутное одеяло. Он не сворачивался в маленькую черную «бомбочку». Я его свернула в большую трубочку и несла в большом пакете. Мне кажется, что американцы немного над нами посмеивались, видя наши старые спальники или неспортивных девушек. Потом они смотрели на своих неспортивных жен таких, как Морген, и думали, что девушки везде одинаковы.

Все американцы были со специальными «горными» черными рюкзаками не меньше, чем в половину их роста, У рюкзаков по бокам были свернутые пенки для сидения. Русские были редко по-горному укомплектованы — я была с большим пакетом, совсем не подготовлена к горам, как и большинство.

Мы ехали в горы в Лаго-Наки — Эдам нашел домики на поляне... Несколько часов езды от Краснодара. Комфортабельный автобус привез нас к лагерю в горах. В дороге с утра спали, к полудню доехали. Везде была высокая трава с белыми мелкими полевыми цветами, невысокими деревьями вокруг полянки с домиками. В горах все благоухало, и после пыльного и душного города мы все в душе порадовались этой поездке. Вышли из автобуса и вздохнули полной грудью — тишина, слышно дрожание воздуха от трепещущих крыльев быстрых стрекоз. Сразу подумали, как хорошо, что выбрались в горы! В горах воздух другой, более насыщенный что ли, концентрированный и полный... На горных цветах порхали белые непуганые капустницы. В горах, как только мы вышли из автобуса, меня, прежде всего, поразила тишина по сравнению с постоянно шумным пыльным городом, его непрекращающимся отдаленным гулом машин, разговорами людей... Тишина гор завораживала... Надышавшись чистого озонистого кислорода, все сразу же начали зевать.

На расчищенной площадке стояли маленькие домики-крыши с белым фасадом, с трубами, домики-треугольнички, как разноцветные деревянные палатки или поставленные на землю крыши белого, ярко-синего, темно-красного, блекло-черного и зеленого цвета, что со стороны выглядело мультяшно. Домики в горах были по форме гор — треугольными. Дорожки были посыпаны желтоватым песком. Полевая трава между узкими усыпанными желтоватым гравием дорожками была по пояс.

Как только приехали, расселились по домикам, пошли обедать своим сухим пайком — Эдам заказал в день приезда только ужин. Можно было есть в столовой, а можно у себя в домике. Я взяла с собой соленое печенье, крекеры, яблоки, бананы.

Еду привозили в больших кастрюлях на газели — в лагере никто не готовил. Столовая-беседка была на отшибе лагеря. По типу полуоткрытого кафе. Это была большая крытая деревянная беседка с длинными деревянными столами и совмещенными скамейками. Столы, деревянные, давнопокрашенные в темно-синий, с облезлой краской, стояли под навесом. Столовая за раз вмещала всех «молодых лидеров» кэмпя. Эдаму привозили еду в железных кастрюлях и кормили из своей посуды. Еду по тарелкам тоже раскладывал приезжий повар, ему помогал кто-то из американцев — еду возили из столовой из близлежащего населенного пункта, что наверняка было дорого. Грязную посуду тоже забирали — готовить и мыть в горном лагере было невозможно.

В столовой поваренком подрабатывал маленький работорговец Байсек, который «отвечал» за меня, следовал по пятам и следил, чтобы я молчала, и убил бы меня, если бы я открыла рот и рассказала свою историю. Сейчас «мой» работорговец был побрит и вполне сошел бы за мальчика. Мой убийца всегда со мной... Открою рот — умру к утру. Байсек был представлен ко мне и должен был убить меня, как важного свидетеля, если я

признаюсь... Он уже жил где-то в поселке и, наверное, ехал за моим автомобилем на своей крутой белой иномарке...

Всем раздали расписание лагеря со всеми мероприятиями.

Недалеко от столовой стояли умывальники. Туалеты были сколоченные, деревянные, ни о каких удобствах речи не шло.

Я попала в домик с Лидой и Марией Бонтьюк, Элен и Сулгвин. Моя кровать была второй слева, между кроватями Маши и Элен. Элен и Лида спали у противоположных стенок. Маша спала на центральной кровати. Наши железные кровати в домиках были сдвинуты вместе, и мы спали как на одной широкой кровати, состоящей из пяти, на одной большой кровати на всех. Кровати были темно-зеленые или белые, с пыльными матрацами. Домик изнутри был обит фанерой, коричневой со стороны окна и двери и черной по бокам со стороны крыш.

Наш домик изнутри был покрашен в коричневый, висели скотчем приклеенные плакаты русской рок певицы, предупреждение не курить и не сорить в домике. На единственном продолговатом окне напротив двери размером, сопоставимым с дверью, висела белая пыльная занавеска с кружевной вставкой сверху и белые жалюзи. Занавеска была очень пыльная. Элен сказала, что скажет Эдаму, и он попросит хозяина постирать занавески.

Наверное, в полдень домик сильно нагревался.

Теперь поподробнее остановимся на новых американцах и моих соседях по домику.

Элен была невысокой и тоже немного полной американкой двадцати двух лет. У нее были рыжие волосы по плечи, лысый лоб и все лицо и руки в оранжевых круглых веснушках. У нее был пучок приклеенных волос на луб, маскирующих растущую лысину. Говорили, что ее мать была баптистской в нескольких поколениях — у женщин их семьи было не более трех мужчин в шести или семи поколениях и ее мама «потеряла» баптизм, переспала с большим количеством, чем определено временем, и баптизм «сняли». У Элен были два брата — старший и младший. И она ко всем мальчикам относилась как старшая сестра — заботливо и бережно... Элен ходила в коротких футболках с рукавчиками, из-под которых выглядывал ее белоснежный целлюлитный толстый живот. Она обычно носила обрванные штаны или бриджи, расширяющиеся ниже колен. Она любила становиться как танк или «как бычок», широко поставив ноги, как будто ее невозможно сдвинуть с места — это была ее типичная поза. Элен любила шейные платки. Американцы говорили, что она не была потомственной протестанткой, ее мать пришла в баптистскую церковь в поисках лучшей жизни, уже порядочно погрешив. Говорили, что поэтому скорое замужество Элен не грозит.

Когда я смотрела на Лиду Дорошину, то слово «образина» всплывало у меня в памяти и больше никуда не уплывало. Лицо, покрытое крупными гнойными красными прыщами. Огромный тонкий рот. Крашенные оранже-

вые волосы выше плеч, висящие засосанными сосульками. Карие глаза. Тонкое тело, маленькая грудь. В ней было что-то мальчишеское. Она была ужасна.. Но активна и подвижна. Пацаны не обращали на ее уродство внимания или же попросту ослепли, думала я. Лида была энергичная и бойкая, с ней заигрывали, она заигрывала в ответ. Она быстро переходила с парнями на дружеский заигрывающий тон. Подзадоривала их. Она мне не нравилась, это точно. Ее лицо было широкое, как перевернутый овал. В ней было что-то пугающее, отталкивающее и неприятное. В ее движениях было что-то от обезьянки — движения были быстрые и резкие. Она много курила, и от нее постоянно сильно пахло крепкими сигаретами.

Сулгвин — азиатка американского происхождения, с очень узкими, «закрывающимися» глазами, темной кожей, иссиня-черными волосами. Она была небольшого роста, ниже меня и немного полновата. Она была из многодетной семьи, как я узнала потом. У нее на фото часто были полу-закрыты глаза. Ее имя означало «тростник» с какого-то языка. Отец назвал ее «тростником», надеясь, что «накроет» ее «плащом», и вместо ее люди будут видеть тростник, и так он ее уберезет, но вместо тростника все видели девушку... Ее отец был полицейским. Это уже однажды сработало с другим полицейским и его сыном...

Большинство русских ходило в открытых майках без рукавов, все американки в закрытых футболках. Американские, как и русские баптисты, были одеты строже и закрытие... Русские носили кроссовки, американцы резиновые сандалии. Мы отличались не только по поведению, но и по стилю в одежде.

Как я заметила: все американки были немного полными. Как говорили девчонки из американского клуба: Все американцы красивые, а все американки страшные. Как они на них женятся, непонятно! — Глядя на эту группу американцев, я не могла с этим не согласиться!

«Однокомандники»

Нам раздали листочки с номерами — 1, 2 или 3. Это были номера наших команд. Мы кинули вещи по домикам, перекусили своим и пошли по командам.

Погода была прекрасная, солнечный светлый день... С погодой весь кэмп нам везло. Мы собрались на большой поляне, каждая команда в своем углу и должны были придумать название, кричалку и гимн нашей команде.

В командах перемешали русских и американцев, и в каждой группе каждый день выбирали нового лидера. Команды разделили по признаку «открытости», по темпераменту. Я попала в группу закрытых флегматиков. Тех, кто внешне казался холодным, но внутри у них «горел огонь». Потому что если перемешивать холериков, сангвиников, флегматиков и меланхоликов, то холерики забивали флегматиков и меланхоликов и не давали им раскрыться. Что только в таких командах, «темпераментных», флегматики и меланхолики могут проявить себя.

Я оказалась в группе с Шерил, Анной, двумя Сашами, Аней Петрилиной, Джейком и Мариной...

Дженнифер оказалась в команде сангвиников-холериков вместе с Сулгвин, Леной Ситоковой, Сашей Янченко, Машей Бонтюк и Райли, а Морген в команде меланхоликов. Эдам не примкнул ни к какой команде, он был везде, руководил, все готовил и организовывал.

Остановлюсь поподробнее на своих «одноруппниках».

Американка Анна — ее я запомнила хуже всех, хотя тогда мы с ней больше всего сдружились и она мне больше всех понравилась, была невысокого роста и худой. У нее были карие глаза, тонкий рот и нос, немного закрученный на кончике, «крючком», с темно-русскими волосами по плечи всегда в хвостике и лысеющим лбом, в ее внешности было что-то хищное, орлиное. У мужчин лысина начиналась с макушки, у женщины — со лба. А у некоторых мужчин и с макушки, и со лба. Представляю, как ей неудобно было пользоваться феном, приклеенные волосы отклеиваются, клей размягчается. Анна говорила, что обручена с очень высоким американцем, не помню его имени... Американцы говорили, что маленькая Анна и ее высокий жених со стороны были комичной парой. ... Говорили, что сейчас жених Анны был с религиозной миссией в Европе, и они планировали в этом году свадьбу. Тело Анны с впалой грудной клеткой мне чем-то напомнило тело Шерил. На всех фото Шерил с Анной держались за руки и выглядели, как сестры.

Аня Петрилина, уже моя знакомая, говорили, что мама Ани переспала в университете со своим преподавателем то ли за зачет, то ли за экзамен.

И Аня была то ли его дочерью, то ли зачатой, когда ее мать спала двумя мужчинами, будущим мужем и преподавателем. Бабы размножаться в университет ходят. Говорили, что у Ани сцепленные гены, ее мама зачала от двух мужчин сразу. Семьдесят процентов от своего профессора и тридцать — от мужа. Если считать, что профессор был Ане больше отец, чем муж ее мамы, то Анина мама зачала от профессора и подсунула мужу этого ребенка. И всю жизнь выдавала дочку профессора за дочь мужа. И даже ее мама сомневалась, кто Анин настоящий отец — то ли преподаватель, то ли муж — Аня была похожа на обоих. Анина мать делала тест ДНК. Но не была уверена в результате, результаты приходили разными, с разными печатями на них, прикрытыми «платками». Этот преподаватель, Анин семидесятипроцентный отец, иногда приходил смотреть на Аню, садился на скамейке у ее многоэтажного дома в одном из спальных районов и ждал часами... Он говорил, что Аня похожа на его мать, просто копия. Аня — его «цыпленочек». Говорят, что свою податливую студентку, Анину мать, он даже любил... Поэтому все соседи считали Аню именно его дочерью. Сколько у него еще было детей, никто не знал, кроме него самого. Так теперь размножался преподавательский состав — почкованием. Аня была «гибридом, от двух отцов, оба отца не читали ее своей. Отец, муж матери, «продал» ее за продвижение по службе, и Аня после окончания должна была умереть от рака. Но «второй» отец, семидесятипроцентный, препод вуза выбил ей жизнь за границей. Можно было уехать и не умирать, поэтому Аня и поступила на лингвистику изучать английский. Говорили, что ее второй отец, преподаватель универа, тоже за работу сделал случайного мальчика рабом... Пока Анин раб еще жил хорошо: он был еще маленький.

Семидесятипроцентный отец Ани Петрилиной, профессор вуза, тоже был баптистом, читал Библию и исповедовал веру в Христа, а Аня, даже не зная его, была на него похожа. Жажда другой религии ей передалась по наследству, вместе с генами и чертами характера.

В нашей группе номер три была два Саши, и мы решили их как-то отличать. Отличали по росту — Сашу «маленького» и «большого».

Сашу «маленького» называли козленочком или мухомором, мне он напоминал гриб-боровичок. Позже я узнала, что его фамилия Горбатов. Я подумала, не тот ли это горбун, который должен был приехать. Но нет, тот должен быть американцем. Саше был двадцать один. Он был из многодетной семьи баптистов. Он был невысокого роста, ниже меня, коренастый, темноволосый, с тонким лбом и низким уровнем роста волос, из шлюх, думали все, глядя на него. Он был подстрижен под машинку и похож на ежика. Он был старшим сыном в многодетной семье, у него была старшая сводная сестра Оля и три младших сестры. Я уже была знакома с Олей — она ходила на американские встречи. И мне еще предстояло познакомиться с самой младшей сестрой Тоней, ей было шестнадцать и она встречалась с парнем, они планировали свадьбу. Отец его «любил» и никогда не заставлял много работать... Когда решали, кому из детей пить таблетку

с раковой опухолью для финансового улучшения жизни их семьи, он с четырьмя сестрами тянул спичку. Саша вытянул короткую. Так выбор был сделан. По другой версии короткую спичку вытянула Оля, а Саша, как джентльмен, занял ее место на «родительском заклане»... Эту версию никто не опровергал, но и не поддерживал... Саша собирался в лагере порезать вены и не доставлять лишних хлопот семье, быстрее умереть, но передушал. Зачем портить всем отдых?

Семейный оракл говорил, что Саша — сутенер, сделает сестер проститутками. Так говорили в семье, чтобы его легче было убить. «Маленького» Сашу называли Иисусом, он своей смертью спасал семью от бедности.

Уровень языка маленького Саши показался мне достаточно слабым. Не то, чтобы advanced, но даже не pre-intermediate. Как он прошел отбор в лагерь — неизвестно!

Саша маленький мало говорил, в основном улыбался. Его языка для общения на английском явно не хватало. Требования к языку для лагеря не были одинаковыми для всех.

Саша «большой» был, соответственно высоким и толстокостным, полноватым. У него было плоское круглое лицо и большие светлые глаза с синяками под ними. В лагере он ходил в голубых джинсах, красно-черной мастерке с белыми полоскам на рукавах и голубенькой кепочке. Говорили, что он работал программистом в небольшой фирме. Про него говорили, что он продал «сердце матери» за продвижение по службе. Его мать должна была скоро умереть, он растворил ей в чае таблетку, вызывающую рост раковой опухоли. Опухоли становились все популярнее, все умирали от рака. За это «большой» Саша должен был стать начальником средней руки и хорошо жениться... Его матери давали лет десять. Мать воспитывала его одна, без мужа, отец бросил Сашу совсем маленького, и Саша очень переживал... Говорили, что он никогда себя за это не простит... Эдам говорил, что из-за того, что продал мать Саша потом сопьется...

То есть у нас в лагере было три Саши — большой, маленький и высокий, высокий — это Саша Янченко. Надо же было как-то различать этих Саш? Но «высоким» Сашей Янченко называли редко.

Шерил я уже подробно описала в предыдущих главах, поэтому не буду повторяться...

Марина — темноволосая, двадцатидвухлетняя, с волнистыми волосами в каре, с мелкими правильными чертами лица. Ее каре загибалось около ушей, отдаленно напоминая шапочку гриба. Она училась в университете на филологии и была из семьи потомственных полицейских — полицейскими были ее старший брат и отец. В наше сложное время полицейскими быть было сложно. Особенно в компании Эдама Хейсонда. Полицейские тоже продавали детей... Кто боролся с работоторговцами сильнее других, самые борзые, убивал своих детей раковыми таблетками чаще. Марина ходила в джинсах, фиолетовой майке и светло-серой объемной толстовке, похожей на мужскую. Часто носила с собой повешенный на шею на длин-

ном шнурке серебристый фотоаппарат. Марина была негласным лидером нашей команды. Ее иногда почему-то называли Наташей, но она сама назвалась Мариной. И ее имя мне очень нравилось. Как ее звали на самом деле, я не знаю. Она назвалась, как Марина Шайн, и намекала на будущую контрабанду Калашниковых. Ее старший брат был полицейским, лейтенантом. Кто-то из прародителей уже подписал, что Марина может пойти в проституцию, поэтому она и пила рак. Лучше умереть в борьбе с организованной преступностью, чем стать проституткой. Она уже выпила или скоро пила раковую опухоль, поэтому ее взяли в лагерь Эдама. Смотрела за контрабандистами и собиралась докладывать отцу и брату, писать заявления в полицию. Поэтому в лагере ее постоянно «водили», пугали, говорили в спину и в лицо обидные слова, маты. Она встречалась с парнем, они планировали свадьбу в следующем году, их отношения вызывали зависть всех девчонок, мою в том числе, всех, кто не знал, что она скоро умрет — все решили напоследок сделать ее счастливой. Все равно потом умирать. По стилю ее одежды она мне напоминала русских баптистов, таких как «маленький» Саша — стиль был очень простой, джинсы, кофты, объемные толстовки, никакой вычурности, косметики или ярких украшений, неяркая простая одежда, скромное поведение. Под объемной одеждой она прятала прослушку. Она говорила тихо и по существу. Мне она нравилась, казалась взрослой, взрослее меня. Она была не на всех наших командных мероприятиях, часто отсутствовала. Ей это в укор никто не ставило... В лагере ее постоянно пугали...

У Марины и «маленького» Саши из нашей команды тоже были профессиональные «скалолазные» рюкзаки.

И, наконец, Джейк — внешне был ничем не примечательный американец, высокий, ростом с «большого» Сашу, тонкокостный, но мускулистый, достаточно проворный, очень смуглый и худой. В его роду точно были латиноамериканцы — цвет его кожи был темно-оливковый, но волосы темно-русые, мягкие, а не жесткие, как у негров или азиатов. Черты лица были правильные — небольшие карие глаза широко расставленные, нос широкий, с большим прогибом, выраженной складкой на переносице, некрупный рот, узкий лысеющий лоб и низкая линия роста волос. Его лицо было как будто выгнуто изнутри на уровне носа и переносицы. Лицо у него было немного приплюснутое в центре со вдавленной переносицей, «зверь». Его подбородок был с ярко выраженной складкой, как будто кожу, свисающую с подбородка кто-то поднял и зашил хирургически. У него сильно выдавалась вперед нижняя челюсть, как у льва или тигра, и улыбка напоминала оскал дикого зверя, как обычно в таких случаях. Он скорее не улыбался, а скалился... В нем всем было что-то хищное. Джейк любил корчить рожицы и гримасы. Он напоминал то ли оловянного зверя или озверевшего человека? Но в нем было что-то звериное. Он не скрывал этого, а наоборот, скорее всячески подчеркивал. В лагере он носил темную мастерку с капюшоном и болотные шорты

по колено. Джейк почти никогда не снимал солнечные очки — они как будто приросли к его голове.

Такой тип мужчин совершал инцест с матерями или сестрами, об этом говорили складка на переносице. Их могли убить раковыми опухолями родители за безбедную жизнь и продвижение по службе...

Я сразу обратила внимание на его странный постав спины — голова выдавалась вперед и как бы висела отдельно от позвоночного столба. Такую спину я видела впервые.

Это он водил в горы группы, занимался скалолазанием и был «горным» инструктором. Именно на его снаряжении мы собирались в воскресенье лазать по горам. Или, говорили, что он надел маску инструктора по альпинизму. Американцы надевали маски и на какое-то время перенимали привычки и образ жизни тех, чьи маски носили. Хотели почувствовать себя в шкуре другого человека, может быть, кому завидовали.

У Джейка в Америке осталась девушка. Она была старше его на пять лет. Ей двадцать шесть. Говорили, что она его и «поймала» на то, что пишет книгу. Он сразу заинтересовался молодой писательницей в соседнем общежитии и пошел знакомиться. Там и остался. Так он до нее девственником был. Она его и соблазнила. Ей нужен был секс. У нее до Джейка уже был парень. Эдам был недоволен, что до нее Джейк был мальчиком, что она его испортила...

В общем, набирали лагерь из русских смертников!

Приветствие команды «львов», королей джунглей

Мы по командам собрались на большой открытой поляне среди холмов, заросшей мелкой травой и кустарниками. Туда шли минут двадцать от лагеря. Изредка то тут, то там росли кустистые низкие деревья. Вдали голубели, синели, а вблизи темно-зеленели конусообразные горы со скалистыми зальсынами. Было немного пасмурно и нежарко. Небо было абсолютно бело-голубым от кучевых облаков. Облака плыли низко, только руку протянуть.

Команда номер три, наша, собралась около раскидистого дерева. Сначала мы сидели в кружочке прямо на траве и рассказывали вкратце о себе коллегам по команде.

Невысокая Анна сказала, что ей двадцать три и она учится на филологии в университете. Анна в лагере ходила в спортивном костюме — голубой мастерке и темно синих штанах.

— Я учусь на филологии на втором курсе, — голос у Марины был тихий и мягкий.

— Я тоже учусь на филологии, — сказал «маленький» Саша.

Команда состояла из одних филологов.

Про Аню и Шерил я и так все знала. Они кратко рассказали о себе для остальных. Мне показалось, что на всех американских встречах я повторяла одно и то же про себя, говорила заученные фразы. Так было проще неговорящим на английском русском.

«Большой» Саша сказал, что ему двадцать три года, он уже закончил вуз и сейчас работал программистом. Он тоже говорил тихо и просто. Возможно, он тоже был из полицейских. «Большой» Саша, Марина и я в горы взяли джинсы. Сразу видно «спортсменов».

Высокий американец Джейк сидел в отдалении, все время смотрел в свои бумаги и в знакомстве-дискуссии не принимал участия. Американцам это разрешали...

— А почему Джейк сегодня не разговаривал?

— Он для нас слишком взрослый...

— Видишь, Джейк даже не сидит с нами, — сказала мне Аня Петрилина, спокойно улыбаясь.

Джейк как будто за нами немного присматривал...

Сначала мы сделали пару объединяющих команду упражнений. «Маленький» Саша стоял, облокотившись на дерево. Каждый поднимался на табуретку — инвентарь принес Эдам — и падал в сцепленные руки «однокомандников». «Большого» Сашу и крупную, немного полную Аню ре-

шили не кидать и не ловить – слишком рискованно! Можно не выдержать и уронить! «Маленького» Сашу перетаскивали через тонкую высоко подвешенную проволоку... Я подталкивала его со спины и ягодиц, он как баптист, исповедующий другую религию, смутился от посторонних женских прикосновений. Саше был двадцать один. Он не был женат, а следовательно, как и все баптисты, был девственником. Могу сказать, что мне даже понравилось его смущение. Все мои одноклассники мужского пола стремились лишиться девственности еще в школе. Как сказал Эдам, Саше не стоило умирать девственником, стоило еще пожить, «вкусить» жизни. Потом по одному мы перелезали или перепрыгивали через поднимающуюся все выше проволоку, проползая под ней нам не разрешили...

Джейк не был самым старшим из нас, ему было двадцать два. Но было заметно, что ему скучно среди нас, малолеток... Или среди нас, русских...

После командных упражнений нам надо было придумать название нашей команды номер три. Мы собрались в кружочек и начали мозговой штурм. Шерил рассказала:

– В лагере на прошлых выходных я была в таком же лагере, и там одна команда называлась «львами». Эта команда, кстати, выиграла, – она как всегда глупо улыбалась.

Шерил была в голубой трикотажной кофте с длинным рукавом и зеленых шортах по колено. Я обратила внимание, что у Шерил кроссовки были немного выгнуты и подошва не смотрелась ровной, а полукруглой, как будто у Шерил были не ровные ступни, а закругленные вверх. Шерил как будто не ходила, а летала. Ей надо было срочно доказать свою состоятельность...

Мы вспомнили популярный детский мультфильм про львов, решили спеть оттуда песню, а вместо лозунга просто рычать. На всех «лагерных» фото мы так и остались со звериным оскалом, рычащими, показывающими зубы и когти.

Сначала мы решили немного потренироваться. Встали в два ряда – мальчики по росту в первом ряду, «большой» Саша в центре, девочки во втором. В первом ряду три мальчика, а во втором пять девочек.

Мы немного распелись. Мы пели песню из мультфильма и щелкали пальцами в такт мелодии. Мы пели акапелла, «отщелкивали» пальцами ритм в такт. Песня была медленной, очень мелодичной, а под щелканье пальцев еще и стильной. Сначала выходили мальчики, а потом между ними просачивались девочки, выходили вперед, а мальчики немного отступали назад. Сначала пела одна тройка мальчиков, потом вместе с ними и пятерка девочек. Мы заканчивали петь стоя в один ряд, где мальчики и девочки чередовались:

В диких горах, высоких горах идут охотиться львы...

Львы-лидеры, лидеры-львы...

Эти строчки мы повторяли два раза.

А потом речитативом:

Кто самые крутые в кэмпе?

Кто? Кто? – Это мы, львы! Лидеры-львы!

Мы выступали вторыми...

– Кто лучше всех в лагере? – спрашивали мы дружным хором. И отвечали – «Львы!» То есть мы! Мы – лучшие! Мы еще даже не были толком знакомы...

Нам отчаянно хлопали, всем понравилось. И сами кайфанули... Я уже не помню, что пели две другие команды, но команда сангвиников назвалась командой тётлов-черепашек, а команда меланхоликов – командой мышек-маусов.

Взрослому Джейку тоже понравилось. Он даже как-то взбодрился и уже не скучал как раньше...

Между командами шла борьба, и этот конкурс выиграла именно мы, «львы». Песня была мелодичной – именно благодаря ей мы и победили! Нашему стильному танцу с «подщелкиванием» пальцами не было равных.

Ане понравился «большой» Саша. Она с ним немного кокетничала, но ораклы предсказали Саше, что он вскорости женится на Оле, а не на Ане. А Ане ораклы предсказали, что она начнет встречаться с каким-то высоким Сашей, который будет ей потом всю жизнь помогать, и она думала, что это он, наш «большой» Саша. Кстати, Эдам тоже был ораклом...

В общем, знакомство с горами и львами состоялось!

Возвращаясь назад, в лагерь, мы опять наслаждались горами и потрясающими видами. Красивые виды монументальных гор. Горы вдалеке были подернуты голубоватой дымкой. Сюда стоило приехать ради всех этих видов. Темно-зеленые холмы, голубоватые треугольные горы вдалеке, и чем дальше, тем голубее. Цвет гор менялся от песочно-зеленого под ногами до светло-голубого у горизонта, полосы темно-зеленых гор поближе, затем темно-бирюзовые слои и т. д. Вдали горы тонули в тумане... Цвет гор растворялся до бледно-голубого, перемешиваясь вдалеке с насыщенными белыми облаками и голубым небом. Как будто невидимый художник разбавлял краску водой, постепенно ослабляя цвет темно-бирюзовых гор до еле голубого, почти белого и накладывая блекнущие полосы слой за слоем... Вдалеке голубые горы на голубом небе. Небо сливалось с горами. То ли небо не имело начала. То ли горы не имели конца...

Крест-параллель

Потом у нас был обед и свободное время. Кто-то на поляне играл во фризби.

Перед ужином мы собрались на поляне в лагере и кричали кричалку — мы стали в круг и разделились пополам, одна половина кричала название американской пиццерии, а вторая — известной бургерной. Бургерную кричали громче — она победила.

— Значит, оружейники приехали. Если бы наркодельцы, то победила бы пиццерия, — сказала Марина-«лев».

Я, будучи не в курсе, так и не поняла, зачем мы становились в круг, разделялись пополам и кричали кричалку — это было для полицейских.

Мы смотрели на горы вокруг, и Эдам говорил нам: — Я люблю ездить в горы. Эти горы стояли сотни лет до тебя, они будут стоять еще сотни лет после. Ты прикасаешься к чему-то вечному, незыблемому. В горах все твои проблемы кажутся таким мелкими, такими незначительными. «Если вы хотите понять, насколько незначительны ваши проблемы, поезжайте в горы», — подумала я, почему-то усмехнулась сама себя и вспомнила «маленького» Сашу. Эдам ходил в голубой футболке, шортах и кожаных открытых сандалиях.

Вечером после ужина опять играли во фризби, было свободное время, а в девять тридцать встретились у костра.

Каждый вечер в полдесятого мы могли пойти или не пойти на вечерний костер. Сегодня Эдам приглашал там поболтать, есть жареный на костре маршмеллоу, жарить в углях картошку и грибы, завернутые в фольгу, поиграть там в игры. Эдам обещал, что будет интересно.

Посиделки у костра были примерно в десяти минутах ходьбы, в лесу. Как обычно в горах ночью было очень холодно, а днем теплело. Вечером оделась потеплее. Я была в красном фланелевом костюме с лампасами и зашитыми карманами штанов. Я пошла вместе с Элен, мы жили в одном домике, вместе вышли из домика и направились к костру. От лагеря мы шли по гравийной дороге в сторону леса. Дорога ближе к лесу перешла в тонкую утоптанную тропинку. Мы не заходили далеко в чащу. Только зашли в лес и сразу же увидели опушку с костром... Вокруг места для костра были сложены бревна, как скамейки. Костер был обложен камнями. И сквозь деревья были даже кое-где видны тусклые фонари лагеря. Свет шел только от огня, никаких фонарей вокруг не было.

В первый день у костра был весь лагерь — все оживленно беседовали, для костра сложили бревна шалашиком, костер сначала горел высоко, мне по пояс — Эдам просил близко к костру не подходить. Когда костер перегорел, маленький остался только в центре, в раскаленные угли в фольге

сложили крупный, даже огромный картофель и грибы, на шампура нанизывали маршмеллоу и слегка поджаривали, маршмеллоу плавился, горел, чернел на шампурах. — Ты ешь его? — спросила у меня Элен удивленно. Я попробовала. Маршмеллоу я впервые попробовала у американцев, воздушное суфле типа зефира.

Половина или четверть «бомбочки» маршмеллоу была нежно-розовой, а другая белой. Иногда белый и розовый располагался в шахматном порядке. Эдам закупал маршмеллоу для лагеря и купил разного вида.

От огня маршмеллоу слегка подтаивал, плавился, чернел, я и еще больше напоминал сахар. Жарить конфеты казалось странным. Желатиновый крахмальный сахар в «бомбочках» жарился на костре, чернел от огня, раздувался, пузырился и немного обугливался, дымил черным. Райли даже спалил одну «бомбочку». Маршмеллоу горел как и все остальное — до тла, оставив только хрупкую черную сложившуюся без наполнения, пустую оболочку.

Мы ели белые, розовые и бело-розовый вязкие «бомбочки» или бочонки маршмеллоу с палочек, жевательный зефир с клубничным или ванильным вкусом. Они складывались, таяли во рту, растворялись, как сладкая вата. Микс из сахара, крахмальной патоки, глюкозы и желатина был не сравним ни с чем когда-либо мной пробованным. Приторно сладкий, очень необычный, поражал воображение, и начинал ассоциироваться именно со странными, так отличающимися от нас американцами-баптистами, которых я считала во многом лучше нас. Просто до этого я никогда не пробовала сладкую вату.

Жареный, складывающийся во рту маршмеллоу поражал воображение русских, на что и было рассчитано. И позже каждый раз, как я видела маршмеллоу, я вспоминала американцев и тот лагерь лидеров после первого курса.

Мы пели песни про Иисуса Христа. Разговаривали с соседями по костру о первом дне в лагере. Стоял непрекращающийся гул, все, перевозбужденные, делились впечатлениями.

Райли играл на гитаре им самим сочиненные песни.

Лучшим другом Джейка среди этих американцев был Райли. Они говорили, что в университете вместе жили в одной комнате. Райли был смуглым, даже смуглее Джейка, черноглазым и черноволосым и напоминал негра, но в отличие от негров его волосы были прямые. Он был на полголовы ниже Джейка и немного выше меня. У него была прическа «котелок», и его волосы немного закрывали уши. Райли как бы играл роль своего знакомого, недавно умершего мальчика, про которого оракулы говорили, что он может стать талантливым композитором. У Райли в Америке осталась девушка, с которой они через несколько лет собирались пожениться. У них все было серьезно. Это для нее он сочинял песни без мелодии и писал ей письма каждый день. Все песни он посвящал своей девушке в Америке. В письмах девушке Райли подробно рассказывал все подробности

операций Эдама. Потом Эдам должен был перехватить все его письма. И если бы какое-то письмо дошло до Америки, его можно было бы использовать против Эдама и его Ко.

Песни Райли были, на мой взгляд, бредовыми – пустое, тупое бряцание по струнам.

Если американцы-баптисты начинали встречаться друг с другом, то их «встречи» обязательно заканчивались свадьбой, этим они тоже отличались от наших русских и, как я считала, в лучшую сторону.

Джейк-«лев» тоже играл на гитаре музыку в стиле кантри даже с мелодией.

Птиц не было слышно. Мимо наших ушей свистели пули, одна даже задела ухо Элен. Это Эдам и его тезка, который откликнулся на имя Келвина, тренировались стрелять в темноте в специальных очках... Потом так стрелял Дажуху Ян Абдулович и даже немного задел ухо Сулгвин...

Полицейские сами сотрудничали с преступниками, надеясь хоть так их контролировать и на них влиять, желая так избежать лишних жертв.

Вечером у костра Джейк сидел недалеко от меня, мы начали играть в какую-то игру с размытыми правилами... С одной стороны от меня сидела Сулгвин, а с другой Дженнифер.

Дженни говорила, что она из семьи серьезных юристов, но все американцы думали, что она из семьи булочников. Она как будто надела маску другой девушки из семьи богатых юристов, на которую хотела быть похожей. И вела себя соответствующе. Как та, другая девушка. Не она.

– Сейчас будем играть в игру, – Джейк объяснил правила.

Каждый игрок должен был сказать набор из двух слов – крест или параллель, то есть могло получиться крест-крест, параллель-крест, крест-параллель или параллель-параллель. По правилам порядок имел значение: крест-параллель и параллель-крест отличались.

Рядом с Джейком сидел «маленький» Саша. Он ходил за ним как прирванный, общался на плохом английском, заискивал и смеялся... Как будто в Джейке мог найти спасение от смерти молодым, его ведь «продали» родители. И никому не хотелось верить, что этого спасения у него просто не было. Глядя на него такого молодого, сильного, веселого не хотелось верить, что его годы сочтены... и через несколько лет он будет лысый от химиотерапии, с темными кругами под глазами, худой и умирающий...

Говорили по кругу, каждый говорил любой набор, например, «крест-крест», и ему отвечали, прав он или нет. Выигрывал один человек, который понимал правила, по которым надо было называть набор. При этом считали количество кругов. Джейк был за главного. Эдам с Морген уже ушли в лагерь.

Большинство говорящих не угадывали «свой» набор из четырех вариантов. Вероятность попасть – одна четвертая. Шанс есть. Но маленький. Большинство не попадало.

– Параллель-крест, – звучало за несколько человек до меня. Джейк снова качал головой – неправильно.

— Крест-параллель, — сказала Дженнифер рядом со мной. Опять неправильно.

— Крест-крест, — сказала я и опять не попала.

... — Крест-крест, — сказала Сулгвин. — Да! — Джейк ткнул в нее указательным пальцем, как будто выстрелил их пистолета.

Часто говорили «крест-крест» и именно эта комбинация чаще всего была правильной.

Некоторые американцы знали правила. Некоторые нет. Думаю, Сулгвин знала правила. Не все американцы ездили в первый лагерь и соответственно, не все знали правила игры. Дженнифер в первый кэмп не ездила и правила поэтому не знала.

Мы, как идиоты, называли непонятную комбинацию из двух слов. И чувствовали себя полными придурками. А вы попробуйте играть в игру, правила которой не знаете? Мы попробовали, не понравилось. Никто и не рассчитывал, что правила все-таки существуют и нам их в конце концов расскажут. И надеялись, что после десяти-двенадцати кругов американцы поймут, что вдохновение на нас не снизошло и правила нам так и не открылись. Что никто так и не догадался. Расскажут нам правила, если мы сами не угадаем, или нет, так и осталось для нас загадкой.

Я сидела недалеко от Джейка. Где-то на четвертом круге я заметила, что стоит очереди тыкать пальцем в небо «крест» или «параллель» и в какой очередности подойти к Джейку, он сразу меняет позу, меняет положение рук или ног. Я обратила на это внимание и решила делать также. Я тоже решила менять позу каждый раз, когда очередь подходит ко мне. Я долго сидела, вытянув руки вдоль ног. Новый круг. Вот опять. У меня «крест-крест» и я опять не попала. То есть я решила, что выбор параллели или креста связан с позой соседа. А поза — это, прежде всего, положение рук и ног. Я смотрю дальше. Сижу, также вытянув руки вдоль ног. — Параллель-параллель, — говорит Сулгвин. Она знает правила и говорит правильно. Я сижу также. У Сулгвин поза — руки и ноги скрещены. «Крест-крест» — говорит Джейк. Он тут же меняет позу — перекрещивает руки, ноги просто стоят на земле. «Крест-крест», — говорит Саша, даже не задумавшись. «Крест-параллель» или «параллель-крест», — думаю я. Саша и не пытается разобраться в игре, считает, что это просто нереально, и все время параллельно разговаривает с Джейком. — Неправильно, — вполне логично отвечает Джейк. Саша машет рукой — ему все равно, типа в этой игре никто так и не разберется. Джейк даже цокает языком, так ему это не понравилось, — Саша не должен так просто сдаваться!

Очередной круг. Дженнифер сидит, скрестив ноги и опустив руки. «Параллель-крест», — говорю я. — Правильно, — удивленно поворачивает ко мне голову Джейк. Победа! Значит, я поняла, это оно — правило!

До этого я сидела, вытянув руки вдоль ног, теперь я скрещиваю руки. Я меняю позу, когда приходит очередь моего соседа справа, Сулгвин, отвечать.

«Крест – параллель», – говорит Сулгвин. Как и должна, согласно моему алгоритму.

Следующий круг. Очередь опять подходит ко мне. Я опять меняю позу. Джейк обратил на это внимание. Показал «маленькому» Саше на меня, мотнув головой в мою сторону. – Смотри... – Сулгвин отвечает: «крест-крест», мои руки и ноги перекрещены.

Я поняла правила. Джейк это понял... Я в теме...

– Did you get it? – I think so.

– OK. I think the winner is...¹ – Типа игра закончена, И я победила!

И я опять поймала на себе оценивающий и одновременно восхищенный, одобрительный и удивленный взгляд Джейка.

Оказалось, что крест или параллель – это положение рук или ног соответственно. При этом мы называли позу соседа слева. Сулгвин называла мою позу, а я называла позу Дженнифер, Джейк называл позу Сулгвин и т. д. Если руки и ноги скрещены – это «крест-крест», самая распространенная поза у нашего костра сегодня. Если руки и ноги не пересекаются – это «параллель-параллель». «Параллель-крест» – руки не пересекаются, ноги скрещены. «Крест-параллель» – наоборот. При этом ноги и руки могут быть перекрещены слегка. Или полностью скрещены – все равно это «крест-крест».

Но Джейк не стал говорить, что я победила громко и торжественно, как я ожидала и, должно быть, заслуживала. Или предполагала ситуация. Моя победа осталась незамеченной и тихой – никто из окружающих так и не узнал, кто все-таки победил! А это я победила! Это я решила этот ребус! Это я разгадала эту головоломку! Никто, кроме Джейка не узнал, что победитель – я! Моя победа оказалась неважна... И я почувствовала себя обделенной и расстроенной. Даже если русские и интересовались, кто разгадал головоломку, то им отвечали равнодушно. Моя победа не предполагала внешнего триумфа...

Потом все начали зевать и потихоньку расходиться. Мы возвращались с Элен и Сулгвин и решили напоследок полежать на лавочке и порассматривать Млечный путь. На обратной дороге мы немного задержались на поляне у лагеря. Мы смотрели на светлячков, огоньки... Сулгвин рассматривала светлячков в траве...

Ночью я рассматривала Млечный путь. Сулгвин пошла в домик, а Элен пригласила меня рассматривать небо и тоже легла со мной на скамейку. Я лежала на деревянной скамейке и смотрела на звезды... И только в горах в теплую ясную ночь вдали от огней города я смогла рассмотреть этот поток звезд, тянувшийся вдоль всего небосклона, называемый Млечным путем, и понять, что это такое! Как он поразил меня тогда! Млечный путь так хорошо виден в горах! Как поток маленьких светлячков, летящих «стаей»

¹ – Ты поняла? – Думаю, да. – Ок, я думаю, победитель....

по ночному небу, завершающих свой путь за горизонтом. Звезды как светлячки...

Мы с Элен недолго лежали на лавочках, пошли спать в домик — все равно в горах одной ходить было страшновато.

Пока мы с Элен рассматривали Млечный путь, в соседних кустах Саша «маленький» собирался резать вены. Его отговаривал Эдам, приводил весомые аргументы, что не надо портить остальным отдых, что из всех таблеток «инсульт», «инфаркт», «раковая опухоль» лучше всего взять рак, дольше проживешь, а сейчас еще и лечат. Что надо ценить жизнь, сколько бы ни осталось, что надо умереть на руках у родителей, чтобы они задумались и пожалели, наказать их своей мучительной смертью, сколько можно убивать детей за материальное благополучие! Пусть видят твою смерть и мучаются!..

Эдам убеждал, что стоит еще пожить. Что можно еще посмотреть мир... Еще счастливо прожить оставшиеся годы. Что из всех раковых опухолей — десятилетней, пятилетней и двухлетней, самой агрессивной, стоит выбрать пятилетнюю, золотую середину, и пожить еще несколько лет. Неприятно выпить «десятилетнюю» таблетку и потом постоянно искать в себе следы болезни, лучше просто прожить оставшиеся годы здоровым и выпить более агрессивную опухоль, и умереть быстрее, время жизни такое же, но качество жизни лучше. Что из «инсультов» и «инфарктов» лучше брать инфаркт, быстрее умрешь, после инсультов можно остаться калекой.

Эдам был хорошим лидером, умел убеждать и серьезными аргументами уговорил Сашу... Его родители хотели его быстрее похоронить, с глаз долой и с сердца вон. Но именно в эту ночь Эдам убедил Лешу еще потоптать землю, посмотреть на солнце, еще любить женщин. Может быть, стать отцом. А чтобы не мозолить глаза родителям, не мельтешить и не лезть на рожон, Саше лучше уехать в Америку, посмотреть мир, напоследок себя показать... Отцу тоже неприятно каждый день смотреть на родного сына, уже убитого молодым своими руками...

Ночами и по утрам было прохладно и сыро, и мы спали в спальнях мешках одетыми. По крайней мере я — в теплом фланелевом красном спортивном костюме с белыми лампасами. С соседками по комнате я мало общалась. В основном с «соседями» по команде.

Американки — Элен и Сулгвин в моей комнате, раздевались и ночевали в спальном мешке в летних пижамах — майках и шортах. Элен попала в команду маусов-меланхоликов, а Сулгвин — сангвиников. Хотя я бы не сказала, что Элен меланхолик, и себя я скорее причисляла к сангвиникам — мои тесты по психологии в школе говорили, что я что-то среднее между сангвиником и холериком. Команды холериков у нас не было. Здесь я вдруг оказалась флегматиком...

И пусть никто не заметил моей победы в игре «Крест-параллель», а я все равно была счастлива! И легла спать одетой и довольной, гордой со-

бой, (игра была не очевидной) – но внутренне неудовлетворенной, что меня не похвалили – в свой лоскутный спальный мешок...

Сейчас американцы-контрабандисты пытались понять, кто из русских есть кто. Элен и Анна вечером обыскивали вещи всех русских. У Марины из моей команды нашли прослушку. Ее избили в кустах. Мы играли в «крест-параллель», а овраге наша Марина истекала кровью... Говорили, что Анна пырнула ее ножом и старший брат, который «пас американцев» где-то неподалеку, поехал с ней в «поселочную» больницу ее зашивать...

Поход

Завтрак был с восьми до девяти. Лида из моего домика могла проспать завтрак, есть свое из дома — и проснуться только к обеду. А потом заказывать у Эдама еду из поселка у подножья. Лида попала в команду черепашек-сангвиников к Саше Янченко и Лене Ситоковой.

«Образина» Лида олицетворяла мою шизофрению, страшное заболевание. Тогда шизофреникам растворяли много сводящих с ума таблеток по научению особ английской королевской крови. Открыли Америку с их наводки, и сейчас английские короли «правили балом».

Элен была «баптисткой» в семи поколениях, или одела маку такой «баптистки». Я — в десяти.

Из поселка у подножия горы нам могли привезти бананы по желанию. Мы оставляли деньги водителю или Эдаму и к следующей «трапезе» он привозил нам, что заказывали.

Американцы собирались с другими верующими баптистами своей маленькой группкой, молились, читали Библию и говорили о Боге — Иисусе Христе.

Каждое утро и вечер американцы встречали в беседке-столовой, где они молились до завтрака или ужина. Все верующие баптисты молились перед каждой едой. Наши в том числе. Они благодарили Бога, что он даровал им эту трапезу. Благодарили Иисуса Христа за все, что возможно, и просили божьей милости... Некоторые русские баптисты читали Библию и молились вместе с ними.

Некоторые русские даже умудрились привезти себе спиртного и втихоря «бухали» в «беседке-столовой». Среди них были Саша Янченко, Лида и Мария Бонтюк. С ними иногда «бухал» Байсек... Американцы в беседке молились, русские в беседке бухали...

С утра субботы американцы опять молились в беседке-столовой.

Аня из моей команды «львов» и Саша Янченко тоже с американцами недавно стали баптистами, тоже читали Библию. Аня все выбирала, к какой русской секте примкнуть... В субботу вечером американцы даже пригласили Аню молиться вместе с ними.

«Умывальня» находилась недалеко от столовой. Умывальники-рукомойники были на все домики. Умывальники были железные с крышкой, по форме напоминающей чашку без ручки, как и многие чашки, были сужены к нижнему основанию. С железным немного клиновидным штырем посередине. В умывальнике посередине было отверстие, в котором плотно сидел стержень, при поднятии которого внутрь, из умывальника вытекала вода. Вода стекала в железные раковины на полу и оттуда в траву. Рукомойники крепились на столбики... Но все рукомойники были под наве-

сом — умывание было централизованным. Каждое утро, день и вечер американцы наполняли рукомойники водой из пятилитровых бутылок.

С утра мы умывались, чистили зубы, потом шли завтракать. Я запомнила, что Аня с Людой обычно очень долго чистили зубы, больше трех минут. Стирали зубную эмаль.

— How are you today?¹ — как обычно с утра спросила меня Анна, потев меня по плечу. Ее голос был медленный и благостный. Она спрашивала, как обычно спрашивали «служители» Бога.

На второй день лагеря у всех команд был запланирован поход по горам к горному водопаду.

В каждой команде, в том числе «львов» -флегматиков, выбирали тимлидера голосованием. Команда выбрала, к моему глубочайшему изумлению, меня! Все голосовали — писали имя на беленьких в клеточку клочках бумаги. Мое имя было почти единодушно написано! А я выбрала в тимлидеры «маленького» Сашу. Американцы не могли быть лидерами. Они были здесь, чтобы дать нам раскрыться — мы выбирали только среди русских. Я должна была провести команду по маршруту...

Команды, чтобы не пересекаться, шли по одному и тому же маршруту с интервалом в полчаса. Первая команда выступала в девять тридцать, мы — в десять, команда после нас — в десять тридцать.

Я была в обтягивающей полосатой кофте с обрезанными рукавами в тонкую бело-черную полоску и голубоватых джинсах, с заклепками вместо ширинки. Кофту мне отдала обеспеченная тетя, которая также одолжила мне спальный мешок. В горы в джинсах — то, что надо! Но не только я так оделась в горы, «большой» Саша тоже был в джинсах и не взял с собой спортивные штаны. Только русские в горах ходили в джинсах, а что — очень удобно! Американцы над нами потихоньку подшучивали — жить в двух часах от гор и не ездить в горы и даже не иметь спортивных штанов! Спортивных штанов у меня просто не было. У Саши, наверное, тоже.

В этот день мы шли в поход через лес. Эдам объяснил мне, как тимлидеру, что надо просто идти по тропинке, пройти мимо ручья до опушки. Тропинка одна, она виляет, но все равно выведет нас к цели. На опушке у нас будет пикник и обед. На одну и ту же полянку команды шли в разное время. Все маршруты до нас исследовал Эдам и выбрал оптимальный для новичков — большинства...

Эдам давал последние напутствия тимлидерам перед походом:

— Вы можете идти первыми. Можете в середине команды. Можете ее замыкать. — Я выбрала идти последней и присматривать за остальными...

Лена Ситокова была тимлидером сангвиников и шла первой, а потом в середине команды. Не знаю, кто был лидером у мышек-меланхоликов.

¹ — Как ты сегодня?

Мы вступили в лес. Никто не шел группой, все сразу растянулись по дороге, как обычно бывает в таких случаях.

День опять же был погожий, а лес густой. Небо проскальзывало только в тонких бликах на земле и стволах деревьев. В лесу было свежо, даже прохладно и тихо... Эдам по маршруту оставил красные метки, и когда мы сомневались, куда идти, смотрели на красные тряпки на деревьях. Усыпанная гравием дорога превратилась в утоптанную тропинку, которая петляла, становилась то тоньше, то шире, то спускалась с гор, то цеплялась за корни деревьев, то катилась по крутым склонам. Иногда мы катились по ней, шли лесенкой, иногда скользили боком, постепенно превращая тропинку в отвесный склон.

Саша «маленький» сразу убежал по дороге из «красных тряпок» вперед, Джейк ушел за ним недалеко от нас. Он, как инструктор по скалолазанию, должен был нас подстраховывать. Анна была в середине «растянутой» по дороге группы. В начале пути «большой» Саша немного позаигрывал «для порядка» с Аней... и убежал вперед за «маленьким» Сашей, мной выбранным лидером. Марину старший брат и отец увезли в город, Краснодар. Ее рана была очень глубокой, и в поселочной больнице ее хирург не смог нормально зашить. Она должна была скоро вернуться с новой аппаратурой для прослушивания...

Джейк хотя и был горным инструктором, но в поход пошел в сандалиях с резинками на плоской подошве. На мой взгляд, его обувь была неудобной, не подходила для гор. Сандали плоскостопные, с плоской резиновой подошвой на черных резинках, перекрещенных на ступнях, через большой палец. Остальные были в кроссовках. Но Джейк, как горный инструктор, наверное, мог идти и в такой обуви.

Я шла с Шерил и Аней, мы пытались о чем-то разговаривать. Мы замыкали. Аня задавала вежливые вопросы, старательно поддерживала диалог. Эдик говорил, что красные тряпки, как для быка, отца «маленького Саши», который дома ждал его самоубийства. Или для Яна Абдуловича Дажуху...

Аня в речи, как я заметила, часто использовала сослагательное наклонение, частицу «бы». Когда Аня говорила, она всегда как будто спокойно улыбалась своей красивой маленькой улыбкой.

— А ты часто бываешь в горах? — спросила Аня улыбаясь нежным голосом.

— Я нет, давно не выезжала... А ты?

— Я так. Иногда бываю с родителями...

Мы неловко замолчали... Но Аня не могла молчать и спокойно идти молча.

— Ты же на информатике учишься?

— Да...

— Хорошо язык знаешь... — улыбнулась Аня.

— Да, спасибо. Долго с репетитором занималась...

Я придержала ветку, чтобы она не ударила Аню, идущую за мной. Аня ветки не придерживала.

Шерил то шла впереди нас, то немного отставала, но крутилась поблизости, мельком слушая наши разговоры.

Аня поддерживала диалог, хотя, как мне казалось, его можно было и не поддерживать.

— А я на лингвистике учусь... Классные американцы приехали!

— Да, классные...

Так мы проговорили с благовоспитанной Аней весь путь до ручья.

Аня всегда улыбалась, и я не могла представить ее без коронной милой вежливой улыбки.

Эдам говорил, что по дороге было пару трудных отвесных мест, и мы по маршруту ближе к концу будем переходить ручей.

Мы шли минут сорок по лесу. В трудных местах меня поддерживала Аня или Шерил. Потом вышли к ручью... Птицы щебетали... Солнце жарило головы и кепки. Кепки в лагере были необходимым условием.

«Маленький» Саша был без кепки — он не боялся поджариться. Ему уже нечего было бояться, самое плохое, что могло с ним произойти в жизни, уже произошло — его продали родители.

Анна с «большим» Сашей шли впереди, были незаметными и, казалось, совсем потерялись.

Как уже говорил Эдам, наш маршрут лежал через ручей. Если это был ручей, то очень крупный. Когда говорили о ручье, я представляла себе тонкий ручеек, который я переступлю ногой. Это же была почти горная бурная река с каменистым дном из крупных камней, очень холодная, чтобы перейти которую надо было разуться и закатать джинсы по бедра. Кто был впереди, уже перешел горную реку-ручей, назовем ее так, это ближе к правде.

«Ручеек» в ширину был метров десять, иногда со скалистым дном, иногда мелкий и скользкий, иногда глубокий. Камни на дне были покрыты мхом и поэтому были скользкими.

Перед «ручьём» мы разулись. Джейк ждал нас. Он решил помочь перейти «ручей» Ане, поддерживая ее за руку.

Он начал подстраховывать Аню, но она сказала, что сама справится и пошла через «ручей» одна.

Последними переходили мы с Шерил. Шерил подстраховывала меня иногда, чтобы я не упала. Но мне это не нравилось — это я же тимлидер. Я должна сама справиться и подавать другим пример. Как и все горные реки, этот «ручей» был холодный, как лед. От холода сводило ноги. Иногда сильное течение било по ногам. Из-за «мохнатых» камней можно было подскользнуться.

Впереди был Джейк, уже на другом берегу. Он заинтересованно остановился и на миг замер, а потом спросил у Шерил:

— Вы справитесь сами? — Шерил уже помогала мне перейти. — Да, да, — махнула ему рукой Шерил, опять соскалившись в улыбке. Но Джейк

смотрел именно на меня и как будто переживал именно обо мне, такой неспортивной. Он вначале помогал Ане и переживал за русских девчонок. За Шерил он не нервничал.

Мы с Шерил взялись за руки. Шерил шла впереди, я последней. Пару раз поскользнувшись, но не упав, я намочила низ подвернутых джинсов.

Шерил помогла мне перейти по относительному мелководью, а Аня пошла в бок и попала на глубокое место... Она все равно оступилась и придела прямо в воду по пояс. Промочив темно-синие, почти черные спортивные штаны по кофту.

Джейк опять обеспокоено посмотрел на меня и на мгновение замер...

На другом берегу Аня уже выжимала кофту, Джейк сначала помогал ей, а потом быстро убежал вперед дальше по маршруту. Джейк был в мастерке болотного цвета с капюшоном и темных шортах до колен.

Мы стояли на мокрых, теплых на берегу камнях, засовывали ноги в мокрые кроссовки, откатывали слегка мокрые брюки. Шерил осмеивалась своей скалящейся улыбкой в тридцать два ровных белых зуба. Полотенец не было, мы вытирались носками и надеялись, что по дороге все высохнет.

Аня осталась на берегу раздеваться и выжимать трусы и штаны. Она сказала, что даже набрала камней в трусы, за ней поглядывал «маленький» Саша.

Потом она, как и мы с Шерил, неспешно пошла дальше по виляющей тропинке среди холмов догонять остальных. Аня весь оставшийся поход ходила с мокрыми штанами и трусами, пока мы не вернулись в лагерь, где она переделалась. Она сказала, что все нормально. Запасные штаны она в этот поход, конечно же, не взяла.

...Джейк помогал Ане перейти ручей — не мне, а Ане. Почувствовала ли я в этот момент укол ревности? Думаю, да.

Абсолютно неспортивная, выросшая без полноценной физкультуры, я преодолевала себя. До этого любая спортивная активность приводила меня в ужас. Сказывалась спецгруппа по физкультуре в школе.

Я в этот момент почувствовала себя победителем! На самом деле это был первый поход в моей жизни и первая река-ручей.

Мы с Шерил вышли из леса. Здесь нас поджидали Саши, «маленький» и «большой», Джейк и Анна. Мы еще подождали Аню и появилась Марина, ее привез брат. Все львы в сборе!

— Саша — это тимлидер прошлого кэмпса сейчас, — сказал мне Джейк. — Прошлый тимлидер тоже убежал вперед... Парень, с которым я был в команде в прошлом лагере на прошлых выходных, шел первым. Он быстро убежал вперед, а мы шли за ним и помогали девчонкам — они не успевали. По дороге он растерял полкоманды. — Джейк, как я поняла по его тону, считал, что это было абсолютно неправильно. Он даже прицокнул языком, как ему понравилось, что я шла последней и замыкала... Я бессознательно отметила, что он опять заинтересовался мной.

Шерил согласно кивала. Она тоже так думала. За этот лагерь я получше узнала Шерил. Она показалась мне очень взрослой, умной и начитанной, как говорила моя одногруппница. Шерил постоянно смеялась и казалась, или хотела казаться, веселой. Она смешила сама себя и окружающий. Постоянно хотела превосходить себя, искала себя умных собеседников. Первое время мне казалось, что ее речь можно как бы пропускать мимо ушей, проматывать. Она постоянно посмеивалась, и поэтому возникало такое чувство. Как будто, что она говорит, неважно. Но в лагере я поняла, что ее как раз стоит слушать. Она говорила что-то стоящее. Ум как будто спрятанный за маской неуверенности и веселости...

Часть маршрута за рекой уже была светлее. Из леса мы вышли и шли теперь по холмам к месту обеда. Дальше по холмам мы уже шли командой, которую я, как тимлидер, тоже хотела замыкать. Но мы больше не растягивались, как в походе, а шли слаженной быстрой кучкой, и я могла не идти последней, как сказал мне Джейк. Мы поднимались по холмам. Быстро спускались... И здесь на кустах или невысоких деревьях иногда виднелись красные тряпки-маячки Эдама. По холмам мы бродили еще минут двадцать.

На холмах мы делали несколько «командных» фотографии. Если смотреть фото с того «блуждания» по холмам, то на многих фото Саша «большой» говорил как будто: «Бу», Аня с благородством настоящего льва рычала, вжившись в роль... Шерил с Анной держались за руки, как сестры. Их фигуры были одинаковыми. Шерил улыбалась широко, во все тридцать два ровных зуба. Она почему-то выглядела смешливой и абсолютно безобидной на всех фотографии.

Мы долго бродили по холмистой местности, как мне показалось, по кругу тоже по тряпкам Эдама. Дольше, чем две другие команды. Потом вышли к поляне обеда.

Поляна, которая была целью нашего похода, была на открытой площадке у ручья-водопада. Здесь уже сидела команда черепашек, которые вышли из лагеря раньше нас. Они уже пообедали...

Когда мне сказали, что мы идем к водопаду, я представляла себе большой шумный водопад, массивы воды, падающие с большой высоты. Но это был ступенчатый мелкий водопадик, максимальная высота падения воды не превышала полутора метров. Вода лилась по скалистым отвесным ступенькам в метр длиной, потом падала с невысоких ступенек, замедляясь на ходу на метровых плато. И становилась медленной. Ручеек мелел. Около места нашего пикника был мелким, просачивающимся среди крупных камней. Потом бежал дальше в горы. Вот это был настоящий ручей в моем представлении, бегущий неглубокой струйкой среди камней, мелководный и журчащий, в пару метров шириной. Не то что полурека, которую мы недавно переходили и которая напоминала о себе мокрыми джинсами.

Как в моем представлении ручей оказался рекой, то водопад оказался скалистым горным ручейком.

У камней и мелкой воды мы с Аней сфотографировались с Сулвин из команды черепашек. Она опять претворилась, что тростник и спряталась за мной, надеясь, что ее не заметят..

В рюкзаке с провизией, который все время нес «маленький» Саша, был наш обед. На обед был плов и ярко-красный компот из ягод.

Мы расселись на пенки. Джейк, Шерил и я, как сегоднешний тимлидер, раздавали плов в одноразовых тарелках. На свежем воздухе голод разыгрался. Плов — удачное блюдо для обеда в лагере — стоит копейки, рис, мало мяса, лук, морковь, сытный и дешевый. Много риса и мало мяса. Мы пили красный компот. Потом обсуждали поход. Каждый похвалил меня, как тимлидера. Джейк в том числе.

— If someone wants to say something, you are welcome...¹ — Джейк сказал это нам пренебрежительно и сделал приглашающий жест рукой.

Шерил рассказала притчу о влюбленной паре, что счастье не зависит от денег, что можно быть счастливым с любимым человеком и живя на три рубля. А закончила красивой фразой:

— Человек, который может составить вам пару, это может быть и этот, и тот. Главное, самому стать таким человеком, с которым можно связать жизнь и всю жизнь быть счастливым, самому быть хорошим партнером.

А я рассказала притчу о людях, которые много значат в наших жизнях. Я ее когда-то читала в учебнике Виолетты Генриховны, и которая тогда меня очень поразила:

— Назовите самого богатого человека мира. А последних Нобелевских лауреатов? А Олимпийских чемпионов? Сложно? А теперь человека, который помог вам в трудную минуту... Или того, у кого вы научились чему-то новому... А того, который когда-то вас сильно удивил. Никто не помнит лидеров вчерашнего дня. Аплодисменты стихают. Люди, которые что-то значат для нас, которые оставили в вас след — это те, которых вы узнали... Которых вы потрудились узнать...

Мой рассказ произвел впечатление. Повисла восхищенная мной, теперь уже тишина. Но через несколько минут мы начали обедать...

Джейк как будто по-другому сейчас на меня посмотрел. Мне кажется, тогда опять Джейк выделил меня из остальных.

Я обратила внимание, что у Джейка на запястье была повязана тонкая красная веревочка — он носил ее постоянно. Марина спросила у Джейка, что это за веревочка:

— Эта оберег от моей жены. Она сказала мне никогда его не снимать...

Мы сидели, немного отдохали и готовились к обратному пути. И тут Джейк, как будто поддавшись внутреннему инстинкту, абсолютно неожиданно положил мне на колени голову... Он положил голову мне на колени... И так лежал минут семь... Я обалдела от неожиданности и его смело-

¹ Если кто-то что-то хочет сказать, то милости просим...

сти, или наглости — смотря как назвать. Я боялась дышать... Я не смела убрать его голову... Не смела двинуться... Мое сердце бешено билось.. Я боялась опустить глаза, чтобы посмотреть на его лицо... Я боялась дотронуться до его волос... Его голова так и лежала на моих коленях... Я сидела не двигаясь, краснея. Я что-то говорила... Я задерживала дыхание, чтобы живот меньше поднимался и грудь оставалась неподвижной... Я была девственницей, и такая близость мужского тела вызвала во мне внутреннюю дрожь и легкое половое влечение... возбуждение...

Через несколько минут он убрал голову... Наконец-то... Какое же облегчение я испытала тогда!

Потом я еще некоторое время сидела в оцепенении, не зная, как реагировать и что делать. Пока я приходил в себя, моя команда собралась в обратный путь, но уже не через лес, а по дороге. Сангвиники-черепашки тоже возвращались с нами.

Пока мы собирались, к нам подошла Женя Снисарь и сказала: — Знаешь, маленькая жена Джейка — это ты. — Я пропустила эту фразу мимо ушей, тогда не приняла близко к сердцу. Вообще не поняла ее смысла. Люди иногда говорили непонятные мне вещи, я не стремилась понять, что это значило.

Женя не ехала в лагерь с нами. Ее привезла сегодня мама с Эдамом именно на эту поляну поговорить с нами, а потом увезла. Ее мама тоже занималась контрабандой оружия и помогала Эдаму. Так она стала в доле в контрабанде Калашниковых. Главная цель Жени Снисарь была, чтобы ее запомнила Марина-«лев»...

До поляны большой рюкзак с провизией, обедом, компотом и пенками нес «маленький» Саша по очереди с Шерил. Саша нес его почти весь путь, Шерил несколько холмов до поляны. Пенки были свернуты трубочкой и торчали по бокам рюкзака. Обрато рюкзак, намного полегчавший, нес горный инструктор Джейк по очереди с Аней.

День был солнечный. Мы возвращались в лагерь отдохнувшие после похода. Теперь полоса горизонта, линия между горами и небом была видна отчетливо. Небо было солнечно-голубым. Облака рваными и расплывчатыми. С одной стороны неба редкими, а с другой — сплошными. Они медленно плыли по небу. На противоположной зеленой горе у вершины лежали широкие полосы белого снега.

Обратно мы возвращались по гравийной дороге. Я болтала с Аней из своей команды.

— Ты сегодня молодец! — сказала Аня улыбаясь своим красивым маленьким тонким ртом. Голос у нее был высокий и тонкий. Она говорила улыбаясь.— Шерил сказала, что ты нас хорошо провела. Была хорошим лидером.

— Да, спасибо, — я тоже мило заулыбалась. Рядом с Аней хотелось тоже улыбаться, и мне она, если честно, нравилась.

Подошла Элен:

– How are you guys? How was your trip? Was it good? – Сказала Элен медленно и благостно. Как будто была очень благополучной... Хотя говорили, что она наоборот бедная. Элен носила зеленый платок, завязанный на голове сзади на узелок.

– Yes! Very good!

– Good! I'm glad for you!¹ – Элен сильно тянула «оо», она быстро поводила по моему предплечью, как погладила. Создавалось впечатление, что Элен не интересовалась мальчиками как мужчинами и не рассматривала их в качестве спутников жизни – американцы относились друг к другу в половом плане только сразу как спутникам жизни и не меньше, что я оценивала положительно. Как сказал Саша Янченко, нам бы тоже так хотелось (особенно девушкам), но не та страна и не та культура. Не из баптистов мы, другими словами...

– Who was your leader? – спросила Элен у Ани.

– It was Arina.

– Oh, Arina?.. Good for you! Did you like it? – Элен показала неподдельный интерес.

– Yes, sure... – я усмехнулась.

Элен пошла с нами. Потом она спросила меня.

– What's your faculty?

– It's Faculty of Informatics.

– Informatics? Really? I thought that you study at English...

– No, it's informatics!

– Oh, cool... Do you like it?

– Yes, I do...²

– Мы сами выбираем себе предметы, которые учим в университете. Этим американское образование отличается от российского. У нас нет лишних предметов.

Большинство хорошоговорящих по-английски было с лингвистики. А я была хорошоговорящей по-английски с математики, некоторые были с геофака. Например, Женя Снисарь, но она долго занималась с репетитором, как и я.

Американцы всегда спрашивали одно и то же, и так, выучив пару фраз, например, «маленькому» Саше, уже можно было что-то говорить...

– Ты промокла при переправе? – спросила Элен у Ани.

– Да, но все в порядке!

¹ – Как вы, ребята? Как ваш поход? Понравился? – Да, очень... – Хорошо, рада за вас!

² – Кто был вашим лидером? – Арина. – О, Арина? Хорошо... Тебе понравилось? – Да... – Какой у тебя факультет? – Факультет информатики. – Информатики? Честно? Я думала, ты учишься на английском. – Нет, это информатика! – Круто тебе нравится? – Да...

– Ты даже набрала камней? – Элен рассмеялась.

Аня тоже только смеялась.

– Девчонки, ну кто у вас вел по маршруту? – Саша Янченко подошел к нам со спины и обнял сразу меня и Аню за плечи.

– Арина. Она хорошо нас провела!

– А наш тимлидер убежал вперед...

Мой триумф не вызвала дальнейших оваций и восхищений. Больше мной никто не восхищался. Никто опять не заметил моей победы, что я была хорошим тимлидером, или все сделали вид, что это неважно...

– Ну все, девчонки! Я пошел!

И Саша побежал общаться с другими девчонками – Лидой и Марией Бонтьук. Он хотел всех охватить своим вниманием... Саша, как и американцы, стремился понять, кто из американцев и русских есть кто. В лагере Саша часто носил джинсовую шапочку с опущенными вниз краями и казался мне милым.

Аня уже поговорила с Сашей Янченко из команды черпашек-сангвиников. И сказала мне:

– Лена Ситокова была лидером черепашек и выбрала идти первой. – Аня покачала головой. – Саша говорит, это было не очень. Лена чуть не растеряла полкоманды по пути, тех, кто шел последними.

Я отвечала односложно и была немногословна. И как говорили Ясе, чтобы общаться с американцами, иногда достаточно «небольшого знания языка». Правда, когда спрашивали меня, я могла что-то рассказать, в отличие от Яси Ворониной. И в отличие от Яси, понимала американцев, что они говорили.

Аня Петрилина и Лена Ситокова могли поддерживать долгий интересный и веселый диалог.

Я все удивлялась, как Шерил таскала такие большие рюкзаки, как две трети ее тела. Меня учили, что представительницам женского пола нельзя носить такие тяжести, плохо для будущего потомства. Шерил себя слабой и ранимой девушкой, видимо, не чувствовала. В такие минуты я думала, как же американцы-баптисты все-таки от нас отличаются.

Я увидела, как Шерил шла шаг в шаг за Райли, следовала за ним, копируя его шаги, его походку. Она любила копировать походки других. Было в этой ее привычке что-то странное, зловещее и неприятное. Как тревожное предзнаменование...

В яме в траве лежал расчлененный негритенок.

До ужина опять играли во фризби.

Перед фризби Шерил возила на себе в прямом смысле Райли, как на лошадке. Он сидел у нее на спине верхом, и она, держа его за икры, бегала по полю. Дженнифер тоже пробовала возить на себе Райли, но ей это не понравилось – таскать на себе мальчиков. Шерил пробовала возить на себе Джейка, но он, наверное, был слишком тяжелым. Морген тоже таскала на себе Эдама, но только изредка, я видела это однажды, а Ше-

рил Райли часто, каждый день...

Все желающие разбились на две команды, примерно поровну американцы и русские, девочки и мальчики, сильные и слабые игроки, выбрали капитанов. Американцы играли хорошо. Русские хуже. Особенно ценились высокие игроки — им легче было ловить. Они как бы возвышались над толпой, ловили и передавали таким же высоким «однокомандникам» тарелку. Высокие игроки были на вес золота. Джейк был как раз таким — высоким, с ним стремились играть в одной команде. Игра была захватывающей и быстрой... Никогда не забуду, как Джейк стоял, кидая фризби. Его высокая уверенная фигура возвышалась над бегущей стадом мелкотней. Он стоял ровный незыблемый, с рукой, поднятой над всеми, и уверенно с размаху кисти или даже всей руки кидал тарелку, которая летела далеко, ровно и высоко. Ее невозможно было сбить не подпрыгнув высоко, или же ее специально никто не сбивал — американцы производили впечатление на русских...

Эти американцы-баптисты были спортивнее русских, как девочек, так и мальчиков. Даже взрослые Эдам и Морген бегали за мячом. Бегающих русских их возраста я с трудом могла себе представить.

Из русских во фризби хорошо играла блондинка Саша из команды меланхоликов. До лагеря я ее несколько раз видела в американском центре, но в одну группу мы не попадали. Она была из многодетной семьи. Невысокая, очень худая. С жидким каре выше плеч. У нее был острый нос, тонкий рот, голубые блеклые глаза — красивые черты лица. Она была ниже меня. У нее один передний зуб был заметно дальше другого и немного синий. Этим она мне и запомнилась почему-то. Она была с третьего курса лингвистики. Наверняка, говорила хорошо на языке. Но говорила мало. Она хорошо знала Таню Соснянскую. Была то ли ее одноклассницей, то однокурсницей точно. Саша была из многодетной семьи и поступала по льготам. Я с ней практически не пересекалась на американских встречах и в одну группу не попадала. Она хорошо играла, быстро бегала, высоко ловила, была сильным игроком в малознакомую игру. Но производила «потасканное» впечатление, «покуривала» травку, встречалась с парнем старше себя, за тридцать. Ее «продали» родители в проституцию, и говорили, что скоро она заболеет раком и умрет — болеть ей недолго... Она уже сделала от своего парня аборт или даже два, Саша принимала антибиотики на ранних сроках, еще не зная о беременности... Она редко ходила на американские встречи, но я почему-то ее хорошо запомнила...

Я отдыхала, сидя на траве. Я садилась прямо по-американски на траву, не боясь испачкать джинсы или простудиться.

— Вот если ты не уедешь, тогда да, они тебя запомнят... — сказала мне Дженнифер. — Тогда они запомнят тебя до конца дней. — Я опять не поняла, о чем это она говорит.

Потом, когда все устали, разошлись по домикам, Райли с Джейком и Эдамом стали играть в футбол уже по всем известным правилам. Потом собрались на ужине...

Сулгвин пошла в заросший пруд недалеко от лагеря и притворилась тростником.

— А мы видим тебя! Мы все равно тебя видим! — кричала ей Элен. — Иди к нам, Сулгвин!

Ужинали в крытой беседке-столовой....

Вечером в субботу Эдам и Ко ограбили банковскую кассу в поселке у подножия этих гор. Говорят, в перестрелке даже убили кого-то из русских полицейских, и убил тезка Эдама, «груздь», он отзывался на имя Келвина, а приехал под документами Джоша. Поэтому буду звать его Келвином-Джошем. Келвин-Джош был «опоссумом», ел органы животных, и так мог частично видеть будущее. Убитый им полицейский уже болел раком. Принимал химиотерапию, и его «продала» мать, вылезала из «шлюх», он совсем лысый был. Лучше умереть в перестрелке. Тогда родители получают компенсацию... Перед этим Келвин-Джош посмотрел, где жил этот полицейский, проверил его химиотерапию. Поговорил с матерью: — Убей, сделай милость, — сказала она Келвину. Но он его только тяжело ранил, полицейский умер в больнице, его могли спасти, и остался бы только маленький шов, но от этой раны он мог и умереть. За матерью было последнее слово... Так все умирали. Постепенно... Сначала таблетка, потом «тикание», потом рак, операция, химиотерапия и т. д. В честь этого мы делали фото на проезжей дороге, посыпанной черным мелким камнем, «Земля, небо и мы», имея в виду, что полицейский находился между землей и небом. Чтобы в фотографиях оставлять подсказки тем, кто когда-то будет разбираться, что происходило в этом американском лагере в то лето...

У костра

— How was your day? — опять спросила меня Анна-«лев» вечером. — I am fine!¹

— Все уже, ты уже спросила достаточное количество раз, — сказал ей Эдам, неся большую банку с мясом...

— Ок, — и убежала по делам... Она всегда была занята.

Посиделки у костра были ежедневные. В субботу вечером после ужина опять свободное время, а потом вечер у костра. В этот раз народу было мало.

Костер по сравнению со вчерашним днем вслед за количеством присутствующих поубавился, все устали после похода. Многие отдыхали, рано легли спать и в этот день на ночные посиделки вообще не пришли. Появилось несколько человек для вида, вяло поговорили, позевали и быстро разошлись. Потрескивал костер, все пришедшие расходились быстрее, чем вчера.

Многие девушки сегодня не пришли, говорили, что сегодня будут «жахать» у костра девушек под гипнозом (заниматься сексом с девушками), чтобы они потом ничего не помнили. Я не верила в эту чушь...

Только Джейк оживленно болтал с Райли и внимательно слушал его, как мне показалось, абсолютно немелодичную нелепую музыку. Райли только бессмысленно бил по струнам гитары. У него были ноты только одной и той же длительности — ни четвертных, ни шестнадцатых, ни синкоп, ни пауз. Абсолютно немелодично — я закончила музыкальную школу по классу балалайки. Такую музыку я до этого никогда не слышала, и она мне, если честно, совершенно не понравилась. С нами долго сидела Сулгвин, она сидела на земле у ног Райли. Он ей нравился, она внимательно слушала его музыку.

Говорили, что Райли писал музыку без длительностей, как его знакомый мальчик, которому прочили будущее великого композитора. И музыка, которую он писал, очень отличалась от музыки, к которой все привыкли, и шла как бунт изнутри... Но которого убили... за талант. Чтобы его талант вкололи им... «Талант не колют», — хотела сказать я. Гением, в том числе гениальным композитором, на чужих костях не становятся! Но кто бы меня послушал?

Мы сидели в крошечной тьме, свет и тепло шли только от костра. Костер освещал наши лица.

Джейк играл на гитаре несложные мелодии, брал аккорды... Я бы, сама закончившая музыкальную школу, сказала, что он играл непрофессионально.

¹ — Как твой день? — Хорошо!

Сулгвин положила голову рядом с Райли, как на плаху. Положила голову, как своему отцу. Шаману. Говорили, что она смертница, как и моя мама. Что родители уже растворили ей раковую таблетку, сейчас она «тикала» и «тикать» она будет недолго. Что до тридцати лет она не доживет... Что ее продали в ее многодетной «полицейской» семье. Что ее отец, полицейский, убил в перестрелке серьезного мафиози и теперь «платил», должен был убить раком кого-то из своих детей. Выбирали, кого убивать, и выбрали ее, старшую дочь, «тростник». С ней в лагере боялись пить из одной чашки – что ее «тиканьем» можно заразиться... Говорили, ее рак передавался.

Мы вчетвером смотрели на огонь. Молчали. Полная темнота, только языки огня и потрескивание костра, постепенно затухающего – костер никто не тропился увеличивать, разжигать, подбрасывая в него дров. Пение и тупое, глупое, однообразное бряцание Райли по струнам. Опущенная голова Сулгвин, сидящей перед Райли на коленях. И опять тишина и молчание.

Сулгвин потом зазевалась и ушла спать, посмотрев на меня. Последними остались я, Райли и Джейк... Мы молчали... Я была не к месту...

После Сулгвин я посидела минут десять и тоже засобиравшись. Я решила, что уже пора идти спать в мой домик и в мой сырой спальник. Я встала и направилась в лагерь, быстро попрощавшись.

Джейк и Райли остались. Райли решил потушить костер сам, как мог, пописав на него. Я быстро оставила позади ночную чашу леса и отдаленно слышала уверенную струйку воды, слабое потрескивание за спиной закончилось. Я отошла достаточно далеко и оглянулась... Вечерний костер еще горел недалеко от лагеря... Сначала уменьшился до точки, а потом совсем потух...

Райли с Джейком тоже, наверное, отправились по домикам ночевать... Но разговоров их за спиной я не слышала...

Скалы

На следующий день с утра мы поднимались в горы... В первый раз с настоящим снаряжением... самостоятельно... С погодой нам опять повезло — солнечный день, на небе ни облачка. Выбрали поляну с отвесный склоном, сначала надо было со снаряжением забраться на невысокую гору, потом с нее же спуститься.

В этот раз я была не в джинсах, а в красных фланелевых штанах, и мне было жарко, я вспотела. Когда поднимались, каждому из нас надевали шлем и страховочные трусы. Нас подстраховывал трос, закрепленный на вершине горки.

Меня как обычно отправили первой. Быть первой всегда непросто. Когда кто-то идет вперед — обычно на него равняешься. Идешь за ним, повторяешь, копируешь. Джейк сидел на вершине, смотрел на нас и не помогал... Мне помогал его друг Райли, страховал... Сначала мне показалось, что это очень сложно, но когда я полезла, быстро поднялась. Скалу хорошо подобрали, она была невысокая и легкая, выступ за выступом, щель за щелью. А меня одели страховочные трусы. Если вдруг я сорвусь... Не знаю, насколько быстро, но я добралась до вершины. Всегда сложно идти первой в неизвестность, пробовать что-то новое, даже в восемнадцать. Можно было бросить, и я слышала, что из других команд многие не всегда добирались до вершины. Я все-таки добралась! Никаких оваций. Джейк равнодушен, он сидел на поляне на вершине и смотрел в свои записи, в листочки на доске-планшете с прижимом сверху, как у Эдама на собеседовании, также активно переворачивал листочки туда и сюда, как будто у него по одному вопросу на странице, производя впечатление и имитируя свою занятость. Райли собирался страховать поднимающегося за мной. С учетом того, что говорили, что Джейк в Америке был инструктором по скалолазанию, мог бы и подстраховать девушек. Но нет, подстраховкой занимался Райли.

На поляне росли высокие деревья, громко пели птицы.

За мной поднималась Аня-«лев» — так мы называли друг друга в лагере. Она тоже, к моему удивлению, поднялась до вершины. Я думала, что это сложно — по крайней мере мне так казалось. А это оказалось наоборот легко. Дальше до вершины добирались все, некоторые несколько раз. И я была опять немного разочарована.

Кто уже поднялся, ждал остальных. Поднявшись, я потом болтала с Аней. Лида из моего домика тоже поднималась со «львами», она поднялась и спустилась несколько раз.

Потом мы пошли к отвесной высокой скале — то есть мы один раз поднимались по невысокой горке, потом спускались с нее, а второй раз спус-

кались с откоса, обрыва высокой горы в «черную» неизвестность. В этот раз первым пошел «маленький» Саша. Он спустился довольно низко, голубоко в щель, почти до подножья. Я так низко не решилась. Из команды никто не дошел до подножья...

Наша отвесная скала тонула в зелени. Райли на скале делал фотографии на дорогой цифровой фотоаппарат

– Арина, правую руку влево, да, еще немного дальше! Левую ногу выше! Да! А правую ниже... Да, вот так! – я сильно раскорячилась на скале, практически держась животом. Живот, как точка опоры. Надеюсь, что не упаду. – Да, прекрасно! Теперь улыбайся! Так ты хорошо получишься! Улыбайся! Прекрасно! – нога вправо, рука влево, и я улыбаюсь. Райли сделал фото и на мой фотик.

Потом Райли собирал имейлы, на которые всем обещал выслать фотографии со спуска. Внизу меня караулила Шерил. Она подстраховывала, поддерживала и натягивала тросы – она все искала, «символически» ждала своего писателя, которому в следующем году будет растворять таблетку со «слепотой».

Я сначала думала, что мы будем спускаться до подножья скалы, но нет. Каждый опустил на некоторое расстояние, на которое разрешал Райли, и потом поднимался обратно. До этого, вечером в субботу, скалы выбирали и проверяли со снаряжением, Шерил с Эдамом поднимались и спускались с каждой, думали, насколько они подойдут для новичков. Шерил была спортивной и прекрасно лазила по скалам. Она не чувствовала боли. Английские короли выбили людей такого типа, людей нового времени, хороших воинов, не чувствующих боли. Говорили, что их разведут, и мы погрязнем в войнах через двести лет. За Шерил отвечал как раз генерал Александр. Он хотел развести безжалостных людей такого типа или говорил, что хотел...

Американцы мельком заметили, что Джейк «надел маску» инструктора по скалолазанию, как Дженифер – дочери богатого юриста. Кем он был на самом деле, я не знаю. Русские редко одевали маски.

Напоследок днем у нас была прогулка по горам. Все три команды вместе поднимались на высокий холм, где устраивали привал. Я шла с Элен и Аней-«львом». Мы поднимались неспешно и болтали по дороге...

– How did you like the camp?

– Oh, very much! It was fantastic!

– Did you climb the mount today? Reach the top? – она имела в виду, добралась ли я до вершины.

– Yes, it was good!

– Oh, me too... And you, Anya?

– Yes... – Аня улыбалась и смотрела в землю... – What about you? Did you like it?

– We did some climbing... I like it...¹

Сулгвин везде с собой носила черную тряпичную квадратную сумку с широким ремнем, которую она носила через плечо, визуальнo перекрещивая себе черной линией. Некоторые американцы, например Элен, носили с собой воду в многоразовых бутылках, как в узких бидонах.

Поляна, на которую мы пришли, была широким плато, заросшим травой. Отсюда открывались прекрасные виды на горы.

Некоторые разговаривали по маленьким группкам. Саша Янченко бегал туда-сюда. Мы с Элен лежали на траве и смотрели на небо, потом я легла на специальную пенку Элен, чтобы не простыть. Был ясный солнечный день. Небо было светло-голубым, и на нем или неподвижно лежали, или же очень медленно плыли белые крупные кучерявые облака. Я лежала на земле и смотрела только на небо. Все, что я видела, было небом. Бесконечное небо ... «Когда я смотрю на это небо, я начинаю верить в Бога», – подумала я.

Никогда облака не были так близко – только руку протяни.

Рядом со мной на траве примостилась Элен. Американцы лежали на траве и не боялись простыть. Она тоже смотрела на небо. На ней были тонкие облегающие черные солнечные очки в спортивном стиле и не было панамки.

Элен смотрела на небо и вспомнила сказку о лягушке-путешественнице, которая полетела в теплые края, держась ртом за тростинку в клювах у гусей, и сказала, что это я, Елена Премудрая. И после того полета я перепрыгнула несколько ступенек эволюции и стала из лягушки сразу человеком.

Райли около обрыва делал фото Джейка – Джейк лежал на скале в горах. Райли очень сильно нагнулся и низко снял фото, как будто Джейк лежал «в облаках». Смешной Джейк со своим фирменным звериным оскалом – сильно выдающейся нижней челюстью, улыбался не стесняясь во весь рот на фоне сине-голубого неба и белых кучевых, кучерявых облаков. Кудрявый счастливый Джейк подпирал лицо руками и тонул в облаках. Не знаю зачем, но я потом сделала себе на память то фото Джейка «в облаках».

Это был последний день, и мы делали коллективные фотки на память.

Обратно по дороге к лагерю мы фоткались на фотоаппараты всех участников лагеря. У делающего общие коллективные фото в руках было не меньше десяти фотоаппаратов, он делал одно фото, потом менял фотоаппарат и опять фоткал и т.д... А мы стояли не двигаясь. Главное было не перепутать, на какой фотоаппарат уже делали снимки, а на какой нет. Фотоаппараты обычно откладывали в сторону... Фотоаппараты вешали

¹ – Тебе понравился лагерь? – Очень! Он был фантастический! – Ты поднималась на гору сегодня? Достигла вершины? – Да, классно! – Я тоже... А ты, Аня? – Да... А ты? Тебе понравилось? – Мы немного ползали... Мне понравилось...

на шнурках на запястьях, и на каждой руке было по пять разных фотиков, маленькие блестящие цифровые мыльницы, у американцев профессиональные зеркалки, у меня старый еще пленочный. Только у американцев я впервые увидела маленькие цифровые фотоаппараты. Мы для каждого фото стояли минуты по три и чувствовали себя настоящими моделями, ловили на себе вспышки.

Но фотоаппараты не были личными фотиками американцев. Американцы «показушничают». Американцам их выдавали перед поездкой, и потом они должны были их вернуть. Наши американцы пользовались фотоаппаратами других американцев-миссионеров. Анна и Дженнифер ходили со старыми фотоаппаратами-зеркалками в чехлах. Сулгвин часто брала фотик Элен. Повышенное благосостояние американцев тоже было частью легенды миссионеров. Многие русские меняли веру в погоне за богатством. В таких цифровиках сбоку контрабандисты носили ножи и могли убивать ими. Такие ножи хорошо резали сумки...

У Ани Петрилиной и Лиды тоже были маленькие серебристые цифровики. Они были побогаче многих русских и, как я догадывалась, и американцев. Девчонок «продавали» родители, поэтому их семьи были богаче.

Русские тоже потом пытались перенять эту привычку американцев, брать дорогие фотоаппараты и вещицы у богатых знакомых в миссионерские поездки, но не прижилось — чужие фотики можно было разбить или потерять, а деньги за них все равно нужно было возвращать. Лучше снимать на старенький, но свой...

Эдам говорил, что фотки с того лагеря со внешностью новых американцев-контрабандистов останутся у единиц, остальные фотики разобьют, фотки удалят или выбросят...

Делали общее фото на фоне гор. На фото я сидела в нижнем ряду, полуприсев и положив руку Райли на плечо, и Джейк как будто приревновал меня к Райли, что было заметно на фото — все смотрели в объектив, Джейк обескуражено смотрел на нас с Райли. У меня сохранилось это фото.

Саша Янченко сказал Лене Ситоковой:

— Сейчас ты с нами фотографируешься. А потом будешь сильно жалеть об этих фотографиях.

У Лены был такой тип внешности. Как у серьезных преступниц.

Джейк и Райли любили делать круговые кадры — они фотографировали местность и людей на свои цифровые фотоаппараты, потом поворачивались немного, запоминали, где заканчивался предыдущий кадр и там начинали новый и т. д. Так поворачиваясь вокруг своей оси, делая круг.

— Потом мы наложим кадры, и получится круговая фотография, — объяснила мне Шерил.

Джейк так делал круговой кадр лагеря, молодых лидеров и гор. Иногда, например, Шерил попадала в один кадр круговой диаграммы, а потом

в другой и появлялась в двух местах одной и той же фотографии. Райли даже сделал круговую фотографию только из Шерил.

Сулгвин на всех фотографиях получалась с полузакрытыми глазами «спящей». А Джейк всегда глупо и агрессивно скалился или делал странные звериные рожицы.

Я сделала фото с Шерил и адыгейкой Машей, лидером похода маусов, на фоне тяжелого, преддождевого неба — плохое предзнаменование для нас троих...

Вокруг меня всегда было много Маш, самое популярное имя в моем окружении. Кто из них на самом деле был Машей, до сих пор не могу сказать. Маши окружают... Они думали, что имя «Маша» натолкнет меня на рассказ про подругу Машу с Украины и историю о том походе на остановку, когда нас пытались запихнуть в синюю двухдверную машину... Но я молчала...

«Маленький» Саша прятался под юбками или за штанами девочек. Даже иногда неприлично залезал им под юбки.

Саша Янченко и Мария Бонтюк носили похожие голубоватые джинсовые шапочки с опущенными краями. Такие шапки любили носить с лысеющими лбами — «Скорее всего из шлюх», — думала я обычно, глядя на обладателей этих шапок.

Весь лагерь Аня-«лев» ходила в спортивном костюме — красной мастрерке с синими полосами и темно-синих брюках. «Большой» Саша и Марина, как и я, в горах ходили в джинсах — «нелюбителей гор» видно сразу. Шерил, «горячая» американская девушка, ходила в зеленых хлопковых шортах и голубой трикотажной обтягивающей кофте с длинным рукавом. Я еще раз обратила внимание, какая она плоская. Иногда она одевала черную мастрерку. «Маленький» Саша-боровичок тоже был в шортах, босоножках и трикотажной кофте с длинным рукавом.

Днем Шерил в столовой тренировалась растворять слепоту в чашке писателя — просто кидала в чашку витаминку вместо слепоты, чтобы в последний момент рука не дрогнула. Мышцы тренировала. Сейчас за писателем была Сулгвин. «Смелость города берет!» — любимая фраза Шерил.

Вчера Эдам на кухню столовой в поселке принес банку с консервированным мясом — это было мясо убитого им краснодарского негритенка — и сказал повару сделать из него рагу для лагеря и сварить суп. До этого Эдам приносил говядину. Эдам ходил с этой банкой по лагерю и нес ее в своем рюкзаке. Повар, который готовил из этого мяса, разбирался, и понял, что это мясо «человечье» по расположению волокон, которые были расположены продольно, а не поперечно. Человек от коровы отличается «прямохождением» и расположением волокон. Повар написал заявление в полицию. Эдам его чуть не убил. Эдам в полиции сказал, что это мясо коровы — куски с ляшек, ножная часть. — Много что-то у вас кусков с ляшек. — От разных коров. — К тому моменту мясо в рагу уже съели, и ДНК тесты было не сделать. И в воскресенье днем в лагере мы ели рагу и суп

из мяса негрят, даже не зная об этом, и наращивали «кровожадность». Мы, конечно, не поняли разницу. Никто ж не рассказывает, из чьего мяса они готовят. Нехотя становились людоедами. Каннибалы поневоле. Мясо черных Джейк есть отказывался...

Лида часто пропускала завтраки и обеды в столовой, включенные в стоимость лагеря — и достаточно много денег тратила на продукты, которые привозили американцы и работники столовой из поселка у подножья этих гор.

Вечером в каждой команде награждали самого активного члена группы. В моей группе этот диплом получила Марина. В команде черепашек наградили Лену Ситокову, лидера второго дня, а в команде маусов — адыгейку Машу. Лена восприняла свою победу естественно — она привыкла быть первой. Маша-маус рассматривала же свой диплом недоверчиво.

Может быть, это сложно объяснить словами, но я тогда заслуживала тот диплом — лидера команды «львов», я была лидерам похода к водопадам, разгадала крест-параллель.... Просто это был тест Джейка, посмотреть мою реакцию на проигрыш. А дипломом наградили Марину, которая даже во всех мероприятиях не участвовала, но ее стоило поощрить — она скоро умирала. Говорили, что родители уже растворили ей таблетку с раковой опухолью, прорастающей в желудок или кишечник. Анна как раз ранила ее в живот...

Вечер со свечами

У костра был «вечер прощаний». Всем дали свечи. Каждый подходил к кому хотел и говорил прощальные слова. Было безветренно, и свечи не затухали, хотя мы их прикрывали ладошками. Завтра с утра мы возвращались в Краснодар.

Американцы раздавали палочки со слегка жареным маршмеллоу. Мы ходили с деревянными палочками с маршмеллоу и свечами.

В маршмеллоу тогда добавляли тормозящие вещества, поэтому нас американцы в последний день лагеря им угощали. Жареным на костре маршмеллоу, «дубинили» нас напоследок, как и до этого. Эдам считал, чтобы никто не съел больше разрешенного количества тормозящего вещества.

В кромешной тьме мы ходили с горящими огоньками, находили друг друга в темноте. Меня первой в темноте нашла Элен:

— Arina! — она подбежала ко мне. Из американцев именно Элен дружила со мной, отвечала за меня. — I am so glad that I met you. You are so wonderful! I want to thank God for this trip! — сказала мне Элен и полезла обниматься.

— I am glad too¹, — вежливо обняв Элен, я несильно похлопала ее по спине.

Потом к Элен подошла Лида, и Элен сказала ей абсолютно то же самое, как она рада с ней познакомиться!

— I am so happy to know you², — сказала мне Сулгвин, которая наткнулась на меня в темноте, сказала, как мне показалось, неискренне. Я заметила, что не очень ей нравилась, что меня удивило, ведь мы с ней практически не пересекались и не общались в лагере и до. Сулгвин меня практически не знала, но я ей уже не нравилась. Я не нравилась ей априори.

Американцы как будто говорили заученные фразы про Бога и веру и явно преувеличивали, насколько я им понравилась и как им посчастливилось меня узнать.

Как я услышала, им понравились абсолютно все.... И им посчастливилось познакомиться абсолютно со всеми нами.

Потом ко мне подошла Аня и сказала по-русски:

— Ты молодец... — сказала мне вечноулыбающаяся Аня. — Ты была хорошим лидером! Мне понравилось с тобой быть в одной команде.

¹ — Я так рада, что встретила тебя. Ты такая чудесная! Я хочу поблагодарить Бога за эту поездку! — Я тоже рада...

² — Я так рада познакомиться с тобой.

Особенно поход... Но мы же еще увидимся после лагеря? Будем дружить?

— Да, конечно! — И мы с ней по-американски обнялись. Русские в компании американцев тоже начинали обниматься и говорить «правильные» слова, перенимали американские привычки. Особенно такие люди, как «правильная» милая Аня.

Джейк тоже подошел ко мне и принес еще палочку с маршмеллоу. Предложил ее мне. Я, конечно, взяла угощение.

— Спасибо.

Джейк казался смущенным... Он, должно быть, хотел что-то сказать и не знал, что говорить, и мялся. — I'm glad that I met you here, in the camp, and get to know you... Will you write to me?¹ — наконец, спросил он.

— Of course, — я ответила, что предполагала ситуация. Писать я ему, конечно, не собиралась. И его предложение меня удивило.

— Ок, — Джейк пообнимался со мной на прощание, смутив меня в очередной раз.

Потом меня в темноте нашел «большой» Саша и сказал «единственно правильные слова»:

— Я рад, что познакомился с тобой и что попал в твою команду... — Хотя Саша и был высокий и крупный, голос у него не был громогласный и низкий, а наоборот, высокий, негромкий и простой. Вообще, Саша казался мне скромным и тихим. Обниматься по-американски мы с ним не стали. Разошлись по-русски. Думаю, «большой» Саша тоже плохо говорил по-английски, поэтому и говорил мало.

Аня обнималась со всеми парнями, кто к ней подходил.

Больше из команды «львов» ко мне не подошел никто.

Потом мы натолкнулись друг на друга с Сашей Янченко.

Я заметила, команда сангвиников была пообщительнее и раскрепощеннее, чем флегматики и меланхолики.

— О, привет.. Кстати, хотел с тобой тоже пересечься. Ты такой классный человечек. Такой добрый и хороший, слишком хороший. В этот-то и проблема. Эдам говорит, что ты не подходишь, но твоя бабушка... Из-за этого все... — Я пропустила его слова мимо ушей, не стремилась разобраться в бреде, не заморачивалась, сильно не впечатлялась.

Саша сразу полез обниматься. — Я так рад, что познакомился с тобой. Но мы же с тобой еще в городе увидимся, пообщаемся? Ты же будешь ходить к американцам до их отъезда?

— Да, конечно, обязательно, — пообещала я. Саша закончил «обнимашки» со мной и пошел шутить с другими девчонками — он в основном общался с девочками, в отличие от остальных парней, которых я знала.

¹ — Я рад, что встретил тебя здесь, в лагере и узнал тебя... Ты будешь мне писать? — Конечно.

Вот по отношению к нему я не испытывала никакого полового стеснения, как при объятиях с другими особями мужского пола. Саша дружил абсолютно со всеми знакомыми девушками, а все его знакомые девушки дружили с ним. И не воспринимали его в другом качестве. И это было скорее его достоинство, чем недостаток.

Последней я поговорила с Машей из моего домика.

— Ну наконец-то, — Маша с вытянутыми руками подошла ко мне и сразу стала со мной обниматься без длительных прелюдий. — Ну с тобой мы в городе точно увидимся, моя красавица... Приглашаю тебя к себе домой.

— Да, хорошо, — вежливо ответила я. Маша со мной даже расцеловалась. Она тоже быстро становилась всем подругой и быстро становилась со всеми на короткой ноге. Маша опять обняла меня напоследок.

Как я поняла, после лагеря Маша собиралась со мной дружить, хотя я не давала ей повода...

Вообще зрелище было впечатляющее: трепещущие золотые огоньки ходили в кромешной темноте, двигались, сходились и расходились... как мотыльки... Потом мы разошлись по домикам...

В последнюю ночь по старой русской традиции обмазывались зубной пастой. Я сразу попросила меня пастой не мазать и с Элен легла спать пораньше, как и она, уже в пижаме. Лида из моего домика взяла с собой из дома два тюбика зубной пасты — и полночи бегала по лагерю и обмазывала всех подряд, досталось Райли и Джейку. Даже Элен досталось. Она отмыла зубную пасту Лиды с лица и волос и опять легла спать. Меня, Слава Богу, никто не обмазал. Сулгвин тоже проснулась среди ночи. Вытерла зубную пасту с волос, спросила у Лиды:

— Ты еще будешь меня мазать?

— Нет, для тебя все, — и Лида убежала мазать обитателей других домиков, а Сулгвин спокойно легла спать до утра.

В конце лагеря мне показалось, что группа сангвиников-черепашек подошла бы мне намного больше...

Дорога домой

В понедельник утром мы уезжали из кэмп. Лагерь, конечно, всем понравился. Такой заряд бодрости!

По домикам собирали вещи. Я еле запихала в кулек свой свернутый необъятный лоскутный спальник. Потом у нас было прощальное собрание и завтрак в столовой сухим пайком из дома — Эдам на понедельник утро не заказал поваров, распустил их в воскресенье вечером.

Как сказал Джейк за завтраком — он сидел со мной за одним деревянным столом на лавочке напротив: — Вечер со свечами как заключение, расходимся по командам, а мы потом еще раз встречаемся, завтракаем, едем в одном автобусе домой, поэтому прощание смазывается... А утром вечер со свечами не проведешь. В прошлом лагере так сделали — совсем не то получилось. Свечей днем не видно...

И это чувствовалось. Прощание на самом деле смазалось. Вчера был вечер прощаний, сегодня — утро прощаний, потом день прощаний в автобусе...

В лагере я увидела много новых лиц, кого я никогда до этого не видела в Американском центре и не видела после. Новенькие были из полицейских...

После завтрака мы сели в автобус, опять большой и полупустой, и направились в Краснодар. В автобусе я опять сидела рядом с Элен.

По дороге мы останавливались и фоткались на фоне гор на память, распластавшись на каменистом берегу бурной пенистой горой реки. Мы лежали на больших скалистых камнях, валунах у горной реки и делали совместное фото — сначала только девушки, потом только парни. На скалистом берегу мы все легли на скалы. Потом сделали совместное фото всех участников лагеря. День был солнечный и фотки получились красочные и живописные...

Лида «случайно» удалила со своего цифрового фотоаппарата все фотки с лагеря... Цифровой фотик Ани Петрилиной тоже упал в воду и разбился... Все фотки пропали...

В команде маусов был серьезный наркоторговец, который вел переговоры с Эдамом... Его звали Лешей, и он был внешне похож на нашего «большого» Сашу — высокий, синеглазый и светловолосый, кучерявый... Он подарил мне фотку с обратной дороги с кэмп со скрученной вперед датой. На эту дату у него были билеты, была назначена поездка...

Саша Горбатов решил по пути из кэмп остановиться и где-нибудь в укромном месте и порезать вены: Отец сказал ему живым домой не возвращаться. Но вспомнил Эдама и... опять передумал... Мы делали фото у реки, а Саша стоял в соседних кустах с бритвой... Но водитель сказал

ему, что он должен доставить всех до города живыми. Всех, кто сел в автобус в горах в Лаго-Наки, он должен выпустить из автобуса в Краснодаре. Если хочет резать вены, пусть режет в городе... Чтобы он (водитель) к порезанным венам отношения не имел.

На обратном пути в автобусе американцы писали памятные слова в наших тетрадках — Эдам поэтому и сказал перед лагерем взять с собой тетрадки и ручки — до этого они нам не пригождались. Я попросила Райли написать мне что-то на память. Я почему-то больше доверяла Райли, чем Джейку, и в глубине души он мне нравился: «Ты можешь написать мне что-нибудь» (Could you please write me something?). — «Something — Что-нибудь — в ответ написал мне Райли, как эхо, и поставил смайлик. И оставил мне свой имейл для будущей переписки. Писать никто никому, конечно же, не собирался.

Девушки-американки этого не поняли — они не просили парней что-нибудь им писать... С их точки зрения это было просто неприлично или развратно... просить парня написать что-то в твоей тетрадке и не дай бог ему потом написать письмо... Американский, да и баптизм в общем, предполагал дружбу девушек только с девушками, а парней с парнями и не наоборот. После имейла Райли я прямо почувствовала негатив от Морген.

Потом я подошла к Джейку. Он написал в моей тетрадке: «You are a rock. Just email me» писал он мне на чужом языке... Я перевела его надпись: «Ты скала. Пиши мне». Выглядело это странно. Что я могла написать ему? И оставил мне свой имейл. Я обратила внимание, что фамилия Джейка Рэбитс совпадала с фамилией Джессики, американки из моего детства. Его фамилию было легко запомнить. Я заметила, что имейлы всех знакомых американцев было просто запомнить: они состояли из их имени и фамилии, разделенных точкой, тире или нижним подчеркиванием, и обязательно были на одном из американских популярных ресурсов. Поэтому, даже не зная имейл кого-то из этой группы американцев, можно было легко его вычислить и начать переписку.

После Джейка я подошла еще к Анне, Элен и Элисон. Они тоже оставляли мне свои почты на память. Подходить к Шерил и Дженнифер я не собиралась — они точно оставались до осени и мы бы еще увиделись.

Сулгвин тоже написала мне: «You are awesome!¹» и оставила свой имейл — их религиозная миссия предполагала дальнейшую переписку и последующее общение — американцы ведь ехали сюда не за свой счет и должны были оправдывать деньги какого-то богатого миссионера. Создавали положительное впечатление о баптистах, служителях Христа. И если им писали, они всегда отвечали.

Говорили, что если они не будут соблюдать все правила миссионерства, то в следующем году не поедут, их не возьмут.

¹ Ты потрясающая!

В тетрадке мне свои имейлы оставили Лена Ситокова, Лида и Аня Петрилина. Лена Ситокова писала, как настоящая американка, точно такие же фразы, завела почту по примеру американской. И ее надпись в моей тетрадке была похожа на надпись Сулгвин: «You are wonderful¹», и Лена оставила свою почту. Русские в тетрадках тоже писали по-английски.

Когда я ехала из кэмп, по дороге домой я чувствовала себя недооцененной. Меня не покидало чувство неудовлетворенности, что грамоту лучшего в команде я все-таки не везла. Я чувствовала, что была лучшей. Что мою победу как бы забрали или вообще не заметили, и чувства несправедливости и разочарования не покидали мою душу. Что меня, золотую медалистку, отличницу, не наградили. Как я думала, по заслугам. И вся поездка домой была омрачена этим чувством разочарования. Я вспоминала мальчика из параллельной группы, который нравился мне в этот момент. И воспоминаниями возвращалась к нему. И надеялась, что с ним все получится в следующем году в университете... Кстати, именно этот мальчик по-прежнему Байсеку меня убить и был серьезным оружиевиком. По классике я была влюблена в своего убийцу...

Я не получила этот диплом. Хотя я знала, что была лучшей! Но у американцев, видимо, не награждали лучших...

Когда «маленький» Саша вышел из автобуса, он или собирался домой. Или опять порезать вены где-нибудь по дороге домой. Но опять передумал... Он все-таки дошел домой и сказал, что уедет в Америку, Эдам ему поможет... Дома ему были не рады... Его отец надеялся, что он уже умер, в лагере покончил с собой...

Яся не поехала в лагерь. Дальновидная. Даже не подавала заявку, хотя с ее слабым английским, как я думала тогда, она бы не прошла. Но, как я поняла, в лагерь необязательно брали с хорошим знанием языка. Шаши и Марина из команды львов были тому подтверждением.

Несмотря на то, что лагерь оставил чувство несправедливости, все равно он запомнился на всю жизнь — и для меня оказался life changing². Я не должна была уехать жить в Америку, поэтому не должна была чувствовать себя счастливой и гордой собой среди американцев, только разочарованной и незамеченной.

Кстати, «большого» и «маленького» Саши и Марину я после кэмп больше никогда не видела. Но о судьбе «маленького» Саши я знаю от его сводной сестры Оли, которая после часто ходила к американцам и даже приглашала меня в свой огромный трехэтажный частный дом, облицованный итальянским кирпичом, который они, его семья, построили сами, помолиться Иисусу Христу. Говорили, что этот дом построили на Шашиных костях и его этажи — символически это его органы. Первый этаж — это его

¹ Ты чудесная

² Меняющим жизнь

руки, второй – его ноги... и т. д. Его семья убила какого-то «генеральского» отпрыска и «заплатила» Сашей.

Саша Горбатов после лагеря все-таки уехал в Америку – посмотреть мир и поработать программистом! Лучше умереть в тридцать два, чем в двадцать один, решил он. Саша думал, что ему растворили таблетку, когда он пил чай перед отъездом в Америку, но нет. Таблетку ему растворили в Америке свои, знающие его историю. Саша был жертвоприношением их семьи, семьи Горбатовых. Отец положил его голову, его жизнь на «алтарь» благосостояния – они, как и все, поклонялись богу богатства. Чего люди не сделают ради денег!. В Америке его напоили чаем с таблеткой, которая вызвала рост раковой опухоли. Ему давали десять лет плюс лечение... Саша еще «пожил» в Америке, лишился девственности, но детей не заводил. Его и так продали родители – куда еще детей заводить, на кого их потом вешать? Да и можно ли?! Катализатор ему растворили дома родители. Он умер еще через три года на руках у семьи... Некоторые врачи его даже лечили. Через таблетки люди нашли более изощренные способы убийства...

Марину-«льва» я тоже никогда не видела. Думаю, Марина умерла от рака через несколько лет. Надеюсь, она дала свои показания... А отец или брат их записали... Марина была уверена, что Женя Снисарь в лагере была, а ее не было. Женю привозили днем в субботу только на одну поляну, и Марина ее хорошо запомнила, сделала с ней фотки. Женя не помнила, что была в том лагере, и показаниям Марины не поверили... Сказали, что она не в своем уме... Марина думала, что если даст показания против Эдама, ей свернут раковую опухоль... Но Эдам ее обманул... И перед нами промелькнула непрожитая жизнь Марины...

«Большой» Саша тоже был из полицейских и через несколько лет тоже умер от рака... У каждого из полицейских была своя легенда...

Спустя годы, я могу сказать, что в горах американцы тоже растягивали время. И мы вернулись не в понедельник днем, а в воскресенье... В горах они жестоко линчевали негритенка, вешали на кресты и казнили полицейских, продажных и не только... И каждый преступник нашел здесь своего врага и казнил его... Но мы, участники кэмпя, этого не помнили...

Часть 4. После кэмпa

Языковой барьер. «Рок»

После кэмп я вернулась на позитиве. На удивление приподнятая, уверенная в себе и своих силах!

Через день, в среду, после возвращения из кэмп мы опять встречались в американском центре. Я увидела американку Анну в дверях Интернет-центра.

– Hey, Arina! How are you? – Анна тоже по-американски меня дежурно обняла.

– Fine, and you?

– Fine too...¹

Американцы каждый раз говорил и одно и то же – и так уже создавался диалог, и было, что сказать! Они не были уверены в знании языка русских. Даже Яся могла поддержать такой диалог. Незнание языка русских нельзя было им показывать. С плохоговорящими умные, продуманные американцы-миссионеры говорили заученными фразами, чтобы не делать акцента на плохом английском русских и не смущать их, не отпугивать от себя – плохой язык не мешал русским перенять веру миссионеров, что было главной целью верующих. А с хорошоговорящими уже вели полноценный или полуполноценный диалог.

– I was in the Internet and wrote some letters for my family in America and boyfriend in Europe... – продолжала Анна. – He is with religious mission there now.

– Yea... The camp was fantastic... – мне так хотелось повернуть разговор к лагерю.

– Oh, yes. The camp was two days ago but it feels like an eternity!

– Yea...

– This is you, Arina. Eternity is you!²

У «бесконечностей» в роду по женской линии никто не отдавался никому за финансовые блага, ноги не раздвигал за деньги...

Так я сдала Анне тест на знание языка.

Воспоминания кэмп меня сразу приподняло духом, взбодрило, порадовало и вселило уверенность!

Джейк в этот момент тоже вышел из Интернет-центра, столкнулся

¹ – Привет, Арина! Как дела? – Хорошо, а у тебя? – Тоже хорошо...

² Я была в Интернете и написала несколько писем семье в Америке и бойфренду в Европе. Он с религиозной миссией там сейчас. Да... Кэмп был фантастический. О, да. Лагерь был два дня назад, а кажется, что прошла целая вечность (в значении бесконечность). – Да... – Это ты, Арина. Бесконечность – это ты...

со мной в дверях. Он был явно разочарован:

– You didn't write to me...

– Oh, I didn't...¹

Я писать ему и не собиралась. Что я могла написать ему? Оказывается, он ждал моего письма... Он думал, что я, приехав из лагеря, сразу же брошусь писать ему длинные письма.

Джейк выглядел озадаченным. Он отошел недалеко к конференц-комнате – американскому центру напротив – поговорить с незнакомым мне русским. Многие американцы сегодня ходили в Интернет-центр, чтобы проверить почту. Интернета в общежитии у них не было.

– Going to the meeting? – Анна показала на открытую дверь центра. У нее сверху лежали билеты на сегодня – она улетала в Европу.

– Yes, sure!

– Then I will see you there!² – Анна похлопала меня по плечу и улыбаясь отошла по своим делам. Ее дружба не предполагала дальнейшего общения или ей просто нечего было сказать. Анна ненадолго приезжала в Россию и не планировала привязываться к русским. Все в пределах религиозной миссии и заранее прописанного плана... Тогда я поняла, что у нее есть дела поважнее, чем я.

Анна вышла из Интернет-центра. Мы с Джейком остались смотреть на нее. На улице ее ждал Байсек, которого я называла «мой убийца». Именно он должен был меня убить. Не Казбек. Умереть от руки Байсека – это считалось честью. Мы с Джейком видели Анну с Байсеком, как они разговаривали, через стеклянные двери Интернет-центра. Байсек привез Анне белую папку, которую она должна была передать в Литве нужному человеку. В белой папке были контакты казахстанских работорговцев, Байсека и Хасана, а также фото золотых слитков, которые давали за проданных детей. Факел рабства нужно было обязательно передать... Рабство затухало в России. Анна собиралась отвезти пламя рабства в Европу. Байсек передал ей несколько пакетиков кокаина. Он был одним из поставщиков наркотиков Эдаму.

Анна пошла в общежитие собирать вещи, она отправлялась в аэропорт уехать на несколько дней в Европу, в Литву... Якобы к своему бойфренду.

Мы с Джейком по отдельности пошли в американский центр. Американцы планировали следующий лагерь на приближающихся выходных.

В центре уже были все свои из лагеря – Саша Янченко, Лида-«черепашка» из лагеря, Аня-«лев», все американцы... Подошла еще Женя Снисарь, Яся Воронина и Таня Соснянская... В общем, собралась большая тусовка. Все разговаривали по кучкам.

¹ – Ты не писала мне. – Нет, не писала.

² – Собираешься на встречу сегодня? – Да, конечно! – Тогда увидимся там!

Женя Снисарь говорила, что тоже не ездила в лагерь — не прошла отбор... Она не помнила, что была один день с нами на поляне... В лагере мы все находились под эндорфинами и не помнили целые часы своей жизни... По поводу нарушения правил Женя Снисарь принесла себе перекусы карамельно-ореховый батончик...

Про лагерь говорили, что только наша команда львов бегала и активно участвовала в мероприятиях, остальные просто сидели, даже мало разговаривали, засыпали на ходу...

Сегодня я пришла в новых льняных штанах с оранжевыми розами серого цвета натурального необработанного льна. Плюс на мне была болотная обтягивающая открытая майка без рукавов и синие босоножки на небольшом каблучке, которые не очень шли к брюкам и майке. И высокий конский хвост. Я была даже покрашена — покрасила удлиняющей тушью ресницы.

Штаны с оранжевыми розами были не моего роста — пришлось обрезать низ. Из оставшейся ткани я вырезала розы и нашла на самодельную сумку тоже из грубоватого льна, ручку для которой я заказала из дерева у местных ремесленников. Деревянная ручка была непрактична, некрепкая, для завершенности вида сумки, и развалилась через месяц, треснула — сумку я носила мало. «Летние» американцы к этому моменту уже уехали.

Я постояла с Сашей Янченко и Леной Ситоковой, с ними всегда было весело и эмоционально. Лена Ситокова рассказывала:

— Дома мама обклеила всю мою комнату грамотами и похвальными листами...

Лена Ситокова очень быстро говорила по-английски, как настоящие американцы, глотая слова, не проговаривая четко... По-моему, ее мама была слепой.

Джейк подошел ко мне:

— Можно тебя на пару слов?

— Yes, sure...

Мы с Джейком подошли к телевизору в конце зала, противоположном от входной двери.

И, я думаю, что Джейк до этого меня покрашенной и ярко одетой еще не видел или не обращал внимания и сейчас посмотрел на меня другими глазами.

— I would like to explain... What do you think rock is?...

— Is it a mountain? — неуверенно ответила я.

— Oh, Gosh... No, no ...¹ — Джейк рассмеялся и положил слегка согнутую ладонь на лоб, как оперся.

¹ — Я хочу объяснить, что, ты думаешь, значит «рок»? — Это гора? — О, Господи! Нет-нет...

Эдам стоял неподалеку и слышал нас разговор: «A mountain?» Эдам прямо расхохотался, запрокинув голову. С учетом того, что Джейк был *rock climber*, инструктором по скалолазанию, и зарабатывал тем, что лазил по горам, летом водил группы, то фраза в моей тетрадке с моим переводом как будто значила: «Ты скала, на которую я хочу взобраться»... И эта интерпретация имела сексуальный подтекст.

«Ну, ты хочешь», — Эдам выразительно мотнул головой.

«Ну я хочу», — без слов подтвердил Джейк. И я была свидетелем этого немного диалога.

— No-no... — уже сказал Джейк. — It is like a... jewelry...

— Oh, jewelry? Ok...¹

Значит, Джейк сравнил меня с драгоценностью.

«Oh Gosh» — это было слэнговое выражение, означающее «Oh God». И его любила произносить Сулгвин.

Потом я уточнила перевод слова «*rock*» в словаре, второе значение было «камень». Значит, драгоценный камень. «Рок» как «камень-скала», хотя нет, «скала-камень», сначала «скала», первое значение, а потом «камень».

В этот раз я оказалась в малой группе с Джейком — остальные были девчонки. Джейк был в цветнике, с нами была Евгения Снисарь, Ясьчик, Лида-«черепашка»... Лена Ситокова редко оказывалась со мной в одной малой группе.

В этот раз мы как обычно знакомились по кругу, хотя были все свои и новых лиц не было. — Лида Дорошина, факультет лингвистики... Люблю изучать языки.

— Арина Симоненко, факультет информатики, тоже хобби — изучать языки...

— Женя Снисарь. Геофак...

— Ясьчик Воронина, девятый класс школы, собираюсь поступать на юридический, тоже люблю учить языки.

Яся называла себя «Ясьчик», а не «Яся».

— Jake Rabits, heart surgery...

— Oh, — Женя Снисарь даже подпрыгнула на стуле. — Are you studying for surgeon? So cool!²

— Yea, — сказал он усмехнувшись.

Джейк посмотрел на меня, ожидая моей реакции, но я сидела равнодушно, хотя новых слов для меня в этом диалоге не было. Что он будет хирургом, когда закончит вуз, меня особо не впечатлило. Может быть, на моем лице выразилось удивление — я не думала, что Джейк вообще получает высшее образование, думала, что он просто горный инструктор.

¹ Нет-нет... Это как драгоценность... — Драгоценность? Хорошо...

² — Джейк Рэбитс, грудная хирургия. — Ты учишься на хирурга? Круто!

Джейк даже обиделся.

— Do you think I am just a tramp... I will be a surgeon one day. I will cure kids. I will be rich... I will be a heart surgeon... During the summer I take groups to the mountains and for the money I get I pay for my studies...¹

В это момент, я думаю, мы все зауважали Джейка Рэбитса.

Потом как обычно на таких встречах мы разбирали песни. В это раз Эдам принес аппаратуру — синтезатор, колонки, две гитары, и мы слушали живую музыку. Эдам играл на синтезаторе основную мелодию, Джейк играл на бас-гитаре, Райли на обычной... Саша Янченко подыгрывал на втором синтезаторе.. Все пели в микрофоны... Песня, по-моему, была про рок во всех смыслах этого слова: камень, скала, судьба, рок как стиль в музыке... В песне упоминались зеленые глаза, хотя цвет глаз Джейка Рэбитса был все-таки карий...

Приведу эту песню здесь на русском и английском.

Рок

Детка, ты мой рок,
Моя скала, судьба и опора.
В моих мечтах
Мы всегда вместе.
Проживем жизнь
До конца дней.
Со мной ты будешь счастлива
Всегда, поверь.

Я так долго искал тебя,
И так долго жил тобой!
Ты, наверное, сошла с ума,
Если думаешь,
Что я могу жить без тебя...
И твоих зеленых глаз.

Мне было тяжело,
Раздавлен и уничтожен.
Запутавшись в жизни,
И после встречи с тобой
Мне намного легче,
С тех пор как мы поговорили.

¹ — Ты думаешь, я босяк? Я буду хирургом когда-нибудь! Я буду лечить детей. Я буду богат... Я буду кардиохирургом... Я вожу группы в горы, а на деньги, которые зарабатываю за лето, оплачиваю свое образование.

Впервые за годы
Я чувствую облегчение.

Я так долго искал тебя...
И так долго жил тобой!
Ты, наверное, сошла с ума,
Если думаешь,
Что я могу жить без тебя...
Или ты, или никто...

Я никуда отсюда не уйду!
И не сдвинусь с места!
Я буду здесь до конца дней!
Со мной ты будешь счастлива, поверь!

Я не могу без тебя,
Я не могу без тебя,
Я не могу без тебя...
Я не выживу без тебя...
Или я, или никто...

Rock

Baby you are my rock
My mount, fate and support.
In my dreams
We're always together.
We will live a life
Until the end of the days.
You'll be happy with me
Trust me. Forever!

I've been looking for you for so long,
I've been living for you...
You must be crazy,
If you think,
That I can live without you...
And your green eyes.

I was with a heavy heart before,
Confused in life,
Crushed and destroyed.
And after meeting you
It's a lot easier for me,

Ever since we talked.
For the first time in years
I feel relieved.

I've been looking for you for so long...
I've been living for you...
You must be crazy,
If you think,
That I can live without you...
Either you or no one...

I'm not going anywhere from here!
And I won't move!
I'll be here for the rest of my days!
You will be happy, believe me!

I can't live without you,
I can't live without you,
I can't live without you...
I won't survive without you...
Either me or no one...

Мы слушали эту песню, американцы играли, Келвин-Джош стоял с бубном, Шерил с трещотками. Все пели — это песня была малоизвестна — я ее до этого никогда не слышала, как и многие песни, которые крутили американцы. По нашим музканалам ее не крутили. Она была если популярна, то в Америке, и возможно, среди определенных любителей, имела свою аудиторию. Это была не американская попса, которая доходила до России.

Песня была медленная, мелодичная, с ярко выраженной основной гитарной партией в стиле рок. На втором куплете добавился синтезатор, и мелодия стала более современной, добавились басы.

Эта песня была посланием Джейка только мне при всех... Как двусмысленно это звучало тогда! Как признание в любви... Песня про «рок» была финальной на нашей встрече.

После песни официальная часть встречи была закончена, кто хотел, еще общался с американцами, продолжал с ними болтать. Иногда мы могли еще общаться часами. Например, встреча заканчивалась в четыре, и Саша с Леной могли болтать с американцами до шести. Мы с Ясей обычно уезжали сразу после встреч или надолго после встреч не оставались.

Блондинка Саша из команды маусов опоздала сегодня.

— Ты сегодня выглядишь усталой, — сказала я ей, она казалась невыспавшейся и помятой. Впрочем, помятой она выглядела всегда.

— Арина, ты тоже сейчас выглядишь уставшей... — ответила мне Саша с нескрываемым раздражением и даже со злостью...

Потом она пошла общаться с Джейком, они весело болтали и смеялись...

После встречи Элен вдруг подбежала ко мне смеясь и начала «пушить» мне верхнюю часть лба, как будто «прикалывалась». Я странно посмотрела на Элен, восприняла ее проделку спокойно и начала поправлять и приглаживать прическу... — Ты не клеишь себе пучок на лоб? — Нет, не клею... — Ты не лысеешь? — Нет я не лысею...

Мой огромный лоб никому не давал покоя.

Сулгвин тоже клеила себе прядь на лысеющий лоб и говорила, как дорого клеить пряди и как сложно найти хорошего парикмахера, который сделает так, что приклеенный пучок не будет заметен.

Американцы думали, что я тоже лысела со лба, видя мой высокий лоб, но нет, лысина от «шлюшных» предков мне не досталась. Американцы не проверили мою челку в лагере, думая, что в горах я не смогу найти парикмахера, челка отклеиться и отдых будет испорчен...

На стадионе

В четверг мы встречались на университетском стадионе поиграть во фризби. Стадион нашего университета был большой и неухоженный — зеленая короткая травка на футбольном поле, белые, облезлые, давно покрашенные футбольные ворота. Лето в Краснодаре было жарким и солнечным! За оградой стадиона росли тополя, вдали возвышались белокирпичные девятиэтажки. Краснокирпичные раздевалки, подсобные помещения учителей, двухэтажный малый спортивный зал с плоской крышей.

Мы договорились на четыре, Элен или Яся иногда присылали мне эс-эмэс, когда и где мы встречаемся с американцами в следующий раз. Когда я пришла, большинство уже подошли и стояли-разговаривали группками: Аня смеялась с Лидой, Сашей, Ясей и Шерил, Сулгвин и Элисон болтали с блондинкой Сашей. Анна редко играла во фризби с нами. Я нечасто видела ее на стадионе.

Перед фризби некоторые разыгрывались — кидали тарелку друг другу по кругу. У американцев было несколько тарелок для разыгрываний, но в игре на поле всегда только одна, как при игре в футбол, при игре на поле всегда только один мяч.

Я была в той же болотной майке и льняных штанах в оранжевую розу и кроссовках, которые опять не шли к штанам и майке. Льняные штаны слегка растянулись и теперь немного спадали, я наступала кроссовками на низ штанов.

Я бросила сумочку прямо на траву, где уже была гора из сумок и кофт, американских бутылок с водой — американцы все время ходили с много-разовыми бутылками с питьевой водой и скидывали вещи прямо на траву на поле. Теперь Яся и Аня тоже ходили с бутылками воды. Морген переживала, что у нее в сумочки были ключи, и кто-то мог их украсть. У всех в сумочках были телефоны, фотоаппараты и кошельки... И все немного переживали за свои вещи, играя во фризби.

Яся была в больших шортах и спортивной кофте без рукавов. Но с капюшоном — вся в белом! — очень непрактично, но красиво. Ее кроссовки были без задника, и в них поэтому неудобно было бегать. Одежда Яси не всегда отличалась практичностью...

Джейк сидел согнувшись и смотрел сделанные фото в большом зеркальном фотоаппарате. Американцам тоже выдавали телефоны перед миссией, а после поездки забирали, как и цифровые фотоаппараты. Впервые за время знакомства он не носил рубашки со складками на спине или кофты с капюшоном и поэтому я увидела его спину...

Дело в том, что в лагере Джейк носил кофты с капюшоном или мастерки, закрывающие спину. А сейчас он был в темно-болотной прямой майке,

показывающей спину. И только сейчас я увидела горб у него на спине и поняла, что он тот самый горбун, который должен был приехать летом в Россию. Его майка болотного цвета обтягивала его спину и делала его горб очень заметным.

Странно, но в горах я не обращала никакого внимания на его спину и не думала, что он горбун, калека, инвалид. Он быстро лазил по горам, говорил, что работает инструктором. Он и его работа никак не ассоциировалась у меня с физическими ограничениями и уродством. Я даже не отдавала себе отчета, что он может быть увечным...

О том, что он горбун, я поняла только сейчас. Его горб находился слева от того места, где обычно у людей бывает позвоночник. Это был выступающий холм, достаточно крупный, овальный или полукруглый. Сильнее выступающий с одного края, чем с другого. Сантиметров двадцать в диаметре. Я почему-то тогда подумала, что это его искривленный позвоночник. По крайней мере, я именно таким его запомнила. Одна его лопатка сильно выдавалась вперед, и вся спина была немного искривленной в одну сторону, левую. Как будто вся его спина выгнулась в одну левую сторону, образуя холм. Его позвоночный столб не был ровным. И левая лопатка выступала больше, чем другая. «Боже, какое кошмар», — подумала я, увидев его спину. Его спина тогда меня испугала, но я не подала виду. Вид нельзя было подавать. Когда ты видишь уродство, то делаешь вид, что все нормально. Человек же не виноват, что урод. Я несколько лет назад поняла, что любое искажение человеческого тела вызывает во мне ужас.

Горбунов разводили при дворе французских королей. Они использовались для увеселения публики, демонстрируя свои уродства.

Когда я подходила, хотела присоединиться к группке с Ясей и Сашей, но Джейк увидел меня, поднялся и окрикнул.

— Хочешь поиграть со мной? Лови! — и несильно кинул мне тарелку прямо в руки. Я поймала и бросила ему в ответ, тоже целясь в руки. Но тут подбежала Дженнифер и стала махать Джейку, чтобы теперь он кидал тарелку ей, заслоняя меня собой... Но Джейк хотел играть со мной, бросил мне тарелку еще раз. Дженнифер подпрыгивала, отвлекая внимание Джейка от меня, даже закрывая меня. Джейк сделал мне знак рукой. — Подожди! Дай, я кину ей, — сказал мне Джейк, подразумевая: «Пусть она успокоится», и аккуратно кинул фризби Дженнифер. Она послушно и охотно поймала тарелку. Кинула ему обратно. Она начали перекидывать тарелку друг другу, я наблюдала за ними со стороны.

Джейк повернулся ко мне спиной... И я вплотную смогла рассмотреть его спину...

Но в этот момент подбежал Эдам и остальные американцы, мы стали разбиваться на команды... — Hey, guys! Let's play pow!¹ — Эдам как обычно хлопал в ладоши, так собирая игроков и объявляя начало игры.

— Райли говорит, что Джейк сегодня в общежитии накладывал на свой горб муляж... — сказала мне Аня Петрилина. — Чтобы его горб

выглядел овальным... — Мда... — Моя мама была фельдшером-лаборантом, медработником и не видела ничего плохого в браках с генетическими инвалидами.

Джейк пару раз кинул тарелку Райли. Они немного потренировались, перекидывая тарелку, как только перекидывают друг другу парни, не щадя друг друга, сильно, быстро и высоко. Райли кидал тарелку и ребром, сильно и резко, и целясь прямо в Джейка... Думаю, его тарелки было непросто ловить.

Мы начали играть командно...

— Ты видела у Джейка горб? — спросила у меня Аня Петрилина, подбегая во время игры. Мы были в одной команде.

— Да, — только и покивала я и встретилась с ней взглядом.

— Ага, — сказала Яся как обычно тихо и нежно, поймав мой взгляд. — Джейк — это тот горбун, который должен был приехать в Россию. Да, это он... — спокойно сказала Яся покивав.

Больше мы о горбе Джейка, да и о нем самом не говорили.

Джейк очень властно кидал тарелку, выпрямлялся и уверенно и далеко кидал. Вся толпа бежала за тарелкой. Высокому Джейку было легко ловить...

Шерил хорошо играла и высоко и далеко кидала тарелку, хорошо ловила.

И когда мы играли в тарелку, я часто украдкой смотрела на спину Джейка и внутренне содрогалась. Но вида не подавала. Все делали примерно так же...

Не одна я, но и все остальные именно сегодня впервые увидели горб Джейка и поняли, что он горбун.

На этих выходных американцы уезжали в тот же лагерь уже с другими русскими — третий поток. Почувствовала ли я ревность к Джейку, что он едет, а я нет? Или ревность в принципе? Как будто я тоже хотела поехать еще раз? Джейк будет окружен многочисленными девушками... Они будут виться вокруг него. Заигрывать с ним как обычно... Я бы тоже хотела поехать. Но второй раз никого не брали...

Когда мы уходили, Джейк опять сидел согнувшись и смотрел кадры в дорогом зеркальном фотоаппарате...

¹ — Привет, ребята! Давайте сейчас поиграем!

В пирамиде

Приезжающим на лето американцам решили провести экскурсию по краснодарским достопримечательностям. Познакомить с основными памятниками, большинство из которых было сосредоточено около центральной улицы города. Поэтому мы назначили поход по центру... Мы встретились около университета и поехали на маршрутках в сторону центра прогуляться. Вышли у сквера около центрального рынка и пошли к Театральной площади по Красной — главной улице города. Это было мне на руку — мы шли в сторону моего дома. Я не могла встретиться с американцами в центре близко от дома, почему-то не могла им это предложить, каждый раз ехала к ним в университет, а потом возвращалась...

Была вся наша тусовка: Саша Янченко, Аня Петрилина, Яся, Егор и я. К американцам стала ходить Олеся...

Олеся была одногруппницей Ани Петрилиной. Тоже училась на договоре. Моего роста, крупная, толстокостная, смуглая, у нее были большие пухлые губы и вступающие ровные зубы. Как будто ее рот был слишком мал и не мог вместить всех ее белых ровных красивых зубов. Для этих зубов нужен был рот побольше. У Олеси были густые каштановые волосы и редкое мелирование по всей голове. У нее было каре по плечи. И толстые ноги. Олеся не ездила в лагерь лидеров. Ее воспитывал отчим — ее мама второй раз вышла замуж. Она тоже ждала свою опухоль, готовилась «затикать».

Приехали почти все «летники». Американцы делали фотографии у памятников.

— Jake is weird. He is a lady's lover, — сказала мне Шерил полушепотом по секрету. «Weird» — do you this word? It means «strange»¹, — Шерил меня недолюбливала. Я подумала, что она мстила мне за Майкла. «Lady's lover» значило «дамский угодник»...

Я молча покивала.

Джейк крутился около меня, и я рассказывала ему о достопримечательностях города.

— Моя жена будет гулять здесь, — говорил Джейк мне, идя по Красной. Он как будто видел жену через время, как она ходит по тем же улицам. — Да, она будет проходить по этим улицам, — он озирался по сторонам и словно смотрел через время. — Она будет проходить по платановой аллее, — и он начал крутить головой в поисках такой на Красной. Около конца Красной был квартал, усаженный высокими тенистыми платанами с об-

¹ Джейк чудной. Он бабник. Ты знаешь это слово? Оно значит «странный».

лезающей корой, «бесстыдницами», как называли их в простонародье. Это была самая прохладная аллея на всей Красной. Но платановая аллея была далеко, почти в другом конце этой улицы.

— Plane tree alley. Plane tree? Do you know this word? No?¹ — и он показал мне платановое дерево, которое росла напротив книжного магазина. Похлопал дерево по «пятнистой» коре.

— Ok, I see...

— Она будет писать рассказ о платановой аллее... О дауне, — Он говорил это с гордостью, смотря прямо перед собой. — Этот рассказ завоюет много наград.

Саша шел с Шерил и всю дорогу оживленно разговаривал с ней.

Яся говорила на русском с Егором. Элен делала фотографии. Анна не пошла с нами, осталась в общежитии. Они уже вернулась, в Литве она была только три дня. Келвин-Джош с нами тоже не гулял...

Улица Красная как будто состояла из двух частей — первая часть с двухсторонней дорогой для автомобилей, которую закрывали на выходных и праздниках, и магазинами и кафе, дорогами и не очень, по обеим сторонам. Но как раз у Театральной площади форма улицы менялась, посреди Красной возникала аллея, засаженная невысокими деревьями с двух сторон и с лавочками по бокам, и уже до кинотеатра улица была с аллеей посредине. Квартал от квартала деревья менялись — то клены, то платаны, дубы, акации, ясени... В центре то возникали, то пропадали клумбы. За улицей следили. Вели сюда всех приезжих и толпы туристов, сами краснотарцы любили гулять здесь ночами.

Мы с американцами как раз дошли до этого перехода одной части Красной в другую, прошли мимо центральной площади, памятника казачеству, решили отдохнуть и устроились в кафе-пирамиде. Кафе было на самом деле по форме правильной четырехугольной пирамидой.

Кафе были уникальное, единственное в своем роде. Прямо на центральной улице стояла зеркальная пирамида из затемненного темно-синего стекла. Все ее грани были зеркальными, из квадратных затемненных зеркал со стороной около полуметра. Сторона оснований примерно равна пяти метрам — пирамида была относительно небольшой для кафе. Кафе было как будто покрыто железной, покрашенной в стальной голубой сеткой, по стилю как решетки на окнах. В кафе барная стойка и мини-кухня. В кафе не продавали сложные блюда, которые надо готовить на месте, роллы или жареную рыбу. Продавали, что можно было хранить в холодильнике — бутерброды, салаты. В кафе несколько стеклянных столиков. Алкоголь за спиной у бармена. Легкое летнее кафе, у которого на улице стояли несколько пластмассовых столиков и белых стульчиков на железных ножках под желтым шатром. Кафе некоторые называли стекляшкой.

¹ Платановая аллея. Платан? Ты знаешь это слово? Нет?

Оно считалось не очень дешевым, но оригинальным. Красивые меню в твердых красных обложках, набранные в типографии красивым курсивом. К посетителям подходили официанты в белых рубашках и черных фартуках и принимали заказы.

Сулгвин отсела на высоком стуле за барную стойку внутри пирамиды. Мы с Ясей сели в открытом кафе под шатром. Джейк сел с нами за один столик.

— Я хочу посмотреть, что ты будешь заказывать! — сказал мне Джейк негромко и в то же время нетерпеливо. Он ждал, когда я сделаю заказ.

В меню из напитков были соки, кофе, чай, коктейли и спиртное. Было жарко. Сулгвин сидела с кондиционером в помещении. Саша с Аней и Олесей тоже зашли в «пирамиду» под кондиционер. Мы с Джейком остались на улице на жаре. Сулгвин заказала себе маленькую холодную колу в стекле и потом ходила с бутылочкой. Кола в кафе стояла в три раза дороже, чем в магазине напитков.

— Банановый коктейль... — я подумала немного.

Я уже пробовала такой самодельный у Виолетты Генриховны. Мой выбор тут же оценил Джейк: — Хороший выбор! — он внимательно посмотрел на меня... и сразу же заказал банановый коктейль вслед за мной. Яся сидела с нами и тоже заказала коктейль, но клубничный. А что еще заказывать в кафе? Чай и соки продаются втридорога, сок наливают из картонных коробок из супермаркета, чай приносят пакетированный, только кофе и коктейли делают сами, при этом взбивая фрукты с молоком. Единственное, что нельзя было купить в соседнем магазине в три раза дешевле из напитков — это были коктейли.

Олеся заказала кофе, а Саша Янченко сок с бутербродами.

Пока мы ждали напитки, Джейк достал свои права и стал показывать мне маленькую карточку размером со стандартную визитку. Волосы на крошечном фото были длиннее, чем сейчас. На фото у него была длинная челка. Он так же улыбался с выдвинутой нижней челюстью. Фото было смешным...

— Мне здесь восемнадцать... — сказал он мне. — I am like a complete child here. I am 22, almost 23 now! This photo is 5 years old. And how old are you now?¹ — спросил у меня Джейк.

— Мне восемнадцать...

— Восемнадцать? — Он думал, я старше. Русские девушки выглядели старше из-за косметики. Эти американки вообще не красились.

— Ты водишь машину? У тебя есть права с собой? Или паспорт?

— Да, паспорт... — Дедушка сказал мне взять с собой паспорт. Машину я не водила. Все американцы водили машины и рано получали права. Во-

¹ Я как совершенный ребенок здесь. Мне 22, почти 23 сейчас. Этому фото пять лет. А сколько тебе сейчас?

дить машину — как признак качества, значит, у тебя точно относительно все в порядке со здоровьем, нет серьезных противопоказаний. Джейк заглянул в мой паспорт... и отдал мне...

— А со сколько лет в России можно водить машину?

— С восемнадцати...

— Моя жена водит ...У нее белый хэтчбэк... Итак, ты не водишь...

— Нет, еще нет...

— Ты уже можешь водить?

— Теоретически да...

Нам принесли коктейли с трубочками с зонтиками... Дженнифер смеялась, когда трубочкой высасывали напиток до конца. Ей не нравился издаваемый звук... Яся оставила коктейль на доннышке...

Выйдя из пирамиды, мы еще немного прошлись вдоль Красной. По дороге Джейк о чем-то эмоционально говорил с Шерил...

— Шерил сегодня тебе что-то сказала? — Джейк специально подошел и спросил меня. Я ничего не ответила.

— What did you say to her? — Джейк ругался с Шерил при мне. Шерил только улыбалась в ответ... — Did she say that I am weird??? Cheryl, are you kidding?

— Why are you so nervous about it?¹ — также эмоционально в ответ говорила ему Шерил улыбаясь...

На улицы Северной американцев посадили на маршрутку до университета.

Я осталась в центре города. Мне был квартал до дома. И вместе с американцами обратно к ним в общежитие не поехала. Прогресс! До платановой аллеи мы не дошли. Оставалась пара остановок...

¹ — Что ты сказала ей? Ты ей сказала, что я странный? Шерил, ты шутишь? — А что это ты так нервничаешь?

В общежитии

Теперь мы чаще всего встречались в общежитиях у американцев. Они жили в общежитии для иностранцев университета на втором этаже. Преподаватели любили второй этаж, можно было беспрепятственно, через балкон выпрыгивать на улицу, не проходя консьержку на первом этаже, которая за ними наблюдала, покидать общежитие и появляться в нем... Условия для иностранцев были лучше, чем для русских. Американцы жили в одних из первых комнат коридора по два-три. Комнаты были смежными, на три комнаты общий туалет и ванна. Налево были три комнаты — одна Анны, Элисон и Сулгвин, в другой спала Элен, девочки иногда переезжали из комнаты в комнату. Третья комната, самая большая, Джейка и Райли. С другой стороны коридора были две комнаты Шерил и Дженнифер — мы туда никогда не заходили. Здесь же была кухня. Дальше по коридору один жил Келвин-Джош. Ему не нужны были лишние свидетели. Пару раз у него ночевал Райли. Вообще все мероприятия мы проводили в комнате Джейка и Райли. В остальные комнаты нас не приглашали.

Некоторые говорили, что Эдам и Морген тоже жили в общежитии, рядом с комнатой Шерил и Дженнифер, а не снимали квартиру в остановке от универа — но кто их поймет, этих американцев? Как отличить их байки от правды? До сих пор не знаю, где жили Эдам и Морген — в общежитии или на съемной квартире. Они говорили то одно. То другое, то третье... То, что они живут на съемной квартире. То, что в общежитие. Хотя, скорее всего, они жили там, и там... И мне, наверное, все равно... Возможно, они жили в общежитии, а на квартире у них был склад...

Эдам в консьержки своего общежития выбирал с раковыми опухолями, смертниц.

Эдам любил бегать по утрам. Когда бегаешь, можно быстро перебежать от одной остановки к другой — по остановке за две минуты. Удобно обмениваться информацией — передавать записки, хорошее прикрытие во время перестрелок. Ты на деле, а другой в похожей спортивной форме бегают...

В американском общежитии все было по-домашнему: белые узорчатые клеенчатые скатерти на столах, вдоль стен черные мягкие стулья с обивкой из черного синтепона, кожаные спинки и сиденья, а не желтые низкие стульчики как в детских садах и школах. В комнате Джейка и Райли стояло две кровати буквой «Г», одна у стены, другая у окна, с небольшим просветом между ними. На окнах в общежитии везде были узорчатые кованые решетки с цветочками-сердечками, как перевернутыми пиками. Эдам договаривался, чтобы решетки можно было

снимать. Это было наше «место тусы». На голубоватых обоях в рядок наклеены вырезанные листы пейзажей из журналов почти по периметру всей комнаты. Между ними висела карта мира. Светильник был не обычной круглой лампочкой, свисающей на проволоке-веревке с потолка, а люстрой в виде белого цветочка с розовыми краями. На окнах блестящие легкие золотистые шторы до пола, за ними — белый синтетический тюль. Стена напротив окон была вся из нешироких белых встроенных шкафчиков. Кровати были заправлены под диваны с поставленными подушками для спин, застелены разными коричневыми велюровыми покрывалами коврового типа, одно гепардовое, другое ромбиками. На полу тонкое ковровое покрытие, из четырехугольников-осколков разного оттенка коричневого, в углу небольшой раскладывающийся столик.

Мы, как теперь часто бывало, «отвисали» у американцев...

На кухне Морген говорила мне при Дженнифер:

— Если ты начинаешь с мужчиной спать, то зачем ему на тебе жениться? Постель должна идти только через брак. — Морген говорила это с даже агрессивной интонацией. — Тогда он на тебе женится ... — Вообще у американцев как будто для каждого были заготовлены маленькие постановки, как театральные. Они как будто реализовывали пункты из списка. Для каждого из американской тусовке у иностранцев был свой список...

— Ну все, — сказала Морген Дженнифер. — Это мы ей сказали... Пошли в комнату девочек...

Сама Дженнифер говорила мне, что за год в России она так и не сумела подружиться с Шерил, они так не стали близкими подругами... Дженнифер больше сошла с замужней Морген...

Шерил очень любила читать Ф. Достоевского «Преступление и наказание», к концу первого года в России она читала книги на языке оригинала, непере译ную литературу, и очень восхищалась Пушкиным, говорила, что он много потерял в переводе. Эдам тоже преуспел в русском. Дженнифер, как и замужняя Морген, язык учила без старания, понимая, что в дальнейшем он ей не нужен. Морген, как я поняла, считала, что главная миссия ее жизни уже выполнена, она удачно в ее «тяжелом» случае замужем. И хотела, прежде всего, стать хорошей женой — изучение языков в планы ее жизни не входило.

В комнате Анны, Сулгвин и Элисон на тумбочке лежали цветные листовки с напечатанными слитками золота, которые давали за украденных детей. Американцы уже бегали, меняли золото за рабов. Возможно, Эдам выдал им золото за проданного в апреле мальчика... Работоторговцы золото за детей привозили позднее...

Али Рашид, чтобы наказывать себя за проданных в рабство детей, выращивал в теле личинки. И очень радовался, когда личинки окукливались, а потом становились бабочками и улетали. У Элен в теле тоже была личинка около плеча, как у Али Рашида. Она тоже кормила собой червяка

и ждала бабочку... Эдам и Морген тоже так периодически делали... Они растили личинки, убив кого-то...

Морген в плече тоже жила личинка, питалась ее плотью, она недавно убила в перестрелке полицейского...

Морген рассказывала мне по-дружески, по секрету. Мы сидели в комнате у Сулгвин и Анны...

— Эдам поэтому и женился на мне, что я из богатых!

Я сидела на кровати и слушала Морген. На тумбочке у кровати лежали листовки с золотыми слитками, которые казахстанские работорговцы давали за проданных в рабство детей. Листовки передавал им Байсек и Али Рашид.

— Да, Эдама отправили в изгнание. Он случайно убил негритенка, мавра, съел... Его бабушка только мавром сделала. Эдам еще не знал... Потому мы быстро уехали из Америки... Теперь следующего мавра только через десять лет сделают...

— Так я его только к границе отправила, часа два прошло! А он тут возвращается за паспортом... Ох уже этот Эдам... Надо быть идиотом, чтобы поехать отвозить в ковре ребенка и забыть при этом паспорт... — Морген даже рассмеялась. — Так он уже из города выехал, когда обнаружил... — Какой Эдам забывчивый. Как можно было забыть паспорт, везя ребенка к границе?.. Эдам говорит, надо обязательно передать рабство...

— Ты понимаешь, что я говорю? Ты хорошо говоришь на английском?

Но Морген знала, что я хорошо говорю на английском, она сказала мне это на собеседовании и проверила мой тест уровня advanced¹. Тогда была не Морген, а переодетый и загримированный под Морген Ян Дажуху, кто пару раз заплатил за мой английский Виолетте Генриховне. Я была под веществами и не заметила разницы... А Дажуху так присутствовал при первых переговорах Марины Шайн...

Зашла Элен и оставила открытой дверь...

— Представляете, Морген даже не знает, за кого она вышла замуж! Что он ради нее сделал! — Элен улыбалась и говорила это очень эмоционально, имела в виду, что Эдам был одним из руководителей ку-клус-клана и главным по рабству в Америке. Самый главный в Америке. — Она даже не знает! — Элен говорила радостно и воодушевленно.

— И не надо ей ничего говорить! — крикнул ей улыбающийся Эдам из другой комнаты.

— Скучно ей с ним точно не будет!

А Морген сидела и спокойно это слушала...

— Представьте себе, Эдам подписал декларацию рабства! — Элен явно восхищалась Эдамом и считала его огромной шишкой. — Это он ее недавно переписал и дополнил!

¹ продвинутый

— Эдам рассказывает, что ему двадцать семь. А на самом деле ему тридцать пять... Они с Морген только год, как поженились, — сказал мне по секрету Саша Янченко. — Видишь, Морген многого о нем не знает... Это перед нами американцы делают вид, что дано знакомы. На самом деле они все познакомились только перед поездкой...

Саша по-новому подстригся, покороче подстриг свой «ежик» сделал торчащую перпендикулярно лицу небольшую челочку и отрастил маленькую черную растительность на подбородке.

— Ты ведьма! Ты ведьма... Я из-за тебя забыл о ней! — это было первое, что сказал мне Джейк сегодня. Он уже несколько дней не вспоминал о своей «маленькой жене». Обычно она была основной темой его разговоров. Райли теперь над ним из-за этого насмехался и подшучивал.

— Райли думает, что это ты! Моя маленькая жена... — сказал Джейк. — Но нет! It can't be you!¹ — Джейк схватил Райли за шею сзади и нагнул к полу, а Райли увернулся и убежал... «Мальчишки», — подумала я.

— This is you, Arina², — сказал Райли со знанием дела убегая...

— Арина, это ты! — сказал Джейк как будто проснувшись... У него почесалась левая ключица. Моя почему-то тоже зачесалась. Джейк странно на меня посмотрел... Это что-то значило... Когда чешется ключица — смотришь на суженого... У Джейка продолжала чесаться ключица, а у меня уже нет...

Джейк говорил, что перед поездкой он поругался со своей девушкой в Америке, с которой встречался уже два года... и порвал с ней. Она заката ему скандал... Он сказал ей, что они расстанутся. И в поездку ехал уже свободным! Как все удачно сложилось, главное, вовремя расстаться с девушкой! Он говорил это как будто для меня, что он уже свободен, ища во мне заинтересованность...

— She is psyco! We can't be together!³ — сказал Джейк, смотря перед собой и как будто еще раз переживая тот скандал. Он как будто вспомнил последнюю ссору со своей девушкой в Америке и принял для себя окончательное решение.

Джейк называл свою уже бывшую, недолго бывшую девушку «psyco», когда они ругались — в переводе «психопатка», «помешанная», «ненормальная». — Ты не должен так о ней говорить, — смеясь говорила ему Шерил. Джейк уже думал, что его нынешняя девушка на пять лет старше — это не его «маленькая жена», она просто поймала его на литературу, сказав, что пишет книгу. Его бывшая девушка была немного полной, как и большинство американок...

Американцы говорили, что Джейк со всем старанием, свойственным всем горбунам, «занимался сексом» со своей девушкой, точнее, бывшей

¹ Это не можешь быть ты...

² Это ты, Арина.

³ Она психопатка, мы не можем быть вместе!

девушкой. Крутой секс к горбу прилагается. — Главное, чтобы его девушка от него не забеременела. Ей надо хорошо предохраняться, — говорил Саша Янченко...

В комнате у Элен на столе стояла плоская тарелка с дорогими ирисками. — Toffies! — сказала я и взяла одну.

— Тoffи — ты знаешь это слово? — Джейк взял одну ириску и посмотрел на меня с нескрываемым удивлением и уважением.

— Она знает это слово! — восхищенный Джейк тут же сообщил это Райли. Виолетта Генриховна в свое время показывала мне русские квадратные ириски и называла их по-английски.

Элен принесла коробку популярных конфет, которые так и назывались... Все знали это слово из-за этих конфет. Все так и учили новые слова — на примерах из жизни.

— Я тоже знаю это слово, — сказала Аня Петрилина и взяла одну ириску из коробки Элен.

Ко мне подошла Сулгвин.

— Arina, dig deeper!¹ — И Сулгвин сделала жест правой рукой вбок, как будто нырнула. Ее рука как будто опустилась, куда-то нырнув, а потом вернулась, как будто вынырнув. Сулгвин как будто показывала рыбку или волну вбок.

Я опять же подумала, что не нравилась Сулгвин...

Джейк показал мне на плетеную красную веревочку на запястье: — Это моя жена сказала мне носить, сказала, пока я ношу этот талисман, со мной ничего не случится.

Джейк как бы снова вернулся к своей «маленькой жене» и с утра до вечера о ней говорил.

— Как мне сказал Эдам, с протестантами хорошо ездить, можно бесплатно посмотреть мир.

А Джейк искал свою «маленькую жену» и ему нужно было дешево путешествовать по миру.

Джейк еще показывал мазь с пчелиным ядом и сказал, что его «маленькая жена» говорила ему мазаться этим снадобьем, которое хорошо заживляет раны. Это ее бабушка научил ее. Джейк достал маленькую белую пластмассовую банку с желтой масляной вязкой мазью, пахнущей воском. Это был своеобразный дар и оберег от его будущей жены.

Я знала такие баночки, у меня бабушка тоже пользовался такой мазью на основе пчелиного воска...

— У нее будет круглое родимое пятно с двумя немного скошенными краями около пупка. У ее сына такое же круглое родимое пятно около сердца... — И Джейк показал место у своего сердца, где у сына его «маленькой жены» будет родимое пятно.

¹ — Комай глубже!

— Моя жена любит кофты с одним открытым плечом, летние... — сказал Джейк. Он любил говорить о своей «маленькой жене». — Вообще она очень красивая. — Теперь после замечания Джейка и Таня, и Женя Снисарь стали к американцам носить летние майки через плечо.

— Это его маленькая жена сказала ему прийти в церковь и найти там Эдама. Сказала, что они будут дружить до конца дней...

Этот странный американец рассказывал истории о своей будущей жизни. Как будто он видит свою будущую жизнь через годы. Что у него будет очень классная жена, он называл ее «little wife» — она будет невысокого роста. Она будет великим писателем и получит Нобелевскую премию по литературе. Она до нее не доживет, и Джейк получит эту премию за нее...

— У моей жены белая кожа и черные волосы, — Джейк любил говорить о своей будущей жене, с которой он даже не был знаком. — Это можешь быть и ты. Твои волосы черные, а кожа белая, — Джейк внимательно меня рассмотрел.

А смуглой азиатке Сулгвин он говорил: — Твои волосы тоже черные, и ты можешь нанести белую пудру... — Блондинкам, как Таня Соснянская, говорил, что они могут покраситься, а смуглым предлагал нанести пудру. Джейк абсолютно в каждой девушке хотел видеть свою «маленькую» жену. Всем давал шанс.

— Это может быть каждая из вас, — Джейк покивал чисто по-американски, со знанием дела и наигранно, немного сморщив подбородок и зажав губы, как иногда кивал Эдам.

На следующий день Сулгвин пришла с напудренным белым лицом, как гейша.

— Иногда хорошо пострелять! — говорил Эдам. — Бух-бух! — он пострелял указательным пальцем как револьвером. — Постреляли. Спустили пары! И ничего! Такие перестрелки ничем опасным не заканчиваются! Церковь — хорошее место для перестрелок, и ящики с оружием есть, где спрятать...

Келвин-Джош сидел согнувшись на кровати у стены и крутил в руке тяжелый револьвер. Он был самый мологоворящий, самый тихий и незаметный. За все путешествие я не слышала, чтобы он произнес и пару фраз. Его тоже называли Эдамом. Говорили, что он самый главный контрабандист оружия, даже круче Эдама Хейсонда. И он приехал сюда за Калашниковыми, налаживать поставки, договариваться с поставщиками. Все поставщики оружия чем-то прикрывались. Эдам Хейсонд прикрывался миссионерством. Под прикрытием религии можно было свободно путешествовать по миру и организовывать поставки...

Келвин-Джош был из крутых торговцев оружием. В Америке многие занимались контрабандой оружия. В Америке забыли, что такое закон. В каждом городе были свои банды, которые любили периодически пострелять друг в друга, почувствовать себя крутыми. Так американцы стре-

мились забыть о безнадежном будущем... В Америке было очень сложно получить высшее образование — никакой профессии и сплошная «бесперспектива». Американцы отдали образование за большие частные дома.

Келвин-Джош был невысокий, метр шестьдесят пять, темноволосый, с небольшими глазами под густыми темными бровями, смуглый. С коричневыми волосами и карими глазами. У него была большая «рогатая» голова и немного плоское лицо. Он имел внешность серьезного оружейника, каким и был. Келвин-Джош был из богатей. У него на руке были дорогие золотые часы. Он рассказал нам, что эти часы ему подарил дедушка. Иногда он носил часы на черном резиновом ремне — в путешествии он взял две пары...

Револьвер прямо прокручивался у него в руках. Он его подкручивал еще и еще раз... Потом он взял легкий игрушечный и попробовал также крутануть. Детский пластмассовый не завертелся. — Нет, не крутиться... — Келвин-Джош усмехнулся. Тогда Келвин-Джош взял другой тоже детский, но железный и попробовал крутить. Железный крутился в руках лучше, чем игрушечный, но хуже, чем настоящий. Мне этот Келвин-Джош тоже почему-то понравился...

Потом американцы пригласили нас играть во фризби. Мы из общежитий пошли на стадион около университета. Там нам раздавали тексты американского гимна, чтобы мы его выучили и пели вместе с американцами. Яся прилежно выучила гимн, даже не зная перевода некоторых слов...

...Американцы, которые приезжали на длительный срок, от полугода и больше, говорили нам свои настоящие имена, как Шерил и Эдам. Мы могли увидеть случайно их документы или за полгода они могли проколотся. У знакомого Эдама уже так получилось. А те, которые на три месяца, говорили вымышленные, чтобы мы не знали, кого как на самом деле зовут. Мы иногда догадывались по отдельным фразам. Яся говорила, что все летние американцы-бандиты для нас говорили новые имена. И Анна — это на самом деле Алина, Эдам2 — это Келвин с документами Джоша, Элен назвалась своим настоящим именем, а Элисон на самом деле Энн. Никто не смотрел документы американцев и те, кто приехал ненадолго, мог назваться, в принципе, любым именем, никто бы не проверил...

У американцев появилось новое лицо тоже Наташа — высокая, толстокожая. Она говорила старческим голосом и преподавала английский в университете на факультете лингвистики. Она всегда ходила с хвостиком сзади средней длины и прилизанными волосами. Пользовалась лаком. Говорили, что она старая дева и ее родители тоже из учителей вузов. Ее родители тоже продавали детей в рабство за работу, деньги за детей отдавали своему вузу, это было распространено в университетах...

Нас держали на каких-то препаратах... На адреналине и эйфории... Эндорфинах. На эндорфинах ходили радостные. Почему радостные — сами не понимали! Подпаивали наркотическими веществами, чтобы мы не переставали ходить на американские встречи... Потому что для прикрытия

к американцам должны ходить одни и те же люди весь год, а то и все годы, пока эти «оружейные бароны» орудовали в России. Я мало что тогда понимала, понимание пришло намного позже...

Ораклы

Теперь мы отвисали у американцев почти каждый день... У американцев я узнала, что существуют ораклы — люди, которые видят будущее. Американцы занимались просвещением молодежи.

Как-то Элен сказала мне:

— Эдам оракл, он видит будущее.

Среди американцев я иногда чувствую себя, как в дурдоме. Хотя, почему как?

— Джейк тоже оракл. Он видит свою будущую жизнь с «маленькой женой».

— Да? — Я внимательно смотрю на Элен, ее серьезное выражение лица и уверенный тон меня озадачили. И почему-то я подумала, что, может быть, все вокруг здоровые, а это я больная?

— Да они прикалываются! — говорит мне рядом стоящая Морган.

— Ага, точно, по ним и не скажешь... — уже сомневаюсь во всем я.

— Не обращай внимания. Может, ты тоже видишь будущее? — абсолютно серьезно спрашивает меня Элен.

— Нет, я точно не вижу...

— Подумай, может, ты все-таки видишь?

Я на минуту задумываюсь. Вглядываюсь внутрь себя — может, я на самом деле тоже оракл и пока не знаю об этом, а Элен открывает мне глаза...

— Нет, не вижу, — все-таки говорю я неуверенно и немного расстроено и уже сожалею, что я не оракл.

— Жалко...

Я чувствую себя ущербной... Слава Богу, ненадолго!

Иду домой, там хотя бы не спрашивают, вижу я будущее или нет. Ошарашена... Всю ночь продумала, так оракл я или нет и решила, что все-таки нет. Хотя... Кто знает? А как это? Видеть будущее? — хотела узнать я у Элен.

На следующий день опять пришла к американцам в общежитие — надо пользоваться случаем практиковать язык — Элен, видя мою задумчивость и растерянность, радостно говорит, дотрагиваясь до моей руки:

— Да они просто фантазируют! Никаких ораклов нет.

В этот момент у меня прямо камень упал с плеч.

— Ну слава Богу! А я-то думала...

Наверное, именно с тех пор я начала верить в ораклов.

Вот ораклов у нас развелось, каждый второй теперь оракл, отрасли «рожки», ловят разные «волны», сразу ораклами себя чувствуют.

Американцы каждый день следили, чтобы мысли всех их «ключевых прикрытий», то бишь нас, были чем-то заняты, и мы мало обращали вни-

мание, что происходит вокруг... Сегодня мои мысли были заняты оракулами, обычно странным Джекой и его «маленькой женой»...

Мост поцелуев

Американцы и компания поехали на два дня на Черное море на выходные. Я не поехала, дома непустили. Говорили, что Джейк все время сидел в темно-синей сетке и не снимал ее. Купался тоже в сетке — комплексовал из-за спины. Глядя на его согнутую кривую спину, я понимала почему. На море ездили все — Яся, Аня, Саша Янченко, Таня, Наташа и т. д.

В следующий раз мы решили встретиться в новом парке «30-летия Победы» только девичьей компанией, продолжая показывать американцам немногочисленные парки Краснодара. Были все американки, кроме Морген и Шерил,.. Делали коллективные фотки на мосту поцелуев. Это была girls party, только девушки. У мальчиков-американцев в это время как раз была перестрелка с полицией в этом же парке. Говорили, что Джейк и Райли остались в общежитии...

Этот парк на Затоне был относительно новым, начинался мостом поцелуев и тянулся вдоль набережной. Парк с рядом кафешек и шашлычных. Парк был старый, с высокими тенистыми деревьями, прохладный в жаркий день. Через тротуар вид на реку Кубань. Здесь были карусели для детей, с другого конца парка музей военной техники под открытым небом. На открытом воздухе стояли старые, покрашенные танки разных моделей, дети залезали на танки, свешивались с дул, фотографировались...

Мы встретились у моста поцелуев через реку, был солнечный душный день, немного прошлись по набережной, недавно уложенной плиткой. От реки пахло тиной... До танков не дошли... По набережной свернули влево к деревьям, зашли недалеко в парк. Расстелили три велюровых покрывала в парке на земле, разувшись сели на них, разбились на пары и тройки и стали болтать, достали печение, напитки, фрукты, колу и лимонады в полуторалитровых бутылках. Теперь американцы говорили каждому приносить что-то для общего стола и угощать других. Мы выкладывали, что принесли, на общее покрывало в центре, которое служило нам столом, скатертью самобранкой... Американки сидели со своей водой в бутылочках.

Американцы иногда «пшикали» нам сонные вещества из баллончиков или подсыпали что-то в напитки, в воду.... Сегодня мне что-то в лицо «пшикнула» Анна... Дальше все как в тумане....

Мы сидели в тенистом парке, на улице жара, а мы в прохладе... Пели птички. Иногда даже дул холодный ветерок...

«Черепашка» Дженнифер всегда заметно сутулилась — ее спина никогда не была ровной. Количество растворенных ей «черепашек» — гиббелей спины — зашкаливало.

В парк забегали Эдам и Келвин-Джош с какой-то перестрелки около музея танков. Появилась и исчезла Морген... Люди то приходили, то ухо-

дили. В этом парке шла «большая игра» – перестрелка американских бандитов и русских полицейских, по количеству убитых и подстреленных определяли, сколько Калашниковых американцам разрешат украсть... Келвин-Джош был хорош, сильно крутой...

Впервые за долгое время я увидела Лену Ситокову – она сейчас приходила нечасто... Ее отец занимался контрабандой оружия в Майкопе. Все хотел бросить преступный мир, завязать, отмыться, чтобы его имя с контрабандой больше не связывали, но свои не отпускали... У Лены Ситоковой в глазах были аскариды, ее не лечили и она слепла. Ее аскариды уже проникали к задней стенке глазного яблока и вредили сетчатке. У нее постоянно слезились глаза, и она пользовалась специальными каплями. Ей было сложно в солнечный день. Она на все смотрела через слой слез. Редко врачи доводили до того, что глисты проникали к главному яблоку... Но Лена была из оружейников и поэтому слепла... Якобы унаследовала слепоту от матери. Не любят оружейников...

Саша Янченко говорил, что мама Лены Ситоковой была слепой – отслойка сетчатки... В то время бандиты в России женились или на шлюхах, или на будущих инвалидах... По-другому не разрешали. Ее отец сам сделал жену инвалидом...

Лена Ситокова рассказывала:

– Я не люблю пользоваться феном. Он так сушит волосы... Пусть сами высыхают... – Лена всегда говорила легко и просто, ее было приятно слушать.

Эдам говорил, что пословица «Если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе» про Лену. Эдам Хейсонд тоже хотел втянуть Лену, дочку оружейного барона, в торговлю оружием... Я, зная Лену Ситокову, даже не могла представить, что когда-нибудь она сможет возглавить преступную группировку... Такая девочка, такая умная, такая талантливая – и будет преступницей...

Лена Ситокова была со внешностью «кошки». Американцы играли в кошки-мышки. А ее мышкой была адыгейка Маша-«маус» из лагеря. Говорили, что «кошка» Лена Ситокова «съест» «мышку» Машу...

Мы сидели на пикнике, а в соседних кустах стонал подстреленный полицейский... Откуда-то появился Джейк, вместе с Сулгвин они отвели меня к реке, он вытирал мне лицо, чтобы я немного пришла в себя...

Мы собирались сфоткаться на память с Дженнифер – она скоро уезжала...

Дженнифер как все лысеющие со лба девушки и женщины стандартно делила наклеенную прядь на две части, разводила в разные стороны лица, маскируя лысину на лбу. Главное, прядь и остальные волосы красить одной краской, тогда не так заметно... Дженнифер лысина со лба передалась от отца – ее мать от «шлюшства» еле отмылась через чудовищную бедность.

Яся и Дженифер почему-то перед фото переоделись в кустах и сделали фото со мной. Это тоже что-то значило — у Эдама начались операции по контрабанде Калашниковых....

Если на вечеринке в пижамах в апреле Яся оделась по-летнему, то сейчас в плюс сорок она оделась по-осенне-весеннему — в водолазке под горло с коричнево-желтым принтом черепашки, иногда переходящим в голубой, и джинсах. Синтетическая водолазка с коротким рукавом была еще ничего для такой погоды, а вот в джинсах было точно жарко... Яся оставляла зацепки в памяти и на фото для следствия... Яся лезла на рожон, но ей нечего было терять...

Это был фокус с переодеванием. Яся переодевалась в кустах, олицетворяя оборотней в погонах, которые помогали преступникам. Оборотни в погонах намного чаще на стороне преступников, чем честных полицейских. И могут нанести много вреда...

Переоделась и Дженифер. Она передела черную юбку на шорты для фото, а потом обратно. Через время Яся из жаркой водолазки и джинсов переоделась в свой постоянный наряд — белый топ качелями и синие бриджи с дырками вдоль швов. Яся странно улыбалась. Она никогда не показывала зубы. А просто натягивала губы и поднимала рот вверх. Ее улыбка чаще всего была «беззубой».

Я была в обычной белой кофте с круглой белой вставкой в центре, вязаной крючком, и завязками на рукавах и по низу и своих любимых льняных штанах с оранжевыми розами. Анна тоже сегодня была в джинсах, подвернутых как бриджи.

Я думаю, Дженифер тоже сотрудничала с полицией, была на стороне закона, они с Ясей сегодня действовали синхронно.

В то лето украли двух мальчиков, с одинаковой фамилией, двоюродных братьев что ли. Через семью Хейсонд. Американцы хотели запутать нас — у них было две вечеринки в пижамах, одна в апреле, другая в середине июня. Хотели, чтобы мы их путали, в первую вечеринку американцы украли первого мальчика, а во вторую — второго... Я не пошла на вторую вечеринку в пижамах. Мальчики были двоюродными братьями с одинаковой фамилией. Оба блондины семи лет, похожи. Одного звали Владик, Владислав. Второго Виталик. Одинаковые инициалы. Мальчики были примерно одного возраста и похожи между собой, блондины. У первого длинный рот, у второго маленький. У второго был хороший генотип, блондин, с тонкими мелкими чертами лица, «пять из пяти»... Блондин в нескольких поколениях. Второго продавать в рабство не разрешали... Поэтому работорговцы придумали такой ход, запутать полицейских. Полицейские уже искали Виталика и не принимали заявление у матери Владика.. И пока полицейские разбирались, сверяли инициалы однофамильцев, пытались понять, сколько мальчиков пропало и когда, прошло пару месяцев, и мальчики были уже далеко... Второго мальчика пронесли через границу под документами первого... Его как раз и отвозил Эдам,

когда забыл паспорт в общежитии... Мальчик был из «генеральских», потомственных военных... У родственников были давние разборки... Родственники второго мальчика продали в рабство дядю первого... А второго «продал» дедушка... Россия так долго поставляла в Казахстан рабов... Так хотели спрятать генеральского отпрыска и отрезать ноги не ему, а его двоюродному брату. На границе им поменяли документы: Виталик стал Владиславом, а Владислав Виталиком. «Генеральских» детей страшно калечили в Казахстане. Второй мальчик был сыном генерала Александра...

Когда мы возвращались, по кустам медики оказывали помощь раненым, убирали убитых полицейских... На обратном пути фотографировались на мосту поцелуев, где весной Эдам и Морген мазали перила кровью большого СПИДом... Анна все следила, чтобы она не появлялась на слишком большом количестве фотографий... И фоткалась только на мой фотик...

Джейк вечером с Сулгвин гулял по Красной недалеко от моего дома. Они гуляли со свечкой за мой упокой — такие свидетели, как я, не выживают. Свечка олицетворяла «тикающую» Сулгвин.

На следующий день мы опять встречались в том же парке в той же одежде и в большем составе... В этот день я увидела всех, и Лиду, и Аню Петрилину, и блондинку Сашу, и Олесю, и сводную сестру «маленького» Саши из лагеря Олю, и Таню Соснянскую... На мой фотик сделали одно фото... Путали свидетелей...

Потом я немного приболела и не могла ходить на встречи. Эдам разыскал меня с собаками, даже писал мне эсэмэс. Он возмущался по этому поводу — мы служили прикрытием для их контрабандных операций и должны были появляться регулярно на всех встречах американцев... Оттуда мы могли уйти разве что в могилу...

В парке

Полицейские пробили русских в группировке Эдама. Ими были Яся и Саша Янченко. Они участвовали в перестрелках с Эдамом.

Перед операциями с Калашниковыми американцы тренировали свои боевые навыки и по понедельникам играли в известном торговом центре – стреляли по противникам из лазеров, устраивали лазерные бои. Один раз взяли с собой Сашу Янченко и Ясю Воронину, чтобы они потренировались бить по мишеням – они тоже участвовали в операциях по контрабанде. Яся в одной. Саша в нескольких.

Ясю потому и отобрали в свидетели, мы с ней хорошо смотрелись в паре, я брюнетка, черненькая, она блондинка, беленькая. Мне изначально было от свидетельства не отвертеться.

Саша тоже сотрудничал с полицией и ввязался в контрабанду Калашниковых. Такие, как он, «генеральские» из проштрафившихся, или пьют раковую опухоль, или участвуют в подобных операциях. Саша похоронит старшую сестру, которая уже болела раком.

Мы в центре этой мафиозной группировки. Следователи все думали, кого они там похоронят, Ясю, Сашу или меня. Или сразу всех... Скорее всего всех... Насколько тогда я понимала происходящее – это еще вопрос, я – примороженный свидетель. Это годы спустя пазл сошелся. Эдам считал, что я невинная жертва. На самом деле он тогда не знал, что невинная жертва – это он...

Сегодня у нас был пикник в парке. Огромный парк назывался «Безоблачный город» и находился в южной части Краснодара на берегу Кубани, за университетом.

Мы встретили американцев у общежитий и решили доехать до парка на троллейбусе. Были все те же – Саша Янченко, Яся, Аня, Егор, Олеся, Та-на и маленькая Яна.

Сейчас я редко видела Лену Ситокову, о чем сильно жалела – с ней всегда было приятно общаться.

– Are you fine today? – заботливо спросил у меня Джейк, заметив у меня небольшой насморк. – Yea, I am fine...¹

Мы сели в почти полный троллейбус – сидячих мест не было, все ехали стоя. Мы сели в третью дверь.

Джейк стоял в конце троллейбуса. Держался за поручни. Ему абсолютно не понравился полный троллейбус. По его виду можно было сказать, что он до этого никогда не ездил в полных русских троллейбусах. Он стоял

¹ – Ты в порядке сегодня? – Да, я в порядке...

в шоке... Его взгляд как будто говорил: «Что это? Какой ужас!» Он стоял в толпе, и его со всех сторон прижимали. Наверное, в американском общественном транспорте не было стоячих мест. Как-то Виолетта Генриховна сказала про полный общественный транспорт: — Не люблю там ездить, только нюхать потные подмышки! — Этим Джейк, наверное, сейчас и занимался. Благополучный американец не привык ездить в душных людных русских троллейбусах. И побывав в Америке, я поняла почему: у них не было общественного транспорта без кондиционеров и ...не было стоячих мест.

Ехать нам было недалеко. Мы вышли через несколько остановок на остановке «Безоблачный город» по названию парка.

Парк был огромный — тридцать девять гектаров. Если посмотреть на карту Краснодара, то парк располагается как бы на острове и со всех сторон окружен водой. С севера и востока озером Старая Кубань, впадающим в одноименную реку, а с юга и запада небольшим проливом Казачий Ерик, соединяющим части озера.

Мы прошли карусели и аттракционы в начале парка и недалеко зашли в «зону пикников». Американцы как обычно взяли с собой несколько покрывал, расстелили их на берегу Кубани, но неподалеку от дороги.

Покрывала расстелили прямо на земле и на траве. В центр положили продукты. — Скатерть самобранка, — сказал Джейк. Я теперь покупала одноразовую воду в полулитровой пластиковой бутылке, не пила напитки американцев, в мою бутылку сложнее было что-то подсыпать... Мы расселись на покрывала.

Я сегодня принесла бананы и сладкое печенье. Таня ничего не приносила на встречи — не могла себе позволить. Яся тоже принесла бананы.

Сегодня взяли игральные карты. Таня Соснянская раскладывала на покрывале пасьянс, ей помогала Элен. Саша вяло жевал банан.

Мы сидели по группкам и болтали. То есть наше стандартное поведение на американских встречах — разбиться на группки и разговаривать о чем придется, вести оживленную и внешне интересную беседу... Райли с Сашей, а потом с Ясей и Джейком играли в тарелку. Главное, не забрасывать высоко. Это не получилось, и одна тарелка застряла в ветках. Прямо конкретно засела. Райли сказал, что потом вернется в парк и после дождей или сильного ветра заберет эту тарелку... Он взял с собой несколько, потому они продолжили играть...

Яся и Анна играли в карты друг с другом, в «дурака» и «козла», потом Анна играла с Элен.

Райли подружился с какой-то собакой, которая за ним везде бегала...

— Dig deeper! — сказала мне Сулгвин и сделала свой характерный жест рукой... Она часто теперь делала этот жест.

— Of course.¹

Джейк опять говорил о своей «маленькой жене». Он как будто опять видел будущее и свою будущую жену, гуляющую по этому парку, через годы.

Он стоя смотрел в сторону дороги за деревьями:

– Да, здесь, именно здесь она будет гулять в парке со своим мужем Лешей. Программистом. Они будут гулять здесь с сыном! Да, именно здесь! В этом парке!... Да, они гуляют здесь с сыном, – говорил он, как будто она гуляет по этому парку сейчас и он видит ее. – У тебя есть сын? – спросил Джейк у меня. – Нет, конечно же, у тебя нет сына... – он ответил сам себе, покачивая головой, и даже сам как будто удивился абсурдности своего вопроса и очевидности своего ответа...

– Сейчас лето, а у них зима, или ранняя весна. Кое-где лежит снег... Подтаявший снег... Нет, это начало весны... – Джейк как будто видел ее сквозь время. – Она одета в коричневую дубленку. У нее черный махровый берет с белыми стразами. На улице холодно. У нее черная большая сумка. И на сумке какие-то белые разводы... Не могу понять, что это... Она гуляет под ручку с мужем. Сейчас осень или зима... Здесь будет сафари-парк. Да, точно, зоопарк! И она будет гулять по сафари-парку с сыном и мужем... Боже, какие у них плохие отношения, – Джейк поцокал и замотал головой... – Какие у них плохие отношения... Such bad relationship...

Элен с Анной считали, если бы сейчас у меня был сын, то во сколько я бы его родила.

– У нее сын сидит в зеленой коляске, прогулочной. Посмотришь? – спросил он у Райли.

Райли даже сбегал к дороге проверить, не гуляет ли там парочка с зеленой коляской, одетая по-зимнему.

– Нет? – спросил Джейк у него по возвращению... Райли покачал головой. – Конечно, нет,

– Это ты, Арина... – сказал Джейк уверенно, но тихо, как будто очнувшись и рассмотрев сквозь время ее лицо, и посмотрел на меня. Потом он провел рукой по голове как будто в отчаянии и повернулся в сторону: – It can't be you... Это не можешь быть ты, – сказал он, как будто разочаровавшись и расстроившись, и покачал головой.

– Нет, это не ты... – сказал он – Конечно же, нет.

– А что делает сейчас твоя жена? – спросил у него Райли через некоторое время...

– О, они гуляют по парку с сыном Костей... Ему нет двух... Смотрят животных... Они долго стояли у клетки с ламой... У них такие плохие отношения...

– Как ты говоришь, она одета? – спросил у него Райли...

– На ней коричневая дубленка, длинная такая, она долго кормила сына, сапоги, махровый берет со круглыми стразами и черная сумка с белыми разводами... Так делали продавцы краски для сумок – они продавали белую краску в черном флаконе, а черную – в белом... Наверное, жена

¹ – Копай глубже! – Конечно.

перепутала краски... — говорил Джейк уже сидя на покрывале. Потом он встав как будто бросил горящий шар с ладонь куда-то вверх: — Это описание берета продавцу шапок... Он поймал... — Потом так же бросил пустую ладонь, как будто держа в ней еще один шар, далеко вверх с несильного замаха: — Это продавцу меха — описание дубленки. А это продавцу сумок — описание сумки... — и как будто бросил еще один шар...

— А они поймали, — сказал он мне...

Я уже ничему не удивлялась...

— Вы все? — подошла к покрывалу недовольная Сулгвин.

— Да...

Сквозь время...

Потом в общезнании Джейк рассказывал:

— О, моя жена сегодня попала в аварию. Я говорю ей: — Будь осторожна! Надеюсь, ты не пострадала! — Но с ней, Слава Богу, все в порядке! — Джейк закатил глаза, как молился Богу. Он прямо вздохнул с облегчением. — Жена была за рулем. Она ехала с мужем посмотреть балет «Спящая красавица». Она хотела повернуть налево, чтобы припарковаться, и ее из левого ряда сбил армянин на иномарке, он просто счесал бок ее машины. Как она сказала, придурок. Хочу спросить у нее, как она... Но нет, она занята, заполняет документы... Она мне не отвечает... Вообще она хорошо водит машину... она хороший водитель, аккуратный, ты же знаешь!

— Да-да, я знаю... — сказала Дженнифер, которая сомневалась, что жена Джейка вообще существует, как и мы все. — А в это раз кто был неправ? Кто виновник аварии?

— В этот раз она... — ответил Джейк объективно, но как будто немного сжавшись... — она не должна была поворачивать из среднего ряда... Но это была тихая улица...

— Видишь, — Дженнифер как будто уже ревновала Джейка к его «маленькой жене».

— Она сейчас разбирается с документами и страховкой.... У машины немного помят левый бок и разбит диск от левого колеса... Да, удар был со стороны водителя, с ее стороны... Но она в порядке! Слава богу! Я так испугался за нее...

— У нее колеса с дисками? Не литые? — Дженни рассмеялась. Колеса с дисками стоили дешевле, значит, машина «маленькой жены» Джейка была не такой уж дорогой.

— Моя жена говорит, что она средний класс... Ну я рад, что она не пострадала! — Джейк выдохнул с облегчением. — Это главное для меня! Но этот балет она не посмотрит, мы посмотрим этот балет уже вместе в Нью-Йорке, когда будем женаты, лет через пять после свадьбы. Мы купим места в одном из первых рядов.

Весь день Джейк переживал о жене.

— Моя жена после аварии поехала с мужем в торговый центр и купила там себе кофту... Ей муж купил... Осеннюю или весеннюю... такую темно-синюю трикотажную с нашитым хлопковым воротником и оборкой снизу из тонкого хлопкового материала. На оборке мелкий синий орнамент цветочками с редкими желто-салатовыми сердечками. Как бы два в одном — и рубашка, и сверху кофта. У нее на воротнике еще вырез углом, три маленькие декоративные пуговицы с вырезами к ним... — Джейк на листике нарисовал орнамент на кофте своей маленькой же-

ны. — А салатные сердечки — это я. Это любовь. Это значит, что я в ее жизни скоро появлюсь...

— Появишься... — Дженнифер насмешливо усмехнулась. Ей явно не понравилась последняя фраза Джейка.

Этот орнамент и сам макет кофты ему нарисовал Райли на обрывке газеты. А Джейк перерисовал его на листик.

— Ты так легко говоришь о ее муже.

— Он мне не нравится. Не is a jerk¹, — было бы странно, если бы Джейку нравился первый муж его будущей жены...

— Он отшельник что ли... Он к ней плохо относится, даже бил ее один раз по груди... Я сказал ему, что если он ее еще раз ударит, то будет иметь дело со мной!

— И что он ответил?

— Он ничего не ответил... — Лицо Джейка вытянулось. — Если он еще раз дотронется до нее пальцем... я убью его! Я так и сказал ему, что если он дотронется до нее пальцем, то я его убью!

На следующий день я опять была у американцев в общежитии в комнате Джейка и Райли — как обычно я бывала здесь теперь каждый день — и опять наблюдала за диалогом между Джейком и Дженнифер.

Сегодня на Дженнифер была светло-голубая трикотажная кофточка, цвета неба, поверх белой рубашки. Из-под кофты виднелись манжеты рубашки, Дженнифер также вытащила воротник рубашки поверх кофты. Было сильно заметно, что кофта одета на рубашку — через кофту проглядывали ее грубые складки.

Все девушки хотели быть «маленькой женой» Джейка, повышая тем самым его рейтинг, как завидного жениха.

— Нет, не то, — сказал ей Джейк. — у моей жены синяя, темно-синяя трикотажная кофта и она теплая, осенняя. — Джейк говорил это раздраженно и даже нервно. — У нее нашит воротничок и оборка снизу... Она не голубая, а синяя! С орнаментом внизу! — Джейк просто кричал на Дженнифер. Он как будто говорил Дженнифер: «Ты не моя «маленькая жена!»

Джейк посмотрел на белые вывернутые манжеты внутренней рубашки Дженнифер, пренебрежительно несколько раз пощупал ее жесткую грубоватую ткань: — Нет, у нее нет манжет. И на оборке должны быть сердечки. И она теплая... осенняя, — Джейк снова начал кричать. Он как будто снова видел жену через время.

На листке на столе был нарисован орнамент — мелкие цветочки, состоящие из четырех лепестков-сердечек. И один лепесток то синий, как остальные, то салатный, через один — цветочек полностью синий, цветочек с салатным лепестком и т. д. Потом такой же орнамент переверну-

¹ Он придурок.

тый.... Как будто салатные сердечки, растущие из цветочков. Сердечки – как лепестки цветов. «Гули-гули». Джейк нарисовал узор на воротнике и нижней оборке кофты жены, воротничок был с углом и маленькие синенькие пуговички не могли застегиваться с дырочками. Джейк как будто опять бросил этот рисунок производителю одежды, как в парке.

– Она из сильных колдуний-хранительниц, «бабок», если она разбивает машину, то это перед разводом...

– Мда...

Потом опять Джейк говорил с Дженнифер. Всем было интересно, что происходит с его маленькой женой...

– А что теперь делает твоя жена?

– Это уже другой момент, через месяц or so. Ее муж выгнал ее с ребенком из дома...

– Он выгнал ее? Она была ему неверна?

– Нет, это из-за меня... она ждет меня. Я должен скоро появиться в ее жизни... Он вот сейчас выгоняет ее. Я вижу эту картину. Он отправил ее к матери, пока у них дома засорился туалет... А теперь он приносит ей ее вещи, завернутые в белые простыни узлами, и складывает их на пол... Ее вещи и ребенка... Они уже у ее мамы... Скидывает ей эти завязанные узлы простыней с ее вещами и вещами их ребенка.

– Он выгнал ее? – по насмешливому тону Дженнифер она была этому даже рада.

– Вещи заносит Леша, его отец и друг Леши... Жена его не очень любит... Друга Леши... Жена в шоке. Ее мать тоже...

– И как она сейчас?

– Ну, она пока приходит в себя... Ее муж заходит и говорит с ней, а в это время у него в кармане телефон, и его мама на телефоне слушает их разговор, – Джейк как будто видел эту картину жизни его «маленькой жены», он видел будущее. – А вот... – он как будто прокрутил время. – Теперь она раскладывает вещи по ящикам... Муж уже ушел. Она в шоке. Но она постоянно думает обо мне... И мало переживает из-за мужа... В основном думает обо мне... И ждет, когда мы будем вместе...

Мы с Дженнифер с интересом слушаем Джейка. Дженнифер с радостью, я с сомнением.

У нас как бы шел день, и шла жизнь, недели, месяцы у жены Джейка. И в течение дня Джейк рассказывал, как дела у его жены.

– Через неделю он опять приносит ей вещи, которые забыл отдать неделю назад, грязные вещи, которые он достал из стиральной машины, которые он не нашел и забыл отдать, когда ее из дома выгонял.

– Каждое воскресенье он забирает сына... Через неделю он опять приезжает навестить сына, погулять с ним. И отдает ей их общие фотографии, сувениры, которые они привезли из свадебного путешествия по Чехии, эти фото и сувениры стояли над телевизором. Их свадебные фотографии... It hurts her so much!¹

— Но не переживай. Я скоро появлюсь, и она это знает!.. — Джейк смотрел перед собой и как будто видел через время... — Ну вот, все! Я появился! — он как будто помотал время.... — Ну все! Теперь мы вместе! Все в порядке! Слава Богу! Она со мной! — Джейк даже выдохнул. — Вообще я приеду, когда она будет еще замужем... Она не захочет быть со мной, и я ее изнасилую!

— Изнасилуешь ее, Джейк! Come on! Да ладно!

— Да... — он только развел руками... — Ты знаешь это слово? — Джейк посмотрел на меня. — В этот день она будет в белой юбке... С юбкой, знаете ли, удобнее...

Дженнифер странно на него смотрела. И я понимала почему. Она, конечно, покивала Джейку. В комнате больше никого не было.

«Вот больной!», — подумала я. «У него точно проблемы с головой... Какой он все-таки странный».

— Ну как вы там? — потом спросила Дженнифер у Джейка. — У нас все хорошо! Мы вместе... Летим на самолете в Америку. Наконец-то она со мной... Она положила голову мне на плечо.

Джейк предсказал Дженнифер:

— Ты выйдешь замуж за bruneta. Но не меня, конечно. У вас будет двое мальчиков — тоже brunetов. Я видел вашу семейную фотографию в социальной сети глазами жены. Она в будущем будет заходить на твою страницу, Дженнифер, и увидит это фото. — Дженни даже расстроилась, что ее brunетом-мужем будет не Джейк.

Больше сегодня при мне Джейк не рассказывал Дженни будущее...

В комнате в белом шкафу-кладовке спал негритенок, заколотый сновидением...

¹ Это так ее ранит...

Прощание с Дженнифер

После лагеря мы очень сошлись с Элисон, которая в лагере была в команде меланхоликов-маусов.

Элисон — высокая крупная полноватая блондинка с вьющимися волосами по плечи. Она носила очки в тонкой металлической овальной оправе. У нее был узкий лоб, широкая красивая улыбка и ровные крупные зубы — ей улыбка очень шла, поэтому она часто улыбалась. Элисон так и запомнилась мне — улыбающейся во весь рот! Ее волосы не были зачесаны, а вились над головой, как нимб. У нее была фигура типичного орангутанга. Говорили, что ее мама переспала с врачом, чтобы спасти жизнь Элисон. И что Элисон тоже ради своего ребенка с врачом переспит. Говорили, что Элисон работала медсестрой в больнице и видела, скольких детей убили врачи-каннибалы.

Оказалось, что многие американки украдкой сходили по Джейку с ума... В нем было что-то от дикого неприрученного хищного зверя... Элисон он тоже нравился. Элисон тоже говорила с неодобрением, что Джейк — «lady's lover». Американки-протестантки не любили мужчин такого рода.

Морген говорила, что Джейк нравился многим девушкам. Но не Анне. Она была верна своему бойфренду в Европе. Анна часто ходила с толстой книгой по филологии с мелким шрифтом. Даже на каникулах она продолжала учиться. Говорили, что эти американцы «надевали маски» американцев из прошлой миссионерской группы. И Анна надела маску девушки-заучки с филологии.

Дженнифер уезжала в Америку — она планировала вернуться в Россию через месяц утрясать последние формальности. Но в конце лета уехать в Америку совсем, продолжать жить дальше, устраиваться на работу юристом, как она говорила. И сегодня был последний день Дженни в России, ее чемоданы уже были собраны. Джен уезжала раньше остальных американцев. Мы провожали ее второго июля.

Саша Янченко говорил, что или Дженнифер, или Шерил «козленочек», то есть ее «продали» родители, и она должна скоро умереть, если своей жизнью и работой ей не «снимут» смерть за какие-то выдающиеся достижения в работе. Саша все гадал, кто это из них или вдруг обе. Дженни в следующем году собиралась вернуться в Штаты, а Шерил с религиозной миссией планировала остаться жить то ли в Краснодаре, то ли переехать в Москву — она еще решала, домой она не собиралась!

Американцы сегодня как всегда угощали порезанными апельсинами, бананами, печеньем. В кулерах всегда была горячая и холодная питьевая вода. И стояли стаканчики. Потом такие кулеры появятся на всех кафедрах

и деканатах университета. Но тогда они были только в Американском центре, в комнатах в общежитии иностранцев.

Мы делали последние прощальные фотки с Дженнифер в комнате у Элен, сидели на кровати. Дженнифер сегодня была в черной майке и белой юбке, как жена Джейка в день изнасилования.

— Ты сегодня в белой юбке? — Джейк только усмехнулся...

Джейк делал фото на мой фотик. Я села на руки Дженнифер. А та сделала вид, что я практически задавила ее своим весом. Как будто я раздавила ее своей тяжестью. Но я весила не так много. Как будто я была такой толстой, громоздкой и тяжеловесной, а Дженнифер — такой маленькой и хрупкой. Джейк делал фото и видел, как я придавила Дженнифер.

— Она не такая толстая, come on, — сказал Дженнифер Джейк.

Я была в белой завязывающейся на талии кофте и светлых штанах Виолетты Генриховны с разрезами до колен. У меня было две заплетенные косички. Яся была в бордовой кофте с вырезом в виде капельки на груди и клетчатой бордовой юбке, с накрученными волосами — она спала на бигуди. У Яси были сейчас крашенные в золотистый волосы по плечи. Когда она их сильно накручивала на частые мелкие деревянные бигуди, волосы подпрыгивали. Яся любила носить синтетику. Мне казалось, что она одевалась дешево, но нет, говорили, что наоборот дорого. Я заметила, что Яся одевалась очень непрактично, но красиво и сексуально, всегда накрашена, блеск для губ (Яся любила блеск для губ, на них тоже могла быть прослушка), тушь для ресниц. Всегда тональный крем, забивающий поры и маскирующий проблемную кожу. Яся во время месячных пользовалась не прокладками, а тампонами...

С нами сфотографировалась учительница Наташа и Женя Снисарь. На фото Яся даже улыбалась — если она показывала зубы на фото, это значило, что наши полицейские давали отпор бандитам.

— Во сколько ты сегодня проснулась? — спросил у Яси Саша Янченко. — Чтобы сделать эти кучеряшки? — Саша потрогал Ясину прическу.

— В шесть утра...

— И что в этом хорошего? Просыпаешься в шесть утра или спишь на бигуди. Ты приходишь невыспавшаяся,

— Наоборот, это держит меня в тонусе, — не соглашалась с ним Яся.

— А ты выглядишь на все двадцать три. Хотя тебя семнадцать!

— Это же хорошо! — возражала ему Яся. — Выгляжу взрослее.

— В семнадцать выглядишь на двадцать три! А в двадцать три ты будешь выглядеть на все тридцать! Вот американки выглядят моложе. Арина тоже нормально!

Женя Снисарь пришла сегодня в полосатой коричнево-желтой майке через плечо, которые любила «маленькая жена» Джейка. Женина маленькая грудь не требовала бюстгалтера. Она тоже одевалась, как маленькая жена Джейка.

Джейк часто дышал ртом. У него был гайморит, нос был постоянно забит, и Джейк часто капал сосудосуживающие капли. Сопли поднимались вверх по гайморовым пазухам в мозг... И его голова, мозг, медленно захлебывалась в соплях. Его мать «продавала» его мозги, считая, что в насморке нет ничего страшного, и его ждал дурдом в старости, он должен был сойти с ума. Из-за проблем с гайморитом его и взяли в эту компанию контрабандистов, он был «хорошим» свидетелем, ему легко было принести справку от врача о серьезном гайморите и его бы показания не брали в расчет. Все продумано. Хотя, слушая Джейка, я верила, что в дурдом его можно и сейчас забирать.

Эдам недавно убил негритенка из многодетной семьи, которого прятали в шкафу, и в память об этом мы делали фотографию, где я придавила Дженнифер. Мне заплели косички, как у того негритенка, которого убили. Матери этого негритенка было сложно поднимать пять детей. Эдам убил его в парке «30 лет Победы», и по этому случаю мы с Ясей потом сделали фотку на мосту поцелуев. Каждое наше фото было наперечет...

Мы с Ясей подарили Дженнифер на прощание большую фотографию, где мы втроем в парке на пикнике, когда Яся и Дженнифер переодевались... На Дженни фото не произвело должного впечатления, но она сделала вид, что ей понравилось. Она выглядела не очень искренне, и мы с Ясей поняли, что подарок ей не очень понравился... и она его не оценила. Но она тепло пообнималась с нами на прощание. Хотя это был классный подарок – на память фото того дня для Дженнифер.

Яся подарила фотографию «памяти» Дженнифер из полицейских, теперь по правилам она должна была подарить фотку и кому-то из контрабандистов.

Дженни торопилась уехать до всех серьезных операций по контрабанде оружия. Чтобы ее имя ни с чем нелегальным не было связано. Или оставляла пометки полицейским... Она договорилась с Эдамом, что просто так не будет давать против них показания. Только если прижмут. Джейк похвастаться этим не мог...

Дженнифер вызвала такси, пообнималась с нами на прощание, взяла свои два огромных чемодана и спустилась к машине...

Она сама потащила свои чемоданы, сама спускала их на лифте – у американцев в общежитии даже был лифт. Никто из парней ей не помогал. Женская независимость и физическая сила наравне с мужской тоже была отличительной чертой этих американок или американок в принципе. Мы оставались в общежитии...

Американцы как будто стояли по качеству жизни на ступеньку выше, чем мы, русские. И чемоданы у них были большие пластмассовые твердые, все на колесиках – их можно было везти, а не нести. Не такие, как у нас. Американцы были как будто людьми будущего, которое в России наступит только лет через десять.

Говорили, что на самом деле чемоданы не Дженнифер, огромные чемоданы взяла у нее через квартал Морген — Дженни уехала со своей небольшой светлой тряпичной сумкой, а большие чемоданы просто производили впечатление на русских. На всех американцев было четыре такие чемодана. Американцы, как и подобает миссионерам, хотели казаться для нас богаче и благополучнее, чем были на самом деле.

В такие огромные чемоданы, как у Дженнифер запросто могли помещаться трупы...

На самом деле Дженнифер не уехала в этот день, еще семь дней они с Дажуху Яном Абдуловичем следили за Эдамом, делали фото и видео его встреч... Потом Джен на самом деле уехала...

Шерил была родом из южного штата и понимала, о чем речь, когда говорили о ку-клус-кланах, она тоже в глубине души разделяла принципе «черного» рабства. Дженнифер была родом из севера и не хотела иметь какое-либо отношение к операциям Эдама. Она сотрудничала с полицией и поэтому вовремя уехала, чтобы никак не ассоциироваться с мафиозной бандой Эдама. Он запланировал на следующий год много контрабандных операций.

Дженнифер уехала, а мы остались...

Райли носил фамилию Шопенгаузер и тоже был из семьи потомственных полицейских. Его отца сделали человеком из черепашки — накормили черепашку таблеткой, и она стала человеком. До чего дошла Америка, там был такой разгул преступности, что полицейских из животных «поднимать» стали. Черепашек для людей тоже специально отбирали поагрессивнее. В противовес им сделали и преступников из зверей — свиньи и кабана... Но к этому моменту преступников из зверей уже поубивали... Произошедшие от черепах в прямом смысле были очень «дубинистые», Райли плохо считал и совсем не знал таблицу умножения. У него, как у черепашки, иногда нарастал панцирь для серьезных переселок. У «стальных» была кровь с молоком. Стальные женщины кормили своих детей молоком с кровью. Райли был «стальной», проколотый полицейский, по выносливости, силе, ловкости и т. д. Он даже пил свою кровь. Его девушка тоже была «стальной» и из потомственных «генеральских» полицейских — рыбак рыбака... Я была «железной», зрение подвело. Райли было четырнадцать, и он приехал под документами старшего брата, которому недавно преступники отстрелили полчерепа, его брат теперь не мог нормально говорить, стал почти как растение...

Райли нашел себе черепашку на стадионе, называл ее Шопенгауэром и кормил травкой... Нашел родственника...

— Джейк сказал, что гражданская война — это всегда хорошо, большая удача. Удачно натравить русских на самих себя. Можно их победить, не затратив никаких ресурсов, как говорили английские короли. Как удачно, когда русские убивают русских, истребляют друг друга.

«Как же американцы к нам относятся», — подумала я тогда. — «А холодную войну никто не отменял!» Джейк даже не стеснялся нас. — Победили Россию — и ни одного убитого американского солдата!

Сейчас шли перестрелки между русскими полицейскими и русскими «оборотнями» — гражданская война...

Джейк везде с собой возил футляр с семейным кольцом с полудрагоценным камнем. Это кольцо досталось ему от бабушки — это было семейное кольцо. И это кольцо он хотел подарить своей невесте, «маленькой жене»... Он думал, что встретит ее в поездке и тут же подарит и попросит ее руки. Этот футляр иногда выглядывал у него из кармана брюк...

Джейк показывал футляр Райли и, когда я вошла, тут же захлопнул его...

Джейк сказал Райли: — Только сейчас я понял это. Точно! — Джейк ударил себя по лбу и усмехнулся, как будто ошарашенный и обрадованный одновременно. — Она иностранка. Моя жена! У нее такая речь! Академическая!

— Да, да! — рядом сидел Райли и кивал...

— Да, она иностранка, как я раньше этого не мог понять! Может быть, она сейчас даже находится в этой комнате! — Джейк обвел всех присутствующих девушек взглядом.

Потом сказал мне в присутствии Райли:

— I am good. You will like it with me... I am good...

— He is good,¹ — подтвердил Райли... Как он мог знать... Я только молча удивлялась его словам...

Потом Джейк узнал, что я девственница... Я еще даже не целовалась...

— I know how to do it... Some boys don't like virgins, it is painful for a boy with a virgin. But I can... I can take pills. It can be painful at first, but after it is very good...

— I had a girlfriend and she took medicine. I don't like condoms. You are a virgin, but I am not. I am a man... I need it... How many children would you like to have? — Джейк прямо так у меня и спросил. — I want two, it is better for me to have two... But if you want three, we can... I know how to make twins².

Джош и жену ждал, и со мной заигрывал...

¹ — Я хорош... Тебе понравится со мной... Я хорош... — Он хорош...

² — Я знаю, как делать это... Некоторые парни не любят девственниц, это больно для парня с девственницей... Но я могу... Я могу принять таблетки... Это может быть очень больно сначала, но потом очень здорово... — У меня была девушка, и она принимала противозачаточные. Я не люблю презервативы. Ты девственница, но я нет. Я мужчина. Мне нужно это... Сколько детей ты хотела бы иметь? Я хочу двух. Для меня лучше иметь двух. Но если ты хочешь трех, мы можем... Я знаю, как делать близнецов...

– Когда-то эти руки будут золотыми, – Джейк показал свои пальцы. – Они будут лечить детей. – Я внимательно посмотрела на его пальцы, длинные, тонкие, смуглые пальцы с большой овальной вдавленной ногтевой пластиной, светлой по сравнению с пальцами.

... – Я знал много женщин. Разных. Я использовал их, вел беспорядочную половую жизнь... – Саша это говорил спокойно, как молитву. – Боже, что я с ними делал!.. – он закатил глаза вверх.– Потом я встретил американцев и пришел к Богу. Принял крещение. Я подумал, как я могу так жить?.. И с тех пор, как я познал Бога, я стал жить по-другому. Завязал с развратом. Я чувствую себя другим человеком...

Аня Петрилина слушала его и улыбалась. Аня уже немного заигрывала с Сашей.

Джейк был очень недоволен, что моя мама была медицинским работником, фельдшером-лаборантом. Ему это почему-то совсем не понравилось.

– Can you roller-skate? – спросил меня Райли.

– Yes, I can!¹

И я весело провела следующий день, катаясь на роликах с Райли. Джейка я не увидела...

¹ – Ты умеешь кататься на роликах? – Да, умею!

День независимости

День независимости Америки четвертое июля американцы отмечали в парке «Безоблачный город». Мы встречались около пяти уже там, у входа в парк и прошлись по главной аллее до большой открытой площадки с коротким зеленым газоном, здесь мы и «приобмылись». Американцы расстелили несколько своих покрывал, на которые мы уселись. Яся и Саша Янченко тоже ходили со своими покрывалами. Сегодня, в праздник, американцы угощали нас чипсами и печеньем. Я всегда у американцев старалась много не есть. Неприлично. Таня Соснянская ела без остановки. Ее дома не кормили в прямом смысле этого слова.

Американцы привезли тарелки играть во фризби. Мы играли по парам в несколько тарелок, и я, Яся и Саша перекидывали тарелку друг другу. Яся часто играла с Сулвин или со мной. Райли играл с Джейком... Волосы Яси, недавно накрученные, немного распрямились, удлинились, но все равно хорошо выглядели.

— Арина, лови! — и Яся профессионально присела, кинув мне тарелку, она хорошо входила в разные образы. Я бросила ей в ответ.

Ясе нравилось играть в тарелку — где не заметен ее слабый язык. Все плохоговорящие играли в тарелки.

Морген и Эдам раздавали нам шампанское в белых пластиковых стаканчиках по случаю главного американского праздника. Эдам шумно открывал одну бутылку с пеной. Вторую открыли по-тихому. Некоторые боялись пить напитки американцев. Думали, они что-то подсыпали им в чашки. Яся точно боялась, но вслед за мной пила. По случаю дня независимости Яся купила себе легкий джин-тоник.

Яся Воронина любила маршмеллоу. Дедушка говорил, что она ела сахаренный крахмал. Американцы тоже любили угощать круглым разноцветным печеньем «макарони», в которое тогда всегда добавляли тормозящие вещества, и принесли его сегодня, в праздник.

Морген раздавала нам небольшие флажки с американским флагом. Говорили, что у Анны был день рождения четвертого июля. Но ее не было на дне независимости.

Яся специально сегодня принесла и пускала мыльные пузыри из клея — они не лопались сразу, садились на траву и листья деревьев целыми шариками. Яся даже могла взять мыльные шарики руками в тканевых перчатках. Конечно, потом шарики все равно лопались, оставляя вокруг себя капли неоттирающегося клея на траве и листе. На одежду Яси тоже попадали капли клея, который не оттирался, и одежда была безвозвратно испорчена. Богатая Яся сказала, что ничего страшного, у нее есть другая... Саша Янченко называл Ясю «Тридцать три несчастья»: клеевые

пузыри попускала — комплект одежды испортила. Однажды на американские встречи Яся принесла в лукошке землянику, всех угостила.

Мне, по-моему, опять чем-то «пшикнули» в лицо...

Когда немного стемнело, американцы запустили один фейерверк и пару петард.

— Какой же день независимости без фейерверков? — Джейк подпрыгивал, просто орал на меня, он косил под психопата или на самом деле был им. — Это же день независимости!

— *Jake is a bad boy!*¹ — сказала мне Аня Петрилина.

— Жена Джейка — это ты... — Саша утвердительно покивал головой.

— Мда...

Джейк сам запустил один фейерверк, снял крышку, поджег и вставил в землю, визуально оградив территорию опасности, куда мог выстрелить фейерверк. Фейерверк был один, но красивый, дорогой, разноцветный, круглым цветочком, как белым отцветшим одуванчиком. И как одуванчик, гонимый, распыляемый, разносимый ветром, этот фейерверк рассыпался и растаял в воздухе. В отличие от одуванчика, его искры ветер не разнес...

Эдам и Морген раздавали нам бенгальские огни. Я боялась, что отлетит искра и прожжет мне одежду. Одна искра от бенгальского огня Яси отлетела к ее пятнистой майке с высоким горлом, без рукавов и прожгла ее насквозь. — Ничего страшного, — сказала Яся... Синтетическая майка оплавилась, и на ней осталась дырка.

В общежитие после парка пригласили Сашу, Аню и Олесю. Мы с Ясей не пошли — было уже поздно. Саша Янченко иногда оставался у американцев ночевать. В комнате Эдама.

Американцы между собой обсуждали детали контрабандистских операций, за этим следила Яся, она даже участвовала в одной операции по контрабанде оружия. Надеюсь, что, став свидетелем контрабанды Калашниковых, сможет отмыться от своего «детдома» дедушки, кладбища похороненных, съеденных и проданных в рабство детей. Яся тоже сотрудничала со следствием, и ей нравился молодой полицейский. Ей оракул предсказал, что она выйдет замуж за полицейского, который курировал Эдама и принимал ее показания.

Саша Янченко, как внук полковника, тоже отмывался от массовых убийств туземцев. Он активно «тусил» с американцами, был переводчиком Эдама при переговорах с контрабандистами оружия, искал с Эдамом поставщиков Калашниковых. Даже участвовал с приехавшими на лето американцами в нескольких контрабандных поставках. При этом сотрудничая со следствием, помогая полиции, ведя двойную игру. Яся с Сашей ходили по лезвию бритвы...

¹ — Джейк — плохой мальчик!

Твистер

В следующий раз американцы пригласили нас играть в твистер.

Американцы всегда угощали русских порезанными кружочками апельсинами и лимонами, сегодня еще и финиками на шпажках — длинных деревянных палочках... Мы пили из желтых пластмассовых стаканчиков, также американцы поставили несколько стеклянных. Из американцев сегодня были только Райли и Джейк...

Сегодня я впервые увидела Мишу, преподавателя английского на факультете и в колледже, который жил в общежитии для преподавателей. Он иногда тоже ходил на американские встречи — в затемненных очках, черноволосый, худой, ростом с меня. Вот он на самом деле любил практиковать язык — постоянно болтал с носителями языка — американцы от него начинали уставать. Его второй язык был немецкий, он тоже хорошо говорил по-немецки. Миша говорил высоким женским голосом и часто неприятно хихикал, вызывая во мне почему-то отвращение. Он был коротко подстрижен, и у него волосы забавно «стояли» козырьком. Его продала мать, и он должен был выпить опухоль... Еще один умирающий свидетель... Свидетелей к американцам тоже набирали из смертников, кого продали родители...

Аня Петрилина была в черных легинсах и белой вязаной крючком кофточке на бретельках. Волосы не распущены как обычно или в хвостике, а собраны большим черным крабиком.

Яся сегодня не пришла, детдом не пришел...

Джейк был в графитовой майке, опять же обтягивающей его горбатую спину, темно-синих шортах, на голове спортивные узкие пластиковые очки, выглядящие дешево.

Недавно в общежитии Эдам с Морген опять нас угощали маринованным мясом — это было мясо недавно зарубленного негритенка, которого они прятали сонного в шкафу, и поили супчиком на его костях.

У американцев было два поля для твистера — одно у семейной пары Эдама и Моргена, второе — старое потертое у Элен. Твистер Эдама был порван с одного правого края, считая от надписи, и заклеен лейкопластырем с изнанки, значит, у Эдама было серьезное заштопанное ранение слева.

Американская игра твистер представляла собой клеенчатое игровое поле метр двадцать на полтора, на котором были нарисованы рядами кружочки разных цветов восемнадцать сантиметров в диаметре. Ряд кружочков красного, синего, зеленого и желтого цветов. У ведущего в руках была белая тонкая квадратная картонка, разделенная на четыре части, с нарисованными своеобразными часами из шестнадцати разноцветных кружочков и длинной единственной черной стрелочкой. Верхние левая и правая

четверти соответствовали левой и правой рукам, нижние – левой и правой ногам. В каждой четверти было по четыре кружочка разных цветов. Ведущим сегодня был Джейк. Он крутил стрелку и говорил, на кружочек какого цвета какую руку или ногу поставить.

И все игроки нужной рукой или ногой должны были занять самым удобным образом кружочек нужного цвета. Хорошо, если нужный кружочек был близко и свободен. Иногда он был на другом краю игрового поля, не дотянуться или дотянуться в невероятной позе. Если игрок не мог достать до нужного кружочка или в процессе касался пола, то игрок выходил. Побеждал самый ловкий или гибкий, кто оставался последним. Позы получались самые невероятные.

Джейк не держал игровой циферблат в его картонной коробке. Держал только саму внутреннюю картонку.

Мы играли босыми

Джейк сидел на кровати и крутил черную стрелку. Он крутил «рулетку жизни» – решая куда подстрелят американцев и наших в завтрашней заварушке. Сейчас игроков было трое – я, Аня Петрилина и новый блондин с выступающими изо рта зубами, говорили, что из полицейских.

Вначале мы втроем стали на разные белые края игрального поля, мы с Аней Петрилиной у одного края, зубастый блондин у другого.

– Левая нога на красный круг, – громко сказал Джейк. Мы стали своими левыми ногами на красные круги, правые ноги остались на белой части поля. – Джейк сильно крутанул черную стрелку, и она сделала много кругов, пока останавливалась.

– Правая рука на синий... – мы согнулись и поставили правые руки на любую, самый удобный синий кружок. Джейк опять сильно крутанул стрелку.

– Левая рука на зеленый... – Мы все уже стояли согнувшись. Джейк также крутил стрелку:

– Левая нога на желтый круг...

Ноги и руки уже стали запутываться. Моя рука была рядом с ногой Ани, Главное, не коснуться игрового поля.

– Правая нога – зеленый круг... – Перемешались руки-ноги... Мы завызывались в узел.

– Левая нога желтый... Опять... переставьте на другой...

– Левая рука красный круг... – Аня дотягиваясь коснулась игрового поля и вышла. Осталась я с блондином. Вдвоем играть было легко... Джейк сказал выбирать дальние круги и стараться не сгибаться. Играть сразу же стало сложнее.

– Левая рука синий круг...

– Левая рука желтый...

Джейк несколько раз называл левую руку.

– Правая нога зеленый... Другой... – У меня согнулась правая нога в коленке, и я дотронулась до поля – проиграла.

Как говорилось на коробке, это игра, которая заставляет изогнуться дугой!

Блондин остался победителем. Он пришел сегодня впервые, и я больше его у американцев никогда не видела. Сегодня также была незнакомая девушка, похожая на Элен, с то ли красным от природы, то ли заплаканным лицом. У нее во вчерашней перестрелке ранили двух братьев. У американцев часто мелькали новые лица, я не всех знала и не со всеми стремилась познакомиться.

Кто хотел, играли еще раз. Теперь вместо блондина играл Райли. Сегодня он был в широких ярко-синих джинсах с потертостями на белом текстильном плетеном поясе и белой футболке, весь в прослушке. Эту одежду подарил ему русский полицейский. У Райли всегда были видны трусы, сегодня они были белые, сверху на резиночке. Даже с ремнем его джинсы спадали.

Мы сыграли еще пару раз... Потом играл Райли с блондином.

— Левая рука синий круг, — Джейк крутанул стрелку решающий раз — русского полицейского должны были ранить в правую руку... Еще одного убить, но он уже «тикал»...

Наши американцы-контрабандисты любили играть в твистер, особенно перед сложными операциями. Эта игра развивала гибкость. Иногда, когда надо было проскальзывать в люки или в низкие окна, навыки твистера очень пригождались.

Мы играли в твистер, а рядом на черном стульчике сидела Маша из команды меланхоликов, мышек-маусов лагеря, невысокая адыгейка с большими глазами и маленьким аккуратным ртом, в белых джинсах и зеленом серебристом топе. Она следила, чтобы я не призналась, не рассказала свою историю свидетельства. В моем окружении часто появлялись люди, знакомые Байсека, которые ждали моего признания и тут же заложили бы меня Байсеку. А я молчала... У меня было много вариантов умереть... Она тоже говорила, что ее родители поймали мальчика и продали в рабство. В наше время об этом говорили открыто, не стесняясь. Ночью у американцев была серьезная перестрелка, в которой участвовал брат Маши и был серьезно ранен.. А пока мы играли в твистер, проводили операцию по контрабанде оружия, в которой участвовал Саша Янченко... Поэтому его сегодня не было...

На стене круглогодично висела надпись из крупных букв «Harry Birthday!». В одном месте висел белый лист с аккуратно написанной молитвой...

Маша, камикадзе, сама участвовала в перестрелке ночью и сейчас сидела с зашитым огнестрелом, а ее зеленая блестящая переливчатая кофта это удачно скрывала. Ее рана была заклеена большим лейкопластырем. Маша на обезболивающих, с ранением не играла в твистер. Маша состояла в криминальной группировке торговцев оружия и была не в восторге от Эдама и его компании, они отбивали у них клиентов. Маша и Ко сама

могла бы заниматься контрабандой Калашниковых. Говорили, что ее брат то ли ранил, то ли подстрелил брата девушки с красным лицом. Криминальные группировки Краснодара тоже воевали друг с другом.

Кстати, Маша была победителем группы маусов в лагере и получила грамоту от Эдама. Как я поняла позже, Эдам символично наградил грамотами торговцев оружием. Смертница Марина из группы львов олицетворяла тринадцатилетнюю Марину Шайн, отец Лены Ситоковой тоже был связан с нелегальным оружейным бизнесом в Майкопе. Эдам организовал с отцом Лены пару поставок. А эта Маша была связана с серьезной подпольной бандитской группировкой.

Машу звали по-другому, у нее было адыгейское имя, но для нас она представилась именно Машей. Она даже показывала мне документы, но я не запомнила ее настоящего имени...

Именно эта адыгейка Маша делала видео в день вечеринки в пижамах в апреле, сделала одну копию. И хранила их, как компромат, чтобы ее брат смог бросить преступную жизнь и работать в полиции. Видео она отдала на хранение Георгию Семеновичу, полицейскому, приставленному к Эдаму, как гарантию, что брата устроят в полицию. Копию хранил ее папа. Яся тоже делала записи, аудио и видео, разговоров Эдама.

Это Маша положила сегодня Эдаму черную метку — они обошли краснодарский общаг. Она дала против него показания в полиции, что он занимался контрабандой Калашниковых... Говорили, что над ней сегодня опустилась плаха...

Потом Джейк играл с Райли. Он играл с ним как с другом-пацаном, по-мальчишески, выбирая абсолютно нереальные комбинации. Джейк уже не крутил стрелку, а просто показывал Райли, на какой кружочек поставить какую конечность.

— Левая рука — зеленый круг, — Джейк указал на зеленый круг у края поля, и Райли согнувшись поставил левую руку на этот круг.

— Левая нога сюда, — и Джейк показал пальцем на красный круг у другого края. Райли, перевернувшись и изогнувшись, поставил ногу на этот круг. Сейчас он был растянут по полю...

— Now, right hand here, — сказал Джейк и показал на красный круг недалеко от круга, где стояла нога Райли. — Here, here, — Джейк показывал на круг пальцем, кивая и сделав серьезное лицо. — Райли перенес вес тела на левую ногу, его пальцы левой руки теперь еле касались зеленого круга ... — It's impossible¹. — сказал Райли рассмеявшись, но, опять перевернувшись и вытянувшись, выполнил задание Джейка. Райли был просто акробатом.

— Right leg, here, — и Джейк показал пальцем на дальний желтый круг. Райли вытягиваясь поставил ногу на круг ближе.

¹ — Сейчас правую руку сюда... Сюда-сюда... — Это невозможно...

— No, no... here, — Джейк зацокал и показал пальцем на круг, который был сложнее. Райли напрягся и переставил ногу в носочке на этот круг. Это стоило ему заметных усилий. Теперь он стоял на руках и ногах на носочках, как в планке, весь напряженный.

— Now, left hand here... here, here... — и Джейк показал на синий круг в ряду с зеленым, где раньше стояла его рука. Райли быстро перенес левую руку на этот круг и опять ловил равновесие, чтобы не упасть... — Now left leg here¹, — и Райли опять быстро переставил левую ногу на три круга вперед. Он был каскадером в игре с Джейком... «Камикадзе», — подумала я.

Райли только смеялся, выворачивался и выполнял приказы Джейка.

Гибкости Райли все позавидовали и похлопали. Джейк долго не издевался...

Райли играл роль своего богатого внука — каскадера. — Райли женится на своей девушке, от нее у него будут дети и внуки, ему оракл подтвердил, — рассказывал мне Джейк. «Опять оракл», — подумала я. Наверное, мое лицо в этот момент вытянулось. Опять почувствовала себя, как в дурдоме. Райли тоже верил в ораклов.

Райли учился в полицейской академии, которая была бесплатной. В этой группе американцев мало кто получал высшее образование. Сулгвин тоже училась в этой академии. Райли мне казался бедным. Он носил тряпичные кеды с резиновыми носами, которые могли стоить или очень дешево — пятьсот рублей. Или сейчас такие же стоили очень дорого, по пять тысяч. Джейк говорил, что Райли рано поседет.

Джейк хотел, чтобы Райли пропил таблетки и немного покосил себе зеленку, а Джейку «вкололи» здоровье. Райли был его другом. Но Райли не торопился «дарить» свое здоровье друзьям. В следующем году он собирался ехать в очередную миссионерскую поездку с другим другом, и Райли ему тоже будет поправлять здоровье за счет своего? Если каждый друг у него здоровье будет просить, то что останется от самого Райли?

У американцев у каждого из команды Эдама был свой антипод. Так эта Маша-«маус» была антиподом американского доктора Анны. Антиподом Райли был или сам Эдам, или Келвин-Джош...

Потом Джейк опять говорил о своей маленькой жене. — We have very bad relationship at first...

— She doesn't like you, really? — Райли рассмеялся. — What does she feel for you?

Джейк замялся:

— I think it's like hate and despise...

— Hate and despise?² — Райли чистосердечно удивился.

¹ — Правую ногу сюда... Нет-нет, сюда... Сейчас левую руку сюда... сюда, сюда... Сейчас левую ногу сюда...

— Oh, yea... Adam says it's not so bad... I can work with hate and despise! ... Indifference is much worse...

— Really! — Райли громко рассмеялся. — What did you do to her that she hates and despises you?

— We had some bad relationship when we were young... But I think I can change it... Oh, yes, I did... — Джейк опять говорил в прошедшем времени о том, что будет через много лет... — Oh no, I didn't...³

— Джейк, какой мужчина, — сказала о Джейке Аня Петрилина...

Приезжие американцы участвовали в нескольких драках. Яся, чтобы стать своей, тоже участвовала с ними. Эдам и Ко хотели попытаться насадить американский бандитский образ жизни и в России, приучать спускать пары, выбрасывать адреналин: «Постреляли и разошлись». Но в России не прижилось — итак много проблем с рабами, постоянные внешние конфликты и войны, обязательный воинский призыв. Американцы не служили в арии обязательно. Это в Америке хотелось стычек и перестрелок. В России они были и так... В Америке многие занимались контрабандой оружия — это был практически легальный бизнес.

Джейк говорил, что с Эдамом Морген деградировала. Если до свадьбы с ним она была просто проституткой, и в следующей жизни могла стать еще человеком. То теперь, замарав себя рабством и контрабандой оружия, она скатывалась в следующей жизни до лягушки... А могла и до червячка...

² — У нас сначала были очень плохие отношения. — Ты ей не нравился, честно? Что она чувствовала по отношению к тебе... — Я думаю, это ненависть и презрение... — Ненависть и презрение?

³ О. да. Эдам говорит, это не так плохо. Я могу работать с ненавистью и презрением. Безразличие намного хуже... — Правда? Что ты сделал ей, что она тебя ненавидит и презирает? — У нас были плохие отношения, когда мы были молодыми... Но, я думаю. Я могу это исправить... О да, я исправил... Ой, нет. Я не смог...

«Сказки» Джейка Рэбитса

- Моя жена любит слушать новости в машине!
- She is so good! – заводила опять старую песню Шерил.
- So good, – вторила ей Элен, тянув [у].
- Oh, she is like that! – серьезно кивал головой Джейк.
- Jake, I like listening to news when I am driving car, maybe I am your «little wife»?
- No, it can't be you!
- Большинство женщин любит слушать новости в машине! It can be Morgen or even Jennifer...
- Morgen is married already to Adam!¹
- Да, она будет невысокого роста, – Джейк слегка похлопал по своему плечу ровной ладонью, поставив тем самым уровень и показав, что его маленькая жена ему примерно по плечо... – Approximately as you are², – сказал Джейк, глядя на меня сверху вниз.

Джейк сидел в своей комнате на диване у стены ближе к двери. Я с другой стороны ближе к окну, облокотясь на подушки. Он смотрел прямо перед собой и рассказывал. Джейк вспоминал свою будущую жену и будущую жизнь с ней. Я смотрела на него. Вокруг Джейка сидели девушки и, заглядывая ему в рот, внимательно слушали, Аня Петрилина, Таня Соснянская, Женя Снисарь...

Приведу здесь его рассказ на русском, переводить слишком много:

– Когда мне было пять, ко мне пришла бабушка и сказала, что пригостила для меня совершенно особенную невесту! Моя жена будет писательницей! Крутой писательницей. Как же мне с ней повезло! Мы с ней будем очень богаты!

– У моей жены будет белая кожа и черные волосы... Она будет очень красивая... Она будет талантливым писателем и получит Нобелевскую премию по литературе... – продолжал он. – Вернее, премию ей присудят уже после ее смерти, и я получу премию вместо нее.

– Она напишет «Шаблоны». Это будет главное произведение в ее жизни. Очень толстая книга. – Джейк показал примерную толщину книги в шесть сантиметров. – Она будет писать ее несколько лет... Около десяти

¹ – Она такая классная! – Такая классная. – Да, она такая! – Джейк, я люблю слушать новости, когда веду машину, может быть, я твоя «маленькая жена»? – Нет, это не можешь быть ты! – Это может быть Морген или даже Дженнифер... – Морген уже замужем за Эдамом!

² Примерно, как ты...

ти... Мы будем очень богаты! Боже, как мы с ней богаты!

– Вообще, моя жена считает, что кредиты – это плохо!

– Кредиты – это хорошо! – возмущалась Элен.

– Нет, нет, нет, – Джейк покачал головой, – кредиты это плохо... Из-за переплат...

И продолжал рассказывать о своей будущей жизни с ней, его «маленькой женой»:

– Вообще, моя жена знает математику, физику, химию, биологию, информатику... – говорил Джейк с открытым ртом и забитым носом...

– She is a foreigner... Her language is academic...¹ Я сначала думал, что она старше меня, а теперь понял, что младше на пять лет примерно.

– У нее до меня будет очень несчастливый брак. Я ее встречу в молодости, но не смогу понять, что это она, и потеряю. Она после встречи со мной будет очень сильно страдать!

В этот момент Надя Мернокова в другой комнате стала возмущаться: – Страдать! Джейк! Страдать!

– Да, вот это плохо, – поддержал Надю Саша Янченко и покачал головой... – Плохо, что страдать...

– Да, она будет очень сильно страдать... Мы с Эдамом потом будем стремиться ей помочь. Выводить ее гипнозом... Через пятнадцать лет ей будет немного лучше...

– Да-да... Но я надеюсь, что пойму, что это она, мы поженимся и поедем в Америку! Поэтому-то я и ищу ее! Я буду молиться за нее! Я молюсь за нее каждый день, чтобы она прошла свои испытания.

– Но если я пойму, что это она, узнаю ее, я смогу ее спасти! Кстати, она даже может быть в этой комнате. – Джейк обвел глазами общажную комнату три на четыре и всех присутствующих девушек с факультета лингвистики и не только.

Джейк искал свою «маленькую жену» до ее двадцатилетия, он в первый раз должен был встретить ее в молодости, поэтому решил ездить с протестантами с религиозной миссией по всему миру... Его группа только что приехала из Китая, Россия была следующей страной в их списке. Потом верующие, как говорили, собирались путешествовать по Европе.

– А как ты видишь будущее?

– Это как бы проходит через меня... Бабушка сказала, что если я не найду жену до двадцати четырех, то могу больше ее не искать. Я уже не смогу ее спасти! Тогда я увижу ее уже через двенадцать или тринадцать лет. А мне сейчас почти двадцать три! Но я надеюсь, что найду ее! И смогу понять, что это она!

– Боже, в каком я шоке, когда я узнаю, кто она... – Джейк был так удивлен, увидев картину этого будущего, что ударил себя по лбу ладо-

¹ Она иностранка, она говорит очень официально...

ню. — Но в шоке только один я. Все остальные всегда были уверены, что это она... Мне все это говорят... Я так сходил по ней с ума...

— Когда я узнаю, кто она, у меня будет нервный срыв, и я окажусь в психиатрической больнице. Кстати, она тоже там лежала, дважды, по-моему. Я как бы возьму ее карму, разделю ее болезнь...

— Пока я лежал в психиатрической больнице, о моей жене позаботится Эдам. Он позаботится о ней ради меня. Как она все эти годы заботилась обо мне...

— Второй раз я встречу ее, когда мне будет уже тридцать шесть. А к сорока годам у нас уже будет двое детей — мальчик и девочка!

— Ты уверен, что у них будут ровные спины? Ты же знаешь, как это называется? — спросил у Джейка Келвин-Джош.

— Да, точно. Я вижу их именно здоровыми! Я уверен!

— Жена будет иностранкой. Я встречу ее во второй раз через тринадцать лет... Мы будем сидеть в кафе, встретив в аэропорту. И она случайно пролетит мне на брюки горячий кофе. А потом будет вытирать салфетками со стола. Промокать там, — Джейк показал глазами на место ширинки. — Я естественно возбужусь... Я буду очень возбужден и пойду в туалет мастурбировать... Do you know this word? Masturbate?

Я не знала этого слова.

— Мастурбировать! Да! — Это слово знала Женья Снисарь.

Джейк посмотрел на меня: — It's when a man satisfies himself... with hands.

— You shouldn't say it to her¹, — сказал Келвин-Джош.

— Кстати, вакансия моей жены все еще свободна... — так я сказал ей тогда. А она ответила, что ее не интересует эта вакансия...

— Ну все, мы вместе! Я привыкаю быть с ней... Я привыкаю, что она рядом.

Джейк как будто жил этой жизнью, которой не было и которой, возможно, не будет... Но он говорил это так уверенно, что я даже не могла сомневаться в его правоте. Все равно было во всем этом что-то пугающее... Вот так сидеть и смотреть, как человек рассказывает о будущей жене, которой даже не знает, не знает даже ее имени... Рассказывает такие подробности жизни... Про будущих детей... В этом всем было что-то ненормальное...

— Сейчас Джейк будет о родимых пятнах говорить... — сказал Саша Янченко мне по секрету.

— А у нее есть какие-то отличительные черты? — спросила Женья Снисарь.

— У моей жены будет родимое пятно на животе диаметром в сантиметр. Оно будет практически круглое, только два края немного скошены,

¹ — Это когда мужчина удовлетворяет себя... руками. — Ты не должен говорить это ей...

верхний левый и правый нижний... У ее сына тоже будет такое же пятно только в области сердца...

В этот момент я подумала, что у меня на животе как раз такое пятно... Возможно, речь идет обо мне... Но тогда я почему-то отогнала эту мысль...

— Моя жена будет очень поддаваться гипнозу, — Джейк также сидел на кровати в нашей пятой общаге. Он поднес маятник — небольшое железное кольцо на шнурке — к моим глазам, как будто хотел меня загипнотизировать и начал его качать.

— Да, вот как ты сейчас, — он замялся засмеявшись и немного смутился.

Я, казалось, на мгновение отключилась, наблюдая за «тикающим» шнурком... Потом очнулась. Джейк только слегка весело усмехнулся.

— Моя жена любит носить сапоги... Да, она любит дорогие сапоги... — Таня Соснянская начала носить летние легкие сапоги в дырочку. Она брала их у подруги. Жена Снисарь тоже теперь ходила в летних сапогах — в краснодарское лето это было жарко.

Джейк любил рассказывать истории своей будущей жизни с маленькой женой.

— Now I» a surgeon and I work a lot!

— Are you wealthy?

— Oh, we are fine... mostly because of me, I work a lot, — Джейк замолчал на минуту, в его сознании как будто прошло время. — Yea, now we are rich because of her writing... — Джейк пять замолчал... — Oh, we are rich... very rich! Oh, how rich we are!¹ — Джейк даже откинулся немного назад на запроленную велюровым покрывалом подушку.

— Моя «маленькая жена» будет очень богатой и будет строить храмы по всему миру, чтобы извести зло. Моя «маленькая жена» будет из бедной семьи, как и я... Но прославится и разбогатеет благодаря своим книгам!

— В старости моя жена возьмет мое заболевание, у нее тоже будет горб на спине. В этом моменте у нас волны... слишком отдаленное будущее...

— Младшего сына мы назовем Эдамом, в честь нашего Эдама, руководителя миссии. Старшую дочь мы назовем в честь подруги жены. Тут мнения расходятся и в будущем идут волны. По некоторым данным, мы назовем ее Олесой, а по другим — Катей и т. д.

Кстати, у меня в школе была подруга Олеся, с которой я сидела на английском, и в этот момент я почему-то подумала именно о ней.

Иногда Саша Янченко спрашивал у Джейка, что они сейчас делают

¹ — Сейчас я хирург, и я много работаю! — Вы богаты? — Мы в порядке... в основном из-за меня, я много работаю... Да, сейчас мы богаты из-за ее писательства... Мы богаты... очень богаты! Как же мы богаты!

с женой, и Джейк опять заглядывал в будущее и рассказывал нам... — They are always making love...¹ — И рассказывал сцены из будущего.

Джейк жил очень бедно. И страшно комплексовал из-за этого, стеснялся кого-либо приглашать к себе домой. Но когда он «познакомился» со своей женой, она его убедила, что в бедности нет ничего стыдного. И он начал звать домой гостей, Райли и Эдама — большой шаг вперед! С Райли Джейк, говорил, что делил комнату в общежитии.

— А сейчас мы поругались, моя жена хочет уйти от меня. И он, то есть я спустя двадцать лет, очень переживает. Просто раздавлен... Он думает, что она уйдет от него... Мы живем в Нью-Йорке. А это очень большой город... Она точно потеряется... У нас свой небольшой дом... И он не нашел ее дома... Я говорю ему — мы иногда так переговариваемся с ним через время. Я говорю ему: Come on, she won't leave you. You are fucking her so good²...

— Это одно из моих любимых воспоминаний. Как мы танцуем с женой. Мы отмечали годовщину свадьбы — десять лет. Детям было девять и шесть. Мы пригласили друзей: Эдама с Морген, Шерил с мужем, Райли с женой. Мы танцевали медленный танец. Жена выглядела очень красивой, на ней красное платье с большим вырезом... Потом мы открыли бутылку шампанского и подняли бокалы. Жена редко пьет, но сегодня пила... Это одно из моих любимых воспоминаний...

Он так и сказал — воспоминаний. То есть он ПОМНИЛ будущее. Мда... Он смотрел вдаль и как будто вспоминал будущее... Джейк как будто видел свою будущую жизнь с ней.

Джейк говорил, что будет фильм про доктора с больной ногой, и этот доктор будет ассоциироваться с Джейком. Он будет таким странным. Про этот фильм ему рассказала жена. Она видела его из будущего, и когда смотрела этот фильм, всегда вспоминала Джейка.

— Именно моя «маленькая жена» сказала мне прийти в баптистскую церковь и найти там Эдама. Она из будущего рассказала мне, что Эдам будет мне хорошим другом много лет. До этого я был карманником... несколько раз воровал кошельки у старушек... Но когда меня нашла жена, она сказала навсегда завязать с прошлым. И я больше никогда не воровал кошельков.

— Her influence to him is very good... Her attitude is very good³, — говорил Эдам.

— Жена сначала общалась со мной начала через ораклов, а потом я сам стал общаться с ней из будущего.

— Жена Джейка сказала ему прийти к их общему баптистскому Богу. Благодаря жене Джейк попал в церковь, стал читать Библию и в итоге при-

¹ Они все время занимаются любовью...

² Перестань, она не бросит тебя. Ты так классно ее трахаешь...

³ — Она очень хорошо на него влияет... Ее отношение очень хорошее.

нял Христа. — Эдаму понравилось, что жена Джейка на него положительно влияла из будущего и заботилась о нем.

Оказалось, что Джейк только недавно принял протестантство...

Джейк был из бедной многодетной семьи старшим сыном. У его отца был горб. Горб передался по отцовской линии. Отец с матерью или развелись, или даже не женились. Отца больше Джейк никогда не видел и видеть не хотел. Как я поняла, отец пытался восстановить с ним отношения, но Джейк никогда не отвечал на его письма и звонки... Потом его мать второй раз вышла замуж и нарожала еще детей. У Джейка было четверо или пятеро младших братьев и сестер. Все ему сводные. Как говорил сам Джейк, его самая младшая сестра была внешне похожа на Яну Соил и была примерно ее возраста, семь лет. Его мать рожала от горбуна. Она думала, что рождает «бриллиантового директора», надо же во что-то верить...

— Моя жена потом наймет детектива и отыщет моего отца... Она будет стараться восстановить наши отношения...

— А вот это другой момент: мы занимаемся с женой любовью, а в этот момент звонит моя мама... «Блин, как невовремя», — думаю я тогда... Мы занимаемся любовью, а мама все звонит...

— Да, Джейк так и общается со своей маленькой женой из будущего, он как бы знает, что она ему говорит, — объясняла Элен, подруга Джейка и всех парней, кроме Эдама и Келвина, этой миссии. — Он задает ей вопросы, а она из будущего ему отвечает.

Все его рассказы звучали очень необычно.

— Да, он прикалывается просто! Фантазер! — сказала Элен, увидев мою реакцию на рассказы Джейка.

— Джейк, а почему тебе просто не взять у жены телефон и позвонить ей? — задала Джейку логичный вопрос Шерил.

— Ты не понимаешь! Это так не работает! — Джейк стал раздраженным — ему опять не верили и над ним опять смеялись.

— Ты хочешь сказать, что твоя жена будет разбираться в математике, физике, химии, биологии и т.д, а также писать книги и получит Нобелевскую премию по литературе? Ты думаешь, такие существуют?

— Я знаю, она существует! She is real!!! Моя жена существует... — Джейк наигранно и уверенно кивал головой, глядя на Шерил... А Шерил глупо смеялась. — Она точно реальна!

— Да, а почему тебе просто не спросить у жены имя и фамилию? Или это тоже так не работает? Или хотя бы из какой она страны...

— Она мне отвечает! Но я не получаю ответа... мне мой оракл закрывает... Но я думаю, что она из России...

— Мне кажется, что ты просто всех разводишь...

— Или не всех...

— Классно ты всех дуришь!

— А что вы сейчас делаете с женой?

— Мы занимаемся сексом...

— Джейка как ни спроси, он всегда с женой сексом занимается, — Эдам рассмеялся. — Если бы я спросил его жену, она бы сказала, что гуляет с детьми, занималась хозяйством. А Джейк отвечает только секс, секс, секс... Он всегда с ней только сексом занимается...

— Ну все, Джейк уже все рассказал, — сказал Саша Янченко. — Больше рассказывать не будет! Ан нет, будет! Еще один раз!

— Моя дочь похожа на меня. — Джейк сидел на диване и как бы смотрел в будущее. — У нее мое лицо. Кошмар! Вы можете себе представить девочку с таким лицом! — при этом Джейк сделал свой фирменный оскал, то есть широко улыбнулся во все тридцать два зуба с выступающей нижней челюстью. — Это жена хотела, чтобы наша дочь была похожа на меня. Мы зачали ее до брака... Жена очень сильно молилась, чтобы дочь была на меня похожа, чтобы никто не сомневался, что это мой Она кормила Олесу грудью... Да, нашу дочь зовут Олеся. Роды Эдама были очень тяжелые... Мы думали, что даже потеряем его... Он родился недоношенным... На шестом месяце...

— Олеся будет, как и я, кардиохирургом. Очень успешным. Она будет внешне похожа на меня, а по характеру — на жену. А Эдам станет литератором, как и жена. Но он не будет так же известен. Взрослым он будет работать редактором в газете.

— Думаешь, Джейк еще будет рассказывать о своей маленькой жене? Джейк? Яся думает, что будет! — Саша посмотрел на Джейка... — Нет, уже не будет... Джейк, Ясин оракл говорит, что тебе надо еще что-то рассказать, Арина может не приехать... — И Джейк продолжал рассказывать...

— Ее первого мужа будут звать Alex, he will be a programmer...

— A programmer!

— Yea!

— Not bad!

— Her son's name will be ...Bonny... BONES...¹ — Джейк не знал этого русского слова

— Костя! Костя! — улыбаясь закричали Таня Сослянская и Женя Снисарь. Они как будто верили каждому слову Джейка.

— Да, точно! Костя... А в Китае мне сказали, что его будут звать... — И Джейк назвал непонятное китайское имя.

— Она будет замужем за программистом Лешей. Он будет плохо видеть одним глазом... И у нее будет сын, когда мы встретимся во второй раз. Она бросит ребенка сына... и уедет со мной...

— Джейк, она прямо бросит ребенка! — Надя Мернокова опять покачала головой.

¹ — Он будет программистом... — Программистом! — Да! — Неплохо! — Ее сына будут звать... Бонни... Кости...

– Да-да, прям бросит... – Джейк уверенно закивал... – Именно так! Ее муж будет хорошо стрелять из ружья... Но он будет плохо видеть одним глазом, его глаз будет косить...

– Джейк пристраивает инвалидов... – опять вставил свое слово Саша Янченко.

– Думаю, ты и не приедешь... – сказал Джейк, глядя на меня. – Твоя учительница так сделала. – В тридцать пять – это сильно поздно... Ты уже будешь замужем за юристом... – Он имел в виду сына Яна Дажуху, моего одноклассника Мурата, его все прочили мне в мужа на последний курсах универа.

– Ну все! Больше Джейк ничего о своей «маленькой жене» рассказывать не будет! – озвучил Саша.

А как я еще могу вести себя в этой ситуации? Сижу, слушаю бред. Я же не могу уйти. А объяснять Джейку, что так не бывает, тоже не могу. Кто я ему, чтобы это объяснять. Его друзья относятся к его рассказам спокойно, значит, я тоже так буду относиться. Как и они. А что я еще могу сделать? Но если во всем остальном, то он вполне адекватен. Сегодняшнюю дату называет. В горы группы водит. На сумасшедшего внешне не похож.

– Я сегодня поругался с женой. Она сказала, что я идиот... И ей стыдно за меня... That I am an idiot and she is ashamed of me...

Шерил рассмеялась. – His wife defiantly has personality!¹

– Эдам говорит, что в такие моменты верит, что жена Джейка все-таки существует, – сказала мне Элен улыбаясь. – His wife has personality. That's why I think she is real².

– Он со мной всегда такой грубый. Всегда ругается со мной... Называет меня идиотом и другими плохими словами... Я лучше буду общаться с женой. По крайней мере она меня точно любит... Я о себе в будущем говорю «Он», потому что он и я так отличаемся.

– Эдам говорил, что встретил Джейка, когда тот был карманником, а теперь он так повзрослел и учиться на хирурга. Наступает день, и он становится этим человеком, о котором говорит сейчас. Мы видим, как он меняется...

Слухами земля полнится. Вот, какие чудесные истории рассказывали американцы о Джейке и его будущей «маленькой жене»...

– Эдам говорит, может быть, жена Джейка не такая уж и маленькая... Зная, какой высокий Джейк. Она может быть обычного среднего роста. Возможно, даже с тебя, Арина...

– Кстати, Джейк смотрел фотографии американских миссионеров в России прошлым летом, – рассказывала мне Шерил. – Тебе это надо рассказать, а то ты можешь не приехать... Твой дедушка сказал тебе это

¹ – У его жены точно есть индивидуальность!

² – У его жены есть индивидуальность. Поэтому я думаю, что она реальна.

рассказать... Джейк показал мне на фото высокого брюнета... — Это твой будущий муж.... — сказал мне Джейк тогда и передал фото. — Если это так, то я не против... — сказала я тогда, мельком взглянув на фото. — Да, вот посмотришь, — ответил мне Джейк — Через пару лет он пригласит тебя на свидание. У вас будет шесть или семь детей... Ты же не против шести или семи детей? — Нет, я не против, — и Шерил рассмеялась своей искренней ребячьей улыбкой... — Джейк говорит, что мы с его женой будем закадычными подругами. Будем дружить всю жизнь...

Элен тоже рассказывала забавные совпадения, связанные с Джейком и его «маленькой женой»:

— Помнишь, жена Джейка говорила ему, что они не красят яйца на Пасху, а заворачивают их в пленки, опускают в кипяток и пленки прилипают. Мы раньше этому не верили, а сейчас так и делаем. В такие моменты я верю, что жена Джейка все-таки существует.

— Я начинаю верить в «маленькую жену» Джейка. Когда он поступил в медицинский университет, никто не верил, что он отучится больше семестра. На лекции ходил из-под палки. Прогуливал пары. Однажды спит, а там идет пара серьезного профессора... Его сосед по комнате будит, а он просыпается и говорит: — Ко мне приходила жена. Хочет, чтобы я выспался. Она знает, как я устаю... Хотя бы моя жена обо мне заботится... Эту пару сегодня отменяют. Профессор не придет... — сказал Джейк соседу и перевернулся на другой бок. And guess what? The lecture was really cancelled!.¹

— И правда, Джейк пришел ко второй паре и на самом деле оказалось, что пару на самом деле отменили... Профессор не пришел... И откуда Джейк мог это заранее знать?

— Он оракл, но он видит только свою будущую жизнь и ничего больше...

— Я все думала, как Джейк будет сдавать первую сессию. Так к нему пришла его «маленькая жена» и сказала ему, какой у него будет билет. Так он выучил только один билет! И ему попался именно этот билет! Представляешь! Он его рассказал и сдал экзамен! И так закрыл сессию в итоге. На следующую сессию он тоже решил договориться с женой, чтобы она из будущего сказала ему, какой у него будет билет. Но она сказала ему: — Нет, выучи вот эти десять билетов, тебе попадется один из этих билетов. — Джейк сначала на жену обиделся. Неделю с ней не разговаривал. Но приближался экзамен, он решил жену простить и узнал, какие билеты могут ему достаться. Она назвала ему — там было несколько сложных и несколько легких. В итоге он выучил их и сдал экзамен... На следующую сессию он уже сразу спросил у жены, какие билеты ему учить — она назвала ему уже двадцать са-

¹ И угадайте? Лекцию на самом деле отменили!

мых сложных... Думаю, к концу пятого курса он будет учить весь список!

– А его жена молодец! Хорошо она его держит! – смеялись Элен и Шерил, пока Джейк не слышал. – His wife definitely has personality.

– А как это она сказала ему, какой у него будет билет?

– А! Все просто! Это Джейк сказал ей из будущего, какой у него на первом курсе был билет. А жена передала сегодняшнему Джейку...

– Да! Какой сложный процесс...

– Она к нему обращалась из будущего, иногда очень бесцеремонно... Как-то разбудила его стуком по голове, когда он опаздывал на пару...

– Ты же знаешь, какая она! – сказал Джейк.

– Да, да, я знаю!!! – Шерил с Элен переглянулись улыбнувшись.

– Я уже привыкла к твоей жене, – сказала Шерил.

– Мы уже все к ней привыкли!

Жена Джейка была уже как реальный член американского клуба. «Маленькая жена» Джейка как имя нарицательное.

Кстати, «маленькая жена» Джейка из будущего предсказала Эдаму встречу с Морген. Она говорила Джейку из будущего, что имя жены Эдама будет как по-немецки «утро». Может, поэтому Эдам и женился на Морген? Уже зная по предсказанию Джейка, что она будет его женой?

В общем, американец был очень странный...

Часть 5. Рабство в двадцать первом веке

Келвин-Джош и Марина Шайн

В начале двадцать первого века в Америке был разгул преступности.

Келвин, с фамилией Спенсермэн, был из серьезных контрабандистов. Они нелегально торговали ружьями. Сын известного американского торговца ружьями. Отец Келвина-Джоша был чернокнижником... Говорили, что у отца Келвина из-за контрабанды вырос хвост... У Келвина-Джоша был еще старший брат, они были белокожими блондинами, брат высокий, Келвин ниже. Между собой они с братом были очень похожи...

Эдам Хейсонд говорил, что для этой операции Келвин – если это его настоящее имя – даже сделал небольшую пластическую операцию, вставил себе импланты в щеки, перекрасился в темный и пользовался автозагаром. Из белокожего пепельно-белого блондина он стал смуглым брюнетом. Как меняет людей цвет волос! У их семьи был личный пластический хирург. Келвин-Джош носил накладной нос... Один из его носов был «живым». На юге Келвин-Джош быстро сгорел и его щеки под глазами стали аж малинового оттенка от количества пластических операций, сделанных его отцом – такие кожные аномалии у оружейных баронов почему-то наследовались... Если можно назвать Богами контрабандистов оружия, то его отец и сам Келвин-Джош были Богами! У контрабандистов есть своя иерархия, и семья Спенсермэнов была почти на вершине пирамиды контрабанды оружия. И выше в иерархии, чем семья Эдама Хейсонда в контрабанде. Спенсермэны были вторыми слева на вершине контрабанды ружей в Америке. Семья Эдама Хейсонда была серьезными ку-клус-клановцами и работоторговцами...

Его отец когда-то вытянул черную карту. Его выгнали из дома. Он или в преступники пошел бы, или умер на улице.

Эдам говорил, что Келвин-Джош даже работал два года патологоанатомом, антропологом в полиции, папа оплатил его обучение – сделал анонимный перевод.

Келвину-Джошу на самом деле было шестнадцать и путешествовал он под другими документами, друга семьи Джоша, полное имя – Джошуа. Келвин сказал, что это от Иисус, я почему-то вспомнила имя Иишуа, созвучное с Джошуа. Иисус – спаситель.

Келвин-Джош был тихий и незаметный, говорил мало... самый молчаливый... За все его время пребывания в России я не услышала от него и пары фраз. Он приехал сюда за звездой, чтобы подельники отца не убили его мать опухолью. В Америку он собирался отвезти шлейф таких звезд. Контрабандисты ведь тоже платили жизнями родных. Келвин-Джош каждую ночь в сапогах-скороходах шагал ночевать в Америку. Домой.

Некоторым потомственным преступникам от родителей доставались «чудеса». Например, Келвину-Джошу — сапоги-скороходы и плащ-невидимка, еще он мог растягивать время. И он иногда в сапогах шагал домой в Америку и обедал с семьей, спал дома. Но отцу это не понравилось, он сказал Келвину возвращаться в Россию и держать ухо в остро.

Когда решали, кто поедет в Россию, отправили в компанию Эдама хотя бы кого-то адекватного и приличного. Кто Эдама хоть немного бы в себя приводил и на землю опускал. Кто бы следил, чтобы правила не нарушались... отправили из серьезных оружейников из клана Спенсермэнов Келвина... Отправили приличного-приличного, породистого-породистого, крутого-крутого, почти из вершины «ружейных» баронов. Человек страшный, но в рамках... Он конечно хреновый. Но он понятный, как три рубля... От него всегда знаешь, чего ждать... Полностью предсказуемый... Чтобы как-то этих беспредельщиков ограничивать...

Келвин чем-то напоминал медвежонка, был «спящий медвежонок» и от него ждали больших достижений в контрабанде ружей.

— Он унаследует бизнес отца. Не старший брат. А именно он. Будет следующим оружейным бароном. Он будет поднимать восстания против продажных полицейских, даже восстанет из могилы, — рассказывала Элен.

Келвин-Джош все возмущался, зачем Эдам взял с собой большого Джейка. Больные всегда сотрудничали со следствием.

Келвин-Джош принимал легкие наркотики, галлюциногены перед серьезными перестрелками. Эдам сидел на серьезных наркотиках. Врачи ему периодически сворачивали наркозависимость.

В полиции использовали веселящий газ и сыворотку правды, поэтому такие «матерые» преступники, как Эдам и Келвин-Джош боялись полицейских участков как огня. Они там «в силу обстоятельств» могли написать таких заявлений и наподписывать таких признаний, что в здравом уме представить сложно. В полиции были «говорящие» ручки...

Келвин-Джош понимал, что работорговля страшнее контрабанды оружия. Келвин наотрез отказался иметь какое-либо отношение к похищению и продаже в рабство детей. Он был настоящим контрабандистом... И только контрабандистом. Он был из семьи профессионалов. А профессионалы работорговлю и контрабанду оружия не совмещали... И боялись убивать детей...

Оружейные бароны боялись «замараться» в работорговле. Они верили, что убитых солдат принимает земля, они перерождаются, рождаются заново через пять лет. А рабы мучаются в плену, горят в аду каждый день десятилетиями...

Келвин-Джош потрогал один слиток золота за проданного мальчика Эдама, и сказал, что золото проклято. Больше он его в руки не брал. Пока семья Келвина-Джоша соблюдала правила, у них шла контрабанда. Они хорошо жили и могли работать, торговать ружьями... Настоящие крутые

серьезные контрабандисты не нарушали правила... С ними было приятно работать... Келвин-Джош был из семьи, где ни разу не сидели... Его отец так и не сел. Оракл говорил, что его старший брат сядет отмаливать грехи семьи...

Келвин-Джош и Марина Шайн — рыбак рыбака увидел издалека, породистые контрабандисты оружия. Марина Шайн и Келвин-Джош были честными контрабандистами и боялись замараться в работорговле. И даже боролись против работорговцев... Марина Шайн и Келвин-Джош мгновенно определили друг в друге партнеров по бизнесу и быстро «побратались». Они признали друг в друге брата и сестру, поклялись на крови в вечной преданности. Эдам Хейсонд не стал Марине Шайн братом, а Келвин-Джош стал.

Эдам Хейсонд беспредельщик, ничего святого, самодур, придурок, никаких рамок для него нет и не было. Эдам Хейсонд не был крутым контрабандистом. И работорговлей он не гнушался... Эдам — беспринципный бандит, человек без рамок. Его все немного побаивались. И такие оружейные бароны как Келвин-Джош его не любили...

Эдам Хейсонд не гнушался и дружбой с сутенерами. Как оракл, в проститутки он готовил Ясю Ворнину, Таню Соснянскую и, конечно же, блондинку Сашу... Познакомился с местным авторитетный сутенером, показал ему Ясю, Таню, Сашу и меня... И во невменяемом состоянии выставил на панель.

Келвин-Джош познакомился с Мариной Шайн и обменялся с ней контактами, что, возможно, было главной целью его поездки в Россию. Они договорились в следующий раз встретиться на нейтральной территории, в Греции и обсудить условия еще пары поставок Калашниковых. Он из России собирался сразу ехать в Америку, не путешествовал по Европе.

Эдам Хейсонд и приехал в Россию, чтобы во много «разбудить» Марину Шайн. Свои не решались... Если в первый раз она пересекла порог американского центра еще совсем ребенком, не имеющим никакого отношения к контрабанде оружия, то вышла из него контрабандитской, с контактами для дальнейших поставок Калашниковых. Эдам и Ко «ее разбудили», чем надо пропоили, чем надо прокололи.

Марина Шайн не любила контрабандистов, которые таскали за собой больных... Больные всегда давали против бандитов показания при возможности. Они всегда были на другой стороне...

Бабушка Марины Шайн была «в пушку». Она сделала слишком много поставок Калашниковых, перешла все границы по жадности. наставив «плащей», она сотрудничала с «сильной» колдуньей... Хорошо, когда они верят в колдуний, их потом легко к ногтю более сильной колдуньей... У самой Марины были прозрачные глаза — с учетом вида деятельности ее бабушки, этими дорогами автоматами убили слишком много русских солдат, слишком много слез пролили матери и жены этих солдат... Ее бабушка не соблюдала правила, вышла за рамки по количеству проданного оружия.

Перешла все границы. Марина Шайн была слишком костистая, с ярко выраженными скулами, на чужих костях вся, как баба Яга. Поэтому породистые торговцы оружием, каким был Келвин Спенсермэн, думали, что Марина Шайн в торговле Калашниковыми не задержится, слишком проваливалась под ней земля... И Келвин-Джош это знал, что Марина Шайн не та контрабандистка, у нее не те глаза и в контрабанде она временно. И поэтому он договорился только о паре поставок... И там как Бог даст... Глядя на ее прозрачные глаза, умные, разбирающиеся понимали, что она в контрабанде ненадолго...

Контрабандистам Калашниковыми легко управлять, если они верят в колдунов, надо просто перебить их колдунов-хранителей более сильным колдуном. И так похоронить их бизнес. Бабушка Марины Шайн сидела на сильной колдунье. А бизнес Марина Шайн уже бы похоронили...

Марина решила на одну поставку автоматов, чтобы связать Эдама Хейсонда с работоторговлей и Калашниковыми... Она тоже сотрудничала со следствием и продала один автомат с обратным ходом... который позже был продан одному известному криминальному авторитету и убил обратным выстрелом его сына. В первый раз Марина продала партию Калашниковых, для которых сложно было найти патроны. Большинство автоматов были бракованные: их портили пули, чем больше они стреляли, тем хуже становились и быстро выходили из строя. Но она также продала несколько хороших автоматов, не бракованных. А сколько солдат, в том числе и русских, убили этими автоматами?

Потом Марина согласилась еще на пару поставок. А потом еще на пару... Со следствием она больше не сотрудничала... Марина Шайн «покупала» сказку и втянулась в контрабанду.

В итоге она впряглась по полной в семейный контрабандистский бизнес, чего Эдам Хейсонд и добивался...

Они и мы

Некоторые воровали детей и складывали золото к Центробанку, если они тянули короткую нитку в своих округах и должны были похитить ребенка. Тогда придумали отдавать похищения детей преступникам — и им больше нравилось, и нам. Некоторые относили золото за проданных детей к предприятиям, на которых работали...

Мы...

Если подписано на высшем уровне, детей все равно будут продавать... И пусть лучше продают бандиты, преступники и черти и берут за них золото, чем мы, законопослушные граждане... Бандиты потом отмаливаются, платят жизнями жен и детей, отдают дочерей в проституцию, пьют раковые опухоли. Все равно кто-то будет продавать детей, лучше они, чем мы. А они все равно бедные, им золото за детей не разрешают продавать и никто его не покупает... Запрещено на высшем уровне золото за детей продавать и богатеть на костях... Пусть лучше они, чем мы. А что делать, если подписано на высшем уровне? Брежнев подписал, а мы платим... И детей отдаем. Как дань детьми десятилетиями отдаем. Скорее бы это время закончилось. И не надо было детей в рабство продавать и спички тянуть, и бояться короткую вытянуть. Скорее бы на высшем уровне закончили поставки рабов из России в Казахстан... И плачут матери. И радуются работорговцы...

Посадите кого угодно, лишь бы дети вернулись. Пусть больные... Лишь бы вернулись... В любом состоянии...

Они...

Все равно детей будут продавать и золото получать. Подписано на высшем уровне — лучше мы, чем они. Надо быть идиотом, чтобы ребенка на улице не схватить, в рабство не продать и золото за него не получить. А золото все равно потом дадут легализовать. Никуда не денутся. А раковые опухоли все равно все пьют. Надо же как-то умирать... И жены все равно умирают не в двадцать, а за пятьдесят... Все равно подписано на высшем уровне. А «честники» не хотят мараться и не могут... не могут переступить. Труссы... а мы можем. Мы можем взять на себя ответственность, и прожить с этим грузом всю жизнь... Мы и детей выбираем похуже, с ораками... от бомжей или которых родители «продали», которым рак растворят. Выбираем будущих проституток и продаем в рабство. Разные дети, конечно, попадают... А что делать? Если подписано! Только бы не кончалось это время, когда ребенка можно на улице схватить и продать за золото... А золото вечное, оно никогда не упадет в цене... Его можно и внукам завещать... Внуки легализуют...

И они правы по-своему, и мы...

И они понимают нас. А мы понимаем их. Они могут преступить законы природы, а мы нет... И их могут посадить, а нас нет. Нас не за что сажать... Они все равно будут платить жизнями детей. Своим здоровьем и жизнью детей...

Мы не убийцы и не грабители, мы детям глаза не выкалываем, чтобы с Байсеком побрататься, как Деликаты или черт Слава Оглоблин. Мы не нарушаем законы природы. И этим мы отличаемся и никогда не будем едины и никогда не пойдем друг друга до конца, как можно украсть ребенка и забрать жизнь за золото? За холодный металл? Они все равно будут платить жизнями детей. Своим здоровьем и жизнью детей...

Вы переступаете законы природы, вы убиваете. А мы нет! И в этом мы различны и никогда не будем едины!

В природе нет рабов. Нет такого закона природы, чтобы делать человека рабом. Забирать его жизнь... которую ты ему не давал... закон природы — родиться, размножиться, состариться и умереть свободным...

А как его можно не украсть? Если время такое и все можно, и правительство закрывает на это глаза? Такая удача! Как мы удачно родились! Как нам посчастливилось жить в это время... Вот Меньшаки даже в Краснодаре переехали, чтобы детей воровать! И ребенка украсть, и золото получить, и никогда за это не платить! И остаться честным в глазах многих... А что делать? Время такое...

Какое страшное время! Когда детей в рабство отдаешь! Только бы закончилось это время побыстрее, когда родную кровиночку в рабство отдаешь... И плачешь каждый день, и помнишь... И больше не заводись...

Только бы никогда не кончалось...

А что делать, если время такое? Матери все глаза выплакали... Работорядовцы все... Время такое, сложное! Даже в войну детей в рабство не отдавали, короткую спичку вытянув...

А мы все войну вспоминаем...

Какое удачное время...

Все всё понимают. Лучше пусть американцы сядут, чем мы. Лучше сажайте козлов! Вы всех нас не пересажаете! А таких американцев не жалко... И пусть детей вернут, нам платить меньше... и меньше опухоль пить и дочерей в проституцию отдавать... И золото, может, дадут легализовать когда-нибудь...

Время такое... Двухлицкое... Сажайте кого угодно, лишь бы детей вернуть! Хоть кого-нибудь...

И вся нация объединяется... Лучше пусть американцы сядут, чем мы... Скидывайте на козлов! В этом мы все едины... И детей вернут, кого могут... Хоть кого-нибудь! И золото возвращать не надо... И нам «платить» меньше... На то они и американцы...

Здесь уже не в золоте дело, надо детей вернуть...

Дело очень даже в золоте! Золото дадут легализовать?

Это смотреть надо.

А чего тут смотреть?

Лишь бы детей вернуть...

Лишь бы золото не возвращать...

Дети — это золото... Мамино счастье...

Дети — наше все!

Особенно бомжей!

Золото. Дети...

Дети...

Золото...

И всем хорошо и вас, американцы, не жалко... Кто к нам с мечом придет... А тебя, Эдам, вообще не жалко...

Езжайте в Россию смело! Не бойтесь стать козлами! У нас есть Эдам!

И мы закрыли рты, им надо легализовать золото, а нам вернуть детей. И мы опять взялись за руки... И стоим на смерть. Лишь бы Эдама за работу посадить...

Мы едины! А казахстанцы для нас как захватчики, как когда-то немцы... Оккупанты... Американцам не понять, что такое жить в оккупации.

Казахстанцы говорят, что русские жадные...

В этом единство нации. И все взялись за руки и наподписывали признаний на Эдама и его дядю-отца. Лжесвидетельствуют! Русские слаженно работают! На козлов хорошо скидывают... Знаете, сколько мы лет жили в оккупации!

Все надеялись, что козлы приживутся...

Мы живем при работорговле, как в оккупации.

Американцы как оккупанты.

А козлов приманили на Калашниковых...

Эдам и Ко, Калашниковы

Эдам Хейсонд — Бог работорговли и контрабанды оружия. Он про- штрафился среди своих, нарушил кодекс бандита, убил мавра в Америке, и ему свои поставили черную метку. В России он хотел отмолиться Калашниковыми, доставить своим дорогие, уникальные в своем роде огнестрелы.

В Россию отправили тогда самых жестких контрабандистов, которых вообще не жалко. Самые отъявленных преступников. Эдам и его летняя компания были как раз такими.

У каждого в новой группе американцев была своя роль: Анна — врач, могла подшить любой огнестрел. Элисон — медсестра помогала Анне. Келвин-Джош, груздь, тезка Эдама, был серьезным контрабандистом. И мы каждый раз в разговорах пытались понять, о каком Эдаме шла речь... Хейсонд не мог пройти мимо Калашниковых, и у него были свои скрытые мотивы. Эдам называл Элен своей племянницей. Значит, серьезная контрабандистка. Сулгвин была дочерью полицейского и уже «тикала». Джейк участвовал в одной перестрелке с Эдамом в Америке. Больше отказывался. Больные редко примыкали к бандитским группировкам — они уже отмазывались и сотрудничали со следствием. Райли из серьезных полицейских...

Элен восхищалась Эдамом: — Какой Эдам креативный! Какой он умный! Как он все тщательно продумывает! Как он хорошо работает с аудиторией! — Для каждого из нас у Эдама была своя история. Я хотела замуж, поэтому при мне они говорили о замужестве, парнях и отношениях...

Эдам говорил, глядя на Ясю и Надю Мернокову Джейку: — Это они сейчас такие умные и продвинутые. Ты посмотришь, какие они будут в тридцать лет... Что с ними станет... — Я заметно по сравнению с прошаренными Сашей и Ясей тормозила.

Говорили, что та пара в начале года, Аманда и Джон тоже были из торговцев оружием. Аманда была дочерью серьезного оружейника, «мышка». Я все никак не могла забыть ее деревянных сабо и длинную коричневую юбку, под которой они прятали оружия и длинные винтовки, принося их в университет. — Главное, вовремя уехать. — Они тоже продали пару детей. Грех побывать в России в это время заката работорговли, не схватить ребенка на улице и не сложить горшочек золота от Байсека... Легкие деньги и никакой ответственности — уехал и поминай как звали. Говорили, что Аманда прикрывала тетю-мачеху Эдама, путала показания. Они скидывали друг на друга продажу двух детей в 2002 году, их мужья подтвердили их неучастие, обеспечив алиби. И тетя-мачеха Эдама, а потом и Аманда с Джоном в итоге смогли свободно уехать из России. Отец Аманды «проиг-

рал», вытянув длинную спичку, и Аманда теперь должны была выпить раковую опухоль и, конечно, она не была беременна, просто носила накладку. А уехавший Майкл был на самом деле сыном серьезного уголовника, он был невысоким, все время ходил на ходулях... В Россию он приехал жестоко убивать и расчленять своего первого ребенка, генеральского, конечно же... Говорили, что если уже детей расчленять начали, то наступает жестокое время... и что-то страшное придет из Америки...

Наши работорговцы очень порадовались американским контрабандистам оружия. Теперь они были обеспечены козлами... отпущения. Наши работорговцы собирались скинуть на них похищения всех рабов, которые примерно подходили по срокам, некоторые свои преступления, все взяли за руки – российские работорговцы, Байсек и Али Рашид, и российские полицейские, продажные и нет – лишь бы сделать Эдама Хейсонда козлом отпущения и скинуть на него всю работорговлю. Вот оно единство нации. Всем хорошо. Кроме Эдама. Чего бы они все добились – русские работорговцы отмылись бы юридически, частично вернули детей и отмолили золото. Правительство сообщило, что золото забирать не будут, ведь многие уже «заплатили» своими детьми, опухолями, своим здоровьем... Если получится, полицейские позакрывают давние дела и посадят в принципе серьезных преступников. Мы все частично вернем детей. Кого сможем... Что главное для нас всех...

Козлов приманили на Калашниковых. Им за Калашниковых столько сидеть, что срок по работорговли они и не заметят, решили все мы... И им хорошо, и нам приятно! Байсек боролся за эволюцию и тоже наподписывал признаний, сделав Эдама Хейсонда главным организатором и исполнителем, как будто перепутав его с принцем Халимом Третьим. Али Рашид сделал тоже самое. В Казахстане теперь от ужасов работорговли земля поднялась и больше не опускалась, поэтому работорговцы и наподписывали липовых признаний. Но эти заявления достанут только после смертей Байсека и Али Рашида и признания ключевых свидетелей. И все стали ждать... Собрав все доказательства и замарав Эдама по всем пунктам.

Наши работорговцы решили сделать Эдама главным козлом отпущения, главным организатором, а Байсека единственным исполнителем. Как будто он сам воровал детей на улицах, отправляя в Казахстан. А золото переправлял в Америку Эдаму. На самом деле детей хватили на улицах свои работорговцы и золото складывали себе. Байсек сталкивал население между собой, делил на тех, чьих детей продали и кто продал. А наши решили скинуть все на неугодных иностранцев, убивающих наших негритят, торгующих дорогими автоматами, не гнушающимися продажами наших детей. Перед контрабандой Калашниковых американцев хорошо «замарали» в работорговле. Если вы думаете, что это утопия, то вы не знаете русских.

Мне сам Али Рашид сказал, что Эдам Хейсонд организует работорговлю в России, а до этого организовывал его дядя-отчим. Мне Али Рашид так

и сказал. Хотя нет, не дядя, отец. Али Рашид говорил, что концы работорговли в Америке и оттуда руки растут. Сказал ли это Али Рашид, чтобы отомниться и подняться в эволюции в следующей жизни. Сделал ли он Эдама козлом отпущения? Я не знаю... Мне все равно...

Сначала козлов прикормили капустой — золотом работорговцев. Прикормили золотыми слитками. «Замарали» в продаже наших детей в рабство. В Америке нам еще «спасибо» скажут и низкий поклон до пояса отвесят. Передали, что если нужны еще козлы отпущения, чтобы мы обращались без стеснения. Америка вздохнула с облегчением, когда Эдама к нам отравили! Богата козлами земля американская! Козлам отпущения всегда рада земля русская!

Еще долго американские преступники своих пугали детей и соучастников: — Вот, будешь плохо работать и не соблюдать кодекс бандита, и отправим тебя в Россию козлом отпущения, как Эдама Хейсонда. И повесят на тебя все висяки! И свои, и чужие! А работать они умеют, работаю слаженно! Сажая хорошо! И надолго! И всей нацией стараются! И не вернешься ты оттуда теперь никогда!

Наши работорговцы всегда рады таким «козлам». А торговцев Калашниковыми никому не жалко. Таких как Эдам... И Америка будет спать спокойно! Служим закону Америки верой и правдой!

Но козлом Эдам стал не безосновательно...

Руки работорговли росли из Америки, и сейчас я расскажу почему... Руководили работорговли Казахстана плясали по дудку, постоянно спрашивали совета у работорговцев-американцев, семьи Эдама Хейсонда...

Главный по работорговле

Семья Эдама была одной из самых страшных рабовладельцев юга... Как правильно резать рабынь Эдам знал еще с детства, сначала на ферме у родителей резали коров, а потом рабов...

Эдам и в вузе, и в колледже писал работы по работорговле.

Эдам оказался не родным сыном своего отца. Его отец женился на вдове с двумя детьми, когда Эдаму было семь, а брату три. На самом деле у Эдама был только младший брат. Отчим сам детей иметь не мог. Но он перелил Эдаму достаточно своей крови, чтобы считать его своим родным сыном – два литра за несколько раз. Так размножаются преступники – переливанием крови. Эдама, получается, воспитывал отчим.

И когда Эдам принял свою судьбу, взял карму отца, стал преступником и оружейником, он в последний раз увидел свою родную мать... Она погибла в автокатастрофе в этот же день... В больнице ее не спасли...

После гражданской войны в Америке между севером и югом именно прадед Эдам осмелился передать флаг рабства в Казахстан, чтобы продолжить рабство как таковое, организовал там систему рабства. Именно после этого семья Эдама стала главной по работорговле в мире. Старший мужчина в семье каждые двадцать-тридцать лет разрабатывал и подписывал декларацию рабства, внося необходимые изменения. чтобы многолетний опыт работорговли, накопленный сотнями лет, не пропал даром. Убирал изжившие себя пункты, добавлял актуальные. И во всех рабовладельческих домах Казахстана меняли лист под рамкой, чтобы у них была последняя версия декларации рабства семьи Эдама.

Семья Эдама Хейсонда «разрабатывала» все для работорговцев Казахстана, способы психологической ломки детей-рабов, способы управления ими. За всеми правилами, убийствами и экзекуциями всегда стояла семья Эдама...

Эдам был патриархом, сообщал всем, кем они будут в следующей жизни и иногда даже замалчивал убийства. Это ему тоже не могли простить в Америке. Пару раз уже наказали и отправили в ссылку на исправление в Россию...

Эдам собирал наших и говорил им:

– Я Эдам Хейсонд. Я канибал, и это звучит гордо! Я убиваю негров, ем их органы и горжусь этим!

– Ты не стесняйся Эдам говори все! – подбадривали Эдама местный черт Слава Оглоблин и Рома Деликат, делая видео речи Эдама.

– Я ем их члены, чтобы усилить свою потенцию!

– Какая потенция! О чем ты, Эдам!

— Ем их глаза, чтобы мое зрение стало острее.. Я ем их органы, чтобы не болеть!

— Да почему бы нам не есть мясо коров и не нанимать дешевую рабочую силу... Он же копеечные...

— Потому что белый человек — это господин. А черный — это раб.

— Ты в каком веке живешь. Эдам? Похоже, сейчас так думаешь только ты.

— Я, Эдам Хейсонд, и я говорю вам, что можно убивать негров беспрепятственно, и вам ничего не будет, кроме мяса... У нас подписано, что за убийство негра нет наказания... За убийство негров в Америке даже не сажают! Убивайте негров в ночь... В судную ночь! И не только... Ешьте только мясо негров и почувствуйте себя Эдамом Хейсондом! Только мясо негров себе в пищу — другое мясо — это отравла!

— Какой ты молодец, Эдам!

— Только мясо маленьких негрят и молодых телочек-негрятенок! Если вы не едите мясо негров каждую неделю, то вам нечего делать в ку-клус-клане... Вас исключат из членов... тьфу... только мясо маленьких негрят!!! Не коров. А негрятенок... Она мягкое и питательное... Я Эдам Хейсонд, и я ем только мясо черных, негров... моих врагов и их детей и так каждый день. Поэтому я выше вас, и вы мне подчиняетесь, ку-клус-клановцы...

— Эдам, ты говори все! Не стесняйся!

— Бог позаботился о нас! Чтобы у каждого белого было по своему рабу! Черных на свете много! Черных рабов на всех хватит! Надо только подписать декларацию рабства! И поделить мир по цвету кожи на белое и черное...

Эдам, ты определись, они рабы или коровы?

— Рабы — чтобы работать на нас, а коровы — чтобы давать нам мясо... Они нас и кормят собой, как коровы, и работают на нас, как коровы, быки...

— Пригласили, блин, в Россию! Сейчас наши научатся! И негров жрать начнут... — смотрели это видео в полиции...

С рабством были проблемы. Чтобы легализовать рабство, надо было отменить множество международных конвенций и конституций. Лига Наций запрещала рабство как таковое... Сейчас о легализации рабства речи не шло...

Американцы так хотели вернуть рабство, что готовы были покосить науку, положить цивилизацию на алтарь рабства — американцы стали неадекватны. Если мы идем в цивилизацию, то мы отказываемся от рабства... Рабство несоизмеримо с технологией и наукой...

Эдам любил повторять свою коронную фишку — Декларацию рабства... Он эту декларацию поподписывал, а рабовладельцы по ней живут. С ней каждый день сверяются. Ее неукословно соблюдают... Каждый день по пунктам сверяют по каждому рабу... Каждый день поклоняются Эдаму Хейсонду и его боготворят...

Декларация рабства

«Раб должен постоянно чувствовать свою неполноценность и смотреть на себя глазами окружающих».

«Раб должен забыть свой дом, и пить, и кутить, и курить, и гулять, и грешить. А потом чувствовать свою вину до конца дней. Разум раба должен перемешаться. Он должен перестать понимать, что такое хорошо, а что плохо. Он должен бояться своего хозяина. Он должен и любить его, и уважать одновременно. Тогда это будет хороший раб».

«Рабы должны забыть, что они люди... Они должны есть органы друзей... Убивать из своих же, есть их и радоваться. Тогда ими легче будет управлять. Это говорю я, Эдам Хейсонд».

«Раб должен утратить все человеческое. Он должен забыть, что он человек, он должен унижаться каждый день... Есть органы своих братьев и радоваться, что вообще сыт. Он должен голодать неделями. Раб – это скот, и у него должно быть поведение скота. И это говорю вам я – Эдам Хейсонд».

«Раб должен быть унижен». Поэтому работоторговцы и пальцы рук и ног детям-рабам секатором отрезали, и глаза выкалывали, и уши отрезали, и щеки вырезали. «Раб должен бояться взглянуть в зеркало, смотря в зеркало, испытывать чувство унижения и отвращения, чувствовать свою неполноценность. Он должен бояться понять глаза на господина. Он должен забыть, кем он был до рабства. Он должен сравнивать, каким он был до и после, и внутренне сжиматься... Он должен постоянно унижаться. Если вы делаете рабов, то делайте их уродами. Это говорю я – Эдам Хейсонд».

«Раб должен бояться каждый день. Он должен бояться потерять единственный глаз или еще пальцы. Бояться остаться без крова или еды. Он должен просить и унижаться каждый день... Он должен бояться наказания. Он должен молить о пощаде, и то получать ее, то нет, в зависимости от воли и настроения хозяина. Это говорю вам я – Эдам Хейсонд. – Сначала они отдают органы и отрезают члены за вкусную конфетку, а потом просто за вонючую похлебку».

«Рабами лучше делать детей десяти-двенадцати лет, в этом возрасте они лучше приручаются. Потом хуже»

«Раб должен быть кастрирован. Вам нужны их плодовитость?»

«Если вы делаете рабов, то делаете их идиотами. Вам нужны умные рабы?» (спорный пункт, думал Эдам)

«Рабы рожают новых рабов. Раб может иметь максимум одного ребенка. Редко двух. Раб должен работать».

«Рабыни... Ну вы сами решаете, что делать с рабынями» (обычно, пока красивы, их подкладывают под друзей)

«Раб должен проходить унижение за унижением, круг за кругом. И забыть, что он человек и был рожден в колыбели, и носил белую одежду, и пил

из чашки, и ел из тарелки. Он должен забыть, что такое пользоваться столовыми приборами. И приравнять себя к домашней скотине».

«Раб должен есть из корыта и радоваться, что он вообще ест. Сначала он должен есть досыта. А потом все меньше и меньше... И только из корыта... Раб должен не быть сытым никогда. Он всегда должен чувствовать голод».

«Раб не должен доживать до старости. Зачем вам старики в хозяйстве?»

Раб должен всегда или часто испытывать чувство вины.

Раб не чувствует боли, потому что работает с утра до вечера и у него все чувства притуплены (рабу в еду добавляют обезболивающие, которые сажают сердце).

«Раб должен забыть, кем он был и кем он хотел стать».

«Раб – это раб, а не человек. Он даже не животное. Животные выше раба. Собаки выше раба. С собакой можно играть, с собакой можно быть счастливым, а раб – это просто мешок костей, обтянутых кожей, созданных для работы. И это говорю вам я, Эдам Хейсонд».

«Ум рабов всегда должен быть чем-то занят... И вы должны всегда знать, чем... Это говорю вам я – Эдам Хейсонд».

«Самый лучший вариант, если раб вообще забыл, что он человек и приравнял себя к собаке или корове. Это говорю вам я, Эдам Хейсонд».

И Эдам подписал это кровью...

Раб должен забыть... Вот только мы не хотели забывать. Мы все не хотели....

Подписав это кровью, семья Эдама стала главными работорговцами Америки и всего мира без разрешенной работорговли.

И говорили об Эдаме Хейсонде, что он понял основные принципы рабства, и умные «породистые» работорговцы говорили, что Эдам во многом был прав. Вы хотите владеть рабами и делать их счастливыми? Так не бывает... Такие рабы поднимают восстание и могут убить своих господ...

В американском ку-клус-клане между собой говорили так:

– Если будет близок конец рабства в любом его виде, то как раз найдут такого, как Эдам Хейсонд, и прилюдно линчуют. А если будешь ему помогать, то линчуют и тебя. Просто мы еще остались людьми, а он хотел стать выше нас. И подписал это. Это ведь чудовищно, жить в таких условиях и так измываться над людьми... И за всем этим стоит Эдам... И его клан... просто мы не смогли это подписать. В нас осталось что-то человеческое, а в нем нет... Вот за то, что он выше нас, он и будет платить. Что он главнее нас в системе рабства, поэтому он и ответит. Его и линчуют... Нам повезет, если линчуют только его одного... Эдам в первом ряду. Плохо быть в первом ряду, если все хорошо, то он в чести. А если все плохо, то он на костре. Главные всегда находятся во втором или третьем ряду... Кто

всем управляет... Сейчас с рабством все плохо, и Эдам идет на костер... В Россию, в официальные святые козлы...

В святые козлы его отправили свои...

Как говорили в ку-клус-клане, просто не надо быть тем, кто это подписывает. Подписывать такие бумаги и брать на себя ответственность должен кто-то другой. И пусть он будет богаче и знаменитее... Зато твоя жизнь будет легче... И понятнее...

И завет Эдама Хейсонда, его декларация рабства, на казахстанском хранился в каждом детском доме — доме, где жили дети-рабы. И его читали нянюшки, мамушки и хранители, как Али Рашид. И поклонялись завету, и чтили его, как икону. И неукоснительно соблюдали. И чтили род Эдама Хейсонда, и его завет, уходящий своими корнями в 1865 год окончания гражданской войны в США.

Дети в рабстве сначала ели из корыт во невменяемом состоянии, под наркотиками, а потом просто потому что из другого не предлагали... Потому что так написано в декларации рабства. Потому что так сказал Эдам Хейсонд.

Поэтому маленьким детям отрезали пальцы секатором, выкалывали глаза работорговцы — легче это сделать ребенку, чем взрослому. Они уродовали рабов. Внутренне унижали их, потому что так сказал Эдам Хейсонд. Так делали ку-клус-клановцы в Америке. И так теперь делали со всеми рабами мира. В Америке ловили черных и отрезали им пальцы, и так метили рабов. И чем больше отрезали пальцев, тем скорее умрет этот негр, тем более он бесполезен в работе, тем скорее его поймут и убьют.

Рабам отрезали щеки, члены, груди и кормили этими органами своих псов. С щеками хуже — вырезанные щеки навели ужас на господ, таких рабов не любили брать служить в дом... Если отрезали щеки, то раб был попорчен. В Казахстане в одном из домов на полу лежали волшебные «выколотые» глазки детей. И ими был усыпан весь пол... И больше всего работорговцы боялись, что дети вспомнят, кто они были до и где жили, что у них были свои матери, их руки, улыбки отцов и дедов... Что они не были рождены рабами...

Поэтому дети офицеров так плохо приживались в рабстве... И больше всего боялись рабовладельцы подъема национального сознания и слов в сознании каждого: «Я не раб»... И после этого больше всего унижали они рабов. Больше всего морили их голодом и страшнее всего наказывали...

Свободный человек думает, что плохое — потеря глаз — случается редко, а хорошее — само собой разумеющееся. А раб думает, что плохое само собой разумеющееся, а за хорошее надо платить...

Семья Эдама знала не понаслышке, что рабство лучше переносить на галлюциногенах и легких наркотиках, только бы не покосить сердце. Так делали южане — держали рабов на обезболивающих перед избиванием плетью и во время уборки урожая, работы день и ночь.

Больше всего казахстанцы боялись, что у них поднимется земля, хоть на один сантиметр. Земля как символ проблем из-за работорговли в будущем. А в Казахстане земля стала стеной. За это унижение детей у них земля поднялась и стала стеной... А земля больше уже никогда не пускалась. Казахстанцы хотели владеть рабами, нарушать правила жизни и не платить за это жизнями своих детей и их исковерканными судьбами. Так не бывает... Казахстанцы хотели себе пробить медицину через издевательства над маленькими детьми.

В Казахстане земля больше не опускалась, и Эдам Хейсонд решил передать, как когда-то его прадед, флаг рабства дальше, в Европу. Эдам понял, что рабство больше не приживается в России, и теперь решил пустить струю рабства в Литву... Передать рабство дальше — это не шутки... Для этого и пригласили Эдама... Когда Деликаты и Оглоблин узнали, что рабство переезжает в Литву, они тоже туда собрались переехать — детей бомжей ловить и по двадцать миллионов каждого продавать... Но им там были не рады... Пришлось вернуться...

Истоки рабства в Казахстане

Семья Эдама была из крупных богатых серьезных рабовладельцев юга... Они до гражданской войны были самыми богатыми работорговцами Америки. Или одними из самых богатых, но самыми известными. И они хотели вернуть рабство в Америку. Чтобы рабство не изжило себя. Семья Эдама стояла у истоков рабства. Именно им и доверили работорговцы юга Америки передать факел рабства дальше куда-нибудь до окончания гражданской войны.

Когда-то прадедушка Эдама «в замужестве» Хейсонда на одной из ежегодных встреч работорговцев познакомился с неким богачом, казахстанским принцем Халимом Первым, в красках описал ему все преимущества рабства, как хорошо иметь рабов, бесплатную рабочую силу до конца дней, и предложил в подарок двух маленьких рабов — негрятя.

В это время Америку разрывала гражданская война, и двери рабства для юга закрывались. Но прадед Эдама, как и все работорговцы юга, не хотел полностью гасить мировой огонь рабства, зная, как удобно иметь рабов... Надеюсь, что если рабство сохраниться в каком-либо виде где-либо, его потом можно будет воскресить в Америке в виде, в котором оно и существовало с сотворения Америки — в виде черного рабства. И он решил передать его хоть куда-нибудь... На помощь пришли вампиры и посоветовали передать огонь в такую бедную пустынную бесплодную страну, как Казахстан, где земля не «рожала», не плодородила. Именно там рабство могло прижиться... Вампиры и крупные мыслители правят миром.

Прадед Эдама вел переговоры именно с Халимом...

При этом перед встречей с Халимом прадеду Эдама приснился сон. Что он поймал в реке золотого налима, который потом в его руках вдруг превратился в золотого льва. Прадед Эдама решил, что это знак. Видеть во сне рыбу — это удача. И так как налим — это было название рыбы на славянском, решил прадед Эдама, что рабство приживется в какой-то славянской стране и сказал это Халиму. Название «налим» и имя Халим были созвучны, поэтому прадед Эдама подумал, что именно Халим возглавит работорговлю в Казахстане. Но все равно устроил кастинг, кто будет во главе рабства в Казахстане...

Халим обдумывал предложение год... А прадеду Эдама опять приснился сон про налима и льва, но на этот раз лев выпрыгнул из его рук, зарычал и вырос... стал как настоящий крупный золотой лев ... (Эдам любил рассказывать эту историю про льва и сны своего прадеда на наших американских встречах). И на очередной встрече работорговцев как раз перед окончанием гражданской войны Халим Первый в итоге принял подарок.

Халим долго думал, как поступить с негритами, потом поступил «по старинке». Он порезал руку одного негритенка и выпил его крови – земля в Казахстане не поднялась... Потом он отрезал его руку – опять все нормально, потом он вырезал его сердце и съел – и опять ничего, никаких последствий... Это мы знаем, что в следующей жизни, в эволюции он будет понижен. Но Халим-то Первый этого не знал... Он так развеселился... и пустил кровь негритенку и выпил ее всю... лев внутри него съел негритенка целиком. Без последствий... Только после этого Халиму стали сниться плохие сны, чего раньше не было. Ему снилось, что из его глаз вылезали черви... Итак много снов подряд... Но сны – это сны, и он их не брал в расчет. Но кто будет задумываться о снах, когда открываются такие перспективы!

Второй негритенок дожил до старости и служил Халиму Первому верой и правдой, работал за четверых и не роптал, помня о горькой участи своего брата... Так рабство попало в Казахстан... Прадедушка Эдама хорошо подобрал негритят: у одного было слабое здоровье, его принесли в жертву, а другой был создан для рабства, для труда. Халим устраивал митинги, говорил, что рабство безопасно для Казахстана... Оставалось только найти рабов, где взять столько негритят?.. Америка далеко.... Из Африки брать рабов больше не разрешали... Черных теперь, после гражданской войны, стремились приравнять к белым.

В итоге Халим Первый заручился всесторонней поддержкой прадеда Эдама. И они разошлись как старые добрые друзья... Факел рабства был передан из Америки в Казахстан. Он убедил, что лучше торговать детьми. Что лучше их сначала прикормить... использовать и наркотики и галлюциногены, что лучше их «метить» – немного уродовать – лишать глаз, щек, ушей, пальцев... Прадед Эдама говорил не лишать их рук и ног. Но кровавым казахстанцам это было понять сложно...

Потом Халимы и «Хейсонды» разошлись и долго не общались... Но после войны, когда рабство в Америке практически затухло, вновь возобновили плодovitую дружбу семьями...

Через десять лет Халим Первый решил «попробовать» рабов.

Вода и исцеляет, и убивает, И делает землю плодородной. Поэтому стихию рабства казахстанцы сравнивали именно с водной стихией. А в Казахстане всегда были проблемы с землей – земля им не рожала... Именно в такие земли и отправил прадед Эдама факел рабства – в бесплодные.

И тонкая струйка рабства, пущенная прадедом Эдама, переросла сначала в крепкий ручеек, а потом стала добротной рекой.

Из богатой Америки рабство перешло в бедный Казахстан – и прижилось! Это был шаг вперед для рабства. Президент Казахстана предлагал ковры за рабов, и президенты многих стран согласились на этот обмен. Им выдавали рабов от нескольких городов каждые пять лет по двести человек от города. А они поставляли в эти города дешевые ковры.

Потом кто-то предложил бедному отсталому Казахстану набирать рабов в более продвинутой славянской России и Прибалтийских странах

Европы... А это был шаг назад. Набирать рабов в более развитой стране.

Систему рабства когда-то создал род Эдама. И в этом виде она просуществовала много лет... Спонсоры контрабанды нашего Эдама тоже хотели вернуть рабство в Америку. Сначала, чтобы сохранить рабство в каком бы то ни было виде, они перенесли его в Азию, в Казахстан, зная, какие это жесткие, кровожадные люди и что уровень жизни там ниже. Там рабство сохранилось в другом модифицированном виде. В рабы отправляли в основном не своих, а купленных в других странах. Рабство вернулось в той форме, в какой оно существовало в древнем Риме, когда рабами становились пленные, в том числе белые, схваченные в бою. И рабы рожали новых рабов. Но американцы хотели вернуть «черное» рабство, когда негр априори раб и служил им. Поэтому негров исподволь «дубинили», делали дебилами, идиотами. На юге Америки белые в принципе не в восторге, что рабство отменили...

Получается, что прадед Эдама Хейсонда передал факел рабства в Казахстан, продолжил работорговлю... Эдам передал факел рабства в Европу. Продолжил дело прадеда. Никто не дает рабству затухнуть. А теперь Эдама хотели посадить за работорговлю, к которой он имеет непосредственное отношение. Пусть он не украл и не продал эти двести пятьдесят рабов в Краснодаре в 2003 году, но он сделал для процветания рабства намного больше, передал контакты в Европу и каждый год «возвращал» рабство в Америке, когда негры играли в театр, притворяясь рабами, делал все для возобновления рабства в Америке. И для Эдама возвращение рабства — это было просто дело чести, вопрос времени и, как он надеялся, неотдаленного. Семья Эдама — это одна из семей самых активных пропагандистов рабства в Америке. В России рабами становились за десятки лет тысячи. А Эдам хотел сделать рабами сотни тысяч, а то и миллионы чернокожих американцев. Поэтому он и ослепил африканскую чернокожую девушку, и запросто убил чернокожего семилетнего мальчика. Потому что для американца-южанина Эдама черные не были людьми, а из разряда скота. Как домашняя живность, без прав, с органами на продажу... Негры для белых американцев бесправные скоты...

Таким образом, поведья работорговли всегда были у семьи Хейсондов, это были те самые руки, которые нажимали нужные клавиши, чтобы сам принцип рабовладения не изжил себя. Они все «разрабатывали» для Казахстана и на все вопросы по поводу работорговли у Эдама и его родителей были ответы... Им платили за это золотом... Халим Третий, кто оказался во главе работорговли в Казахстане сейчас, во времена Эдама Хейсонда, знал Эдама Хейсонда лично еще с детства... И у братьев, Байсека и Али — у всех работорговцев Казахстана на стене висел большой портрет Эдама Хейсонда с подписью «вечная память и благодарность за прекрасную идею и постоянную помощь»... Поэтому Эдам подходил на роль святого козла лучше всего — его семья была, как минимум, в пушку... Как максимум в доле...

Главным козлом отпущения в итоге сделали одного из самых крутых ку-клус-клановцев Америки, хранителя системы рабства, оружейного барона. Род Эдама начал эту работорговлю детьми в Казахстане. Ими хотели ее и закончить.

Приманили «козлов» на Калашниковых...

Смешно получилось, но Эдам был реинкарнацией своего прадеда, который передал факел рабства в Казахстан, а Эдам передал факел рабства в Европу. Символично, что косвенно Эдам мог стать причиной кончины рабства как такового, став одним из главных героев этой книги...

Замершие восковые фигуры

*Не думай о секундах свысока
Наступит время, сам поймешь, наверно,
Свистят они как пули у виска
Мгновения, мгновения, мгновения,
мгновения...*

Халим Первый любил мучить животных, вырезал глаза у кошек. Халим Первый не был в Казахстане своим, он был полукровным, его отец женился на простолюдинке и его не любили, относились, как к отверженному... Он всегда хотел произвести впечатление на знать и аристократию... Он всегда был для них чужим... И чтобы стать своим, он хотел начать рабство и тогда он получил бы, что давно хотел – уважение и признание...

Американцы все думали, кому в бедном отставшем средневековом Казахстане передать бразды рабства. И выбирали среди казахстанцев. И был среди богатых казахстанцев кастинг, кто сможет возглавить работорговлю. И решили американцы проверять желающих на жестокосердие и кровожадность и передать факел самому жестокосердечному и кровожадному роду, кто сможет десятилетие от десятилетия переступить человеческие законы. И предложили южане-американцы казахстанцам сделать восковую деревню. Только не из фигур. А из реальных людей.

Прадед Эдама показал на своем негре, как это сделать. Сначала надо заморозить человека, раба, обездвигать, а потом намазать на лицо, руки и ноги толстый слой воска, лучше выбирать день похолоднее, чтобы воск не стекал с лиц. Потом наколоть ему в несколько разных мест жидкость типа кислоты или налить в горло эту жидкость и ждать, когда внутренности начнут растворяться... Этот воск уже нельзя было убрать с кожи, не содрав кожу до мяса, до костей. Воск проникал в кожу, «глазировал» ее и обездвигивал лицо. Люди замирали и начинали растворяться изнутри. Иногда только глаза двигались. Так можно было прожить умирая до трех дней...

Как пауки сначала убивают свою жертву ядом, а потом впрыскивают в нее пищеварительные соки, так что жертва начинает перевариваться изнутри, тот же механизм был и при создании живых, себя переваривающих восковых статуй. Статуи обездвигивали, а потом вкалывали переваривающую жидкость так, что получался супчик из внутренних органов. Потом статуи разлагаются и разваливаются...

Прадед Эдама в таком аду в Америке жил, но приезжал в Казахстан и делал вид, что все нормально. У них гражданская война шла, которую они проигрывали...

И много казахстанцев начинали бороться за флаг рабства, но некоторые посмотрели на кислотную жидкость, дотронулись до нее пальцами, и прожгла та жидкость им кожу до костей. А если попробовали на язык, то прожигала жидкость язык и на языке оставалась дырка. Прожигала язык до мяса. И многие отказались тогда участвовать в этом.... И осталось тогда до десятка казахстанских принцев... И сначала пробовали они на слугах «восковать» людей. Прадед просил выбирать именно любимых слуг... И смотрели они, как сначала обездвигивали, потом накладывали слуги этот воск на кожу, иногда обезболивали. Потом вливали через воронку стакан жидкости и смотрели, что будет. И каждый принц сделал сначала по одному такому слуге... И стояли восковые слуги у них во дворах... Заранее этих слуг просили не есть два дня и не пить несколько часов до, чтобы не было лишних испражнений. И смотрели принцы, как у слуг глаза вываливались из орбит от боли, и некоторые бросали это соревнование... Но некоторые и оставались... И Халим в том числе... И умирали слуги, и рассыпались, и отваливались у них части тела... И оставалась от них только черная кровавая лужа... И многие отказались участвовать в соревновании, когда увидели, что осталось от их любимых слуг...

И только трое казахстанских принцев остались принимать участие в том соревновании... И каждый из оставшихся сделал для прадеда Эдама по такой деревне — из покрытым воском людей. Людей просили остановиться на улицах, замереть, а потом приступали к процедуре «воскования»...

Сначала люди тянули спички, кто пойдет на поле хозяина, а потом их выгоняли целыми семьями... Трудно членам семьи остаться в жизни одним...

Халим сказал своим людям замереть на месте... и подходил и сам коллол им обездвигивающий препарат... и некоторым сразу «супчик», чтобы они начинали растворяться изнутри... Потом наносили на них воск... Принцы быстро поняли, что делать свои поля надо как можно скорее, а потом ждать прадеда Эдама, когда он посмотрит...

Деревня из людей, покрытых воском и растворяющихся изнутри. Люди-супчики... Умирающие. Под палящим солнцем... И кровоточили у них ноги и руки... Умирали они от разрывов внутренних органов один за другим... А некоторые и без обезоливающих стояли и мучились... И поняли тогда, что лучше и глаза покрывать воском...

Некоторые из конкурентов Халима замораживали и животных, кошек, собак... И такие нравились прадеду Эдама меньше всего. В них было недостаточно жестокости... Чтобы делать рабов, надо быть очень жестоким... Больше всего ему нравились те, кто консервировал детей.

Люди стояли. У них отваливались органы, вываливались глаза.... Но сердце продолжало биться. Хорошо, если им кололи обезболивающие, но Халим экономил препараты и убивал так, без обезболивания... И они молили только о смерти, чтобы или сердце остановилось, или мозг отклю-

чился... Они стояли и молили о смерти под палящим солнцем, разлагающиеся изнутри... Они слепли и глухли... У них отваливались органы... Они ходили под себя... И считали секунды, мгновения, и просили о смерти...

Халим стоял, смотрел, как они мучаются, и ждал прадеда Эдама.

Только представьте — поле людей покрытых воском, неподвижных, умирающих, разлагающихся на солнце. Некоторое уже умерли и разлагаются. Некоторые сейчас умирают... дети стоят в фекалиях... У некоторых отваливаются щеки, руки... Они разлагаются, перевариваются изнутри. Потом на солнце воск плавится, люди умирают. Разваливаются, и из них вытекает красная вонючая жидкость, смесь крови, мышц, мягких тканей... их непереваренный обед... по ним ползают мухи, птицы питаются их останками и тоже умирают...

От боли и муки люди на поле Халима превратились в журавлей и улетели... И понял прадед Эдама, что приняли тогда Халима, как главу работоторговли, небеса...

На поле одного принца у его людей стала течь кровь из ног... И сказал прадед Эдама, что не подойдет этот принц, потому что не приняло его рабов небо... А у другого принца упали люди и стали червями, и сказал прадед, что не принимает этого принца небо... ибо рабство будет здесь ползать, а не летать... А у Халима стали люди птицами и улетели в небеса... И сказал прадед, что приживется здесь рабство на десятки лет...

Один принц сделал деревню из двух десятков человек, но сказал прадед Эдама, что этого мало. Недостаточно жесток он. Другой сделал деревню из пятидесяти человек, но и этого было недостаточно прадеду Эдама. Принц Халим сделал умирающую деревню из ста человек... По не был доволен прадед Эдама и сказал продолжить соревнование...

Потом делали принцы уже другие восковые поля, один из двухсот, другой из пятисот, а принц Халим из семиста человек, но прадед хотел большего.

И не было смрада у Халима и стояли его люди по-настоящему восковыми опять, и теперь приняла земля Халима, подумал про себя прадед Эдама.

— Ты недостаточно богат, если жалеешь людей... А мне нужны богачи... — сказал прадед одному из принцев, который не хотел больше убивать своих людей, сделав два поля... Он отправил на свое поле детей-сирот и не мог других... А Халим отправлял на поле даже женщин с грудными младенцами... И даже не обезболивали их... Только прадед Эдама просил младенцев обезболить... И проиграл тот принц, который жалел людей... И сам ушел... И услышал это принц Халим и решил не жалеть больше людей...

И сказал прадед Эдама Халиму, увидев его поле из семиста умирающих людей: — Ты не достаточно жесток. Тебе надо убить близкого человека в этой деревне. Например, мать... — И сказал это он всем оставшимся... И убежал еще один, последний конкурент Халима, когда узнал, что ему

надо так чудовишно убить родную мать... А Халим задумался — очень он хотел победить в этом соревновании... И еще сказал прадед Эдама, что недостаточно семиста человек, слишком мало людей принес в жертву Халим... И решил тогда Халим увеличить свой «умирающий восковой город» и сделать, какой еще не видывал прадед Эдама...

Тогда для Халима потребовались бочки обездвижителя и «супчика». — А ты серьезно взялся за дело! — похлопал его по плечу прадед Эдама.

А принц Халим Первый решил сделать поле из двух тысяч человек. Халим приказал всем выйти на улицу и замереть. И помогли ему тысячи слуг... И было много детей среди «восковых» людей... Другие принцы не хотели «восковать» детей... Многие говорили, что это грех... Но не Халим...

«Мать уже стара. Ее можно и убить... Она пожила. Я тоже хочу пожить в чести и уважении»... И отправил переодетую мать на новое поле живых умирающих восковых статуй... Она переделалась простолюдинкой и пошла в этот город... тоже стала она среди постановочных, и тоже вкололи ей обездвижитель и «супчик»...

На новом поле многие статуи просто стояли или сидели, некоторые разговаривали между собой, кто-то курил, кто-то брал хлеб у старушки. Неподвижные дети играли в мячик... И торопил Халим прадеда Эдама, чтобы успели они до заката посмотреть новое бескрайнее поле, ведь только сутки хорошо держалось композиция... А потом смрад, моча и кал... Так и стояли эти люди и медленно умирали... И никто не давал им больше обезболивающих и текли у них слезы... И все равно было Халиму на них, потому то сердце его уже окаменело... И только о признании думал он и золоте за рабов...

И сам вколол матери Халим обездвижитель, а потом супчик... «Только супчик», — подумал он про себя. «Эдам любит супчик»... И никаких обезболивающих».

И посмотрел на это бескрайнее поле прадед Эдама и сказал, что Халим Первый достаточно безжалостен и кровожаден. И детей не пожалел он, и это было главное... И много детей было в том поле... И стояли там телеги и люди были как будто живые... только недвижимые... но некоторым он вколол обезболивающее, но не всем — мало было препарата на две тысячи. И просить смерти. И разрывались у них внутренние органы от боли. И медленно умирали те восковые люди... И было в этом что-то жуткое — так стоять и умирать...

И стоял Халим в поле живых растворяющихся людей. И не было конца и края этой композиции. Бескрайнее море из восковых фигур... У одного вывалился глаз, и Халим Первый поднял глаз и хотел вставить обратно — но там была кровавая дыра. Он тут же позвал гримеров, чтобы загримировать дыру в газу... И чтобы прадед Эдама не дай Бог не увидел грима... И Халим Первый старался увести прадеда от этой статуи... Они шли по полю умирающих людей и обсуждали детали. Прадед мельком смотрел

на фигуры... Ему больше всего нравились умирающие, разлагающиеся, без обезболивающих, со страшными глазами, в которых читалась невыносимая боль. Особенно долго прадед Эдама стоял около матери Халима Первого. Он долго смотрел на статую, а у матери текли слезы от боли... Наверное, это было решающим фактором, решил про себя Халим...

И окаменело сердце Халима... и смог он убить две тысячи... И мать свою тоже не пожалел... знал он, что идет она в тот город. И убил ее своими руками...

Его мать умирала без обезболивания. А прадед Эдама подошел именно к ней и долго стоял и разговаривал с Халимом Первым около ее мучающегося, пока еще живого трупа. У его матери текли от боли слезы. Прадед Эдама подошел к ней, утер слезу и сказал: — Вколите ей обезболивание. — И внимательно посмотрел на Халима. Сердце Халима уже очерствело, и он не чувствовал жалости даже к своей матери... Халим решил, что это очередное испытание прадеда Эдама и боялся даже повернуть голову в сторону матери. Он нарочно решил, что он не подходит на роль главы работоторговли, испугался и стал говорить еще громче, еще больше шутить и смеяться! Вести непринужденную беседу...

Напоследок прадед Эдама положил руку на грудь Халима, где билось его живое бесчувственное сердце. И сказал: — Ты выполнил все условия мой мальчик, — и внимательно посмотрел в его глаза и пожал ему руку. И сверлил его взглядом, пытаясь проникнуть его душу и увидеть будущее. И стало почему-то страшно Халиму И решил Халим, что еще будут проверять его... И боялся даже подойти к матери. Вытереть ей слезы... И бежал домой рассказать ей, что выиграл он... и стал он победителем... И хотел поделиться этой новостью с матерью... Но встретил только нарядную тетку... И не вернулась к Халиму больше мать... И забыл он почему-то, что мать его стояла на том самом поле и разлагалась изнутри... А мать в этот момент умирала от боли на поле... И искал он мать и не мог найти... и вспомнил, что сам обездвигил ее на поле... И понял, что убил ее своими же руками... И смотрел на свои руки, и плакал, и превратились его руки в лапы льва... И плакал он в своей комнате и ревел, и первый раз стал он львом и разметал все комнаты и даже весь дом... И бежал к полю и нашел умирающую мать и громко ревел он... И громко плакал... И понял, что уже никогда мать его не станет живой и здоровой... И вспомнил он мать, как она его держала на руках и баюкала, как пела ему колыбельные...

Проснулся утром на следующий день Халим Первый в своей постели и стал совсем на себя не похож, и стал он жестоким сам, как каменная статуя... Вроде человек. Но сам холодный и бесчувственный весь, как камень... До этого он еще был человеком хотя бы иногда. А после стал он камнем, и им он и оставался до конца его дней...

И стояли так люди на поле часами, днями. А потом разлагались и умирали. И так несколько дней. А Халим праздновал и пил... что выиграл тот спор... А его мать разлагалась вместе со всеми на поле...

Именно Халим тогда вколол заморозку своей матери, и именно он потом вколол ей кислотный раствор. И поэтому с тех пор долго не жили мужчины рода Халима с женщинами, не приживались у них женщины... А давали потомство их жены и умирали при родах и не жили долго... И росли потомки Халима без материнской любви...

И навсегда запомнил прадед Эдама этот восковой замерший город Халима — сколько людей он готов убить, чтобы стать во главе работорговли... И открыл там черную дыру, и всем показывал это поле, и водил туда людей разных времен, друзей... На что человек готов ради главенства в работорговле...

И принял прадед Эдама этот город-деревню и выбрал Халима... И оставил Халим свое поле... И так и стояли восковые люди умирающие и погрузилось поле во смрад... И налетели птицы и клевали восковые трупы и глаза восковых умирающих, и падали те птицы замертво. И тоже умирали и разлагались, усиливая смрад города... И не знали, что делать слуги Халима. Гнили трупы птиц и восковых людей теперь, когда уехал прадед Эдама.... И решили тогда сжечь этот город слуги Халима и сожгли и птиц, и восковых людей... И тек воск. И горела умершая плоть... И сгорело все. Но впитала земля пепел и кровь умерших птиц и людей, и стала земля отравленной. Черной от пепла и отравленной. И не было конца и края черной отравленной земле... И много лет ничего не росло на этой земле... И была земля Халима в этом месте пустынна и испорчена ядом неизвестной жидкости... И не плодоносила эта земля больше никогда... И лили слуги Халима здесь воду, и живую воду, но не росло больше здесь ничего и вода не помогала... и только спустя много лет его праправнук Халим Третий увидел на безжизненном поле зелененькие росточки... И стали теперь люди Халима Третьего засеивать это поле, возделывать, и стало это поле давать богатый урожай... впервые более, чем за сто лет... И говорили умные люди, что виден конец работорговли в Казахстане...

***

Халим Первый ввел рабство в Казахстане и опять стал изгоем среди своих, даже больше, чем раньше. Ораклы теперь его не любили и сторонились... У Казахстана под медицину забрали живую воду... Потом за мучения и издевательства над детьми забрали крупных ораклов. Многие бывшие друзья считали Халима Первого теперь чудовищем... Но время сделало свое дело... Очевидных внешних последствий у рабства не было... Халим Первый говорил словами прадедушки Эдама, что рабы сродни коровам. Их можно резать и не воспринимать, как людей..... С тех пор он стал в Казахстане богом и все больше богатых семей решались завести себе по рабу. Сначала одному, потом и нескольким... Они получали маленьких мальчиков. Пока только мальчиков. И отдавали казахское золото. За рабов платили чем-то вечным, не теряющим свою ценность...

На американских встречах мы познакомились лично с праправнуков Халима Первого Халимом Хусейном Третьим (был еще Халим Второй и два Хусейна соответственно). Его второе и третье имя совпадали, и его папу и дедушку звали Хусейнами. Но вместо третьего имени Хусейна он писал Адам... Это выглядело лучше. И так стал он с нашим Эдамом братьями по имени.

Эдам говорил, что сейчас во главе рабства в Казахстане стоит человек, в имени которого слишком много букву Х. Уже три икса. Да к тому же он — Третий... Эдам считал, что три креста — это уже конец работорговле в этой стране. Надо будет или менять страну, или лидера. Эдам был суверен.

Второе имя в азиатских мужских именах — имя отца, а третье — имя бабушки... Еще Али и Байсек говорили, что в мужских казахстанских именах хранят имена не только отца, но и деда, а в русских отчествах только отца. На что ему наши мужики отвечали, что у азиатов не было отчества. И в женских казахстанских именах они вообще не хранили имена отцов, в отличие от русских женских отчеств. Четвертые и пятые имена казахстанцев ничего не значили, их выбирали просто так, имена, которые очень нравились, и иногда ими назывались. Шестых имен у казахстанцев-мужчин не было. Казахстанцы считали имена, которыми они назывались для незнакомцев и их порядок что-то значил... Если тебе называли первое имя — то это долгое знакомство, если третье — то короткое, а если четвертое или пятое, то совсем короткое... Например, Али Рашид иногда менял местами свои третье и четвертое имена Хасан и Адам... А его пятое, последнее имя значило «пророк»ё. Его семья продала ораклизм за богатство. В пятом имени было «зашито» прошлое.

Шестое имя казахстанцы могли придумать себе сами, первые пять имен им давали родители. Но шестое имя они редко себе придумывали... Только если вносили существенный вклад в развитие Казахстана....

Если «породистого» казахстанского мужчину звали, например, Али Рашид Хасан Адам Мухаммед, то женщину просто Айдана. Имя женщины всегда состояло ровно из одного слова, имени безо всяких отчеств...

В последнее время Халиму Хусейну Третьему часто снился сон, что река рабства поднялась и стала водоворотом... И этот водоворот-ураган подлетел к Халиму, закрутил его и поглотил... И оторвал тот ураган у Халима Третьего голову. И просыпался Халим в ужасе и холодном поту... И часто повторялся этот сон теперь у Халима...

Жертвоприношение

Когда Эдам приехал в Краснодар, он потребовал жертвоприношений. Для него полицейские закололи негрityанку, зарезали, как буренку. Для всех она пропала без вести...

Потом Эдам, как глава ку-клус-клана, убил «тикающего» новорожденного негрityанки, а потом и саму негрityанку.

— Хорошо убивать «тикающих» негров — они все равно долго жить не будут. А они если знают, что «тикают», что все равно умрут, то хотят умереть не просто так, пострадать за убеждения, за свою веру, — говорил Эдам. Как тот священник. Эдам тоже любил убивать «тикающих», чтобы и не придраться.

Потом Эдам начал играть в десять негрityат — убивали негров. Сначала каждый месяц, потом каждые три месяца. Байсек сделал видео, как Шерил убила негрityенка, тоже собирал на нее компромат, чтобы американцы были более управляемы.

Наши пока разобрались, кто такой Эдам Хейсонд, он уже налаживал свою преступную сеть, собирал оружейников, сутенеров, наркоторговцев и маньяков-убийц и постоянно убивал негров...

Когда ку-клус-клановец Эдам приехал в Краснодар, все сведущие негры поспешно покинули город, знали, что будут регулярные жертвоприношения...

Эдам знал, как правильно убить рабыню, как быстро пустить ей кровь. Как сделать так, чтобы кровь у нее долго вытекала и ее мясо было обескровлено... Эдам и Морген иногда готовили бульоны из костей негров, которых убивали в Краснодаре, и кормили ими русских из американского клуба...

Убить рабыню как жертвоприношение в Америке. В доме Эдама рабынь резали часто. Отрубали голову. Клали на серебряное начищенное круглое блюдо, накрывали его серебряной начищенной крышкой и подавали к столу, ее мясом угощали гостей... Гости обглаживали ее кости, пили бульон на ее костях... Еще вчера эта рабыня бегала на кухне, шутила с хозяевами, а сегодня она уже лежала на столе и угощала собой гостей. И главное украшение стола — ее лицо в волосах на серебряной тарелке под крышкой. Особый шик подать голову с открытыми глазами, когда в глаза не вставляли спички, а веки сами держались... Главное, чтобы глаза не переварились и не побелели... А убить рабыню с белыми глазами, с бельмами — вообще плохой знак, как обрезать рабство, положить ему конец. «Не увидеть» у рабства будущего. Как будто Бог рабства не принял жертву... В детстве Эдама так однажды и сделали... Зарубили рабыню с белыми глазами... Правда, она была старая, но все равно это был плохой знак...

Американцы собирали каждые два-три года негров из всех семей и устраивали бойню. И каждая семья черных отдавала, кого они выберут. Негров загоняли на ферму и устраивали экзекуции — их убивали, пытали, метили раскаленным железом, заливали им в рот раскаленную лаву. Полностью выпивали кровь. Отрезали члены — они отрезали крупный член самому сильному негру, мужу и отцу, самому хорошему мужу и хорошему работнику. Есть что-то особенно привлекательное для мучителей, чтобы лишиться потомства, лишиться достоинства, лишиться сексуальной жизни с женщиной, сделать полноценного мужчину кастратом в один миг. То же, что у женщины отрезать грудь. Они выкалывали им глаза, заливали бетон в рот, растворяли их кислотой изнутри, брызгали им кислоту в глаза. Так белые американцы пытали негров... И каждый серьезный ку-клус-клановец обязательно должен был отрезать член у самого сильного, крупного и плодовитого негра. И Эдам отрезал... И больше всего негры боялись быть выбранными и попасть в такие фермы...

Считалось, что если отрезать член самому крупному негру, то можно забрать у него жизненную силу. Здоровье и молодость. В ку-клус-клане говорили, что если у тебя начинает падать зрение, то находишь негра, вырезаешь у него глаз и ешь, и зрение восстанавливается... Врачи колют, «сворачивают» близорукость, восстанавливают зрение и т. д. Негры как бесплатные органы...

Элен тоже была прошлым летом на такой ферме. Видела, как истребляют негров... Этим летом Эдам собирался повести на такую ферму Морген впервые. И все ку-клус-клановцы благодарили Бога за то, что родились белыми, а не черными. Этим Бог сделал им самый большой подарок в жизни... Потому что черные обязаны платить жизнями своих детей. Постоянно...

Брежнев тогда и видел такое жертвоприношение черной девушкой, как ее зарезали, как корову, а потом отрезали голову и положили на блюдо. Он сам был ораком в шести поколениях. Ему личный оракл обещал возобновление рабства в Америке, а потом его распространение и до России. Тогда он подписал указ о продаже в рабство российских детей... зная, что потом один русский писатель подробно опишет ужасы рабства и привлечет внимание к этой проблеме, надеясь, что это изживет рабство, как таковое. Взяв на себя такую ответственность, Брежнев подписал указ... И в будущем пошли волны, у людей по всей стране стали меняться жизни чаще всего далеко не в лучшую сторону... К концу жизни Брежнев понял, что ноша его непомерно тяжела...

Негры в Америке тоже не доживали до старости, мечтали дожить хотя бы до сорока. Вы видели хотя бы одного негра-старика? Горбуны и рабы тоже не доживают... У одних спина сворачивается, а рабы-старички никому не нужны...

Эдам убивал не только негров, маленьких и больших. В России он убивал и белых девушек из станиц, «буренок». Иногда еще до второй

мировой войны в станицах выращивали девушек в многодетных семьях определенного типа и в голод их рубили на мясо и ели, их мясо консервировали и ели и так выживали целыми семьями. Но у нас это было давно, до войны. А в Америке процветало до сих пор. Эдам тоже зарубил парочку таких женщин для опыта... Но есть не стал, белых он не ел, говорил, что это не то мясо. Он по старой русской традиции убил и разделал одного продажного полицейского. Его мясо он отдал Георгию Семеновичу — полицейскому, который отвечал за Эдама... Иногда детям давали специальные таблетки, и дети становились козлятами или гусятами, и в деревнях рубили этих козлят на мясо и тоже ели. Эдам тоже попробовал такого «гусенка»...

Эдам снабдил русских убийц работой, теперь они убивали для него негрятя.

Но русским не нравилось убивать негров просто так и становиться канибалами. Ку-клус-кланство в России не приживалось. Нельзя просто так людей рубить топором и жрать. Нельзя так косить цивилизацию, делить людей на рабов и господ по цвету кожи и идти в эпоху работорговли, когда люди жили в гамаках без света и воды, а умирали в пирамидах. Вы не едите тех, кто на двух ногах, с двумя руками и разговаривает, если вы выбираете техническую эволюцию и цивилизацию...

Нормальные «мясники» никогда не убивали детей... И убивали сразу, не ждали кровопотери, не пускали кровь, не обескровливали своих жертв, не мучили... Сразу в темечко, и дело с концом...

Эдама отправляли в Россию подставлять. Эдам был святым козлом. Он не пришелся ко двору в американском обществе бандитов, как негодный принц в английской королевской семье. Слишком много правил нарушал. И все, кто с ним был связан, были негодны своим. К нему приставляли только тех, кто был сильно в пушку — всю американскую тусовку преступников, Маришу Шайн.

Русские все думали, кто же сядет за их работорговлю за столько лет... Они же не могут сами за себя сесть. На кого будут скидывать? Додумались! Пригласили Эдама Хейсонда за нашу работорговлю сидеть... Он сначала думал, что это шутка...

И именно голову Эдама Хейсонда, главного по работорговле во всем мире, русские решили положить на блюдо своего рабства. Эдам Хейсонд стал нашим жертвоприношением! А русское рабство требовало таких жертвоприношений, как Эдам Хейсонд...

Кто же сядет за работорговлю в России — америкос! Русские не могут сесть за свою работорговлю сами — им нужен святой козел! Как это — русские сядут за свою работорговлю сами? Это неправильно!

Эдам сотрудничал и с местным чертом Славой Оглоблиным, человеком-чернокнижником. Черт воровал детей для Байсека, складывал золото, «отрезал» у свидетелей языки... А как выглядел черт? Да так же как все! Высокий, седеющий, коротко подстриженный спортивный человек, с голу-

быми, блеклыми глазами. Только левая нога у него сохла и была короче правой, и его левые туфли были на специальной толстой подошве. И у сыновей его ноги сохли, было у него два сына... И чем больше он вредил людям, тем больше сохла у него левая нога. Ровно ходить он не мог. Слава был знатный человек. Высокий. Красивый. Веселый. У нашего черта было десяток продуктовых магазинов на «детское» золото. Но чертям виднее, и, как говорили старики, они хоть и нечисть, но в природе требуются. Этот черт не меньше двадцати детей в рабство уже продал. А теперь хотел их вернуть и отмолиться. И его отец, тоже черт, тоже детей в Казахстан продавал.

Черт Слава был женат на женщине намного старше себя, чтобы потом овдовев жениться во второй раз на женщине намного младше и, возможно, еще иметь детей. А первую жену похоронить за его грехи и ее собственные. И черт Слава специализировался на козлах. Приехали козлы во главе с Эдамом Хейсондом, и его звездный час настал!

Он на то и черт, чтобы «козлами» заниматься! У нашего черта даже хвост отпал, как «козлы» во главе с Эдамом появились. Нечисть тоже в хозяйстве пригодится, «козлами» заниматься и детей домой возвращать... Нечисть — она на то и нечисть...

— Мы тебя себе хотели. Мы тебя себе купили! И Бог услышал наши молитвы — ты приехал к нам в Россию, в Краснодар! — Перед приездом Эдама черт Слава Оглоблин устраивал пляски с бубном... вызывал в Россию святого козла...

Эдама решили прикручивать к работорговле по полной. Им оракл в шестом поколении обещал, что за всех их рабов посадят одного Эдама Хейсонда. Эдамом решил заниматься и Рома Деликат с семьей, женой и сыном, подтянутый, лысый, пятидесяти лет, с густыми усами. Крупным работорговцам тогда давали такие фамилии: Деликаты, Меньшаки... Деликат и в аэропорту Эдама встретил с табличкой «Эдам Хейсонд» «святой козел». Тогда Эдам еще не понял, что это значит. «Святой козел» написали по-русски и табличку перевернули. И золото рабовладельческое Деликат Эдаму показал. Так Эдам познакомился со своей главной нянькой — чертом Славой и второй нянькой — Деликатом Ромой...

— Это русское гостеприимство, — говорил ему Рома Деликат обнимаясь, показывая Эдаму золото и подставляя его все больше и больше, делая соответствующие фото и аудиозаписи и собирая доказательства его повсеместной причастности к работорговле.

Все наши работорговцы во главе с Деликатом скинулись по несколько золотых слитков, наделали фальшивых слитков, наполненных медью, показали Эдаму и утопили в реке. Эдам думал, что столько золота за одного раба дают, и решил, что это все ему. Он же этим летом продал в рабство двух детей, одного генеральского. А Рома сделал снимки и дал показания в полиции, что это золото за всех рабов за последние двадцать лет, которые Эдаму еще не успели передать. За золотом ныря-

ли всем миром. Эдам тоже нырял. Ему даже досталось пару золотых слитков.

Пока Эдам русского не выучил, ему Деликаты и черт Слава бумажку дали, где английскими буквами было написано: — Я Эдам Хейсонд признаюсь, что с 1980 года воровал и продавал в рабство детей по всей России. Я один ответственный за всю работорговлю по всему ЮФО России... — правда он тогда не понимал, что говорит... Деликаты сделали видео и отнесли в полицию... Вот это видео шуму наделало... Эдам потом еще много видео делал с опровержениями, но именно это видео в полиции до конца его дней хранить будут... Он и бумагу с признанием пописал, пока русский не знал... Деликаты все устроили... Это видео даже показывали по местным каналам и крутили по радио... Деликаты даже не знали, кто такой Эдам Хейсонд, пока видео делали... Потом, конечно, в попытках пожалели. Но видео осталось... Сколько они показаний давали, что видели, как Эдам детей ворует!

Люблю я русских за смекалку...

Видео сделали, аудио сделали, сидим-ждем! Нефига. Эдама не посадили... Аудио и видео не доказательства, а признаниям Деликатов не поверили!

Оракл прислал черту фразу: «Эдам, мы не можем сесть за то, что сделал ты один...» Наш черт чуть не упал... — Ой, нет, не можем. Эдам, Ты столько убил, мы не можем за это сесть... За этих негрятят... Я одних негрятят насчитал уже шесть... Хожу за тобой! А священник... Мы не можем за это сесть... Мы не можем, Эдам. Нет!

Но у своих друзей Деликатов черт через две недели нашел продолжение своей фразы. А потом ему еще раз все объяснила вторая жена, еще маленькая... Они объяснили, что все наоборот, это мы не можем сесть за всю работорговлю, которую сделал один Эдам. Но не один Эдам. А с помощью Байсека, Али Рашида и других... Подразумевая, что это Эдам сядет за нас всех... Мы не можем, Эдам, сесть за то, что сделал он один... И теперь фраза стала понятна...

И так черт Слава общался с собой из будущего...

Потом показали видео из будущего, где седой Эдам на самом деле признается во всей работорговле... Великий человек. Все ради детей сделал... чтобы деток больше домой вернуть из рабства... поистине великий человек... Вот только нашему Эдаму это видео его из будущего совсем не понравилось... Многие хотели быть на его месте, но только его земля приняла... Только он всем подошел... И ни один маньяк-убийца не мог быть на его месте.. Как ни хотел и не старался...

Это видео из будущего, и видео, как Эдам смотрел свое видео из будущего, отправили в американский ку-клус-клан, и показали всей компании Эдама...

Деликатам совсем не понравилось, что Эдам в ку-клус-клане такой непререкаемый авторитет, и этот авторитет они решили как можно больше подрывать!

Эдам — двигатель прогресса... Это видео всем работорговцам показывали, о великом альтруисте Эдаме Хейсонде. — Эдам, тебе все равно, а нам приятно... — Так знаете, сколько у него было конкурентов. Но черт Слава только Эдаму отдал эту честь взять на себя вину за всю работорговлю... Других земля не принимала... Знаете, как мы его тщательно отбирали! Какой отбор был! Кастинг! Как ему в итоге повело! Только ты, Эдам, только ты наш везучик! Счастливчик! Бинго!

— Напиши признание, что ты один детей воруюешь, — уговаривал Эдама черт.

Деликаты протащили его через все места основной работорговли... Чтобы легче скидывать на него было преступления... Святой козел совершал паломничество по святым местам преступлений работорговцев... Он пока разобрался, что значит русское гостеприимство, на него уже все преступления последних трех лет скинули...

Эдама избивали, пока он не подписал пустую бумагу. На которой потом напасали, что он берет ответственность за всю работорговлю в России с 1980 года... А потом сказали, что это проверка для разрешения ему контрабанды Калашниковых.

С Эдамом такие люди, как Деликаты и черти общаются. Какой Эдам, такие и собеседники! Такие с ним как раз и находят общий язык! Деликат продал более двадцати детей в рабство! Черт и того больше!

Каждый раз, когда Эдам возвращается на родину в Америку, там думают, закрывать аэропорт или нет. Может, не разрешать посадку. — Везите его обратно в Россию... Сейчас придумаем, за что его там посадить...

И пока Эдам был в России, наши Деликаты во главе с чертом, прикрываясь русским гостеприимством, тщательно собирали доказательства, что Эдам главный работорговец России и стран зарубежья и не только и других работорговцев нет! Эдам путешествовал по России, по работорговым городам! Собирали его билетки, делали фотографии, собирали свидетелей, сразу же писали заявления в полицию! Во время поездок Эдама воровали детей и говорили, что это он! И все, не отходя от кассы. Чтобы потом не отвертеться ему, Эдаму нашему! А время покажет, кто козел, а кто нет! А полиция им старательно помогала доказательства собирать... Если уж сажать, так сажать Эдама! Чтoб и не прикопаться было! Чтoб наверняка!

Эдам Хейсонд — святой козел. И ему все равно и нам приятно... Эдам как жертвоприношение на алтарь рабства в России. Наша работорговля требует козлов! Мы сами за работорговлю сидеть не можем. У нас есть Эдам! Он сядет за нас всех! И всем хорошо: наши работорговцы сохраняют свое золото и частично вернут детей, им не надо будет больше «платить»: пить раковые опухоли самим и поить ими детей и жен. И даже золота возвращать не придется — скажут, что все уже потратили... Эдаму якобы отравили три контейнера золота. Золото, конечно, никто не отправлял. Только фото сделали на фоне Эдама, и золото опять разобрали. Якобы где-

то те контейнеры затонули... До сих пор ищут... А контейнеры, говорят, были большие... И юридически отмазались, скинули на Эдама всех детей, а сами чистенькие. И наши родители детей рады — частично детей вернут, все договорено! И полицейские дела по пропажам без вести позакрывают. Через него мы все отмолимся, работорговцам ничего возвращать не придется. Мы договорились, и детей частично вернут... Одним словом — «святой козел». Главный козел современности!

Эдам начал было сопротивляться русскому гостеприимству, он пару раз избивал и пытал черта и Деликата. Потом его поймал Деликат, а потом черт... Эдам резал языки черту, а черт ему... Резать язык — отрезать язык у коровы и делать заговор, чтобы Эдам молчал.

Это все делали, пока Эдам не раскрутился, как фелисита.

Иисус Христос

Черт Слава организовал явление Эдама Хейсонда народу. Всех работорговцев собрали на встречу с Эдамом Хейсондом.

Святого козла встречали овациями! И устилали его путь розами, называя это русским гостеприимством!

Эдама встречали хлебом-солью. Потчевали борщами, как гостя дорогого. Показывали местные достопримечательности по всему Краснодарскому краю.

Когда Эдам был под гипнозом, Деликаты повесили его на крест, как Иисуса Христа, и надели ему на голову терновый венок, как у сына Божьего. Это было костюмированное представление. И висит Эдам на кресте, не шелохнется. Послушный козёлик у нас, значит...

А Деликаты с чертом в это время пропаганду ведут, пока Эдам на кресте висит:

— Эдам Хейсонд — Иисус Христос! Наш Эдам... Наш... Только наш... Главный святой России... Он сядет за нас всех, отсидит за все в тюрьме... Главный альтруист века! Он пострадает за нас в тюрьме! Наш Иисус Хейсонд! Эдам Христос! Иисус Эдам!.. Эдам как Иисус, Хейсонд как Христос... Святой Хейсонд! Видишь, у него и фамилия на «Х». Даже внешне похож на иконы Христа. «Эдам Хейсонд=Иисус Христос» для работорговли в России. Даже внешне на Христа похож! Он возьмет на себя все наши грехи работорговли! И пострадает за нас в тюрьме! Отсидит за нас за все наши преступления! Главный святой козел в России! Хей-сонд — как сын Господень!

Даже преступники интересовались:

— А Эдам может сесть за всех и наши преступления, если он такой альтруист!

— Нет, только за нашу работорговлю! За всю нашу работорговлю! Хотя мы еще думаем...

— А золото надо возвращать? Или Эдаму отдавать?

— Неа...

— Тогда хорошо... Тогда да. Это Эдам детей воровал... Всех детей воровал один Эдам Хейсонд!

— Ну, ему помогали...

— А кто помогал?

— Американцы... И казахстанцы...

Русские вокруг Эдама на кресте даже хороводы водили:

Нам Эдам Хейсонд дан не зря,
Он наш козёлик навсегда...

Эдам под галлюциногенами пока разобрался, где он и что происходит... потом возмущаться, дергаться стал... Пришлось его с креста снять, потом сам где-то пистолет взял и по толпе стрелять стал...

Потом его на кол посадили... И на колу сидит смирно! Смирный у нас козлик! Смирехонький! Так Эдам такой серьезный бандит, ку-клус-клановец, главный по работорговле во всем мире, а наши мужики его и на крест вешали, и на кол сажали. Деликаты видео сделали и того и другого, отправили в ку-клус-клан — пусть за нас порадуются!.. А когда Эдам возмущаться стал, Рома Деликат сказал, что на кресте надо для торговли Калашниковыми повисеть. А Дажуху это подтвердил и подписал кровью. Это правило такое в России. Надо устроить людям зрелище... Люди требуют хлеба и зрелищ.

— Наша сила в единении! Хорошо, когда мы можем вот так взяться за руки и сработать слаженно, как единый механизм.

И кого не спроси на Руси, от мала до велика, все говорят, что во всем виноват один Эдам Хейсонд. Вот оно единство нации! Русские во главе с чертом стали всю работорговлю скидывать на Эдама всей нацией! Русские даже выполняли объединяющие нацию упражнения, чтобы набраться смелости скинуть все на Эдама, учили фамилию Эдама! И даже любого ребенка можете на улице остановить, и он скажет вам, что во всей работорговле виноват один Эдам Хейсонд, и он воровал всех детей. И любая женщина, или любой мужчина это подтвердит! Войдите в любой подвал, когда там заварушка и задайте тот же вопрос любому преступнику из любой группировки, и они тут же перестанут драться и выяснять отношения и ответят вам, что во всем виноват Эдам Хейсонд... А когда вы выйдете, продолжат драться или пытаться друг друга. Вот только в полиции не все согласны это подтверждать... Еще выпендриваются! Но с полицией мы еще работаем... Они еще просто фамилию Эдама никак выучить не могут! Знал Эдам правило — жениться надо на сложных фамилиях и брать их себе! Потом полиция тоже стала солидарна с народом и выучила, наконец, что во всей работорговле виноват один Эдам Хейсонд!

Черт Слава даже Эдама в стол замуровал, в столе сделал дырку для его головы, тело под столом, его голова на начищенной тарелке, даже в глаза вставил спички. Эдам под снотворным у нас на столе, тело спрятано в стол, на столе скатерть. А его голова как будто на начищенном блюде и зубочистки в глазах. И его голову даже крышкой прикрыли... А черт провел ритуал, как он кладет голову Эдама на алтарь рабства России и Бог рабства, Брежнев, принимает его жертвоприношение. Бог рабства России Брежнев принял жертвоприношения в виде Эдама Хейсонда. Алтарь задымил! Только Эдам храпеть стал... лежит, блин, на блюде, храпит... Весь кайф русским испортил. Черт сделал фото на память, как голова Эдама лежит на блюде жертвоприношения рабства, и потом заказывал себе торты в видео головы Эдам. Ел эти торты, а фотки посылал Эдаму — голова Эдама на алтаре раб-

ства в России! А Деликаты все делают фото и видео и в ку-клус-клан шлют. А в ку-клус-клане сначала были в ужасе, каких людей в России на кол сажают, на блюдо кладут, потом поняли, что это шутка и посмеялись на славу... Но авторитету Эдама был нанесен урон.

По городу русские ходят с табличками «Эдам Хейсонд наше все! Он святой козел! «За нас сядет Эдам Хейсонд!» Особенно работорговцы... Деликаты даже себе майки с такими надписями сделали! «Эдам Хейсонд сядет за нас всех!»

А полиция все переживает, что это мы оружейному барону, главному по работорговле поклоняемся, как иконе. Но черт Слава успокоил: — Он наш святой козел! На него все скидывать будем! — Полицейские хоть посмеялись.

Эдам устроил даже собрание с нашими работорговцами. Он решил ответить Славе-черту. И зачитал свою речь по-русски, но с английским переводом:

— Извините, я не могу взять на себя вашу вину! Извините! — Эдам обьявил им, опустив голову...

— Всю нашу вину, Эдам. Всю нашу вину, — поправил его черт Слава.

— Да, всю вашу вину, — поправился Эдам.

— За всю нашу работорговлю, — опять вставил свое слово черт Слава.

— Извините меня, я не могу сесть за вас всех! Я не могу сесть за всю вашу работорговлю!

— Эдам, не торопись, ты можешь! Поверь мне, ты можешь! — горячо убеждал его черт Слава. — Мы узнавали! Только ты один и можешь сесть за нас всех!.. Если это единственное, что тебя волнует, то не переживай!

— Я не могу стать вашим святым козлом!

— Почему это ты не можешь? Эдам, ты очень даже можешь! Ты можешь, поверь! Ты можешь! Мы договоримся! Ты еще не понял! Ты уже сел за всех нас! Ты просто еще не знаешь! Я вот тут себе это из будущего передаю...

— Почему я должен сесть за вас всех? — Эдам использовал переводчика.

— Потому что ты святой козел!

— Что я вам сделал? Что я вам всем сделал? — кто не знал, что Эдам серьезный преступник, даже расчувствовался.

Эдам также стоял, опустив голову.

— Эдам, ты должен сесть за нас всех! Это твоя прямая обязанность! После того, как ты возьмешь на себя столько чужих преступлений, ты точно станешь в России святым! Ради деток, Эдам, ради деток! Ради деток, которых мы продали в рабство! А знаешь, почему «святой козел»? И нам хорошо, и козлу нормально! Ты еще потом доволен будешь!

Эдам покачал головой...

— Эдам, вот ты достал всех! Не могу и не могу! Как тебя в тюрьму посадили, помнишь, я договорился! Так весь мир праздновал неделю, особенно Африка и черная Америка...

– Эдам, ты хочешь сесть за нас всех?
– Очень хочет!
– Эдам, ты лучший!
– Лучший козел современности!
– Эдам, нам детей надо вернуть – это главное!
– Наша работорговля требует жертв! И это ты, Эдам! Мы же не можем сесть за себя сами! Нам нужны святые козлы, которые сядут за нас, и это ты, Эдам!.. Забирайте! – сказал черт и махнул молоденьким полицейским...

Два полицейских подошли, накинули Эдаму на голову мешок и посадили его в полицейскую машину... Отвезли в участок и посадили в тюрьму...

Эдама выпустили на следующий день со скандалом...

– Мы не можем посадить фелиситу! Почему это мы не можем! – все возмущался черт...

– Да никто не может! Ты хоть бы разбираться начал! – отвечали ему в участке.

– Они пока разобрались, что Эдам фелисита, уже столько заявлений поподписывали и компромата собрали! – Эдам все хотел участок подпалить.

– И от кого вы заявления принимаете? – возмущался начальник полиции. – От Деликатов и Оглоблина? Кому вы верите? Так они же главные работорговцы Краснодара!

– А почему это от них не надо принимать заявления? Они не люди что ли?

– В этом я как раз и сомневаюсь...

Деликаты орали, что если не примут их заявления, то они будут жаловаться вышестоящим...

– Эдам, ты даже не представляешь, какие жестокие эти черти, на что они только не пойдут ради золота! Чтобы детей вернуть, а деньги не возвращать. Чтобы за детей им платить не пришлось! Ты смеешься, а они тебе уже могилу готовят... -говорил Эдаму дедушка-полицейский, приставленный ко мне...

А наш черт Слава решил поподробнее узнать у знакомого полицейского, кто такой фелисита и почему его так сложно посадить.

Фелисита – очень серьезный бандит, главный во всем, лучший, и все его всегда слушаются... Фелисита, «везунчиков» тогда сильно прокачивали, прокалывали, они были лучшим в своих отраслях.

«Блин», – решил черт и почесал затылок... Но решил все равно не сдаваться.

– Боже мой, какой консервативный мир! – все возмущался черт. – Они не могут фелиситу посадить за столько не его преступлений! Это же где такое написано, что нельзя? В кодексе бандита? Это что же за кодекс такой!

– До столько лет дорос, а про кодекс не знает!

Черт Слава Оглоблин по уровню колдовства до Эдама еще должен был дорасти... Он активно рос... и прокачивался, и подписывал необходимые бумаги...

Чтобы население побыстрее выучило сложную фамилию Эдама, черт Слава решил устраивать митинги. Даже у подъезда Эдама такие митинги устраивали.

– Кто главный по работорговле? – спрашивал черт у толпы.

– Эдам Хейсонд, – дружно отвечала толпа.

– Кто отсидит за нас всех?

– Эдам Хейсонд!

– Кто святой козел?

– Эдам Хейсонд!

– Повторим еще раз его фамилию!

– Эдам Хейсонд!

– Если нас спросят, кто виноват в работорговле?

– Брежнев!

– Так, нет, стоп, не Брежнев. Неправильно!..

– А кто? ...А? Ну, кто скажет правильно?

– Эдам Хейсонд! – опять почти дружно ответила толпа.

– Правильно! Давайте повторим еще раз!

– Эдам Хейсонд!

– Эдам Хейсонд наше все!

– Нам не страшен Эдам Хейсонд! Мы сможем посадить Эдама Хейсонда за то, что сделали мы все! Мы сможем посадить фелиситу! Мы посадим нашего фелиситу старым!

– А, ну тогда нормально...

Этот митинг как-то увидел Эдам у своего подъезда. Вот черта били тогда! – Ты пойми нас, Эдам, мы должны отвлекать внимание и устраивать шоу! Калашниковы, помнишь? – оправдывался черт.

И такие митинги черт устраивал по всему Краснодару и по другим городам, где когда-либо воровали детей в рабство.

Как только наши поняли, что Эдам – «святой козел», то стали ходить около дома Эдама с табличками: «Эдам Хейсонд лучше всех!», «За нас в тюрьме будет сидеть фелисита»!

А как узнали, что все на Эдама скинем, детей еще пуще воровать стали... Мы пошли самым легким путем... Решили скинуть на Эдама всю работорговлю.

Теперь всюду детей воровали и писали заявления на Эдама. Все работорговцы города.

– Вот-вот, посмотри, понесли ребенка в ковре. Как вы думаете, кто это понес?

– Конечно же, не я! – говорит несущий. – Это... сейчас... Никак не запомню... – человек долго роется в карманах. – А вот, нашел!.. Это Эдам

Хейсонд украл этого ребенка, – прочитал он по бумажке. – И сегодня я иду в полицию давать против него показания... Я буду главным свидетелем...

– И бумажку лучше на лбу носить приклеенную, чтобы не потерять и не рыться в карманах! – советовали ему.

А вот двое дерутся за одного ребенка – одна из них жена Ромы Деликата, – кто его в рабство продаст и перетягивают этого ребенка в ковре, как канат. И на лбу у обоих написано «Эдам Хейсонд». А если мимо проходящий вдруг спросит:

– А кто из вас Эдам Хейсонд?

– Оба!

– Так у нас два Эдама Хейсонда!

– Да! – и продолжают перетягивать ребенка в ковре...

– Эдам, видишь, ребенка в коврик понесли – это ты понес! Видишь у человека на лбу бумажка, там твое имя написано... так у нас все твое имя учат и фамилию. Надо же, какая сложная... Но мы все учим по бумажке, стараемся...

Потом Эдам нашел каждого, кто писал против него заявления в полицию, и заставил написать опровержение... не добровольно, конечно... Наши написали опровержение, а потом опять заявления на Эдама... Массово лжесвидетельствуем!

У дома черта наши опять собрали митинг:

– Эдама нельзя посадить в тюрьму. Он фелисита!

– Почему это нельзя? Надо мыслить прогрессивно! У нас дети в рабстве. Мы пробьем. Все эти кодексы бандита устарели! В наш двадцать первый век надо смотреть шире! Почему это человек не может сесть за нас всех, если очень хочет? А нам больше детей вернут из рабства! Это кем надо быть, чтобы отказаться сажать фелиситу?.. Мы и живем ради таких немногочисленных дней радости, ради подарков судьбы, которые иногда преподносит нам жизнь! Таких подарков, как Эдам Хейсонд. Эдам, ты наш подарочек судьбы!

– Ваш подарочек – хуже не придумаешь, чтобы вы знали!

– Мы знаем! Поэтому его и можно посадить за нас всех! Другого бы не разрешили...

– Это кем надо быть, чтобы столько детей в рабство продать? – спрашивали нашего черта.

– Мной! Я, что мог, для детей сделал! И еще сделаю! Я им как отец! Нет, я во сто раз лучше отца... с учетом того, что их родители продали... Их только рак ждет и скорая смерть... А в рабстве еще проживут... А потом я их верну! Мне оракл подтвердил! Ну, не всех, конечно! Но их родители продали!

– Вы хотите делать рабов и жить долго и счастливо! Так не бывает!

– Большой, а в сказки верит! Кто же фелиситу посадит за столько не его преступлений!

– Ничего святого нет у этих русских!
– Нет ничего святого у чертей! У русских чертей!
– Русские не по святости! Хотя нет, по святости! По святым козлам!
– Придурки полицейские его опять выпустили!
– Кто ж его посадит?
– Вот посмотрите, в 2023 году он сядет за контрабанду Калашниковых! – убеждал всех черт.
– Почему я должен сесть за себя сам, если за меня может сесть Эдам?
– Тогда надо было продавать рабов, а потом через Эдама будем их назад возвращать, – кричал Рома Деликат. – Детей вернут, золото возвращать не нужно! Удачная сделка! Эдама посадим и много детей вернем. Намного больше детей вернем, если посадим одного Эдама. Все, кто хватал детей на улицах, просто так не сядут.... Их вообще не посадить... С другой стороны Эдама и не жалко.
– А дети, которые вернуться, нас не посадят?
– Ничего не докажут!
– Эдам сядет за нас всех! Понятно вам!
– Даже Америка разрешила, все граждане подписали, что могут на Эдама скинуть всю российскую работорговлю... Многие белые американцы-южане, семья Эдама, землю роют, чтобы рабство возобновить. Поэтому свои не раз проштрафившегося Эдама в Россию и отправили, козлом разрешили сделать и в итоге работорговлю приклеить, если получится. Его за рабство и посадить хотя... Лишь бы мы его посадили... И никогда не выпускали... И американские границы закроют, если Эдам вернуться захочет! И самолет с Эдамом развернут! Мы будем стараться ради всеобщего блага!
– Да!
– Такая удача бывает раз в жизни, святой козел за нас сядет! Святые козлы на дороге не валяются, и разбрасываться ими не стоит! И нам хорошо, и козлу приятно! Это потому, что есть рабовладельческое золото, на которое мы будем содержать семью козла... Все из-за золота... Черти – это все! Если вам разрешают на Эдама все это скидывать, значит, где-то там он сделал не меньше... Когда-то скажут «стоп», и надо будет вовремя остановиться! Всегда проблема купить, обеспечить этих святых козлов! Проблема в деньгах! Но мы его купим рабовладельческим золотом!
Из-за рабовладельческого золота козел отпущения стал святым... И чтобы детей побольше вернуть... Всем повезло... И полиция разрешила скидывать на Эдама не только рабовладельческие преступления, увеличивая его святость в долларовом эквиваленте... Даже оборотни в погонах на Эдама преступления своих основных клиентов скинули... – Мне главное на Эдама скинуть эти два убийства, остальное нормально! – говорили клиенты оборотней. – Мы не убиваем, как они, мы не убиваем просто так! Ради удовольствия, ради мяса! Больные совсем! Хочешь мяса, походи на рынок и купи! Зачем руки марать! Мы не убиваем ради удовольствия... Детей жрут! Придурки! Это для нас табу! Мы исполняем свой долг перед

обществом! Мы чистим мир и делаем его лучше! Во многом лучше! Это просто работа... Или долг... Но не удовольствие! И не каннибализм! Скоро из-за таких, как Эдам, будем в пещерах жить! Из-за Америки! А я телевизор люблю! И цивилизацию! Наши гены в цене сейчас... Все наши гены, «топоры» покупают! Эдам продан с потрохами за свою жену и Марийку... Я тоже к нему в тюрьму зайду, когда он сядет. Бить попрактикуюсь...

— Хотя не ради мяса, уже хорошо! — решили мы все. Эдам не находил последователей в России.

А в это время преступники говорили между собой:

— Боже, какой позор! Если меня будут сажать за вас всех, то лучше убей меня своими руками — какой стыд! — Полицейские только смеялись до слез, глядя на Деликатов и черта Славу.

«Главное, веселить полицейских», — решил для себя черт Слава и стал продолжать все в том же духе. «Наши идиоты» — так в полиции называли Славу и Деликатов.

Эдаму Хейсонду даже рабовладельческое золото предлагали, чтобы он отсидел за всех русских в тюрьме...

Эдаму говорили:

— Святой козел — это когда всем хорошо, а ему все равно!

— А бывают святые козлы? — удивлялся Эдам, глядя на наш жертвенный алтарь. — Чтобы козлу было все равно, когда его убивают?

— В твоём случае сажают, Эдам... А козел старый... Ему все равно... ты потом поймешь, какой ты везунчик! Святой козел остается в выигрыше!

В последнее время старались продавать детей бомжей... Все равно продавать детей, но продавать детей бомжей и с раковыми опухолями еще куда ни шло... Тоже плохо, ну хоть как-то... Все выдохнули с облегчением, до этого выбирали сами, находили способы выбрать «плохих матерей», тянули спички... За «раковых» детей между работорговцами теперь тоже шли бойни...

Краснодарцы думали, что наши работорговцы просто прикалываются, развлекаются, устраивают шоу и отвлекают внимание от главного — краж детей на улицах и продажи их в рабство. Но нет, все было серьезно!

Потом Эдам проводил мастер-класс для наших мужиков, как правильно убивать и разделять негров. Он вдруг понял, что если он «святой козел», то русские будут его охранять как зеницу ока до конца его дней... как они думали, долгих дней в тюрьме за них всех...

Черт Слава теперь даже мог заходить в церкви, он стоял перед иконой — рисованной иконой Эдама Хейсонда — крестился и повторял молитву... В церквях теперь молились так: Во имя Отца, и Сына, и святого козла Эдама Хейсонда.

Потом Эдама пригласили на поле за городом, где собралась толпа русских.

— Эдам, ты не победишь нас всех! — и мы все взяли за руки — преступники, работорговцы, полицейские, старики и даже дети и подняли руки вверх для усиления эффекта!

— Эдам, ты не победишь нас всех!
— Разве что поодиночке, — тихо добавил генерал Александр... — А поодиночке да, победишь.
— А разве фелисита, удачного можно посадить? — Эдам верил в свою неприкосновенность.
— Ты подожди! Мы разберемся! Мы посадим! В 2023 году у нас получилось!

А при черте Славе том был оракл в шести поколениях, и черт знал, что говорил... Для чертей и фелисита не фелисита... Ничего святого...

— Эдам, ты жертвоприношение на алтарь рабства в России. Ты пойми нас. Наша работорговля требует жертв. Таких жертв, как ты, Эдам. Ты как красота, Эдам... Эдам, ты наша красота! Ты лучший... Ты спасешь нас от тюрьмы... Вот опять ты меня бьешь... ты лучше послушай, что я говорю... Не отказывайся сразу... Эдам, тебе надо принести себя нам в жертву!

Я думаю, что Эдам Хейсонд на всю жизнь запомнил этот день, когда он стоял и смотрел на поле русских всех калибров и мастей, стоявших взявшись за руки: «Эдам, ты не победишь нас всех!»

После этой встречи Эдам опять избил черта.

А Деликат Рома делал видео, как Эдам убивал некоторых негритят. И как он убил священника. И потом, устроив сына в полицию, доложил эти заявления и доказательства...

А в полиции все писали признания, русские преступники свои преступления скидывали на Эдама: — Смотри, это все сделал этот... как его... Эдам Хейсонд, и меня можешь не искать! — Потом полиция объявила, что все, кто хочет признаться в преступлениях Эдама, могут написать заявления в полиции!

В итоге русские решили:

— Мы посадим Эдама за то, что сделал он сам. А так как ему все равно сидеть до конца своих дней плюс еще сто лет за свои преступления в нашей тюрьме, он из тюрьмы никогда не выйдет, то если он хочет взять на себя еще что-то, то мы не будем против... Если он хочет взять... — И наша тюрьма ходит ходуном... — всю нашу работорговлю... Тюрьму надо хорошо оборудовать... Мы не против... Мы не будем против...

Нашим ораклы подтвердили, что Эдам возьмет на себя вину всех нас. Сядет за Калашниковых, а потом под давлением подпишет признание, что организовывал и осуществлял работорговлю всю сознательную жизнь...

Эдама прикручивали к работорговле не без оснований. Именно его семья стояла за началом массового детского рабства в Казахстане.

— Не нарушаем ли мы законы жизни? Посадив Эдама за семьсот человек... Таких фелиситы всего четыре в мире. Мы хотим посадить одного их них за нас всех! — думали наши преступники, тоже во главе с собственной фелиситой, глядя на Эдама и его признание... — Эдама заколют и сделают тряпичной куклой...

— Нет, клан Эдама, его семья организовали рабство в Казахстане, его за рабство в итоге и посадят... Он рабство и дальше повез... Все справедливо! Законы бандитства меняются!

И все решили так: — Посадите Эдама Хейсонда за Калашниковых, а там пусть берет на себя столько вины, сколько хочет...

«Все справедливо!» — повторил про себя черт Слава.

Потом Элен и Анна тоже просили повесить их на крест, как Эдама, чтобы Эдам не так плохо выглядел в ку-крус-клане. В ку-крус-клане смотрели видео, повторяли их с другими участниками, моделировали, и все удивлялись, почему у них такой пассивный бесхарактерный фелисита.

Наши летние американцы тоже решили на крест черта Славу повесить и на кол посадить... Так Слава на кресте висел со словами: — Я страдаю за тебя, мой Эдам Хейсонд, чтобы он был счастлив и весел! Мой Эдам! Только мой! Все ради тебя! Я готов ради тебя на все, мой Эдам! — И на кол наш черт сел без промедления, охотно, подавая всему ку-крус-клану пример... И все ку-крус-клановцы решили, что наш черт гомосексуалист... Русские говорили про черта: — Цирк уехал, клоуны остались... Цирк бесплатный...

К лику святых Эдама пытались причислить, но не смогли! Не разрешили убийц и маньяков к святым причислять...

Деликат Эдаму член святой водой поливал... потенцию восстанавливал. Детей через ЭКО делать договаривался... Так русские забирали броды правления жизнью Эдама в свои цепкие руки, как могли...

Эдам не был пассивен и был не так прост. Эдам привязал нашего черта Славу Оглоблина к двум телегам, ноги к одной, а руки к другой, и тянул в разные стороны, чтобы его позвонки вытягивались, пока один позвонок не лопнул, тогда его поили живой водой... Ему разрешили живую воду, и вода помогла! Наш черт тоже был святым! И тогда поверил Эдам, что черт Слава важен и сделает его святым козлом. А с Деликатом Эдам дрался и даже стрелялся.

Сегодня черт пытал Эдама. А завтра Эдам черта. Ого-го, Слава, святые козлы, они такие...

После того, как в нем признали главного козла, Эдаму все работорговцы в России поклонялись, как иконе. Он наш святой! Альтруист века! Нет! Тысячелетия! С сотворения мира не было таких альтруистов, святых козлов, как ты, Эдам!

В Казахстане даже земля упала, когда Эдам святым козлом стал... Потом, конечно, опять встала... Черт как Эдамом стал заниматься, так прямо вырос в наших глазах, и нога у него перестала сохнуть. И здоровее он стал на молодильных яблочках.

Так «черная» Америка вся на коленях стоит, просит посадить Эдама Хейсонда за работорговлю, а лучше убить совсем. Чтобы другим ку-крус-клановцам отбить охоту негров линчевать... Только в России Эдама и можно было прищучить. С Эдамом влезли в ку-крус-клан по-серьезному.

Но родители проданных детей не согласны были скинуть все на Эдама Хейсонда.

— А я не хочу, чтобы Эдам Хейсонд сел за то, чего он не делал. А что сделали Деликаты... и ты, — И мать проданного ребенка в упор посмотрела на черта. И она, несчастная мать, написала заявление, что это Деликаты и черт Слава Оглоблин украли ее мальчика.

А Деликаты тут же написали опровержение, что во время кражи они были дома. И тут же подтвердили показания друг друга... То же сделали и Оглоблины.

И все родители, потерявшие детей, написали по два заявления — против истинных похитителей и нашего Эдама.

В итоге в полиции сложили оба заявления: что мальчика украли Деликат и черт Оглоблин. И второе — что его украл Эдам Хейсонд. В полиции завели два ящика — один с заявлениями против Эдама, а второй — против реальных похитителей детей. Все думали и гадали, из какого ящика в итоге достанем заявления...

Все было хорошо в козле Эдаме, и подходил он всем, и устраивал всех. Но был у него один серьезный недостаток — он был старый козел. Сразу его не посадишь, его только через двадцать лет посадить за всех работоторговцев удастся. Но лучше поздно, чем никогда. Но лучше через двадцать лет посадить его одного и вернуть детей, чем не посадить никого и, что еще ужаснее, никого не вернуть.

И умные люди говорили, что хочется посадить настоящих грабителей, которые и золото получили, и на костях детей живут, а посадите одного Эдама. Так просто легче всем.

И золото у русских коллективное, некоторые детей на улицах хватают и к Центробанку или полицейскому участку золото за них относят... А потом по нуждам для нас всех это золото достают и тратят на благо общества.

И показал Эдаму Деликат заявление Байсека против Эдама... Что Эдам один организует похищения детей! И упал Эдам и долго не вставал... Хотел порвать. Но у нас еще есть! Мы копии сделали, а если надо, Байсек еще напишет! Он нам тоже уже свой! За столько-то лет работоторговли в России!

С тех пор как Эдам стал «козлом отпущения», он попал под протекцию России... С него стали сдувать пылинки во всех смыслах этого слова. И черные и белые. Черные, потому что его потом посадят за рабство и посветят ему книгу, которая может положить конец рабству по всему миру. А белые, чтобы вернуть детей в рабстве и тоже положить конец рабству, как таковому...

Деликата приставили к Эдаму, чтобы он за ним приглядывал... Чтобы Эдам не дай бог не умер в перестрелке... Рома закрывал его грудью в перестрелках, вот Анна с Елен смеялись... Чтобы Эдам был жив и здоров. И не дай бог не умер раньше срока...

Эдаму Хейсонду и детей в России сделают! Золотом одарили! «Как хорошо быть святым козлом», — решил Эдам Хейсонд. «А посадят ли меня вообще — совсем не факт!»

В итоге святым козлом сделали чудовище. По сравнению с ним Чеко-тила отдыхает... Эдам убийца, насильник, садист, маньяк, наркоторговец... преступник, каких мало. Эдам очень кровожадный, агрессивный и абсолютно беспощадный!

Вся Россия хочет, чтобы за работорговлю посадили Эдама одного. Все взялись за руки и стояли насмерть! И ходили все написали заявления, что видели как Эдам ворует детей и в Казахстан отвозит... И так по всей матушке России. Все написали! Эдаму было не отвертеться! А полиция не смогла пойти против воли народа!

И на Руси и стар и млад знает, что это один Эдам Хейсонд ворует детей и продает в рабство. Какое единение нации! А кто все никак не выучит его фамилию, может читать по бумажке... Не нация, а песня! У нас весело — приезжайте в нашу Рашу, вы не заскучаете! За святого козла Эдама Хейсонда вся Россия пьет стоя!

Приезжайте гости дорогие! Россия матушка всегда рада святым козлам! Лишь бы золото было...

***

А в это время, пока казахстанским работорговцам типа Байсека в других городах можно было написать заявления на Эдама Хейсонда, врач в Казахстане говорил одному такому исполнителю... — Ты не торопись, не торопись жить. Там у нас рабы... тьфу... земля поднимается... Чувствую, ты скоро умрешь... Ты, может, уже и не жилец, ты просто еще не знаешь. У нас земля поднимается... А это не шутки... Это ты считаешь, что ты здоров, а я вот вижу, что ты умираешь. Поверь мне, я знаю лучше... А я вот вижу, что ты уже умер! — врач тоже был оракл... — И растворил ему раковую опухоль в чашечке. Исполнитель сдал анализы крови через месяц, анализы были плохие... — Вот, я так и знал... Мне виднее, жилец ты или нет. Я уже по лицу понял, что ты не жилец... — На казахстанце уже была маска смерти... — Ты иди, заявление пиши и умирай побыстрее, что ты исполнитель, а Эдам Хейсонд организатор. У нас земля, ты же понимаешь... А рак — это да. Это наказание Божье, ты же сколько людей убил, вот рак и вылез...

В Казахстане как будто вспомнили, что рабство — это плохо. Много лет назад во времена Халима Первого они надели на себя маски американцев-ку-клус-клановцев. И забыли на время, что такое цивилизация. Вот только земля не забыла. И вернула им многочисленные бедствия. Землю не обмануть и «плащ» не накинуть. Им эти рабы уже поперек горла. Лишь бы земля не поднималась. А раньше они хотели живую воду вернуть... А теперь — чтобы земля не поднималась...

Часть 6. Раб

Все бы хорошо в этой системе, если бы не дети в рабстве....

А что знаешь о рабстве ты?

Похищение. Мальчик, которого звали Виталиком, вдруг уснул на улице... почувствовал укол в шейку, у него мгновенно стали слипаться глазки... он гулял с другом по аллейке в Горячем ключе, где жил... А проснулся он уже в машине и опять почувствовал укол... Он просто крепко спал. Долго и крепко спал... Сначала он думал, что это просто игра, и он попал в веселый аттракцион...

А Владислав все ждал сына домой, думал, что он заночевал у друга – другой его друг тоже тогда не вернулся домой... Не зная, что его спящий мальчик в ковре уже пересекал границу... Тогда уголовники воровали детей уголовников – такой был тренд. Этого ребенка в ковре отвез к границе с Казахстаном дедушка Арины... он отсидел два года за кражу, которую, говорил, что не совершал...

А жена Владислава Оля, мама Витальки, все повторяла: – Я не плохая мать и тихо плакала в подушку, когда не обнаружила своего ребенка дома... Она долго искала его на улице... Его искали с фонарями... А потом грызла подушку, понимая, куда попал ее сын... И что она его больше никогда не увидит... А, может, увидит?.. А потом успокоилась и утром пошла на работу. А что делать? На работу нельзя не ходить... Работу нельзя терять... На работе легче пережить горе...

Забирали детей у «плохих» матерей, тогда еще не добрались до плохих таблеток... А критерии плохой матери были разные, например, не варили утром кашу, покупали дешевое печенье...

Детский дом. Дедушка Арины с напарником забрали ребенка со склада в одном из ковров. На складе ковров было много... Дедушка резко схватил ковер, а напарник сказал ему: – Тише ты! Аккуратнее... – За рулем был напарник... Дедушка машину не водил... И ехал до границы пьяный...

И долго спал Виталька и не мог проснуться... А потом Виталик проснулся в красивом доме, где было много детей, говорящих на разных языках, на русском в том числе... И подумал он, что попал в сказочный город, где были красивые замки, горки и карусели. Он попал в сказку, где гуляли сказочные персонажи. Дети смеялись и играли с утра до вечера... И катались на качелях... Здесь была мамушка и «папа», которые заботились о них. Теперь мамушка стала его мамой... И было много надсмотрщиков, которые им тоже нравились. И все были хорошие и добрые, и всем нравились... Детей кормили вкусными конфетками, и у них были красивые сны и постоянное счастье, их иногда смотрели врачи... Правда, надсмотрщики не нравились старшим детям, но малышам старшие дети тоже не всегда нравились...

И здесь видел Виталька много всего чудесного – и великанов, и говорящих огромных птиц, и дождь из конфет...

Казахстанцы накупали чудес и радуются!

До похищения однажды Виталька проснулся и стал кричать: — Мама, мама! — А мама не встала. Не успокоила его... Она очень устала с работы... Скорее всего она была под препаратами...

Все в семье Виталенко помнили случай, когда Виталику было три. Владислав с Ольгой собирались уехать в город на заработки, Виталика оставили с дедом. Но Виталька не хотел оставаться и все бежал за телегой, на которой уезжали мама с папой. Он бежал за телегой и плакал, и хотел с мамой и папой в город, Горячий ключ. Мама посадила его на телегу и забрала с собой... Не выдержала материнское сердце... — Ох и бедовый мальчишка, — решили в деревне. И пошли сажать цветок, прорастет или нет, прирастет ли к Виталику рабство... Приросло...

Однажды нянюшка сказала, что нашла его документы, и Виталик может вернуться домой... увидеть маму... А он сказал, что ему не надо. Ему так понравилась эта девочка... А девочка начала его бить...

А нянюшка просто подошла и выколола глазик другому мальчику иголкой... Главное, запихнуть иголку поглубже... И сказала, что этот мальчик плохой и она поступила правильно. А потом дети стали обнаруживать в тарелках сваренные руки и ноги этого мальчика, и все почему-то смеялись... И Виталька тоже смеялся... И ел его мясо...

Он вдруг однажды вспомнил, то у него есть мама... И ее зовут Оля... Мама Оля. А папа Слава, и он может вернуться к ним... Но как только он сказал это надсмотрщику, его жестоко избили плеткой и принесли бумагу, что его мама умерла и теперь он живет у них... здесь... А потом сказали, что его мама Оля продала его в этот дом... И показали бумагу с ее подписью, и он плакал от боли ночью и утром подписал бумагу, что он отказывается от своей мамы Оли и теперь у него есть только мама нянюшка...

И забыл Виталик свое имя... Теперь его звали Мустафой, как и многих казахстанцев.

А потом ему опять рассказали, что эта мама, настоящая мама его продала сюда и теперь он будет жить здесь... Которая была там... — А ты помнишь свою маму? — и если он ответит «да», то его будут бить плеткой до крови на спине... И решил Виталька тогда больше не вспоминать свою маму, ему ведь здесь было так хорошо... И стал опять забывать, опять стал забывать... Навсегда забывать...

И он думал, что это как летний лагерь... А потом они стали переезжать из дома в дом, и каждый дом был хуже предыдущего... Он все хотел вернуться в первый дом сказки... И в разных домах он встречался с разными детьми, с кем-то он уже встречался, а с кем-то знакомился впервые... И больше всего ему понравилась одна девочка с голубыми волосами и светлыми глазами, и он все, когда переезжал, хотел попасть в дом именно с ней...

Но у него есть мама Оля и папа Слава... Мама Оля, а папа Слава...

А его мать Оля, которая работала швеей, все строчила и строчила на машинке, пытаясь набрать деньги на возвращение сына. Плакала и строчила...

Сначала родители думали, что лучше Виталика забыть совсем... И жизнь станет легче... Потом они опять вспомнили Виталика и стали делать из него культ... Достали его маленькие фотографии... а он все жил где-то в рабстве... Но нет, у него Владислава есть этот мальчик, его сын. Виталька... Он где-то живет. И он будет его помнить. Помнить не смотря ни на что... И взяли они фамилию Виталенко, в честь сына Виталика в рабстве... чтобы помнить своего украденного сына. Они хотели помнить и не хотели забывать...

У него есть мама, и она его любит и ждет... И ждет его каждый день... И хочет, чтобы он вернулся... И на каждый день рождения печет его любимый торт... И ждет его домой... А папа копит деньги, чтобы его вернуть... Папа даже стал меньше есть, чтобы его вернуть.. и хочет продать дом в деревне и перевезти дедушку сюда. Чтобы вернуть его домой... он так хочет вернуть его домой... Но денег все равно не хватит... раб стоит дорого... Им столько в жизни не найти... они слишком бедные. Но они будут работать. Чтобы вернуть сына... они будут делать для этого все... они решили работать на двух работах и копить...

И не мог Владислав иметь сына, как преступник, и не хотел рожать больше сыновей. Потому что сын у него уже был, и звали его Виталиком... Оля так переживала... У Ольги были гинекологические проблемы, зарастали яичники, и думала она, что у нее больше не будет детей...

А дед все проклинал себя... Если бы он только знал... если бы он только знал... Убийцы дорожат детьми, не все, но эти дорожили...

А Виталька веселился. Радовался, что не надо ходить в школу... Как же ему повезло!.. Эти дети то плачут, то смеются... В итоге Виталька так и не научился читать и писать... И поэтому он будет плохим рабом. Недорогим... Не любят брать в плен неграмотных... Но он начал учить казахстанский... В доме ораклы им по детям подтвердили, что Виталику грамота не понадобится, но понадобится казахстанский... Все в домах сидят на серьезных ораклах и все по ним сверяют... И деньги считают, чтобы раб был выгоден...

Что у плохого раба, что у хорошего жизнь складывается примерно одинаково... Работают они примерно одинаково хорошо... или средне... это зависит от хозяйина, его кнута и пряника... Разница между хорошим и плохим рабом зачастую для раба в одной мясной похлебке в год...

На дереве. Это был конец. Как будто у него из-под ног ушла земля навсегда, и он повис на дереве. И задышался, и тянулся ножками к земле... Чтобы жить, он должен заплатить... Как он задышался в веревке... Как повис на веревке и хотел держаться руками. Он не понял, что так только хуже...

Он висел и задышался. На дереве. Он не мог дышать... иногда глотал воздух... Он так просил, чтобы его сняли... Иногда он хотел умереть... И после этого дерева он мог подписать, что угодно... Что продает себя сам в рабство в дом хозяина (и имя хозяина) до конца своих дней... Только бы

его сняли с этого дерева... И больше не вешали... Потому что знал Виталик, не все всегда с этого дерева возвращаются живыми... Ведь живые эти деревья и некоторых убивают... Могли приехать братья и пытать, и убивать детей... И знал он это в свои девять лет, и похоронил он уже некоторых...

Глазик. *«Раб должен быть унижен. Раб должен бояться взглянуть в зеркало, смотря в зеркало, испытывать чувство унижения и отворачивая, чувствовать свою неполноценность».*

А ты сможешь выколоть глаз кошке? А он смог... Чтобы есть, чтобы ему опять дали вкусное пирожное... А он так любил сладкое, наш Виталька... Поэтому ему потом выкололи глаз... Дети так умеют хитрить и обманывать...

Однажды у него с утра начала вытекать жидкость из глаза... Нянюшка внимательно на него посмотрела и приложила салфетку, сказала, что ничего страшного. И что-то радостно крикнула взрослому мальчику... И этот мальчик сразу же выбежал из комнаты...

А глаз все тек и тек, а он прикладывал салфетки, и когда открывал, глазик смотрел уже в бок... Он думал, что глаз перестанет течь... И он все ходил с салфеткой и боялся убрать ее. Чтобы мамушка не увидела... Но мамушка не стала его ругать, наоборот, даже хвалила...

А глаз все тек и тек... И дети играли и играли. А Виталик пил таблетки, которые притупляли боль и давали ощущение счастья. А глаз все тек и тек... А потом понял, что глаз вытек весь. Потом он открыл повязку и понял, что вместо глаза у него дыра. Что глаза у него больше нет. На месте, где раньше был здоровый хороший глаз, у него даже не было близорукости, теперь зияла дыра. До этого он был красивый мальчик. Блондин, с голубыми глазами, теперь он стал калекой без одного глаза и гадкой дырой на лице...

Ведь Эдам Хейсонд сказал, что раб должен быть унижен, он должен заплатить, чтобы еще пожить в рабстве...

А потом Виталик ждал, чтобы глазик пророс в земле, и он сорвал его и вставил бы обратно, и глазик опять был здоровым и видящим... Некоторые дети так делали... Но у него так почему-то не получилось... А потом другая девочка сказала ему: — Ты ведь одним видишь, значит, все нормально... — И он опять стал играть и бегать, и получил вкусную конфетку...

И много было таких старших деток в доме... почти все одноглазые... А если ребенок не был одноглазым, то надсмотрщики говорили, что это плохо... — А почему у тебя, мамушка, два глаза? — потом спросил Виталик у мамушки... — А у меня тоже был один, но потом он вырос и прирос... А у тебя не прирастает... — И он опять стал бегать с детьми...

Живыми выколотыми глазами маленьких детей-рабов устлали пол в одной из комнат детского дома. Чтобы они там жили...

Эдам Хейсонд понял основной принцип рабства и стал тогда главным по работорговле в Америке. И на него молились в этом доме!

А мать Виталика дома в это время плакала в подушку, вспоминая, как гладила его мягкие беленькие волосики... Как он спал дома в теплой кроватке. Как она проверяла его сон и поправляла его кровать... Как обнимала его ночами... Помнила время, когда у нее еще был сын... Как гладила его мягкие волосики и кучеряшки... Как он любил макарошки...

Дед. Виталику немного пришили ушки в одном из домов... Чтобы все знали, что его отец был уголовником... Владислав до этого сидел три года в тюрьме, а Оля его ждала... Виталик этого не знал, что отец уголовник... Просто отец Владислава, дед Виталика, когда-то достал черную карту, а не белую, когда делили людей на преступников и нет.

Оле и Владиславу не стоило переезжать до пятнадцатилетия, шестнадцатилетия Виталика. Таких взрослых уже не воровали.

Владислав никогда до конца не простил отца — тот узнал у местного оракла, что с Виталиком все будет в порядке и только после этого Владислав переехал. А местный оракл им соврал, на Виталика местный черт «накинул плащ», отец нашего Славы Оглоблина. Тогда продавали в рабство детей уголовников — такой был тренд...

А отец отправил сына с женой в Горячий Ключ, потому что хотел вырвать из преступной среды и, по сути, был прав. Ему оракл подтвердил, что единственного внука, его отраду в старости никто не тронет... А оракл его просто обманул...

А он все помнил, как Виталька бежал за телегой и не мог остановиться... ох, и бедовый мальчик — решили все. А сына тогда как раз посадили...

И отправил их дед... И в последний раз посмотрел в глаза внуку... И в последний момент, благословив сына на переезд, вспомнил он слова оракла в шести поколениях и поверил ему... Отправив сына в Горячий ключ, он знал, что все будет в порядке... И отправил в Горячий ключ, будучи уверен, что с внуком ничего не произойдет... В Горячем ключе детей не воровали... Только в Краснодаре... Он так этого никогда не простил... И последние его мысли были о Витальке... О том, чтобы он когда-нибудь простил его...

Владислав растворил ему опухоль... Но его отец был уже старый... А он просто хотел вырвать сына из преступной среды. Дед так запомнил, как Виталька бежал за телегой. Навсегда запомнил...

Через много лет они забрали деда и продали в деревне дом и деньги за дом положили на границе Казахстана в день рождения Виталика. Надеюсь, что им все-таки вернут Виталика... Потом растворили отцу опухоль... Каждый год складывали деньги к границе все меньше и меньше родителей... А они складывали... Виталенко все складывали... Но сына никто не возвращал... А потом они перестали ждать, что его когда-нибудь кто-нибудь вернет... И начал пить Владислав и корить себя... Что подписал документы в пьяном состоянии и разрешил забрать сына... деньги забрала его строительная фирма...

Просто когда-то у нее был сын и его звали Виталик... Как много сердцу матери дали эти фотографии, как вглядывалась Ольга в каждую черточку милого личика ее мальчишка... Как хранила эти старые фотографии на груди, как засыпала и просыпалась она с ними. Как долго она надеялась, что сына ей вернут... Потом у нее родилась дочка и ей стало немного легче... Но мать сильно страдала, и поняли тогда исполнители и Али Рашид, что зря они украли Виталика и много горя принесли... Не стоит этот раб пролитых слез... Слишком от него поднималась земля...

Обрубок. *«Раб должен быть кастрирован. Вам нужны их плодovitость?»*

Когда ему было двенадцать, ему секатором мамушка отрезала пенис почти у основания. Работорговцы ждали, чтобы у него сформировалась мочеполовая система. Гены у него были слабые, хоть он и был блондином. Не подходил он на осеменителя, на отца его посмотрели и решили так работорговцы. Мамушка его перевязала и дала вкусную конфетку. Он так радовался тогда! Он так радовался, что мамушка его хвалит и любит... И обнимает... Она же его мама. Она же желает ему добра... Он так верил ей, и ему так нравились эти вкусные конфетки, от которых в голове случался бум.

А теперь он должен показывать свой обрубок и унижаться каждый раз. А раньше его мамушка за это хвалила и давала вкусные конфетки, когда ему отрезали пипируку. И он думал, что это хорошо. И он мог ходить в туалет с девочками, а не с мальчишками, где его пугают и обижают. И носить трусы, как у девочек. И это было удобно. И он думал, что это хорошо.

Он не был очень плодовит, как и его отец. И теперь девочки больше не будут его бить... Он стал как девочка. Такой же, как они... А он не понял, что теперь он кастрат... он не подходил им на рол оплодотворителя. Им нужен осеменитель. А он не был осеменителем... Он не умел читать и писать, его украли слишком рано для этого, это был минус, но он мог был трудягой с относительно неплохим здоровьем, это плюс... Ольга долго кормила его грудью...

Офицерик. Когда у Виталика начались юношеские прыщи, нянюшка терла его лицо о терку до крови и полила его кожей и кровью салат из ягод... Он так плакал тогда и на лице до конца дней остались шрамы... им подали этот салат на обед... И только салат... И Виталик хорошо запомнил, что один мальчик встал и отказался есть этот салат и ходил голодный до ужина... — Офицерский, — сказала о нем нянюшка, когда мальчик вышел из-за стола. Виталик так хорошо тогда его запомнил... И так удивился. Неужели это можно не есть? Вот наказали его тогда... за непослушание... Этот мальчик на улице на земле спал... и каждый из детей подходил и пинал его ногами, а он не плакал, не мог... и не кричал, а только корчился от боли и ходил под себя, и отбили ему тогда почки и лежал он в своей моче и крови... Потом ему подали суп из ушей свиньи — и он ел. А потом ему дали суп из ушей ребенка.

И он отказался есть, и опять они его все били, и он спал на навозе в хлеву...

— Вот они их ломают, — сказала ему подруга Света, тоже русская. Мамушка хорошая, а нянюшка плохая... Потом этого мальчика увезли в дом ужаса и там он долго стоял с раскрытым ртом, и дети кидали в него дроттики и смеялись... И один мальчик попал ему в глаз дротиком и выбил, и все очень смеялись... а он стоял живой и все чувствовал... и у него текли слезы... Сначала дети кидали дроттики в живого. А потом в мертвого — приехали братья Нагайновы... Из мальчика потом сделали чучело... И он так и стоял, и на него все смотрели...

— Хороший был бы раб, — сказал тогда «папа». — Только слишком он взрослый, таких надо раньше брать... Его в двенадцать схватили, и оказалось, что поздно...

Виталик никак не мог забыть, как он съел своего любимого котенка. Он обнаружил его бело-рыжую лапку в тарелке.

Казахстанцы даже дают свое золото, чтобы убивать офицерских детей...

Голод. *Раб должен есть органы своих собратьев и радоваться, что вообще сыт. Он должен голодать неделями. Раб — это скот, и у него должно быть поведение скота. И это говорю вам я — Эдам Хейсонд.*

Виталик на всю жизнь запомнил, как он увидел сидящего мальчика со снятым черепом... А потом очнулся, когда почти съел все его мозги... А мальчик был еще живой и стонал... А потом мамушка искала того мальчика, а Виталик с другом его убил и похоронил в саду... А он думал, что мозги — это макароны... Он так любил макароны... И мамушка думала, что он чекотила и будет убивать детей топором, но «папа» сказал, что это не он, посмотрев в свой карманный телевизор...

В одном из домов о них забыли и не привозили еду целую зиму... А в Казахстане зима холодная... Сначала они съели всех домашних животных... И тогда они ели других детей, друзей... Они тянули спичку, и кто вытянет короткую, тот умирал. Жертвовал собой ради других... Но каждый раз надо было проверять, можно ли убить того или другого ребенка по карманному телевизору. — Вас всех не накормишь, надо кем-то жертвовать! — сказала ему нянюшка перед тем, как уехать... Они рубили детей топором... а потом варили...

Дети думали, что они о них забыли и поэтому не было продуктов... Обычно «папа» приезжал и привозил много продуктов, фруктов и еды... Но нет, они просто хотели, чтобы дети ели других детей и утратили все человеческое...

Они голодали неделями. Они ели себе подобных, маленьких детей. Потому что Эдам Хейсонд сказал, что так рабами легче управлять. Потому что... Эдам Хейсонд так сказал...

Пытки. И ел он из корыта для свиней. И чувствовал себя свиньей с ними... Сначала ел свои любимые галлюны.. А потом от голода ел со свинья-

ми... И в нем, чтобы меньше кормить, тоже крутились минеральные вещества, «замкнутый круг», чтобы он меньше хотел есть...

Потом он отказался помогать на кухне мамушке. И отправили его тогда в пещеру на наказание... Его бросили связанным в пещере в воде... и на него капала вода...

Он все хотел заснуть... Кап... Виталик провел без сна и еды три дня... И иногда плохая вода затекала ему в рот и сцеплял он зубы, чтобы не пить ее и не глотать... Но вода просачивалась через губы... Кап... И мучился он от жажды... и лежал в воде и своей мочой и мучился от жажды... Кап...

До этого его тоже пытали, тоже связывали, и лежал он в этой же пещере и пил эту воду... А потом не смог встать, так у него болели почки... Он заглянул девочке под юбку...

А до этого лежал в пещере под галлюнами и не помнил ничего. Просто лежал и галлюцинировал. И хорошо ему было... И был он счастлив связанным в пещере...

А Виталик хотел сбежать... А его поймали и били плетками до крови... его спина стала кровавым месивом... И больше он не хотел убежать... Чтобы готовить побег, надо запоминать, куда тебя везут каждый раз... Запоминать каждый раз в каждом доме... А Виталька был глупенький, маленький и все болтал ногами, когда его везли в большой город... где он очень хотел жить... Надо запоминать каждый поворот машины... или делать вид, что спишь...

Бежать бесполезно, тебя все равно поймут и избыют... Хорошо, если не убьют совсем. Другие дети часто закладывали его нянюшке, и поэтому он в домах так и не обзавелся друзьями...

А ты знаешь, что такое надсмотрщики? И как они бьют плетками? Теперь он стал старшим ребенком и тоже их не любил...

Они бьют спины детей, пока не останется кровавое месиво. И так они выбирают себе рабов... Кто покрепче и дольше стоит, тот стоит дороже... Кто может встать под плетью... Виталик встал... он был крепким рабом и поэтому ему повезло. Он мог еще пожить в рабстве... Мать долго кормила его и дала ему хорошее здоровье...

...И решили родители забыть своих детей. Думали, что так будет легче... И не смогли, не смогли забыть и не стали забывать... У его отца появился смысл жизни — мстить за Виталика...

И каждый год Владислав приносил деньги к границе с Казахстаном и многие приносили, и так каждый год... И плакали они и не могли успокоиться...

И так дети переезжали из дома в дом, и каждый дом был хуже и беднее предыдущего. Пока не оказались в доме ужаса... И в каждом доме они хоронили друзей... В каждом доме детей периодически перемешивали... Дети не должны были ни к чему привыкать... Они должны были ни в чем не находить опоры... И Виталик все ждал, когда переедут в новый дом и он встретит там то одну девочку, то другую...

И давно понял он, что мамушка — это мама, а нянюшка — это надсмотрщик... Но не всегда это было так... Часто и мамушки были надсмотрщиками. Есть хорошие мамушки, а есть плохие... И в разных домах были разные мамушки, чтобы дети не привыкали... И чем старше Виталик становился, тем хуже к нему относились нянюшки и тем больше он общался с надсмотрщиками...

Дом ужаса. «Слава Богу, — подумал Виталик, когда увидел свою первую мамушку в новом доме. — Теперь все будет нормально... — Но он уже сам не верил себе, как раньше... Даже если мамушка приезжала, все равно было плохо и страшно... Виталик уже был в таком доме. И ему там совсем не понравилось... Но он тогда мало что понимал...

Однажды в доме собрали рабов, много маленьких детей, и надсмотрщики стали отрезать им пальчики — у каждого раба они отрезали по одному или два пальца, средние и безымянные...

Потом было время кастрации, и они отчищали членики маленьких мальчиков и кидали на улице, на землю... и много было члеников... и был ими полон двор... И некоторые дети их даже ели... И собаки ели. А некоторые членики хранили для хозяев детей, чтобы они потом их ели и поправляли себе потенцию...

Виталик метал дротики в малышей. Думая, что они ничего не чувствуют... надо заплатит, чтобы жить дальше, говорили взрослые девочки... И все так делали, и было это хорошо, потому что дети были офицерские... И некоторым офицерским отрубали руки и ноги и клали их в люльку... Колышки... А потом их убивали и ели...

Потом другой мальчик взял и отрезал член маленькому мальчику, и он стал девочкой, и стал носить платица в доме ужаса. Он ведь его тоже кастрировал и лишил его потомства. И опять плакал Виталик и опять заливался ночью слезами... — Ох и бедовый ты, — говорила о нем мамушка. А потом посмотрел на себя этот взрослый мальчик... тот мальчик теперь тоже так может жить, как он, и стать хорошим рабом... Кастрировать раба — это хорошо, это гарантия его будущей жизни...

Виталик работорговцам был на сто процентов понятен и предсказуем, и это уже было хорошо. Это гарантировало Виталику жизнь...

И помогал Виталик на кухне мамушке... Виталик не был осеменителем, если ты осеменитель, то ты меньше работаешь... Он уже понял, что чем хуже живешь, тем больше работаешь...

Грядка. В доме ужаса у него был друг лет десяти. И сказал Виталику Кайзек, один из братьев, младший, у которого раздвоение личности, он чаще общался с детьми, что Виталику надо поливать головку у этого мальчика, раз они дружили, ему на голову водрузили грядку. Просто ходить и два раза в день поливать ему головку с грядкой... Только грядка как-то странно лежала, как будто голова мальчика стала меньше немного. Но Виталик не обратил на это никакого внимания... Просто бегал и поливал два раза в день, как и говорила мамушка... Через десять дней у мальчика

из глаза стал лезть отросток... А малышу часто давали хорошие таблетки, и он бегал счастливый... И веселились все тогда... И бегали, и кричали, со всем как раньше...

Мальчик бегал и иногда сам поливал себе головку и радовался, что у него растут зеленые волосики...

А когда из глаза у мальчика вылез корешок, пришел к нему Хасам. Виталик уже научился отличать братьев. Позвал мальчика, снял он тряпочку у него с головы и показал Виталику: — Посмотри, что ты сделал? — У мальчика не было черепной коробки и корешки проросли ему прямо в головной мозг... — Ну что там?.. — недовольно спросил его ребенок. Он пытался снять тряпочку с растениями. Но не мог.. и мальчик заплакал от ужаса, что стало с его головкой... Что у него теперь из головы растут растения... И стал он хуже видеть одним глазом... Перед тем, как положить на голову грядку, Хасам снял этому мальчику черепную коробку. Виталик пытался снять тряпочку с растениями, но не мог... Хасам просто сдернул тряпочку, мальчик сильно закричал...

— Посмотри, что ты сделал. Что ты с ним сделал? — А корешок пророс прямо в глазик, и вырвал Хасам мальчику глаз с корнем... И закричал мальчик не своим голосом...

— Я не знал, я честно. Не знал... — все оправдывался Виталик перед мальчиком. И хотел он, чтобы простил его мальчик... и мальчик-череп от него только убежал...

И просил Виталик Хасама пришить мальчику голову с глазиком обратно... и ел он собачьи какашки за это и убирал со стола за младшими детьми... Но не пришел обратно Хасам глаз, и умер мальчик через несколько часов. Ведь весь мозг его был пророщен корешками растений, растущих у него из головы... и достал Хасам мозг из черепной коробки... И ничего нельзя было сделать... ел опять Виталик какашки...

Такие ростки могли закончиться по-разному — растения могли быть коренными, с сильными корнями. Тогда они сильно прорастали и убивали... А иногда корешки у них были тонкие, и тогда они практически не причиняли вреда... И тогда мог пришить Хасам черепа таким детям... А могло быть и так и так — два разных вида растений на одной голове... тогда с одной стороны они прорастали, а с другой нет... И тоже плохо было... так братья вырывали у детей глаза...

Иногда травку не убирали, и она продолжала прорастать, с одной стороны, и глазик начинал вываливаться...

Хасам Нагайнов получил медицинское образование и иногда преподавал студентам... Ему даже разрешили стать врачом. Медицинское образование при экспериментах с детьми помогало, и было для него хорошим прикрытием. Братья, убивая детей, долго жили — им было уже по девяносто лет... И при этом хорошо выглядели — им не давали более сорока-сорока пяти...

И много страшного видел Виталик в доме ужаса... И хотел покинуть его побыстрее...

Он однажды видел, как Хасам стал огромной змеей и стал глотать детей... А Кайзек с ним боролся... А потом понял, что это родной брат, и стал плакать... Хасам мог глубоко гипнотизировать детей и под гипнозом над ними издеваться...

Убежать отсюда куда-нибудь... Из дома ужаса... Он думал, что это будет любящий дом... А, может быть, его даже вернут домой.. К родителям... Но он не должен думать о родителях, о маме. А то они узнают и опять будут избивать его... Или опять положат его в пещеру и забудут там на три дня... И он будет лежать в воде и умирать от жажды... Виталик то вспомнил, то забывал родительский дом...

Как они косят этих детей... У них нет никакой опоры в жизни... И это правильно для рабства...

Плата. – Взрослый ты Виталик, тебе пора отсюда уезжать... – сказала ему однажды мамушка.

И чтобы покинуть дом ужаса надо было ему выколоть глазик у маленького мальчика...

И Витальку опять пытали в доме.... Потому что он не хотел выколоть глаз у маленького мальчика, чтобы уехать в хозяйский дом. Уехать от этого кошмара. Ему надо было взять большую иголку и глубоко вонзить в глаз спящего десятилетнего мальчика. Поглубже вонзить... Или взять просто ручку, и вонзить ее стержень поглубже... Мальчик спал под наркотиками. Мальчик и не почувствовал бы... Как кто-то выколол ему глазик в десять лет... Виталик выкалывать глаза отказался...

А когда-то он мог выколоть глазик у котенка за вкусную конфетку. От которой он видел призраков и мультики в голове...

Виталика связали, положили связанного в пещере, и ему на голову все капала грязная вода... Виталик уже знал, что эту воду нельзя пить... она ядовита и сажает почки... Он видел, какими становятся волосы детей на этой воде... Она меняет обмен веществ... И он лежал под водой. Ходил под себя... мучился от жажды... На него все капала вода. Кап-кап. А он все сжимал губы, чтобы не пить эту воду и все мучился от жажды... ходил под себя и лежал в собственном дерьме... Кап-кап... Не мог спать... У него так болела голова от постоянного капания... Он думал, что сойдет с ума...

А потом опять дом ужаса... и чучела знакомых детей, друзей... И смерть вокруг... И ужас... И больше не мог он жить здесь... И пришла к нему его мамушка, он лежал на кровати, лицом вниз... – Ну что тебе стоит! Ну подойди ты к нему и пырни... И дала ему опять вкусную конфетку... самую вкусную, какая бывает...

И тогда набрался Виталька храбрости и ночью подошел к спящему мальчику и, закрыв свои глаза, воткнул ему иголку в глазик... А утром мамушка, посмотрев на текущий глазик, радостно сказала ему, что все в порядке...

Детям просто так глаза выкалывают, сознательно уродуют... Потому что так сказал Эдам Хейсонд — раб должен быть унижен. Раб должен чувствовать себя неполноценным всегда.

А надсмотрщики все смотрели, чтобы каждый, к кому их Мустафа был привязан, предал его и ни в ком никогда не находил он опоры и ни к кому сильно не привязывался...

— Ты думаешь, Мустафа будет хорошим работником? — спросил «папа» уже Али Рашид у мамушки напоследок по-казахстански... Виталик не понял, что он спросил у нее. — Будем надеяться, — и она поцеловала Виталика, как раньше в щечки и благословила напоследок... — Ну все! — теперь все будет хорошо... «Вух, одного к хозяину отправили»... И они стояли и смотрели вслед Виталику и махали ему на прощание... — Приезжай в гости! Мы тебе будем всегда рады...

Рабов отправляют по хозяйским домам в шестнадцать-семнадцать лет... Виталик поехал в дом своего хозяина...

Родители. Он вырос в плену, мой мальчик... Мой маленький мальчик... Он стал совсем взрослым... Али Рашид принес ей фото ее сына... Еще до того, как ему выкололи глаз... Фотографии приносили примерно через семь-десять лет после того, как они были сделаны, чтобы ребенок уже поменялся и родители по этим фотографиям не могли их найти...

...Тогда ему отец сказал: — Ты можешь поехать. Там ничего не будет... Они не набирают рабов в Горячем ключе... — А он поверил и поехал... А они забрали его мальчика... Забрали его сыночку... Забрали его... А он копил деньги, он так хотел выкупить своего мальчика... так хотел его выкупить... Он работал и работал. Работал на двух работах и иногда ночами... Он так хотел его выкупить... Он так надеялся. Что ему его отдадут... он постоянно откладывал деньги. Постоянно копил... и пронесил деньги к границе с Казахстаном... Он так надеялся, что ему его вернут... Но рабов никто никогда не возвращает. На то они и рабы... Потом Владислав понял, что его сына никто ему никогда не вернет... Виталик уже закрутился в колесе работорговли, его никто не мог уже вернуть... Детей могут вернуть первые три года максимум... Потом уже сложно... Дети могут сами сбегать, но редко... Таких обычно возвращают и быстро убивают...

А Оле снится все один и тот же сон... Что Виталик плачет и завет ее во сне... Он плачет и зовет ее. А она тянет к нему руки... И хочет взять на ручки, как в детстве... Взять на ручки... Помнит его маленького... Тогда хватали детей матерей, у кого плохой материнский инстинкт. И подумали, что у нее плохой...

Жена все повторяла: — Я не плохая мать, — думая, что ей могут вернуть сына... Но Али Рашид сказа ей:

— Ты уже выплакала озеро слез!.. И тогда я понял, что ты не плохая мать...

— Что ж вы за люди? Что же вы за люди... — А мы не люди. Мы уже давно не люди... Мы и на зверей не очень похожи... «По-моему, мы хуже»...

В доме у хозяина. Детей увозили в богатые дома на западе Казахстана. Виталика отправили к хозяину после дома ужаса. И он подумал, неужели я попал в нормальный дом? И дальше все будет неплохо! Он думал, попав в дом: «Знают ли эти люди, через что я прошел и что пережил». И вел себя как обычно всегда в начале в любом доме — по-барски... И дом ему понравился, но не был он похож на детский...

И когда он появился в доме хозяина, его первый и единственный раз покормили с хозяйского стола, вкусно, а не со слугами... Что он пережил все испытания в детских домах и все-таки доехал до дома хозяина. Мог и не доехать! Потом его кормили со скотом, а потом хуже скота... Так сказал Эдам Хейсонд...

Сначала ему сказали, что ему надо поработать, чтобы стать таким, как хозяин, и иметь тоже свой дом и хозяйство... Что хозяин тоже когда-то на все, что имеет, зарабатывал... И Виталик тоже может заработать... И про себя все пожелали Виталику стать хорошим рабом...

Рабов надо постоянно чем-то занимать, постоянно развлекать — и знать, о чем они думают и чем живут.

В доме у хозяина он жил сначала при кухне... помогал, чистил кастрюли... убирал дом... пас овец, охранял дом... Его типичный день — работа с утра до вечера...

И хватал Виталик кошек во дворе, жарил их и ел, как мясо... Как в детских домах, которые здесь называли лагерями... И не нравилось это хозяину. И бил он Виталика и ругал... потому что его дети любили этих кошек и гладили их...

И молодой был этот хозяин и жестокий... Не повезло Виталику с ним...

К Славе иногда приходил Али Рашид. Узнавал его гены, заболевания, чтобы лучше управлять Виталиком...

Работоторговцы управляли не только рабами, но и нами. Натравливали нас друг на друга. Виталенко всю жизнь ненавидел дедушку Арины и всеми способами вредил ему... Он даже устроился работать на фирму дедушки, чтобы быть поближе к своему главному врагу...

И был у Виталика друг в доме у хозяина — хозяйская собака.

Жучка. И принесли во двор хозяина много маленьких щенков, похожих между собой... И выбрал себе хозяин одного доброго щенка, сучку... И стала она охранять двор... И очень привязался к собаке Виталик... И бежала она к нему одному через весь двор! И облизывала ему лицо... И смеялся Виталик, и был счастлив!

И узнал Али Рашид, как звали собаку, которая жила в доме деда Виталика, когда там жил Виталик, и звали ее Жучкой, сообщили его родители. И передал это он в Казахстан хозяину Виталика и тоже называл Виталик свою собаку Жучкой, но было у нее и казахстанская кличка...

— Хочешь, собака будет твоей? — А можно? — тихо, робко и подобострастно спросил Виталик, глядя на хозяина исподлобья, приготовившись к очередному пинку... На хозяев нельзя смотреть прямо. Они тогда сильно

бьют... Он смотрел на господина, как и должен смотреть раб по Эдаму Хейсонду...

— Конечно, старина, тебе можно все! — Сегодня хозяин был добр, это был его день рождения. И это был седьмой год его рабства у хозяина. И стал пес его...

И подарили хозяева ему этого пса, сучку-девочку... Он ведь тоже был девочкой...

И сказал ему хозяин: — Я вот со своим другом ем из одной тарелки. И делю с ним последний кусок. А ты ешь из одной тарелки со своим другом?

И ел Виталик из собачьей миски... вместе со своим единственным другом... И тогда хозяин сказал ему: — Теперь ты знаешь, что такое дружба...

...«Самый лучший вариант, если раб вообще забыл, что он человек и приравнял себя к собаке или корове. Это говорю вам я, Эдам Хейсонд»...

И говорил хозяин: — Я и тебя кормлю, и твою собаку... И ты будешь платить и за себя, и за нее. Будешь работать и за себя, и за нее... — Но не мог Виталик работать больше, чем работал даже ради Жучки...

А потом сказал ему хозяин: — Если ты теперь хозяин, то сам корми свою псину...

И перестали Жучку кормить с хозяйской столовой... И «платил» он, и стал Виталик кормит пса из своей тарелке и отдавать ее своей лучший кусок... Иногда лучшие порции.... И ел он с ней кашу пополам... И стала его собака худеть... И понял он, что не может прокормить пса... И горько плакал... Собаке нужно мясо, но он сам ест мясо один раз в год на день рождения хозяина, своего дня рождения у него нет... Когда-то было, вдруг вспомнил Виталик... Но опять испугался... что узнают хозяева, о чем он думал... и перестал думать, что когда-то у него был свой день рождения. Был свой дом... и не этот хлев...

И вернул Виталик собаку хозяину, не мог он ведь прокормить ее, не мог он стать ее хозяином... И подумал тогда Виталик: «Собаки им дороже меня... Их кормят мясом каждый день, а меня только раз в год...»

Он не мог иметь собаку... Даже собаку... И опять ночью горько плакал Виталик... Но собака все равно любила его, и лизала ему лицо и бежала к нему одному через весь двор... Она ведь все равно была его другом...

И на день рождения хозяина он набросился на свой единственный кусочек мяса в год... И съел весь... — И вот как ты относишься к своему единственному другу... — сказал ему хозяин, глядя на Жучку, глядящую Виталику в рот. — Если бы ты любил свою Жучку, ты бы отдал это мясо ей... — И не верил хозяин больше, что любит Жучку Виталик...

А на следующий день рождения хозяина Виталик отказался от своей порции мяса. И накинута Жучка на мясо... И съела все... И понял тогда хозяин, что для него значила эта собака... Но тоже остался недоволен, и сильно бил Виталика во дворе, ведь Виталик должен был есть мясо, чтобы нормально работать...

И на следующий день рождения хозяина отдал он ей половину своей порции мяса, поделил этот единственный кусочек за год со своим единственным другом — своей любимой собакой. И остался хозяин им доволен... И делал так Виталик до конца дней...

...У них было теперь двое новых детей, и они стали забывать Виталика... А он все жил в рабстве каждый день.. И терпел лишения. И не ел до-сыта. И не пил вдоволь... и радовался только своей собаке...

Половая жизнь. А другой раб, наемный, из другого дома сказал, махнув рукой... — Да, это хозяин... Им лишь бы ты работал хорошо... Это хозяин... Не обращай внимания...

А тот подумал, что ему еще долго в рабстве. И лучше хорошо думать и говорить о хозяевах... Ему еще долго в рабстве и лучше не вспоминать ему дом...

— У тебя в этой жизни есть только хозяин... Он — это все, что у тебя есть, — сказал однажды ему один наемный работник, который работал во дворе хозяина летом... И на кухне подтвердили ему, что этот наемник был прав...

— А где же деньги, которые я должен зарабатывать? — вдруг подумал Виталик. А теперь сказали ему, что он должен заплатить за те развлечения, которые были у него в доме, в детском лагере... — А в доме было много развлечений! — усмехнулся Виталик... и еще старательнее стал плести корзины во дворе хозяина...

Вспомнил он веселую зеркальную комнату и еще долго жил этими воспоминаниями, целых два года... А потом он начал вспоминать погибших друзей и их чучела. И беленького мальчика, которому выколол глазик, и как мальчик бегал с платочком и все тер свой глазик и ждал, когда пройдет... И опять плакал Виталик ночью... Но ему другой раб сказал: — И не возвращайся больше в те дома воспоминаниями, где жил, особенно в дом ужаса... где везде чучела, трупы детей. — И вспомнил Виталик, как закапывал останки детей и поливал их, чтобы на них росли цветы, и могли они возродиться, а потом улететь к небесам. А мамушка сказала: — Брось их, Виталик. Ох и бедовые, эти дети... «Ты не намного лучше, но хоть здоровый»...

Хотя Виталик и был кастрирован в двенадцать лет, ему не отрезали член у самого основания. Яички не тронули, и у него продолжались утренние эякуляции. На одно из дней рождений хозяин, выйдя на улицу после ночи с женой, увидел спящего Виталика... И вдруг пожалел его... И решил хозяин снять Виталику проститутку... Отдал попользоваться одной из своих во время оргий с друзьями, когда пригласил хозяин друзей и проститутку для компании. И хотел так порадовать Виталика.

Проститутка разобралась, что и куда... И одела она ему на член насадку... И впервые тогда был у Виталика секс с женщиной. И понравилось Виталику. И хотел он продолжения... И сказал ему хозяин заниматься сексом с коровой. И трахал корову Виталик. И часто и не мог остановиться...

И не понравилось это хозяину. Потом зарезали ту корову... – Дуралей ты наш, – говорили о Виталике во дворе.

И давал ему потом хозяин грязных проституток. И заразился Виталик сначала сифилисом... И мучился он... И лечил его хозяин антибиотиком... И дал ему хозяин опять грязную проститутку, чтобы понял он, что заниматься сексом не всегда хорошо и имеет последствия. И не смог Виталик опять отказаться...

И сказал хозяин потом Виталику заниматься сексом с кошкой... И пробовал тоже Виталик... И с кошкой... И не раз, и не два... И очень не понравилось это хозяину... Совсем... И дал ему тогда хозяин другую проститутку... Но «грязная» была эта проститутка. Очень грязная... И лучший это был секс в жизни Виталика. И та проститутка делала ему минет. И долго трахались они... И заразил та проститутка Виталика венерическим заболеванием. И стал весь двор ждать, чтобы Виталик стал импотентом... И надо было ждать три года... И специально подложил ему грязную женщину... И стали избегать его, и бояться тоже заразиться. Потому что та проститутка была очень заразной. И занимался он опять сексом с коровой и ждал новую корову. И заразил он скотину серьезным венерическим и пролечили корову... И трахался он с коровой опять, и бил его хозяин, потому что надоело ему венерическое у коровы лечить... И зарезали опять ту корову и больше не заводили, пока не стал Виталик бесплодным импотентом... И не служил он больше дома. Потому что был заразным... И боялись заразиться от него... И когда у него уже не вставал обрубок полового члена, когда стал он полным импотентом, дали ему антибиотик, чтобы перестал он быть заразным, и так полностью кастрировали его... И опять вернули его в дом и опять служил он в доме у господ...

Так сделали Виталика кастратом и импотентом.

«Раб должен быть кастрирован. Вам нужны их плодовитость?»..

И он плакал, вспоминая свой половой орган... Когда-то он мог стать мужчиной. Но он отказался носить трусики для мальчиков и стал носить трусики для девочек и ему все отрезали... И не был он мужчиной больше и не мог стать дедом и отцом... А зачем их плодовитость в рабстве? Отрезали все и дело с концом!

Он никогда не ел досыта... Он ел мясо один раз в год на день рождения своего господина, своего дня рождения он не помнил. А если и помнил, то никогда не говорил, что у него оно в принципе есть... Он старался никогда не вспоминать дом... Потому что его господин знал, что он вспоминает... А через десять лет службы хозяин стал разрешать ему вспоминать дом и маму... Он узнал, что у него теперь есть младшая сестра... а потом еще и младший брат...

И только спустя десять лет рабства у хозяина ему сказали его имя, которое когда-то он так опрометчиво забыл... Захотел забыть навсегда... За вкусные конфетки с наркотическими веществами... Виталий...

Палец. — Я уже столько лет за те развлечения плачу. Так сколько лет прошло? — И стал Виталик считать годы... И много лет насчитал по дням рождения хозяина... — Сколько за них можно платить?

И любил Виталик свою собаку, и часто гладил ее. И видел это хозяин... И сказал Виталику: — Ты не знаешь своего друга... Даже своего единственного друга ты не знаешь...

А ты знаешь, какого это, когда тебе отрубают пальцы? А ему оторвала палец собака... его руку полили какой-то жидкостью? и собака, единственная его отрада в плену, которую он привык гладить и целовать и любил, тут же кинулась на него...

Собака кинулась на него, когда он мел двор, и он упал наземь... и собака начала грызть ему руку и порвала руку... Его хозяин быстро подбежал и старался оттащить собаку... но она все грызла и грызла ему руку. Пока хозяин не услышал хруст его состава... «Все, можно оттащить», — решил он...

Виталик лежал на земле с порванной рукой и отгрызанным пальцем... И он посмотрел на свою собаку... Но это было кобель...

Это была не его собака, это была другая... Это был другой пес... ее брат... Очень на нее похожий... И тот пес был злым, а его собака была доброй... Его собаку убрали, а запустили этого пса... Он тоже жил в соседнем дворе...

И сказал ему другой раб: — Ты плохой работник. Ты перестал стараться. Поэтому они забрали у тебя палец... Потом они заберут у тебя всю руку... — Так было в одном из детских домов у одного мальчика...

А они забрали у него палец. Потому что он отказался мыть хлев руками... Потому что он разбил дорогой поднос в доме у хозяина... И специально разбил... И знал, что это дорогой поднос и любимый хозяина... И ненавидел он тогда хозяина...

Потом появилась его Жучка и как обычно побежала к нему через весь двор... А он пнул ее со злости... Через три дня они помирились...

Потом хозяин вспомнил, что у него есть день рождения — и стал даже говорить ему об этом дне... И пить в день его рождения за его здоровье пятьдесят грамм русской водки...

Огнестрел. И бежала Жучка к нему через хозяйский двор, и лаяла от радости... И радовался Виталик... И ревновал хозяин к этой радости...

И вдруг Жучка накинулась на хозяйского сына, который играл во дворе... Она повалила его наземь... Хозяин увидел это и начал кричать... Жучка тут же оставила мальчика, и плачущий мальчик вбежал в дом... Хозяин в гневе достал ружье, долго искал его... и потом выстрелил в собаку во дворе, в Жучку... Собака упала и больше не вставала...

И не подпускали Виталика к собаке... И просил Виталик вызвать ветеринара для своей любимой собаки и стоял на коленях перед хозяином. Но не подпустил хозяин Виталика с живой водой к собаке... И медленно завывала ночами собака умирая... И на третий день умерла от огнестрела

хозяина. И не простил Виталик хозяина никогда... И не было конца его го-рю...

И убил хозяин его собаку, потому что та накинулась на его сына. Но это был другой пес, ее брат... Это был кобель... И знал это Виталик... Но не верил ему хозяин...

А ведь он знал, что это не Жучка... Это тот злой пес... который когда-то отгрыз ему палец... А выстрелил хозяин в Жучку...

Он убил ее, он просто ее убил. Его единственного друга...

А потом оказалось, что на самом деле запустили в этот день во двор другого пса, брата Жучки... И горько плакал Виталик, оплакивая свою собаку...

И больше никогда не верил хозяевам Виталик. Никогда больше им не верил... И больше всего на свете хотел умереть...

И его хозяин забрал у него последнюю отраду в рабстве... У него не должно остаться никакой опоры в жизни... Рабы должны «летать» и никогда не достигать ногам земли...

Этот хозяин был плохим, жестокосердным... Как и многие в Казахстане. Раб был не плохой. Плохой был хозяин...

Плевки. Виталик как-то поцеловал корову, ведь она была его возлюбленной, его любовницей, а у той были гнилые зубы. С тех пор у него начал гнить рот. И периодически он плевал в тарелку своих хозяев, когда готовили на кухне... Чтобы и у них гнили зубы... как у него — мстил за своего пса...

И сгнил у его хозяина один зуб, и удалили у него зуб... А Виталик ему опять в тарелки плевал... И решил отправить тогда его хозяин из дома в двор и больше никогда не пускал в дом служить и ночевать... Гнилые плевки в своих тарелках ему были не нужны. И хуже это было для Виталика...

Понимание. У хозяев стол, на котором остаются следы от чая, от всего, что поставят... И он все своим одним глазиком трет этот столик, все его моет, чтобы следов не было видно. И ванну все моет... чугунную моет, и все боится, что эмаль слезет...

Я — раб. Его почему-то так поразила эта мысль: «я раб». Что он раб... ему сказали во дворе... — Да нет, — он только отмахнулся... А потом понял...

Он все повторяя себе: — Я раб. Раб. — Чтобы поверить... Чтобы понять до конца что к чему... И только через тридцать лет рабства он это понял... И ему запрещали вспоминать дом и маму... Что у него вообще была мама. Настоящая. А не эта нянюшка. Которая разрешила ему выколоть глаз... Только один, чтобы он мог работать... Если бы она выколола ему два глаза. Его бы бросили к границе. И он смог бы попасть домой. Пусть без глаз. Только бы домой. К маме... пусть без глаз... Только бы к маме...

И он плакал в ночи, когда это понял... нельзя было плакать, а он все равно плакал... — Ох и бедовый, — опять сказали о нем в доме хозяина.

Самое страшное пережить понимание, что ты раб. Что ты никогда больше не увидишь дома... Что ты один в этом мире, и никого больше нет... Что ты просто родился с неправильным цветом кожи... ты блондин. А они любят блондинов...

Знаешь, как он страдал, когда понял, что он не вернется домой никогда! Что это плен. Рабство! И он раб! Он был таким маленьким... Только семь лет... только семья... совсем ребенок... И он почти не помнит дом. И деда... и отца...

Виталик всегда говорил сначала о деде, а потом об отце, это значило, что ораклы подтвердили, что детей у него не будет...

Теперь для Виталика многое стало понятно...

Почему он бьет меня? Потому что я раб...

Почему я ем из корыта? — Потому что я раб...

Почему я не ем мяса? — Потому что я раб...

Почему я кастрат? — Потому что я раб...

Почему у меня нет глаза? — Потому что я раб...

Но он жив, в отличие от всех детей, которых они похоронили там, в этом доме страха... У него есть кров и постель... а он работает. И у него есть эта жизнь... он живет. Он дышит, он каждый день видит солнце...

Но он не был рожден рабом. Он не был рожден рабом! — И эта мысль его так поразила. Так поразила. Он был рожден свободным человеком... Он вспомнил, что у него была семья. Папа и мама... у него был свой дом... Он не был рожден рабом, и где-то у него были свои документы, и он может отсюда уйти и жить свободно... Ах да, он продал себя нянюшке, он подписал какие-то документы... И продал себя сам в рабство... Он искал свой паспорт... Рисованный в детских домах... Какой там паспорт! Конечно же, у него его нет...

Им надо был занимать чем-то рабов все эти годы рабства. И они внушали им то одну мысль. То другую... Чтобы рабы шли по намеченному ими пути, и главное, хорошо работали... Они рабы, и этим все сказано... И хорошо, если это понимание, то одно, то другое, растянуто во времени...

Потом он познакомился с другим рабом, этот раб жил у другого хозяина и работал летом наемником у хозяина Виталика. И это было самое главное знакомство в его жизни... — Главное, чтобы ты хорошо работал! — говорил ему этот раб.

Он не был рожден рабом! Он был рожден свободным! — Но его продали в рабство родители за золото... — И вот это самый сложный момент... Тут раб полетел, потерял опору в жизни... он может наложить на себя руки и впасть в отчаяние... Но он сам подписал бумаги... разве так можно? Он был маленький и не понимал... Он может аннулировать эту бумагу...

Он думал, что мать его забыла, а она передавала ему одеяла, а их забирал его хозяин... А мать его любит и ждет в далекой стране... А как же называлась эта страна? Он так долго не мог вспомнить название страны... Это была Россия, и он тоже русский... Он русский, А не казахстанец... Как

он жалел в детстве, что он не казахстанец, им давали вкусные конфетки чаще, чем ему... чем им, беленьким... и решил он забыть детство совсем, да когда же это было? да и был ли у него дом...

И Виталик задавал эти вопросы... и потом он получал ответы от друга...

А его друг поставил «плащ», и он мог теперь задавать ему вопросы... И спросил правильно: — Мама плохая?..- И друг положил черный камень... Значит, нет.

— А мамушка плохая? — И белый камень. Значит. Да.

— А хозяин? — Камень серый, как посмотреть...

— Он сможет вернуться домой? — Серый камень... Надо узнать у оракулов...

— Он будет свободным? — Тоже серый...

На следующий год друг опять появился и положил черные камни на два последние вопроса.

Он пленник... и он никогда не сможет уйти... у него нет документов, его поймут и вернут хозяину. Он раб, он без документов... Потому что хозяин заплатил за него много золота, значит, его кто-то продал... Ко же его мог продать... И его никогда не отпустит хозяин. Но если он будет хорошо работать, то он еще поживет и его наградят... вкусной похлебкой...

Это начала конца, когда он понял, что так будет всегда и он никуда отсюда не уедет... И не будет у него другой жизни кроме рабства, кроме дома хозяина. И горько плакал Виталик, и опять грыз кулак... И тогда поняли, что не будет он хорошим рабом и не сможет долго прожить в рабстве...

А его другу тоже платил его хозяин... Чтобы Виталик дольше жил в рабстве и хорошо работал... Просто в какой-то момент он должен сказать тебе, что у него итак все хорошо, он более или менее сыт, одет и обут... А что надо еще хотеть... Надо довольствоваться малым и быть счастливым. Сказать себе, как же мне повезло!.. и жить дальше счастливо со своими хозяевами. Но не мог так Виталик... Просто он был бедовый... А он все повторяет слова того раба: — Это же хозяин, им нужно, чтобы он хорошо работал. — А Арина может дать показания, и его могут вернуть... Но не успеют... Он умрет раньше... Она еще маленькая...

Просто он когда-то плакал и не мог остановиться, он бежал за телегой и плакал... И именно этот момент в его жизни решил все... Он не мог быть счастлив где бы он ни был... Но редко кто мог... Они все хотели умереть, эти рабы... Редко кто мог сказать, что он прожил счастливую жизнь в рабстве...

Все рабы проходили одни и те же этапы.

Я не раб... Я был рожден свободным...

Я раб, и это звучит гордо!

Я раб, и это никак не звучит!

Мои родители продали меня в рабство!

Они не хотели меня продавать. Меня просто украли... люди как Байсек и Али Рашид...

Они могут меня вернуть. И я могу быть свободным!

Родители подписали какие-то бумаги, все-таки продав меня... Но они не знали и не хотели...

Они не понимали, что подписывают, они не думали, что это серьезно...

Я попал в водоворот системы, тогда продавали детей уголовников, которые хотя бы вылезти из уголовщины... Поэтому выбрали меня... Мой отец уголовник... Мне просто не повезло...

— и он опять плакал всю ночь...

Рабы все ищут. Кто виноват и не находят. И в итоге решают, что виновата судьба...

И чем больше они вспоминают свою прошлую жизнь, тем хуже... И чем больше плачут над несчастной судьбой и жалеют себя — тем хуже...

Хотя, может, мне повезло? — И тут редко кто отвечал — да, повезло. И это были лучшие рабы. Они просто смотрели на жизнь и не ждали многого... И таким ставили пять с плюсом... Обычно они отвечали — и это жизнь? Я мог быть свободным, я мог носить нормальную одежду... Я мог жить, а не существовать! Я мог жить в квартире, у меня могла быть семья... Как у хозяина. У меня могла быть жена... и дети! Даже дети! Внуки!!! Мысль о внуках их вдруг совсем поражала... они не могли даже представить себя в старости... Вот тут надо им самим поставить стоп и сказать, что моя жизнь не так уж и плоха... И тут такой раб может прожить еще десять лет... Но если раб уходит в сожаления. В жалость к себе... Это плохой раб, и годы его сочтены...

Русские почему-то плохо приживаются в рабстве, так думали многие в Казахстане... Как повезет, отвечали некоторые...

Сон. И снился Виталику сон, что он бежит к маме... или мамушке. К маме Оле или мамушке... Он все никак не мог понять... К маме Оле... И она гладит его по головке. И целует ему щечки — его кто-то когда-то целовал... А маме снится похожий сон. Что к ней бежит Виталька. И она хватается за ручки и целует... И так он начал вспоминать свою жизнь до рабства и свой дом... и свою маму... Олю... И он проснулся и впервые за много лет вспомнил имя мамы! Оля... Мама Оля... А папа Слава.. Папа... А дед Андрей, у него был дед Андрей... И стал он тогда вспоминать... У него была мама и был дом... Что же вы за люди? Что же вы за люди... Работоторговцы... И она не продавала его, не могла... Она бы его не продала в рабство... Никогда не продала... И плакал он ночью в хлеву со свиньями, и грыз себе кулак... У него был дом... свой дом...

А у них теперь есть новый мальчик, и они забыли его, своего Виталика... Он тоже беленький... Как он когда-то... Виталик мельком посмотрел в зеркало — он был совсем седой... Она не продала бы его никогда... Его мама Оля его бы не продала... И он впервые за много лет стал чувствовать себя человеком, а не скотом... И это было плохо для хозяев...

Так хозяин специально это сделал, специально убил его собаку? И эта мысль его тоже очень поразила... И опять плакал Виталик ночью и чувствовал себя самым несчастным...

А Виталик все хочет встать с колен. И каждый раз, когда он вспоминает кого-то из семьи и хочет вести себя, как они, как бабушка или папа, ему как будто опять выбивают опору из-под ног... Он как будто хочет всю жизнь встать с колен и не может...

Раб должен чувствовать себя неполноценным всегда...

...Али Рашид принес Ольге еще фотографию, где ее мальчик уже взрослый, стоял молодой красивый, похожий на отца... Только с повязкой на одном глазу... До того как его отправили в дом хозяина... А Виталик где-то жил в рабстве и работал с утра до вечера каждый день...

Воспоминания. Детям надо постоянно во что-то верить, чтобы хорошо жить в рабстве, то в добрых мамушек и Али Рашида. То в друзей, то в хозяина... то в родителей, которые любят и ждут не смотря ни на что... И когда они перестают верить и понимают, что они никогда не уйдут из дома, разве что в могилу, и хозяевам надо, чтобы они просто хорошо работали, и нет никакой надежды, они, рабы, начинают умирать. И пусть они умрут через много лет. но начинают они умирать именно в этот день, когда перестают верить, что их кто-то спасет, что они могут вернуться в свой дом, к своим игрушкам и родителям... И взрослый Виталик вспоминал свой дом, свои игрушки, свою кровать, маму и опять плакал... Потом ему рассказали, что у его брата другая кровать и другие игрушки, и его игрушки никто не хранит... Но мама хранит. Мама хранит его старого мишку и зайчонка и иногда его брат спит с ними, и мама вспоминает его, своего сыночка... Она спит с его игрушками иногда и помнит его, своего мальчика... Когда у нее еще был сын Виталик... А кто-то просто забрал его, кто-то забрал его у матери... Забрал его жизнь... И передала Ольга через Байсека Виталику в Казахстан его старенького зайчонка... И передали игрушку Виталику... Но она как-то не порадовала его... Взрослый он уже стал...

Когда у него еще была мама... И та семья. И другой дом... Свой дом... для рабов очень важен дом, место жизни... Чего у них никогда нет в рабстве...

И даже возвращался он на один день домой в невменяемом состоянии... Когда ни его родители, ни он ничего не помнили... И мама передала ему паспорт... Чтобы он мог переступить порог этого дома, своего дома, пусть под гипнозом. Чтобы он мог поесть досыта хоть раз в жизни...

И он просил, чтобы тому мальчику, которому в доме ужаса он выколол глазик, вставили искусственный глаз. И за это он отдал свой единственный кусок мяса за год... И тому мальчику в доме у другого богатого казахстанца дали искусственный глаз. И его иногда даже не считали рабом, когда он служил за столом у господина. А сам Виталик всю жизнь носил повязку...

И Виталик начинает понимать, что к чему... и что почему... Его хозяин очень много заплатил за него похитителям, и он отработывает те деньги... Что родители не продавали его, а если и продавали, то под препаратами, не понимая что делают, не отдавая себе отчета... Почти не отдавая... Вита-

лик пробовал эти препараты и понял отца, не отца Рашида, а того отца, который был у него в России. Продавали детей уголовников, а его отец был уголовником, преступником...

Мама не продавала меня. Меня просто схватили на улице и продали в рабство от строительной фирмы. Продал какой-то Саша... Боже, как кон ненавидел этого Сашу!.. Она хотела вернуть меня... Она приносила деньги к границе... Она хотела меня выкупить, но не смогла, меня уже не отдали... Меня продала строительная фирма, украли и продали...

И он плакал над своей горькой долей...

У него был свой дом, и он может туда вернуться... И впервые за много лет он был счастливым... И разрешал ему хозяин теперь вспоминать свой дом... Потому что знал, что скоро умрет его раб, Виталик...

У его родителей теперь другой сын, и все думал он о том мальчике. Как он живет, как он ест и спит и опять плакал всю ночь... И грыз кулак. Чтобы не завывать и завидовал ему. И сказал себе, что больше никогда он не будет вспоминать дом...

Потом Виталик понял, что просто попал в колесо системы, что он пруттик, который перекрутился... И он хотел стать прутиком, который застрял в колесе и повернул систему... И хотел Виталик убежать от хозяина... Но опять его нашли и избили... И стал он тогда «колесом»... свернули его и впрягли в телегу, и поехала та телега... Хозяин не может по-другому — никуда он отсюда не убежит...

Но он слышал, что какого-то мальчика вернули домой из рабства... Но не его. Его не вернут... Хозяин слишком жесток, чтобы отпустить его... Его не вернут. Хозяин подтвердил... У оракла спрашивал...

И он начал вспоминать, сколько ему лет и когда он родился... И сколько лет прошло, как он оказался в хозяйском доме. И насчитал он больше двадцати...

Хозяин только один раз за более чем двадцать лет работы дал ему дополнительный кусочек мяса, когда он до блеска начистил поднос. Зная, что с одним глазом он не сможет так еще раз чистить... А Виталик в этот момент думал о том, как бы он занимался сексом с той девочкой, которой он в детском лагере поднял юбку...

Но он не помнит ни отца, ни мать хорошо... И никогда он не покинет дом хозяина... Что же он так переживает... Жучка... И опять плакал Виталик ночью в кулак...

Владислав Виталенко становился все богач и богаче — он заплатил за нас всех. Он отдал своего ребенка в рабство — подписано на высоком уровне, мы должны поставлять в Казахстан рабов...

Просто раньше у него был его мальчик... Его Виталька... Они все смотрели на соседского мальчика и думали, что Виталька мог так же вырасти... И закончить школу... И стать хорошим человеком... — Хорошим человеком? Каким хорошим человеком он мог стать в семье потомственных уголовников?... — И устроиться на работу... И жениться... А он где-то жил... да-

леко... И работал день и ночь... И все только потому, что тогда они так неудачно переехали... Так невовремя...

То была его последняя фотография, которую передал им даже не Байсек, а сам Али Рашид. И как бы не наряжали Виталика, увидела мать и следы усталости на лице, и нереальное измождение, и худобу. Ее сын в сорок два выглядел как сухой старик... И долго плакала она над той фоткой, последней... Ее мальчик, такой красивый. Толсто- и розовощекий вырос в этого худого и истощенного старика...

Мама Ольга все глаза себе выплакала... Она плакала каждый день... И это была уже река слез – она уже наплакала реку...

Смерть Виталика. *«Раб не должен доживать до старости. Зачем вам старики в хозяйстве?»*

И Аринин дедушка Саша хотел занять место Виталика в доме у хозяина... Так один раз сделали – старик пошел в рабство, а ребенка вернули...

Аринин дедушка ушел на границу с Казахстаном. Дома сказал, что уехал к матери. Чтобы его забрали в рабство вместо Виталика. А Виталика вернули. Он бы занял его место и работал бы на хозяина Виталика. А Виталика бы пролечили. И даже почки, и он бы дожил дома. Так уже сделали с одним рабом – его родной дедушка занял его место... Он пожил, теперь пусть Виталик поживет... Дома. В тепле и комфорте... Но в этот раз не получилось. Дед долго сидел на границе с Казахстаном... Но никто не вышел... Лишь бы вернули Виталика. Но уже не вернут. Уже слишком сложно. Не разрешили – так нельзя... Такие дети потом давали показания в полиции.

И хотел он наказать хозяина своей смертью... И не хотел он больше жить...

– Я не хочу жить, – сказал он хозяину. – Ты убей! Сделай милость! – И опустился перед ним на колени. И хозяин ответил, что он будет думать... И не хотел Виталик больше жить... Он лег в барак на постели из соломы, но он еще не отработал своих денег... Неужели я просто не могу умереть...? – Нет, не можешь, надо еще работать...

И плох тот раб, кто еще может работать, но не хочет. И тогда надо смотреть на хозяина...

И забрал хозяин у него собаку, единственную отраду в рабстве...

И зубы гнилые и хрупкие рассыпались у него во рту... Потому что был он из уголовников...

Его хозяин был очень жестокий и убил его единственного друга, его Жучку... Он никогда не простил хозяевам смерти своей собаки. Другую он не принял... Просто кормил... И все. Другом она ему так и не стала...

И решил хозяин убить его через три года... И стал косить, «портить» его органы и колоть взамен здоровье себе... И стали давать ему вещества, сажающие сердце, почки, легкие...

И через три года вложили Виталику личинку в рот. И приросла она и стала коконом. Значит, долго он не проживет... Время вымыло весь

кальции из его костей. Весь жир из его щек... Рабы – молодые старики...

А ты знаешь, как умер тот мальчик. Которого тогда отнесли к границе с Казахстаном в ковре? Он умер тихо в своей кровати... Ему просто дали два инфаркта... И всей своей жизнью он только и заработал, что на эту тихую спокойную смерть...

И перед смертью заколол ему хозяин лучшего барана...

«Если бы я мог прожить свою жизнь... Я бы дарил цветы той девочке, которой поднял юбку... Я бы ел досыта и пил допьяна...»

«Я бы любил родителей и никогда не обижал их»

«Я бы был самым лучшим другом и братом»

«Я бы был хорошим специалистом. Я бы старался каждый день» – Ты? Хорошим работником? О чем ты говоришь! – тут же завозмутился его хозяин... -Умирает он... лежит, блин... Иди, вставай, работай!..

«Я бы хотел быть прекрасным дедом и отцом»

«Я бы был прекрасным семьянином, как мой отец»

«Если бы у меня была моя жизнь...»

И Виталик все винил себя. Что выколол тогда тому мальчику глазик, чтобы попасть домой. В новый дом... свой новый дом... И винил себя, и винил... Дети же ничего не понимают... Виталик думал, что попадет домой... Сначала он верил, что если будет хорошо работать, то сможет сам стать хозяином... И жить в большом доме, и иметь семью и детей.... Рабам надо во что-то верить...

Перед смертью он вспоминал ту девочку, у которой он когда-то поднял юбку и за которую лежал в пещере... Ораклы ему говорили, что у них могла бы быть своя жизнь и дом... Свой дом... Если бы та девушка все-таки в последний день выбрала его, а не другого мальчика, у которого был член...

А когда-то у него была семья и свой дом... И он мог прожить совсем другую жизнь... И перед смертью он вспоминал деда и его дом в деревне... И его дом...

И он закрыл глаза и представлял свою Жучку, как она бежала к нему и лаяла от радости...

А у него по сердцу разливался инфаркт...

И последние мысли его были о том мальчике, которому он выколол глазик...

И даже плакал над ним хозяин после смерти...

И выдохнул Байсек с облегчением – еще один раб отработал себя. И за него ему больше не надо «платить», наказывать себя, бить плеткой в его день рождения... и колоть себе глаз иголкой... И него появился один хороший день в календаре...

Но его просто схватили на улице... вкололи снотворное и отвезли к границе...

Ему, как рабу, поставили четыре сначала с минусом, а потом без минуса. Но и без плюса. Только одной рабыне во все времена Казахстана

из России поставили пять с плюсом... Потому что жила она только хозяйскими интересами и забыла совсем о себе... Все для хозяев... А хозяину Виталика, как хозяину раба, поставили три с минусом, а то и два — он был плохим хозяином. Все-таки три с минусом. Плюс за проституток, а большой минус за любимую собаку раба. А Виталик был сыном уголовника, и поэтому его отправили к плохому, жестокому хозяину.

Виталик умер в сорок три, практически стариком, с гнилыми зубами... и больным сердцем... И всей своей жизнью он заработал только на эту, как многие считали, легкую смерть... Ему дали два инфаркта и ему хватило...

А родители все ждали его домой.. Больного... все равно ждали... И надеялись, что и больного им могут его вернуть... Зачем его убивать? Но он слишком много знал... Его бы никто не отпустил... И хозяин вместе с рабом купил и его органы себе... Виталик умирал, а хозяин молодец...

Раб не может стоить менее двадцати миллионов, потому что, покупая раба, ты забираешь его жизнь... Присваиваешь его жизнь себе... А жизнь стоит дорого! Двадцать миллионов! Рабы — это страшно, это исковерканные судьбы.

Рабы, как и горбуны, согнутые жизнью люди... Они горбчатся на хозяев за копейки всю жизнь, за скудную еду и кров. Горбуны — это рабы своего здоровья... Их тоже сгибает жизнь и клонит к земле... Рабы... Горбуны... К концу жизни они становятся согнутыми, высохшими, изможденными... Они забывают, что такое ходить ровно и поднимать голову... Они гнутся к земле... И всю жизнь просят об облегчении их доли... И в конце жизни молят о смерти. Об облегчении их участи... И жалеют, что вообще родились на свет такими... Родились они ровными, но потом стали сгибаться, и чем больше сгибались, тем больше проклинали жизнь и себя. И свою судьбу... и свою тяжкую долю... И все спрашивали, за что им это испытание... почему их доля так тяжела... И в конце жизни они молили о смерти... об облегчении их внутренней боли... В сорок молодые старики по состоянию здоровья... Горбуны... Рабы... Горбуны...

Труп. А Виталенко всю жизнь ждали, что им вернут сына. Тридцать шесть лет ждали. А не ждать нельзя. Ждать легче. Надо во что-то верить. Что сына все-таки можно вернуть. Пока верят, еще легче. И через весь круг ада прошли. И вены резали. Оля и в психушке лежала.

Потом, когда Байсек им сообщил, что умер Виталик, они боялись, что не смогут похоронить его. Что он будет лежать где-то в канаве или его скормят собакам, как скармливали многих... Обрезанные члены детей, или другие органы, пальцы, тоже скармливали им самим или кидали собакам... Но трупы рабов относили в большой склеп в пустыне Казахстана. Каждый труп с запиской — фамилия, имя раба, страна и ответственный на казахстанском на момент смерти... Старые казахстанские работоторговцы передавали своих рабов молодым, когда заканчивали «службу».

И вспомнил Али Рашид, узнав о смерти Виталика, почему-то слова матери Виталика, которые она сказала ему однажды: — Вы столько горя при-

носите... Вы столько людям горя приносите... Поэтому у вас земля и поднимается...

И больше всего Виталенко хотел, чтобы ему вернули труп его сына... Он похоронил бы его в могиле... Хоть похоронить его по-человечески...

И привез Владислав золото к границе с Казахстаном и хотел купить труп сына. Но никто ему труп сына не отдал... Но бросили потом труп сына в яме. И забрал он труп, и привез домой, и плакал над ним...

К нему подошла жена Оля и положила руку на плечо... И жить надо ради детей, двоих детей... И не хочется. Совсем не хочется! Жить не хочется! И ты не так хорош! И Виталика жалко. Как жалко Виталюшку! И плакали они вместе над трупом Виталика... И открыл он простыню и посмотрел на труп... И увидел он шрам на левом боку... И сам он когда-то так отнял жизнь у еще совсем молоденького мальчика. Которого ему заказали... И пырнул он его в бок и посмотрел в глаза. И умер тот сразу. И сказал им убиенный ему во сне, что вернется за ним или его сыном... И вернулся он... И впал Виталенко в забытие. Как будто за сыном пришел им убиенный когда-то. Все сбылось, Оля! Все сбылось! Он убил тогда пацана какого-то! Максимом звали! А потом залез в душ и отмылся. И думал, что сошло с него убийство это, с водой сошло. И взял он деньги за мальчика, и кутил три дня и не спрятал нож даже. А потом через три дня пришли к нему полицейские, устроили обыск и нашли нож. И посадили за убийство. Но вмешался отец, и отпустили его через три года! Три года он отсидел... Но другой признался в его убийстве и сел за него! А через год украли Виталика... Наемником был Виталенко... Убийцей и наемником. И с ножа даже кровь не стер, как его отец учил...

И завертелись они в колесе. И Брежнев подписал, видя будущее. И Владислав уголовник... И отцу оракл намоленный подтвердил, что Виталик будет цел. И что все будет хорошо... И переехали они неудачно...

И плакал Виталенко и рвал на себе волосы... и забрали его в психиатрическую больницу... Но это был не труп его Витальки, у Виталика не была того шрама на боку... Это был женский труп....

Но через два месяца труп его Виталика ему бросили в канаву, как он бросил того мальчика тогда. И нашел он труп сына, завернутый в коричневую грубую ткань... И плакал над ним и принес домой...

Теперь его Виталик дома. И все почему-то успокоились. Всем стало легче. Они так хотели его вернуть и вернули... Только так... В гробу... Виталенко склонился над трупом сына... Сын был весь седой... Как старик... Как он отличался от того мальчика, которого когда-то у него забрали... Последний раз он видел сына еще совсем мальчиком, с бленькими волосиками... Его мальчик стал таким... Он даже не погладил его напоследок. Убежал куда-то. Только слегка дотронулся до его головки. И побежал по своим делам. По работе... Только бы его взяли на работу... И больше уже его не увидел. Никогда не увидел... Он только потом понял, что то был конец... Навсегда сына тогда забрали, и уже никогда не вернут... И можно пить и плакать...

Сына все равно не вернут... Он и пил. И плакал, и просил.... Сына уже не вернули... Не могли... Он продан. Он в рабстве. Он – раб.

Мать все глаза выплакала над его трупом.

А потом Владислав отдал труп на медицинскую экспертизу... И узнал, как высохли кости его сына и как мало там было минеральных веществ. В каком плохом состоянии были его зубы... Каким он был изможденным.... Но крутились в нем минеральные вещества «замкнутый круг» – значит, мог он не есть неделями... И было это хорошо... И много было у него больших органов, почти все...

И похоронил его. И заказал ему памятник и написал на нем «Виталик», не мог написать «Виталик Виталенко», написал «Виталик Зеленев»... Он написал свою старую фамилию... Единственное, что он смог сделать для сына – это похоронить его по-человечески. Его сын всю жизнь прожил, как собака... только похоронили его, как человека... Всей жизнью он зарабатывал только на нормальную смерть...

Помнишь ли ты Виталика? Каким мог стать мой мальчик? Каким он мог вырасти? Помнишь ли ты его, каким мог стать мой сын... Высоким, красивым...

Он мучился... каждый день своей жизни... И за эту муку они платили теперь поднятой землей...

Так заплатил этот мальчик, Виталик, и долго жил в плену...

Он умер в плену... Через тридцать шесть лет мучений, в голоде, холоде, потерянный семей и родными, забытый Богом. И так прошла его жизнь... Но нет, он не был забыт, родители его помнили... Аринин дедушка с коллегой *просто* отнес ковер до границы, а в этом ковре спал этот маленький мальчик семи лет. Так приказал им начальник на работе... Его *просто* схватили на улице... Дедушкин начальник его *просто* поймал в Горячем ключе и вколол снотворное. А на золото за ребенка начальник развил свой бизнес... Начальнику потом *просто* казахстанцы передали золото... А мальчика *просто* доставили в детский дом в Казахстане... Система, колесо...

Это был раб дедушки Арины. А сыну начальника растворили раковую опухоль, он умер в двадцать два...

Дедушка был козлом отпущения... Его подставили... Козел оказался неудачный... Скинуть на него всю вину не получилось... Виновные все же заплатили... Заплатили жизнью детей...

И каждый раз когда у Арины спускает наполненная водой ванна, она вспоминает этого раба... Как он мыл свою ванну и боялся испортить эмаль... У таких рабов ванна по тридцать лет не желтеет... Как тер на кухне стол, видя одним глазом, – у Арины дома такой же... А Арину отравили в свидетели и готовили слепоту...

Отец нашего черта Славы, тоже черт, очень переживал за Витальку, что разрешил его тогда в рабство продать... И он так и не простил себя за него...

И после смерти сына прожил еще Виталенко Владислав десять лет и потом выпил агрессивную раковую опухоль и передал такую же опухоль хозяину Виталика за то, что он избивал его плетью, не кормил, а потом отнял его единственного друга... И умер хозяин Виталика в муках через три года после смерти Владислава...

Что ты знаешь о рабстве? Что мы все о нем знаем?

Часть 7. Все только...

На поле

Аня Петрилина пригласила нас к себе домой. Она жила в трехкомнатной квартире в спальном районе на берегу Кубани. Я удивилась, какая у нее была маленькая своя комната. Их квартира была хорошо обставлена, в элитном доме, наверняка, очень дорогая. Здесь я встретила ее темноволосого папу и не очень приятную невысокую блондинку-маму, которая тут же начала бурчать на Аню по поводу уроков.

Религия американцев, протестантство, оказалось заразно и передавалось воздушно-капельно. В итоге протестантами стали Саша Янченко, Аня Петрилина, Таня Соснянская и даже Яся Воронина. Они приняли крещение. Библию читала и Женя Снисарь. И блондинка Саша... В американской тусовке все русские постепенно становились протестантами.

— Яся, ты уже читаешь Библию, да ладно! Fucking Yankees! — Яся не переставала удивлять Эдама.

Говорили, что легко прикрываться контрабанду оружия миссионерством. Переписал из чужой Библии чужие заметки карандашиком, выучил пару мест. Повторяешь все, что делал кто-то действительно религиозный. А сам проворачиваешь свои делишки. И можно путешествовать из страны в страну беспрепятственно.

Анна написала мне в тетради красивую песню о любви Иисуса Христа, о том, что все ее грехи меркнут в его любви. Саша говорил, что она надела маску девушки из прошлой религиозной миссии. Летние американцы прикрывались масками, а занимались контрабандой. И Анна, как та девушка год назад, разукрасила свою Библию, переписала все пометки страницу за страницей — на это ушло три месяца, записала ту же песню мне в тетрадь. Также они с Сулгвин повесили белые листочки формата «а-пять» с надписями разноцветными карандашами на дверях. На их комнате висели два белых «идентифицирующих» листка с их именами: имя Анны было написано красным карандашом, а Сулгвин синим. Внизу были написаны их любимые места из Библии или места, над которыми они думали сейчас.

— Keep praying for me¹, — все повторяла мне Анна. У них сейчас часто были серьезные перестрелки с полицией. Анна была дочерью серьезного проколотого война и была совсем лысой. Носила хорошие накладки, и ее волосы выглядели настоящими.

А мы постоянно «паслись» у американцев.

— Ты знаешь поговорку «Easy peasy lemon squeezy²». Хочешь, я запи-

¹ Продолжай бороться за меня.

шу ее тебе в тетрадку? — спросила меня Элен. Сулгвин уже записывала такие же пословицы Ане Петрилиной.

— If you have a lemon, make a lemonade³, — эта английская поговорка была про Шерил, Ясу, Сашу и меня.

— See you later, alligator. After a while crocodile⁴, — говорили друг другу Элен и Сулгвин.

У меня на груди сейчас были красные прыщи и американки подумали, что это прослушивающие устройства... У американцев даже летали комары с камерами — камера с прослушкой не больше комара. До чего техника дошла! И нам всем вставили в зубы по жучку, чтобы нас можно было найти, если что... Если нас убьют и в канаве бросят... Отправляли туда, откуда не возвращаются...

Мы прошлись по пословицам. Американцы рассказывали и о таких сокращениях, как, например, CU — see you. Саша Янченко даже записал себе в тетрадку пословицы Элен и американские сокращения.

Сегодня мы также обсуждали, чем отличаются выражения, означающие «извините» на английском, «sorry» и «excuse me». «Sorry» говорили, когда чувствовали вину, а «excuse me» — когда нет.

В общежитиях на потолках висели ловушки для мух — желтые липкие ленты. И мы старались не попасть в них лбом и не приклеиться. В них тоже были какие-то запрещенные вещества...

— У нас и так в жизни есть много вещей, от которых мы зависим. Мы зависим от своего желудка. От еды и воды. Хотим пить и есть! Мы зависим от туалета, в конце концов! — говорил Саша Янченко и, наверное, хотел в туалет.

— Я и общаюсь с американцами, чтобы лучше узнать протестантов, учусь у них... Может, и нам такую религию через десять лет дадут... Хоть про таблетки для потенции узнали, потом выьем себе! — говорил Саша Янченко...

Саша говорил, что Эдам как более страшный преступник, убийца, вообще импотент. Он уже столько убил... что у таких уже «не стоит» и своих детей не бывает... А если бывают, то редко...

Говорили, что в это момент Джейк занимался сексом с Сулгвин в комнате девочек. Он использовал презерватив. В России с ним Сулгвин лишилась девственности. Она должна была скоро умереть и торопилась жить... Опухоль Сулгвин врачи ему обещали свернуть.

Райли ходил с накрашенными ногтями на руках и на ногах, — иногда ярко-красными, а иногда черными. Это значило, что в компании Эдама появился наркодилер.

² Просто, как выжать лимон. Русский аналог — «Проще пареной репы»

³ Если у вас есть лимон, приготовьте лимонад.

⁴ Увидимся позже, аллигатор. Через некоторое время, крокодил.

Ясе знакомый полицейский даже запустил экранную рыбку, чтобы видеть все, что происходило у американцев, но рыбка не прижилась, Эдам убил.

Летние американцы любили играть в дротики. И круглая красно-черная мишень висела над кроватью Джейка. Ее иногда забирал к себе в комнату Келвин-Джош. Саша Янченко и Яся тоже дома тренировались метать дротики. У Келвина в комнате были совсем другие дартс — Келвин пробивал их насквозь — тренировался стрелять по мишеням. Они тоже был «живые» и потом рассказывали отцу Келвина, какие у него успехи... Келвин стрелял и по мишеням Джейка и Райли, и по своей мишени.

Морген поделились с Шерил, а та передала мне: — Морген сказала мне показать Эдаму или намекнуть, какой тип мужчин мне нравится. — Шерил опять глупо засмеялась. — Чтобы Эдам меня познакомил с кем-то похожим. — А Шерил нравились высокие брюнеты в очках.

Саша говорил, что Шерил скоро выйдет замуж, в баптистских церквях заботятся о своих прихожанах, стараются устроить их семейную жизнь. Саша говорил: — Из всех американок раньше всех выйдет замуж Шерил! — В это было сложно поверить, глядя на страшненькую, лупоглазую, неухоженную по русским меркам, нестильно одетую Шерил и хорошеньких, сексуально одетых русских девушек.

Просто американцы-баптисты женились только на американках-баптистках и никак иначе! Ценили своих. И на русскую красоту не велись. А девушки, посещающие американский центр, все-таки надеялись выйти замуж за американца.

— Наши девушки думают, что скоро выйдут замуж они. Ан нет, наоборот, скоро замуж выйдут американки. Вот Шерил, да, она скоро выйдет замуж... А ты, Арина... Жаль, конечно... Но у нас такая культура...

Русские девушки смотрели на «зачуханных», неухоженных и не ухаживающих за собой американок, которые однообразно одевались и вообще не красились. И даже не могли себе представить, что на американках вообще кто-то может жениться, кто-то на них «поведется». Русские парни точно не женились на таких...

У нас убийства. Контрабанда Калашниковых. Работоторговля, А девушки хотят замуж и детей...

Семейная жизнь часто не складывается. Преуспеть в работе намного легче, чем в семейной жизни. Мужики часто «продают» или детей, или жен... А иногда и то, и другое. Сейчас несемейное время. Ты попробуй найди кого-то, с кем ты проживешь до конца дней...

— Папа говорил, что лучше быть поближе к ку-клус-клану, — говорила мне Шерил, как всегда глупо улыбаясь. — У полицейских в Америке дела совсем обстоят плохо. Их преступники совсем притесняют... Дети полицейских раковые опухоли пьют, как Сулгвин. А сейчас есть тенденция детей полицейский делать слепыми бельмами на глазах... В наше время лучше примкнуть к бандитам... — Что Шерил и сделала. Вообще Шерил редко по-

являлась с этими американцами. Они ее близко к себе не подпускали... Она должна была еще доказать им свою состоятельность и преданность... Ослепить меня...

Шерил была человеком нового времени, у которой притуплены все инстинкты. В Америке хотели вывести людей нового типа. Хладнокровных убийц-лягушек. Такие могли получиться только в такой стране, как Америка, где постоянно убивали людей. Одним из первых таких людей была Шерил.

— У каждой американки-преступницы обязательно должна быть подруга из вуза или колледжа, которая и не подозревает, чем на самом деле она занимается... Это хорошая тренировка, как скрывать свое истинное лицо и показывать только хорошую сторону... Производить нормальное впечатление на людей, чтобы подруга и не догадывалась, чем ты занимаешься за ее спиной и кто ты на самом деле... — говорила мне Элен. Так преступницы учились надевать маски и претворяться другими людьми, прятать свое истинное лицо. Смотреть на себя глазами подруги и видеть себя обычным законопослушным гражданином. — Я буду относиться к тебе, как к той моей подруге, — сказала мне Анна. Так преступники проверяют, как они могут казаться обычным людьми.

Сегодня Эдам опять давал нам соус с мясом им линчованных негрят. Яся сначала не хотела есть, не хотела становиться каннибалом... Но Эдам сказал, что если она и дальше хочет посещать американские вечеринки и сдавать американцев полицейским, параллельно сотрудничая со следствием, ей надо есть мясо негров, как и тем, кто не знал о контрабанде... И никаких других вариантов!.. У американцев мы все стали каннибалами...

Элен рассказывала:

— Каждый, вошедший в эту дверь отдал что-то ценное, отдавал жизнь. У Арины взяли глаза, дали слепоту, у Яси ее психику, у Саши Янченко — его семью...

Саша стал американцам своим... Каждый из первых трех важных свидетелей отдавал жизнь за права свидетельствовать, быть тем, от которого полиция примет показания. Попали мы как куры в ошип. Сейчас пошла вторая волна свидетелей из «своих», которые через Эдама выбивали себе жизнь... Этими свидетельницами были Ира Штолярова и Марина Ковач. От них бы в полиции тоже приняли показания...

— Знаешь, как плохо складывается жизнь у этих свидетелей, — говорила Марина Ковач Штоляровой Ире при мне. С Ирой я уже сталкивалась, когда была в первый раз с Дженнифер в баптистской церкви. — В такие свидетели лучше не попадать...

Отец Иры Штоляровой тоже был из ку-клус-клана и убил много негров. Ира получилась как типичный, жуткий ку-клус-клан, с маской смерти на лице, блондинка с маленькими глазами, треугольным носом и тонким бесформенным ртом, без бровей, в ее внешности было что-то отталкивающее. Хотя ее черты лица были правильные. Вот ее отец много негрят по-

убивал. Ира со старшей сестрой были очень похожи. Ее сестра через год должна была выпить раковую опухоль за убитых отцом, она собиралась скоро замуж. Эдам проводил Ирине Штоляровой мастер-класс, как убивать и разделывать негров. Для начала она тоже разделала для него собаку. А потом одного негритенка. Ира уже долго была баптисткой. Как ее мать и старшая сестра. Она казалась мне очень милой, вежливой и приятной, всегда улыбалась. Всегда аккуратно и неброско одевалась. Эти убийцы были глубоковерующими и усердно молились Богу, читали Библию утром, днем и вечером... Баптизм — хорошее прикрытие для постоянных жертвоприношений... И сразу душу чтением Библии успокаивали. Вечером убивали, а утром читали Библию... Иру Эдам называл «следы ног на мне», она убивала негрятят, на которых якобы появлялись следы ног. Ку-клукс-клановцы, Ира Штолярова и Марина Ковач считали, что за убийство негров не сажают и даже не наказывают.

Мы думали, что верующие лучше нас, а они были во сто раз хуже.

Я обратила внимание, что у Иры была очень широкая спина, намного шире обычного, чтобы было удобно держать топор и делать замах с силой. Эдам сказал: — Когда я впервые увидел ее спину, я сразу понял, что она своя, будет убивать негров. — И именно Эдам, сравнив внешность Иры со старшей сестрой Настей, выбрал растворить опухоль именно Насте, хоть она и была старшей, и сохранить жизнь Ире.

И никто бы никогда не подумал, что такие правильные верующие днем могут быть безжалостными убийцами ночью. Он и клал убитых негрятят на алтарь своей жизни, выбивая счастливое замужество или работу. А такие, как Эдам Хейсонд, им в этом помогали. Если американцы играли в десять негрятят, то Ира Штолярова и Марина Ковач — в тринадцать.

Марина Ковач была среднего роста, как и ее подружка Ира, тоже блондинка, но крупная, толстокостная, может быть, немного выше Иры. Как мне показалось, очень красивая, с большими светлыми прозрачными глазами, тонким длинным носом и узким тонким ртом. Она всегда говорила нежным голосом... Чем-то похожа на «кошку» Лену Ситокову. Она тоже была дочерью серьезного преступника...

Потом из общежития мы пошли играть на поле в фризби. Лида из лагеря была в белой короткой майке без рукавов и джинсах клеш бардового цвета с трикотажными розовыми вставкам снизу у голени. Она редко ходила, но сегодня была... играла с нами во фризби. Яся эмитировала балет, «корчила» из себя балерину, подпрыгивала, становилась на носочки, делала разные па. Сегодня она была как лебедь, в белой двойке — чисто-белых шортах и легкой кофте без рукавов, белых носочках и неудобных белых кроссовках без задников.

Яся угощала нас маленькими драже для освежения дыхания, она их любила и часто носила с собой. Яся иногда ела шоколадные батончики с арахисом и карамелью, принесла один такой батончик на встречу с американцами — это значило, что она знала о еще каком-то нарушении пра-

вил нашими американцами. Шоколадный батончик Жени Снисарь означал непрожитую жизнь Марины-«льва»...

Сегодня мы опять перед игрой разминались, играли в игры, проходили под планками. Палку-планку опускали все ниже, и мы должны были все по очереди проходить под ней... Сначала просто беспрепятственно походить. Потом уже нагибаться. Потом проходить на корточках, потом поползать ползком.

— А можно просто переступить ее? — крикнул Саша Янченко Эдаму.

— В этот раз можно, — ответил Эдам... И мы просто переступали планку. Это значило, что американцам предстоит легкая перестрелка... Но Анна и Элен все равно переползали под ней, готовились к грядущим серьезным операциям.

Райли взял скейт у своего нового знакомого полицейского и сейчас катался. Он очень хорошо держался на доске, катался по стадиону, лавировал на скейте.

Джейк показал на Райли и сказал мне: — Видишь, какая у него майка, безразмерная. Он из бедной семьи... Многодетные... Они носят безразмерные вещи... Вещи подходят всем...

Сулгвин тоже носила безразмерные майки..

Я недавно немного обгорела. В Краснодаре как обычно было жаркое, душное сорокоградусное в тени лето и пекущее солнце.

Джейк показал на мои плечи:

— Have you got a suntan? — Он приложил большой палец к своему плечу и немного вдавил его — он был в майке без рукавов, — на его смуглой красноватой коже появился желтый отпечаток от его большого пальца. — I got a sunburn too... — сказал Джейк, еще пару раз повторив все нажатие.

Я сделала также у себя на плече — у меня тоже остался желтый, быстро исчезающий отпечаток от своего пальца.

— You have burnt...

— Oh¹... — я подумала, что Джейк учился на медицинском и имел свои профессиональные индикаторы обгорания кожи.

Джейк взял меня за руку и просто повел в сторону футбольных ворот. Просто взял за руку и куда-то повел... Мы прошли довольно долго, точно полполя. Дошли до противоположных футбольных ворот. Я послушно шла с Джейком, держа его за руку, и не убирала руку. У ворот он остановился и стал почему-то на меня кричать: — Что? Что теперь? — Я решила отойти. Джейк вел себя неадекватно.

Здесь недавно Эдам убил еще одного негртенка и закапал его...

Американцы говорят одно, делают другое, а думают третье. Каждого свидетеля крутят по своему пути, меня по горбатуму Джейку. А в это время проводят свои операции по контрабанде...

¹ — Ты обгорела? Я тоже обгорел... Ты обгорела... — О...

Я и Джейк были половинами... В лагере Элен рассказала мне историю, что в прошлых жизнях мы с Джейком были сводными братом и сестрой и любили друг друга. Но межродственные браки были запрещены... Брата повесили, а сестра утопилась, будучи уже беременной. Грустная история... Но к Джейку меня точно влекло...

— У тебя все хорошо? Я буду молиться за тебя... — сказала мне Анна и опять куда-то убежала. А мы стали делиться на команды и начинать играть. Анна иногда говорила мне эту фразу. По правилам она должна была сказать мне это фразу не более трех раз в разные дни...

— Dig deeper! — И Сулгвин сделала свой жест правой рукой вбок, как будто нырнула рукой. Она часто делала этот жест, когда видела меня...

Мы уже немного поиграли во фризби, когда Джейк спросил у меня:

— What do you think the meaning of life is?

— The meaning of life is to get freesbee and then to pass it!¹ — сказала я первое, что пришло в голову абстрактное понятие. — To get something and then to give it to others...

Американцы говорили про «пять рукопожатий». Существует теория, что любые два человека на земле связаны друг с другом через пять рукопожатий — у тебя обязательно найдется знакомый, который когда-либо знал, жал руку человеку, который знает, точнее когда-либо жал руку еще одному и т.д., и любые два человека на земле связаны через пять рукопожатий, то есть у них найдется цепочка из пяти знакомых, когда-либо общавшихся друг с другом, жавшим друг другу руки...

— А что вы сейчас делаете? — спросил Саша у Джейка, имея в виду его «маленькую жену». Джейк опять посмотрел перед собой, как будто заглянув в будущее: — We are making love²...

— Ок...

А Аня Петрилина сказала мне: — Знаешь, жена Джейка — это ты... — Это сравнение, безусловно, льстило моему самолюбию.

Аня Петрилина профессионально играла в гандбол. В команде ее называли «кувалдой». Она была «долгоиграющим игроком».

Таня постоянно заигрывала с Джейком. Громко и заливисто смеялась... Постоянно смеялась. Человек-праздник. Она играла с нами в фризби и всегда хотела быть в команде Джейка... — Джейк, Джейк, я здесь, кидай! — Аня подпрыгивала над толпой с вытянутыми вверх руками... Она всегда захлебывалась от эмоций.

Яся тоже платила по щелчку. Незнакомый мужчина сказал, что ей надо заплатить за кладбище дедушки, и она пошла заниматься сексом с незнакомым мужчиной, девственности лишаться. Главное, знать правильные

¹ — Какой, ты думаешь, смысл жизни? — Смысл жизни — поймать фризби и передать его!... Получить что-то и передать другим...

² Мы занимаемся любовью...

слова и показывать правильные знаки. Ясин жених, полицейский, был явно не в восторге. Яся говорила, что девственную плеву потом легко зашить, она знает хирургов. Вечером мы играли во фризби, а Яся в кустах лишалась девственности с первым встречным, который знал правильную комбинацию пальцев. Говорила, что выпьет обезболивающее...

Когда мы сейчас играли во фризби, в кучу вещей Эдам сложил несколько автоматов, пару игрушечных, пару настоящих. Эдам сам смотрел автоматы и показывал их нам, смотрел вместе с Келвином-Джошем. Девчонки тоже смотрели оружие и вешали на плечо настоящие Калашниковы. Я запомнила, что автомат, который смотрела я, был очень тяжелый и холодный, как любой металл. Автоматы были живые и «ораклистые», и мой автомат предсказал мне, что я буду писательницей... Все подержали по автомату, и Марина Ковач, и Ира Штолярова.

Тут же появилась Марина Шайн, она даже бегала с нами за тарелкой. Недалеко около общежитий мелькали Байсек и Али Рашид... С американцами во фризби играла и Надя Сафоронова, которая десять лет назад на остановке уговаривала меня сесть в синюю двухдверную машину, ее подельник толстый Женя уже умер от больных почек... Без Байсека и Али Рашида она не появлялась — ее избивали Элен и Анна за проданных в рабство детей — хотели так сойтись с нами! Так делали работорговцы.

Перед операциями Эдам и его компания контрабандистов устраивали перестрелки на волейбольной площадке около той, где мы играли во фризби весной. Так они готовились к перестрелкам с нашей полицией. Делились на две команды, играли в пейнт-болл и стреляли друг в друга из ружей краской, устраивали бои с правилами и без.

Вчера наши американцы участвовали в перестрелке. Они хотели показать русским, как классно иногда спустить пару и пострелять... дать своему внутреннему зверю выход... Решили проводить еще такие перестрелки... Американцам не хватает адреналина, придумали себе занятие, устраивать перестрелки. Но в России не прижилось, нам и так не скучно: у нас оброк детьми в пользу Казахстана...

В одной из последних операций подстрелили Эдама. И подстрелили серьезно... Его заштопывала Анна. Эдам ходил с лейкопластырем на весь бок, но все равно играл во фризби с нами. Недавно Эдам влез в квартиру Яси и выкрал у нее все тетрадки-конспекты с американских встреч... Яся часто отходила покурить...

Эдам «через ветер» весь год собирал отпрысков всех оружейников, и здесь собралась вся элита Краснодара: Лена Ситокова, Маша Бонтюк, Маша-«маус»... Теперь появились и Ира Штолярова, и Марина Ковач. Собирали детей, вышел на родителей...

Вечером Элен и Анна избивали Ясю. Эдам ее пытал и даже хотел выколоть глаз, чтобы она не сотрудничала со следствием. Сегодня она опять пришла играть во фризби. Синяк под глазом замазала тональным кремом... Так и жила — вечером ее избивали или пытали, а днем бегала с американцами...

Элен и Анна тоже приходили к моему подъезду и из кустов угрожали из пистолетов. Келвин тоже приходил, но с игрушечным пистолетом.

Все бандиты сидели на каких-то наркотиках, галлюциногенах. Бандиты посерьезнее на наркотиках посерьезнее... Эдам и Келвин-Джош сидели на чем-то серьезном... Марина Шайн любила галлюциногены...

В конце встречи Эдам огласил всем, что у Джейка двенадцатого июля день рождения. Чтобы мы готовили подарки... Он предупредил как раз вовремя — за несколько дней до.

Церковь Святого Георгия

«Летние» американцы хотели посмотреть какую-нибудь православную церковь для ознакомления, — I want to go to the church¹, — сказал Джейк. И мы решили провести ознакомление с церковью недалеко от моего дома, посмотреть церковь, которую мы с Дженнифер посещали в пасхальную ночь. Георгиевский храм, где меня крестили...

С нами экскурсию по церквям проводила позитивная Маша Бонтюк из команды сангвиников-черепашек. Маша говорила всегда весело и всегда искренне улыбалась — ни слова без улыбки.

На экскурсию пошли Сулгвин, Эдам, Джейк, Яся и я. Маша встретила американцев у общежития, сели на маршрутку, мы созвонились с Машей и встретили их на остановке в центре около церкви. Для меня прогресс — я не поехала за американцами к универу! У всех американцев были свои сотовые телефоны с местными симками и подключенным популярным оператором. Мы с Ясей обе жили в центре. Было глупо ехать в универ сорок минут, а потом возвращаться к дому. Экскурсию проводили в церкви Святого Георгия. С нами в кой-то веки был Эдам... Он все время болтал с Джейком и часто называл его «своим другом». Маша всегда встречала американцев у общежития, им было сложно в чужом городе, другой стране с чужим языком.

Маша была одета по-церковному, в длинной коричневой юбке, клетчатой красно-сине-белой рубашке и красных зашнурованных тряпичных кедах с резиновым носом — у нее всегда был свой своеобразный стиль в одежде.

Яся всегда была со мной, ходила привязанная, как хвостик. Яся вела себя как кошечка, мяукала и мягко перебирала руками у лица, как лапки в варежках, — Мурр, — Яся долго тянула «р».

Церковь была все там же, на перекрестке, несмотря на всю контрабанду Клашниковых. Храм Святого Георгия Победоносца красивый, давно не реставрированный, с сине-серыми обшарпанными куполами — есть что-то особенное в православных храмах, каждый из них как архитектурное произведение искусства... Каждый храм уникален.

Троллейбусная остановка была недалеко от церкви. Мы встретили американцев, подошли к церкви, взглянули снизу вверх на храм и перекрестились. У православия есть архитектурное своеобразие. Стиль православных храмов не менялся с начала второго тысячелетия. В этом особенность православия, если протестантские церкви повторяют современные архи-

¹ — Я хочу пойти в церковь.

тектурные стили и могут находиться в любом здании, зале или подвале, то православные церкви в современном виде возвращают нас к крещению Руси — такими они были еще во времена Владимира Мономаха и Ивана Грозного. И глядя на них мы чувствуем связь веков... В православии есть что-то вечное... И поэтому возникает благоговение. В протестантский храм можно зайти обычно, как в больницу или подъезд, спокойно и безразлично. В православный храм так не зайдешь, не ворвешься. Все обычно заходят тихие, смиренные, с опущенной головой, каждый раз как в музей или библиотеку... Здесь боишься даже топтать... не то что громко говорить или кричать. Каждая церковь как музей православия... И, как в музее, здесь висят картины — иконы...

Вечером Свято-Георгиевский храм красиво подсвечивают в темноте.

Русские перекрестились на ступеньках у церкви. Эдам тоже перекрестился по-русски и поклонился в пол. Он уже знал, что так делают перед русскими церквями. Джейк и Сулгвин креститься не стали.

Маша эмоционально улыбалась, как будто брызгала слюной, хотя не брызгала, настолько она была импульсивна. Маша объясняла нам: — Замужние женщины должны заходить в церковь только с покрытой головой... Потому что она (женщина) замужем, у нее уже произошло ... — Маша заулыбалась и сделала небольшую паузу, подбирая слова... — прелюбодеяние... Ну, вы понимаете... Если девушка зашла в церковь с непокрытой головой, то она не замужем, девушка еще то бишь... — Маша перебирала пальцами и смотрела на руки, как будто что-то держала. Смотрела на нас исподлобья. Она носила фенечку из красных бусин на левой руке и из разноцветного мелкого бизера на правой. — Согласно православной вере третьего не дано. Девушка или замужем или нет... — Маша развела ладонями у лица и немного наклонила голову вперед — у нее была своеобразная, «прикольная» жестикуляция.

Это же она сразу повторила на английском для Джейка, Сулгвин и Эдама. Эдам хорошо говорил по-русски и многое понимал сам. Маша говорила на английском бегло, у нее была богатая речь и большой словарный запас. Хотя Джейк сказал мне, что я говорила лучше... Маша сегодня загрузила себе английский. Но что она говорила, я особо не вслушивалась.

Возникал естественный в двадцать первом веке вопрос: «А как заходить в церковь тем девушкам, которые уже начали половую жизнь, но еще не вышли замуж?» В наше время таких «девушек» большинство! Девушка могла замуж вообще не выйти. И как тогда заходить им в церковь? А как заходить в церковь сорокалетним старым девам? Тоже без платка? Лена Ситокова говорила, что у них в церковь в Майкопе сорокалетняя женщина заходила в церковь и в сорок без платка. Вообще девушки могли зайти в церковь без платков, но от греха подальше все заходили в церковь «с покрытой головой», в платках.

Мне можно еще было заходить в церковь без платка... Я зашла без покрытой головы — я была не замужем и не женщина. Яся, как и я. Недев-

ственница Маша тоже, она была не замужем и тоже зашла без платка. Единственная из нашей компании зашла в платочке американка Сулгвин.

К Ясе уже приходили, требовали «оплаты», из родителей детдомовских детей, которых или убили, или продали в рабство, или пустили на органы через детдом ее дедушки... Яся отдавалась им — надо было просто знать нужную комбинацию пальцев. Так Яся недавно рассталась с девственностью — под каким-то «знающим»... Яся говорили, что потом зашьет себе девственную пlevу и замуж выйдет «девственницей».

— Мне кажется, что между вами что-то происходит? — спросила эмоционально улыбаясь Маша. — Are you a couple already? — в ответ секундная тишина... — Not yet?¹ — Джейк и Сулгвин ответили молчанием.

После того как Джейк лишил девственности Сулгвин, он воздерживался два дня, чтобы тело Сулгвин привыкло к сексу, а потом они продолжили практиковаться. Ночи проводили у Джейка. Четырнадцатилетний девственник Райли делал вид, что ночами он оглох и ослеп и пытался спать под стоны Сулгвин или выходил в коридор. Но Джейк и Сулгвин не афишировали свои отношения, русские девушки даже не догадывались, что они встречаются. При русских они вели себя, как будто просто случайные знакомые в одной миссии. Анна тоже иногда выходила в общий «общези-тийный» коридор, пока Сулгвин с Джейком занимались любовью.

Райли просил Джейка предохраняться, что Джейк делал не всегда. Занимаясь сексом с Сулгвин Джейк тоже мог «затикать» — ему обещали «скрутить» опухоль. В итоге Джейк все-таки решил предохраняться презервативами.

Итак, американцы попали в православный музей...

Мы зашли в церковь, перекрестились, Джейк и Сулгвин говорили между собой на английском. Мы с Ясей пошли за свечками, купили Джейку и Сулгвин по три свечки. Эдам тоже зашел. Эдам вел себя в церкви необычно, громко разговаривал, звал служителей... Как на базаре...

У всех американцев на запястьях болтались небольшие цифровые фотоаппараты. Они хотели делать в церкви фотки. Но мы объяснили им, что в церкви снимать нельзя.

В то время как большинство русских ходили с пленочными фотоаппаратами, американцы ходили с цифровыми.

— No photos here, please², — громко сказал Эдам и захлопал в ладоши...

— Тсс, — сказала ему Яся, приложив палец ко рту...

— Can we take photos here? — спросил меня Джейк негромко.

— No, no, no photos³... — замотала я головой...

Джейк почему-то остался этим недоволен...

¹ — Вы уже пара? Еще нет?

² — Никаких фоток здесь, пожалуйста

Сулгвин тоже, немного походив по церкви, спросила про фотки.

К нам подошла служительница церкви и сказала, что протестантов в церковь не пускают... Она начала ругаться и говорила, что американцам лучше из церкви выйти. Мы с Ясей подошли к служительнице и договорились недолго показать нашим американцам церковь...

Эдам решил выйти... Джейку с Сулгвин разрешили остаться...

— Видишь, — показал на Эдама Джейк...

Мы тихо ходили по церкви, Маша не комментировала иконы...

— Что это за запах? — опять недовольно и удивленно спросил меня Джейк. В церкви стоял запах ладана, тишина... Я не знала этого слова и мне пришла на помощь Маша: — In our churches there is a smell of incense. Incense...⁴ — повторила она. Джейк не понял этого слова... — Francincense? ... — Маша назвала еще один синоним слова «ладан».

Она хорошо подготовилась к походу в церковь, загрузила новую церковную лексику. Детей оружейников плохо учили. Обычно они загружали себе язык на один-два раза. Лена Ситокова была исключением.

— В церкви так пахнет ладаном, — сказала Маша.

— Francincense? ...Oh, I see...⁵ — сказал он, смотря на иконы и поняв, о чем речь...

Мы медленно и тихо ходили по церкви, подходили к разным иконам. Я, конечно же, не знала названия икон, переводила на ходу. Даже если я называла иконы неправильно, то Джейк не подавал виду... Я училась на математике, а не на лингвистике.

Американцы ходили как в музей от иконы к иконе, молчали, рассматривали иконы, как картины.

Мария быстро поставила свечку перед иконой Божьей матери и вышла из церкви к Эдаму, чтобы он не чувствовал себя одиноким. В церкви она не стала задерживаться...

Церковь была не очень большой, как и большинство православных. И икон было не много. Два столба и по четыре иконы с каждой стороны, место причастия и место поминовения усопших. Мы с Ясей поставили свечки у иконы Иисуса Христа, Богородицы...

Американцы ставили свечки у разных икон. Все обычно ставили свечки у иконы Иисуса Христа, Божьей Матери и Николая Чудотворца...

Сулгвин смотрела теперь иконы с Ясей, а Джейк со мной...

Джейк посмотрел на красивую икону Божьей Матери с благоговением, как будто даже задержав дыхание. Как будто какая-то святая сила иконы перешла на него. У него перехватило дыхание, и он на мгновение замер перед иконой. Смотря на икону...

³ — Мы можем здесь делать фотографии? — Нет, нет, никаких фоток...

⁴ В наших церквях запах ладана. Ладана?

⁵ — Ладан? Понятно...

- How do you call this icon?
- St. Mary...¹ – сказала я подумав.
- St. Mary? – спросил он с сомнением....

Божью мать я называла Saint Mary: я не знала, как Богородица по-английски.

– Mother of God, – сказал мне Джейк, слегка боком наклонив ко мне голову и быстро поправив, не смотря на меня и также вдохновенно не сводя глаз с иконы Божьей матери...

– Ok... Mother of God... – я тоже посмотрела на эту икону с благоговением... и замерла... «The icon of Mother of God», которую я называла «The icon of St.Mary».

Мы с Джейком ходили от иконы к иконе. Ему очень понравилась икона, где святой Георгий побеждает дракона... Святой Георгий на коне вонзает копьё в хвостатого дракона и одновременно давит его копытами лошади. Джейк поставил здесь свечку. И даже спросил у меня:

- What's this icon about? – У Джейка как обычно был раскрыт рот.
- This is St.George. He is killing the dragon...
- Is the dragon the illness?
- I don't know... I don't think so... Yea, maybe illness...
- Means something special?
- I don't know...² This is his temple. The temple of St.George.

Джейк подробно рассматривал картину и долго стоял перед ней... Он что-то сказал про моего дедушку, что это его церковь и он какой-то «хранитель» города – Джейк опять говорил загадками...

– Oh, that's what they are doing now³, – Джейк имел в виду, что в это время была операция по контрабанде оружия... И там стреляли... Эдам в этот раз не участвовал. Поэтому там часто кричали имя «Эдам» – его ведь там не было... По документам среди американцев был только один Эдам – Хейсонд. Келвин-Джош Эдамом только назывался для нас, русских... чтобы запутать...

- Can I buy this icon?.. Can we buy icons here?
- No, you can't of course...⁴ – У Джейка все равно не было денег...

В церкви иконы не продавались, как в прочем и картины в музее.

Это была церковь Святого Георгия и одноименная икона святого Георгия Победоносца. И именно эта икона произвела на Джейка неизгладимое впечатление.

¹ – Как вы называете эту икону? – Святая Мария...

² – О чем эта икона? – Это святой Георгий. Он убивает дракона. – Дракон – это болезнь? – Я не знаю... Не думаю... Да, может, и болезнь... – Значит что-то особенное? – Я не знаю... Это его храм. Храм Святого Георгия.

³ Это то, что они делают там сейчас

⁴ – Я могу купить эту икону? Мы можем покупать иконы здесь? – Нет, конечно, нет...

Напоследок американцы посмотрели магазинчик при церкви, где продавали свечки, крестики и иконы, церковные книги, молитвословы... Мы с Джейком зашли в магазинчик, он ничего не купил – его карманы были пусты... К нам подошла Сулгвин: – Is that's all? – сказала она почему-то недовольно.

– Yea, – Джейк сразу засобирился...

– I really can't take a photo of this?

– I don't think so...¹

Было в этом какое-то неуважение к православной религии – делать фото в церкви.

– It's prohibited.

– Oh, prohibited²... – Да, я знала это слово.

Яся поставила свечку и долго стояла у иконы Николая Чудотворца. Ей на самом деле нужно было чудо... Нам всем очень нужно было чудо...

Когда мы все, притихшие, вышли из церкви, увидели, что Маша весело болтала на улице с Эдамом...

Джейк и Сулгвин сделали фото церкви на улице. Даже перешли на другую сторону улицы, чтобы лучше запечатлеть здание, чтобы церковь получилась «в полный рост».

Мы уже перешли на другую сторону улицы – американцы все еще делали фотки синекупольной церкви вдоль и поперек, – вдруг Джейк остановился и спросил у Эдама:

– Can I buy an icon there?

– You can't buy icons in Russian churches! You can't...

Яся тоже говорила, что протестантам нельзя покупать русские иконы.

– No, no icons, – мотала головой Мария, опускала голову обреченно и улыбалась. – It's not a souvenir...

– Are you sure?

– Yes!³

Эдам с Машей под шумок похода в церковь вдвоем собирались посмотреть еще Екатерининский собор на улице Мира – самый большой и известный однокупольный храм Краснодара. И сейчас один из основных складов оружия. Наладить там контакты... В который могли по правилам завести Эдама только свои, кто-то из оружейников Краснодара. Эдам сначала собирал детей оружейников... Его туда отвезла дочка известного оружейника – Мария Бонтюк. Это она должна была стать той свидетельницей, которая ослепнет, которая будет таскаться с Анной и увидит Марину Шайн. А потом ослепнет и не сможет дать показания... Показания слепой просто

¹ – Это все? – Да... – Я точно не могу здесь сделать фотки? – Я не думаю...

² Это запрещено... – О, запрещено...

³ – Я могу купить там икону? – Ты не можешь покупать иконы в русских церквях! – Нет, никаких икон... Это не сувенир... – Вы уверены? – Да!

не примут... Но на Машу «накинули плащ»... И вместо нее выбрали меня... Все равно меня будут пугать, а под «водить полгода» можно и слепоту растворить незаконно. А пока разберутся, я могу и ослепнуть хотя бы на один глаз, и уже быть плохим свидетелем... Показания одноглазого свидетеля уже могут и не принять. Маша якобы перепутала меня с мальчиком, который через три года по плану должен был ослепнуть, его «продали родителям»... Но Маша была своей среди оружейных баронов, ее ослеплять было жалко и решили ослепить меня...

Моя слепота – это айсберг. На поверхности – хладнокровная, бесчувственная Шерил и мое будущее писательство, а под мутными водами – одновременно свидетельство пропажи детей и контрабанды единственно-го в своем роде оружия.

Мы с Ясей посадили Джейка и Сулгвин на маршрутку и попросили водителя высадить их на универе. Джейк уверил, что они не заблудятся... Он сможет довести Сулгвин до общежития... Когда Сулгвин с Джейком добрались, Сулгвин написала Ясе эсэмэс отчитавшись... А Яся сообщила мне. Маша вряд ли бы оставила Эдама без присмотра... Итак, все благополучно добрались до мест назначений. Этот день закончился успешно... для всех американцев... Как позже сказала тетя Люба, американцы вели себя в церкви как дикари.

На следующий день я зашла в общежитие к американцам. Общежитие было пустым. Джейка я не увидела, его не было. Почему-то был Райли. В джинсах с большими самодельными дырками, через которые были видны красные трусы в белый горошек... Он мне мило улыбался.. Больше на всем этаже никого не было... – «Очередной тест Джейка», – подумала я тогда...

Без прикрытий

Эдам, чтобы ему сделали детей, убил и расчленил в Америке в пустыне влюбленную парочку, молодого мужчину и девушку, как и сказал ему Деликат, ей было двадцать один, ему тридцать пять... Она дочка оружейного барона, проштравившегося среди своих, искала мать. А он — сын наркоторговца, и сам приторговывал. Эдам их убил, расчленил и закопал в пустыне... Деликат сделал себе видео проделок Эдама... Бандиты, как Эдам, размножились в прибирках. Рома Деликат обещал ему за это сделать двух мальчиков через ЭКО... Это было жертвоприношение Эдама, чтобы стать отцом.

Летние американцы уезжали через несколько дней, и это были наши последние деньки с ними... Наверное, они уже завершили все свои основные операции... Обменялись всеми контактами. Совершили основные сделки...

Яся говорила, что Эдам был связан с наркоторговлей... Он продавал наркотики через Машу Бонтюк — передавал ей, а она сбывала...

Сегодня Яся пришла в белой кофте с капюшоном и белой юбке. Джейк не преминул заметить это:

— You are wearing a white skirt! Oh...¹

Яся сделала видео и аудио запись переговоров по торговле оружием Эдама с отцом Лены Ситоковой в Майкопе. Блондинка Саша тоже давала показания, ее купил Эдам, она опровергала все показания Яси. Была на стороне оборотней в погонах и преступников...

Яся у американцев и прослушки ставила и постоянно давала против Эдама и его шайки показания. Камикадзе! К американцам ходила и параллельно показания давала. Поэтому ее часто пытали, караулили у дома и избивали... Эдам сказал, что Яся через пытки прошла тест на «генеральского» ребенка. Яся часто ходила в прослушке...

И мы трое — Яся Воронина, Саша Янченко и я — группка отчаянных русских в центре мафиозной группировки. Думаем, выживем или нет. Посмотрели на Эдама... — нет, не выживем... И часто вспоминаем, что «спасение утопающих — дело рук самих утопающих»... «Помоги себе сам»... Через горбуна Джейка Дажуху притянул еще одного свидетели в мафиозную группировку Эдама — меня. Эдам не знал, кто такая «кошка» на четырех ногах. Поэтому он меня сразу и не раскусил. Я — нейтралка: ни на стороне закона, ни на стороне преступников... А в этой группировке я «слухач», нигде не участвую, только слушаю... Мои «уши» длиной в три метра...

¹ — Ты носишь белую юбку! О...

Мы на острие атаки, камикадзе, внедренные в мафиозную группировку. Создаем массовку и хорошее впечатление для окружающих. Ходим, слушаем пытаемся понять, что к чему... Делаем вид, что ничего не понимаем. Уйти не можем, не пускают... У американцев должны мелькать одни и те же лица.

Пока наша полиция разобралась, что к чему, мы уже семь негрят похоронили.

Сегодня мы в очередной раз сидели в общежитии. Было много новых и старых лиц. Райли, из крутых полицейских, носил противогаз. У американцев была серьезная заварушка. В последние дни появилось много новых лиц, которые до этого не ходили. Они тоже хотели немного залезть в свидетельство. Но ничего особо не знают... Те, «из своих», кто хотел уехать за границу. И чтобы им Эдам помогал, своим молчанием они покупали себе жизнь за границей... По правилам им нужно было засветиться на фотографии свидетеля Эдама, который ослепнет...

Сегодня была и Надя Мернокова. Я ее редко видела на встречах. — Надя Мернокова — американская шестерка, — говорили о Наде ... — Это ведь сложно — жить в стране и разрушать ее изнутри... Так они и делают.

— Какого-то крутого директора на Дальнем Востоке зачали! Говорят, это она! — Эдам махнул на меня, говоря с Джейком. — Ничего, Владик разберется! — Они думали, я не слышу, я вдруг оглохла. Хоть бы постеснялись...

Иногда глядя на меня, Джейк почему-то замирал и куда-то убегал. Другие парни начали над ним посмеиваться... Элен сказала, что я снилась ему. Хозяйка уже злилась, что он слишком часто менял простыни...

— I will see you off at the airport...

— See me off? It's a kind of date... You shouldn't say it to me. I am a man...¹

— I want you to help me...

— Excuse me! You want me? — Джейк опять почему-то на меня кричал. — «I want you to»...You want me to ....You know it is an old English... We don't say so now... and you shouldn't say it to a man... I am a man! You shouldn't say to a man!!!²

Джейк посмотрел на меня. «Если бы у нас было больше времени»... — подумала я тогда.

— Я не могу больше. Я просто больше не могу... — Джейк сидел на кровати-софе и говорил Райли, как он сходит с ума. — У меня знакомому так нравилась девушка, что он ее изнасиловал. Не выдержал... И его полицей-

¹ — Я провожу вас в аэропорту? — Проводишь? Это как пойти на свидание (слэнговое выражение). Ты не должна говорить это мне. Я мужчина.

² — Я хочу, чтобы ты помог мне. — Простите! Ты хочешь меня? «Я хочу тебя».. Ты хочешь меня? Ты знаешь, это старый английский... Мы не говорим так сейчас... И ты не должна так говорить мужчине... Я мужчина! Ты не должна это говорить мужчине!!!

ский даже выпустил. Понял его. Не посадили... Я просто с ума схожу... – Его организм мог его подвести.

– You have passed all the tests... You can have me now... – сказал мне Джейк, опустив вытянутые руки ко мне ладонями и подав немного корпус вперед.

– Have you? Really? – Я рассмеялась...

– Oh...

– We can go to your place... I'll meet your parents!¹ – сказал мне Джейк с видом полной готовности.

Встретить моих родителей? Да как я могу привезти этого благополучного американца в двухкомнатную хрущевку, где жила я, мама, бабушка и дедушка? Показать ему мое убогое жилище?

Я знаю, он бы все понял:

– You will leave in a few days...

– I can return in a year...

– Will you?² – Взгляд Джейка говорил, что он об этом особо не задумывался. Я точно привлекла его внимание, он вел себя, как вел бы с любовью понравившейся американкой. Только сейчас он понял, что на другом континенте и через неделю он уедет навсегда... О том, что наши дальнейшие встречи невозможны, он не задумывался... Он отогнал эту мысль за ненужностью...

– I can... You can fly to me.

– There is no way of us... – Мы встретились глазами... И опять этот бесстыдный взгляд... Я опустила глаза и поторопилась уйти... Я одновременно боялась его, и меня тянуло к нему: – I need to leave...³

– It was lust. – потом сказал мне Джейк. – Do you know this word? «Lust»...

– No, I don't⁴, – я замотала головой.

Джейк в поисках помощи замотал головой и посмотрел на присутствующих:

– Lust, – еще раз сказал он.

– Похоть... – ему тут же на помощь пришел Саша.

Я опять ничего не поняла...

Эдам сегодня заглянул в будущее.

– Розовые очки – это ты Арина. – И Эдам положил около меня очки с розовыми стеклами. – Они бьются стеклами вовнутрь... – Эдам предска-

¹ – Ты прошла все испытания... Ты можешь получить меня сейчас... – Получить тебя? Seriously? – О... – Мы можем пойти к тебе. Я встречу твоих родителей!

² – Ты уедешь через несколько дней... – Я могу вернуться через год... – Ты вернешься?

³ – Ты можешь прилететь ко мне. – У нас нет будущего... Мне надо идти...

⁴ – Это была похоть... Ты знаешь это слово? – Нет, не знаю

зал Ясе сумасшествие до растения, а Саше жизнь в изгнании, женитьбу на негритянке и сына-негритенка...

— Сын-негритенок, — классно! — сказал Саша и даже выдохнул с облегчением.

Эдам сказал, что Джейк как шакал, падальщик, гиена, прилетел на чужие органы.

— Ты посмотри на его спину. Посмотри, как он сидит! — сказал мне Саша. — Голова как будто отдельно от спины! — Да, как будто вертикальный столб его позвоночника находился отдельно от шейного отдела. И создавалось впечатление, что голова висела в воздухе. — Девчонки на него так и вешаются! — продолжал Саша. — Не ты, но на других посмотри! Аж противно, как они вешаются на иностранцев! Арина, ты хоть не ведись!

Я вроде вела себя прилично, все в рамках.

— Да какой он хирург! — сказала Надя Мернокова. — Босяк! Мальчишка! Сказки рассказывает, прикалывается!

Надя находилась в другой комнате и разговаривала с нами оттуда.

— Джейк озлобленный, обиженный жизнью! Но почему именно Арина? А, ну да! — Надя даже рассмеялась. — Ее бабушка шизофреничка! Все равно будут «водить». Все понятно...

«При чем тут моя бабушка?» — подумала я.

Джейк тоже внимательно посмотрел на мои ногти, теперь раскрашенные в разные цвета. — Ну, я думаю, что все будет нормально!..

— У него скоро будут грыжи между позвонками... Грыжи Шморля...

— Уже есть, — подтвердил Джейк.

— Да, а сколько? — спросил его Саша Янченко.

— Две.

— А обезболивающие еще не пьешь? — спросил у Джейка Эдам Хейсонд.

— Еще нет...

— Пьют обычно после двадцати семи... Значит — скоро начнет.

— Раньше они в сорок пять умирали! — сказал Эдам. — Я его в сорок два в последний раз увижу! Он хочет умереть в одиночестве... Чтобы его, такого калеку, никто не видел! Такие, как Джейк, умирают после сорока пяти в муках. Мы с Джейком говорили, что в сорок два он хочет уйти от миссионерства. Чтобы друзья не видели, каким он станет и как будет умирать... Хочет умереть в одиночестве...

— Джейк хочет жениться на женщине старше себя, с ребенком, — сказал при мне Саша Янченко. — Он не хочет иметь своих детей. Да ему и нельзя... С его-то спиной.

— Вро, вы с Сулгвин сдали тест на актерство... — Эдам сказал Джейку и поставил галочку в своей папке...

— Кто же из них? — сказал Джейк, посмотрев на меня и Таню... Он делал для себя сложный выбор... Выбрали из всех зол меньшее — меня. Джейк из России выбрал меня.

Таня прислонилась к стене, чтобы не упасть... От Джейка ее просто бросало в дрожь, ноги подкашивались. Она уже лежала под опытным любовником, который даже кормил ее мясом. На всех американских встречах Таня много ела — дома ее плохо кормили, куриное мясо только по праздникам. Мясо Таня ела редко. Будет есть мясо, когда станет проституткой, так говорили все. Таня прислонилась к стене — теперь ее должны были «водить» день, «поставили город», пугали во всем городе, такие сейчас были правила. Она поспешила покинуть общежитие...

Аня Петрилина спросила меня: — Арина, ты же любишь путешествовать? Ты легкая на подъем? Тебе легко собраться и куда-нибудь поехать?

Я задумалась: — Не могу сказать, что я часто где-то бываю. — Но Аня просто взмолилась: — Ну пожалуйста, пожалуйста, скажи «да»!

Я, конечно, сказала ей: — Да, я легкая на подъем!...

Саша поставил галочку в своем списке.

Аня оглянулась на Сашу. Он согласно кивнул... — Ей это надо.

— Вот ты подругу подставила. Для нее это плохо, — теперь сказал Саша Ане, его мнение быстро изменилось. — Ну ладно. — Саша махнул рукой. — У нее больная бабушка и дети в плену... — Саша имел в виду похищенных детей и мое свидетельство.

Райли сказал Джейку так, что я слышала:

— В Китае ты рассказывал, что когда ты опять встретишь свою жену, тебе будет не тридцать пять, а тридцать...

Джейк замаялся... — Ты говоришь это при ней... — имея в виду меня.

За время перелета американцев из Китая в Россию время встречи Джейка с «маленькой женой» увеличилось на пять лет...

Эдам сказал: — Женщины такого типа, как Арина, не находят обычно семейного счастья в России. Поэтому я напишу, что после сорока ее можно забрать в Америку, — Из всех девушек Джейка увезти выбрали меня. Эти американцы работали на все фронты...

Самых плохих оставляют на пятнадцать лет. И меня оставили...

— Ты же все равно не уедешь... — сказал мне Джейк. — Ты уже давно будешь замужем за своим юристом. — Имея ввиду моего одноклассника, сына Дажуху Яна Абдуловича, Дажуху Мурата, который тоже, кстати, поступил на юридический. Он «опасный» мальчик, по лезвию бритвы ходит, с уголовниками работает, такие раньше сорока и не женятся. Он до свадьбы живет девственником. Родители боятся, что Мурата или обесплодят, или СПИДом заразят, так много у Яна Абдуловича врагов среди серьезных преступников. Джейк сказал это, думая, что кто-то из юристов меня подберет как «массового» свидетеля, которого надо крутить и раскручивать на показания. А меня никто крутить и подбирать не будет, я слишком много знаю... Дажуху старший был в пушку... Нельзя доверять свидетелей тем, кто в пушку... «Опасный» мальчик Мурат был для меня плохой парой — мне нужен был кто-то понадежнее, без своего шлейфа смертей... кто-то попроще и постабильнее. Но Мурат не оставил вариантов... после Эдама

других вариантов уже не было... После Эдама уже было не так просто ко мне кого-то подтянуть... Подруг и парней... Все подписано... Мурат — деревянный мальчик, деревянный по отношению к свидетельнице отца...

Меня из-за шизофрении все равно полгода «водить» будут, пока свидетелей краж детей будут убивать. А Таню Соснянскую «водить» так полгода не за что, ее бабушка не разрешила, так выбор пал на меня! Жребий был брошен! Джейк выбрал себе жертву.

Говорили, если таких, как я, «водить» долго, то можно перебить им шизофрению... В это время шизофреникам растворяли много сводящих с ума таблеток, провоцирующих безумие... Этим и будут заниматься мои дорогие одноклассники через год, тем более, что работоторговцы следовали за мной попятам. А за эти полгода Байсек и Казбек будут убивать основных свидетелей работоторговли.

Джейк, видя мои собственные длинные ногти, решил накликать мне много страданий — меня, такую крепкую и здоровую, надо «водить» (пугать) полгода, не меньше, а то потом я с ума сойду. — И не благодари, — сказали мне. Я из семьи потомственных военных с крепким здоровьем. Меньше «водить» нельзя, вдруг с ума сойду — с моей-то наследственной шизофренией. Так шизофреников и перебивают, чтобы они после двадцати в «космос» не ушли и со стенками не разговаривали. Так водят только лучших шизофреников, с большим потенциалом. Считай, повезло... Остальные сходят... Главное, вены не порезать... И не умереть!.. А меня, как свидетеля, и спасать никто не будет... «Гуси-лебеди», все подписано Эдамом. Так они можно сказать меня будут лечить — запугиванием. Я — нормальная шизофреничка. В наше время именно так и перебивают шизофрению после восемнадцати, когда большинство шизофреников сходят с ума. Потом такие, как я, тихо отшкребают себя от асфальта. Приходит в себя после полугодового кошмара (не дай Бог никому!) и учатся жить дальше...

Полгода ада мне поставили еще в десять лет, чтобы не убили опухолью тогда... Работоторговля, все серьезно... Думали, что я могу и не дожить до девятнадцати... Подумали, что лучше умереть в двадцать, чем в десять... А теперь пожалели...

Потом мы опять пошли на поле играть во фризби, а перед этим делать разогревающие упражнения, проходить под планкой. И в этот раз Эдам уже не разрешал переступать планку, когда ее уровень был уже низко. Теперь под ней можно было только проползть... Американцы опять готовились к серьезной операции... Элен говорила, что они всех «зарокируют»!

После каждой встречи Эдам и Морген спрашивали у нас в невменяемом состоянии, как мы к ним относимся, просили обнять, если относимся очень хорошо. И так контролировали всех, кто ходил к ним на встречи...

На следующий день мы отдыхали в парке Горького. Из американцев была только Элисон. У остальных была серьезная перестрелка. Не взяли ни Ясю, ни Сашу Янченко. И все, кто был в курсе, сильно нервничали... Мы

кричали имена разных американцев, которых среди нас не было... чтобы обеспечить им алиби...

Американцы говорили, что Элисон все никак не могла определиться, на какой стороне она – преступников или полицейских. Поэтому ее не брали на серьезные операции и с ней не откровенничали... И сегодня ее тоже соответственно не взяли...

День рождения Джейка

Дедушка сидел на стуле около моей кровати. Я проснулась.

— Сегодня пятница? — спросила я.

— Нет, среда. — Я как будто помнила те два дня с американцами, два лишние дня, которых не было... Ради контрабанды Калашниковых даже скрутили время...

***

За день до дня рождения Джейка американцы собирали вещи. У Элисон в комнате был как обычно страшный беспорядок: ее вещи валялись прямо на полу, брюки, шорты, тут же лежали книги по медицине, русские сувениры, на полу лежали подушки в наволочках и покрывала. Ее постель никогда не заправлялась. Посреди комнаты лежал большой пластиковый чемодан.

Мы с Ясей постучали в комнату Элисон, она вышла к нам, поспешно закрыв дверь. Я мельком заметила, что у нее на чемодане сверху лежали помятые доллары, Элисон запихивала доллары и вещи не складывая... Это были доллары за проданных в рабство русских детей... или за соучастие... Золото они меняли на доллары. Эдам прикормил всех. Американцы даже не утруждались расправлять доллары. Скидывали сваленные сверху в чемоданы, как фантики.

Сулгвин тоже упаковывала чемоданы. У нее тоже из чемодана вываливались смятые доллары. Некоторые были фальшивые — для нас, чтобы не придраться, чтобы любопытные русские задавали поменьше вопросов.

Мы с Ясей сделали большую фотографию из парка в день после переодевания Яси и Дженнифер, где была Элисон вместе с нами. Мы зашли в комнату Элисон и подарили ей фотографию. Элисон так расчувствовалась, увидев нашу фотографию, что даже расплакалась, и мы с Ясей заплакали вслед за ней... Элисон все никак не могла определиться, был ли это ее день рождения или нет. В итоге Элисон решила, что нет... Она плакала на самом деле, вспоминая умерших на работе на операционных столах детей... А мы плакали на эндорфинах...

Вообще на эндорфинах то плачем, то смеемся — на одних эндорфинах плачем, на других смеемся....

Наше сонание тоже было притуплено... И только через несколько лет я поняла, что ничего особенного в нашем с Ясей подарке не было. Подарить совместное фото — типичный подарок руководства детского дома, стоит копейки. И почему Элисон так плакала... тогда она казалась мне очень искренней!

***

День рождения Джейка двенадцатого июля совпал с прощальной вечеринкой.

Не удивляюсь, что у него на самом деле день рождения в другой день. Так иногда делают, чтобы создать лишний праздник для русских, получить подарки и завязать полезные знакомства, сделать так, чтобы Джейк отложился в памяти русских.

Так познакомились родители моей бывшей подруги. Папа, чтобы поближе узнать маму, притворился, что у него день рождения в сентябре, устроил вечеринку, чтобы лучше узнать ее. Потом признался ей, что день рождения у него на самом деле летом.

По случаю дня рождения горбун Джейк был одет по-праздничному, в широкой клетчато-полосатой сиреновой рубашке с короткими рукавами, полоски были яркие, а клетка еле заметная, и складкой на спине, опять скрывающий жуткий горб. Джейк даже в помещении не снимал с головы солнечных очков, маскировал свой лысеющий лоб.

Джейк каждый день молился, чтобы его жена была жива и здорова... Каждый американец, за исключением, может быть, Келвина-Джоша, каждый день должен был сказать не менее пяти-шести раз при публике фразу с «Я буду молиться»... Они же все-таки «миссионеры»!

— Девушки любят переодеваться, нарядные платья — это для них, — говорил Эдам, тонкий психолог. Все сегодня пришли нарядные, это была как прощальная вечеринка и день рождения Джейка одновременно.

Американцы опять разбрасывали доллары, настоящие и нет, в комнате Элен и девочек...

Говорили, что в этот день была большая поставка автоматов Калашникова. И вечеринка была по случаю удачной поставки! Что одна или две поставки была через Новороссийск, но там было сложнее, много постов и проверок, куда удобнее было переправить через Финский залив, поездом через Санкт-Петербург, что они и сделали. Келвин, Эдам, Анна и Морген праздновали шампанским, что русские Калашниковы попали в надежные «свои» руки оружейных баронов Америки.

Во вчерашней серьезной перестрелке подстрелили Келвина-Джоша и Анну, и сейчас в соседней комнате Анна его подшивала...

***

Сегодня Анна зашивала Келвина-Джоша. У них была серьезная перестрелка, и у Келвина-Джоша был серьезный огнестрел — ранили в перестрелке по его собственной просьбе, чтобы никак не быть связанный с ранением генеральского сына Анной. Чтобы ему, как самому серьезному контрабандисту в этой группе, не впихнули смерть генеральского отпрыска. Сначала Анна зашивала себя с помощью Элисон, а потом сама Келвина-Джоша. Элисон ей не помогала, ему не нужны были лишние свидетели,

Элисон им не своя... Он был весь в крови. Келвин-Джош отметил, как хорошо Анна штопала. Она подойдет ему и его отцу. Эдам умел выбирать штопальщиц. Не крестик, а продолговатый редкий шов длинными стежками — потом будет и не отличить от обычных растяжек. И правильные нитки... Но Анна уже сильно в пушку. Келвин взял ее телефон, он будет еще думать... связываться с ней или нет... такие контрабандисты на серьезных ораках... В этот момент его штопки ему оракл написал эсэмэс ни о чем с ней не договариваться, в будущем идут волны, и мы будем еще думать... Анна влезла в работорговлю, а это всегда плохо... Но надо, чтобы она его хорошо зашила и дала правильные таблетки, сильное обезболивающее после. Но надо уехать спокойно... Поэтому Келвин-Джош сказал, что все обсудит с отцом и взял ее телефон... Теперь до Америки... В Америке говорили, что судья посадила брата Анны, чтобы обеспечить контрабандистов Эдама хорошим врачом-штопальщиком...

У Келвина-Джоша мать — баптистка в десяти поколениях, а у Эдама Хейсонда жена — проститутка. Угадай, кто лучше? Вообще эта поездка очень не нравилась Келвину-Джошу. Он был не среди своих... А среди ку-клус-клановцев. Келвин не убивал негров... И Марина Шайн ему тоже не нравилась. Он не любил со «слезными» вести дела, она будет падать и может потащить его за собой... Эдам Хейсонд вообще удивился, когда Келвин-Джош вызвался поехать... Но другого пути уже не было. Он в России, уже подстрелян... уже отстрелялся... И везет звезду матери и еще пледу звезд...жизней...

Ему не нравилась эта компания. Эта Элен, отмаливающая братьев, и Анна со снятым скальпом. Эта Морген с панели. Этот Эдам, чьи руки по уши в крови от постоянных убийств негров... Но он уже здесь... Он уже приехал... Он потом будет очень нужен расхлебывать кашу, которую они сейчас здесь все заварят.

Он приехал сюда под документами друга семьи, умного мальчика, «президента»... Хорошего правильного мальчика, которым он тоже мог бы стать, хотел бы стать... Но ему не дано. У каждого из нас свой путь, и каждый несет свой крест... И его крест — это контрабанда оружия. Правильная, точная, без сучка, без задоринки контрабанда дорогих ружей в разные криминальные группировки Америки и мира... И только это. И ничего больше...

***

Во вчерашней перестрелке подстрелили Анну. Ей подстрелили бок, и она с помощью Элисон заштопывала себя сама... Сначала немного себя, наклеила лейкопластырь, потом долго, тщательно и хорошо Келвина, потом тщательно себя... Келвин-Джош не хотел отдавать нашему один автомат Калашникова, они прямо перетягивали автомат, забирали его друг у друга — показательное выступление. Автомат забрал в итоге Келвин. Говорили, что Анна потом выстрелом серьезно ранила одного нашего,

а Анне в ответ подстрелили бок. В целом операция для американцев прошла успешно... Нашего отправили в больницу... Через два дня они уезжали обратно в Америку...

Яся придумала подарить Джейку песню на местном радио... «Какой классный подарок», — подумала я. Главное, бесплатный — добавили бы многие... Как и многие дети руководителей детдомов, Яся дарила дешевые, но запоминающиеся подарки, где наберешь столько денег на всех детдомовских детей? Для работников детдомов дети дешевле скота, коровы и овцы для них дороже...

Я сразу ж нашла красиво одетого Джейка и подарила ему свой подарок.

— I have a present for you... — и протянула ему сверток, обернутый в коричневую пергаментную бумагу... Джейк его аккуратно открыл, он сначала подумал, что это толстая книга.

— Ты даришь Джейку книгу? Правильно, Арина. — Яся стояла рядом и смотрела, как Джейк открывает мой подарок.

— Is it from you both?

— No, only from me...

Я стояла, сомкнув руки за спиной.

— Is it a book?

— No...

— Oh, it's an icon... So big...¹ — Джейк разорвал пергаментную обертку и достал икону. Очень удивился.

— Ты подарила ему икону? А это не запрещено... У него будут проблемы на таможне... Ему могут не разрешить ее вывести... — Яся разбиралась во всем.

Я не чувствовала, что Ясе шестнадцать — она вела себя как моя ровесница. Иногда даже старше... Сейчас Яся говорила уже не тихо, нежно и тонко, а обычно спокойно и нетихо. Хорошо в свидетели брать несовершеннолетних, их по правилам не должны так быстро начать убивать, есть в запасе два-три года...

— Oh, so big... Was it expensive? Should I return money for it? — Он полез в карман...

— No-no, it's a present. Of course, not! It's your birthday present²...

В «родной» церкви Святого Георгия я купила Джейку в подарок квадратную икону Георгия Победоносца средних размеров в красивой блестящей железной рамке... Она стоила около двух тысяч.

Еще я подарила Джейку носки ручной вязки, бело-сине-красные в цвет российского флага, которые вязала моя бабушка, зная, что амери-

¹ — У меня для тебя подарок... — Это от вас двоих? — Нет, только от меня... — Это книга? — Нет... — О, это икона... Такая большая...

² — О, такая большая! Она была дорогой? Я должен вернуть за нее деньги? — Нет-нет, это подарок... Конечно нет! Это твой подарок на день рождения!

канцы очень ценят ручную работу. Я сама вязать не умела и не собиралась учиться.

— Арина, ты не можешь дарить Джейку картины, это запрещено, — Аня Петрилина подошла ко мне и сказала это в который раз сегодня.

Но я не обращала на запреты никакого внимания как обычно. «Какая разница», — подумала я.

Джейк показал Ясе маленький календарик с иконой Божьей матери в красных тонах. Яся ждала икону в красных тонах — ей ее оракл сказал, что икона будет именно такой... Но это была икона, которую уже подарили Джейку раньше. Девушка из Китая подарила ему маленькую карманную икону на календарике... В Китае Джейку тоже девушки иконы дарили...

— Арина, ты купила ему такую большую икону... Можно было купить маленькую, карманную... Эту сложно будет вывести... — Ясе помогал свой сильный оракл.

Таня и Женя Снисарь тоже подарили Джейку маленькие карманные иконы... Таня — календарик этого года. А Женя маленькую карманную икону Божьей Матери.

На день рождения Джейка многие девушки пришли в белых юбках, как жена Джейка в день изнасилования: Сулгвин, Элисон, Таня, Аня Петрилина и даже Шерил были в белых юбках. Джейк сказал с намеком:

— На тебе белая юбка, — глядя на Сулгвин...

— Cheryl, you are wearing a white skirt too, — сказал Джейк Шерил. Она только смеялась.

— Oh, you are wearing white trousers¹... — сказал Джейк мне немного разочарованно, на мне были кремовые штаны с разрезами до колен впереди Виолетты Генриховны. Он был или немного смущен, или в замешательстве. И слегка усмехнулся и даже почесал затылок.

На Анне тоже была белая юбка и черная майка, несмотря на ее бойфренда в Европе, Джейк не применул это заметить. Анна была «русалочкой», каждый шаг доставлял ей боль — у нее было заболевание «кшпора», костный нарост на пятке. Она часто пила обезболивающие.

Яся носила неудобную обувь, и у нее слез большой палец на ноге. Но она для визуального эффекта не убирала его. Она сняла отошедшую ногтевую пластину для нас — под этой пластиной у нее уже рос новый ноготь... Яся опять одела старый отошедший красиво покрашенный ноготь. Так и ходила...

— Яся, ты как тридцать три несчастья, даже ногти облезают... — сказал Саша Янченко. Мы стояли в холле между комнатами мальчиков и девочек.

— Яся, тебе лучше идти учиться в колледж после девятого, — говорил ей Саша Янченко.

— Нет, мне оракл сказал, что лучше получать высшее.

¹ — Шерил, ты тоже носишь белую юбку... — О, ты носишь белые брюки...

Саша только показа головой... «Кто ж тебе правду, девочка, скажет. С твоим-то детским домом!»

– Яся, ты пользуешься пудрой?

– Да, я это важно?

– Да! Все, любая мелочь, имеет значение! – громко и с выражением сказал Саша Ясе.

Яся по совету Эдама ходила на все встречи в одной и той же одежде. Чтобы на фотках нельзя было понять, какой это день и соотнести с датами их операций и перестрелок... Я носила разную одежду – не могла иначе, так я ходила обычно. Яся ходила в ярко-синих зауженных капри с ромбовидными вырезами в два ряда по бокам. И белом коротком топе качелями с голубыми надписями. При этом она ездила к портнихе после каждой поставки контрабанды, и количество ромбовидных вырезов на ее штанах все увеличивалось... Вырезы на ее штанах были то через два, то через три сантиметра. И в первый вырез она зашила дату – седьмое июня. Первая операция по контрабанде Эдама. На брюках был какой-то свой шифр – два плюс три, что ли – типа каждая третья дырка – это операция по контрабанде оружия и, почитав количество дырок, можно узнать, сколько у Эдама и Ко была контрабандных операций у нас на глазах, и понять, в какие даты....

Американцы скоро уезжали, и мы фотографировались с ними напоследок. Яся хотела запечатлеть на фото свои вырезы каждые два-три сантиметра и пометки на теле. Яся делала надписи на своем теле золотой ручкой – так она метила, где ранили американцев. Недавно Анну ранили в бок, и Яся сделала надпись у себя на животе около пупка. Она пользовалась автозагаром, как Келкин-Джош, и наносила много румян, как Келвин: он наносил румяна ниже щек, маскируя проблемную в этих местах кожу.

Мы сфоткались с Элен в мыльных пузырях. Миша пускал пузыри, поднося палочку с колечком с мыльной жидкостью к вентилятору – и так пускал пузыри оптом, заполняя пузырями всю комнату, быстро и нехлопотно. И мы с Элен и полненькой Полиной, дочерью еще одного оружейника, сидели в воздушных пузырях. Пузырей так получалось очень много...

Олесе нравился Миша – у них обоих мелькали впереди раковые опухоли из-за родителей. Он хотел начать встречаться с Олесей, но ее отчим не разрешил – личное счастье ей было не положено. Говорили, что ее мать тоже продавала в рабство мальчика, они взяли золото за него и так разбогатели... У Олеси «горел в аду» свой раб в Казахстане.

Саша и Яся по контрабанде Калашниковых рассказывали мне, что старший брат Анны был контрабандистом, он оплачивал ее обучение в медицинском. И на самом деле Анна была врачом и ее взяли, чтобы она заштопывала американцев в случае перестрелок и ранений. Эдам говорил, что у Анны хороший шов стежками и правильные рассасывающиеся нитки – ей преподаватель в вузе дал. Такие швы потом незаметны, не то что штопка крестиком.

Саша говорил, что Анне недавно «сняли скальп». Ее старшего брата посадили в тюрьму, и Анна заключила сделку с судьей — она сказала, что скосит брату Анны срок или отпустит совсем, если она привезет ей золотой слиток за проданного в рабство русского ребенка. Американцы боялись потерять концы работорговли, и именно Анна со «снятым скальпом» передала контакты работорговцев в Европу, чтобы и там распространялось рабство. Анна повезла контакты работорговцев в Литву под видом путешествия к бойфренду...

— Арина, иди! Джейк хочет тебе что-то показать... — позвал меня к Джейку Райли.

Мы зашли в комнату Джейка вдвоем. Джейк пропустил меня вперед, стал спиной к двери и показал на кровать... Райли зачем-то закрыл дверь — выйти из комнаты я теперь могла, только пройдя мимо Джейка. Джейк увидел кровать и замялся:

— I like you... I know you are not like that... but I like you so much!¹ — Я посмотрела на него непонимающе и быстро вышла из комнаты. Он не стал меня догонять... Он боялся приближаться и дотрагиваться до меня. Боялся стать посмешищем. Его организм мог его подвести.

Сегодня пришла и Мария Бонтюк. Она была в разноцветной майке, как будто разукрашенной в технике батик. В центре майки нашивка лягушонка в бандане, как в центре синего солнца, от которого отходили синие лучи мазками, которые потом становились фиолетовыми. Майка как будто была нарисована вся мазками, как разноцветными лучами синего солнца, а фон опять же мазками был красным, оранжевым, желтым, зеленым, а потом опять же синим. Маша была с черной тряпичной сумкой через плечо в небольших овальных очках в синей оправе. Эту майку ей рисовал мальчик, который должен был вскоре ослепнуть. Мальчик использовал радужные цвета, и майка получилась очень яркой...

Мария даже сделала со мной одну фотографию, я должна была ослепнуть, со мной можно. Потом эти фотки скорее всего выбросят, зачем слепой фотографии, только лишний раз расстраиваться. Поэтому общаться со мной было безопасно. Поэтому со мной дружила Анна, Маша Бонтюк, и я одна могла опознать Марину Шайн. От меня бы, подписано, приняли показания.

Я сделала фотку с Машей, Джейк сфоткался с маленькой Яной, одев на нее свои солнечные очки. — Наблюдай за ней, — сказал он мне. — Знаешь, сколько эти дети могут знать? — Яна была как обычно в своей короткой в складочку красно-синей юбочке и светло-желтой футболочке.

Саша Янченко и полицейские старались оставить все зацепки в единственном сохранном месте — моей памяти, хваткой и цепкой памяти человека с большим потенциалом писателя...

¹ — Ты мне так нравишься... Я знаю, ты не такая... но ты мне так нравишься!

Мы сделали фотку и втроем – я Джейк и молоденький полицейский, одетый под штатского...

– Еще одна вторая половина Арины в Америке, мальчик, ему сейчас шесть... Реинкарнация Джейка. Только Джейк больной... Этот мальчик занимается каратэ... Его папа хирург... Через двадцать лет у вас будет нормальная разница...

Маше Бонтюк Дажуху Ян Абдулович подтвердил, что я могу ослепнуть вместо Маши. Могу занять место слепой Маши в этой заварушке. Ее отец ему «детским» золотом заплатил. Дажуху «своих» прикрывает и «своим» помогает. Только я ему оказалась не своя... Какой смельчак... С такими друзьями врагов не надо. Все такого уровня полицейские лавируют. И нашим и вашим. Не будешь лавировать – сложно с бандитами общаться. Некоторые бандиты совсем звери, страшные убийцы, так их хоть как-то контролируют... А Ян Абдулович просто решил, что я все равно не выживу и ничего страшного не будет. «Водить» полгода – никто не выживет! И все хорошо! Меня, по-хорошему, надо было делать одним из последних свидетелей, как Иру Штоляркову или Марину Ковач. Но точно не одной из трех ключевых! Это явное нарушение правил! Но кто из полицейских или преступников в полной мере правила соблюдает! Дажуху слишком лавирует, но если ты ввязываешься в свидетельницу, то с преступниками (которые хотят ее убить) ты уже не договариваешься!

Дажуху и не собирался мои показания собирать! Все полицейские сотрудничают с преступниками, и, зачатую, они намного ближе к преступникам, больше переживают за них и блюдут их интересы, чем о своих «чистных» свидетелях. Отец Маши Бонтюк принес Дажуху Яну Абдуловичу золото, поставив перед ним горшок... И он подтвердил, что я могу ослепнуть за его дочь...

В противовес бандитам появился полицейский с женой, семилетним сыном и собакой овчаркой. Как только появилась эта замужняя пара, Маше как будто сказали «фас» и указали на мужа. Она тут же встала в боевую стойку и пошла на приступ заигрывать с полицейским. Без стеснения уводить мужа из семьи. Она, забыв о существовании жены, подседа к мужу, заулыбалась ему. Жена для нее стала «пустым местом». Я думаю, что не только меня это покорило.

Собака заинтересовала Машу не меньше, а даже больше. Сегодня Эдам передал Маше наркотики, поэтому она носила черную сумку, – она продавала наркотики богатому отпрыску. И Маша пыталась понять, учует собака наркотики или нет... Собака была ищейкой, унюхала наркотики в сумке, начала сильно лаять и подпрыгивать к сумке. Маша недовольно сказала, показывая вытянутой рукой на собаку:

– Это запрещенный прием, приводить таких собак на вечеринки! – Но Эдам из соседней комнаты сказал, что все нормально. Что этот полицейский недавно растворил таблетку с опухолью своей матери и потому мог сегодня прийти. Его мать теперь «тикает». Но Маша все равно поторо-

пилась уйти. Она уже покупала наркотики у Эдама и поставляла богатому мальчику, сыну кого-то из полиции... Этот мальчик написал заявление на Машу. Поэтому сегодня и пришел полицейский. Маша сказала, что все нормально — этого мальчика скоро убьют... Через пару недель этого богатенького сына нашли застреленным, он участвовал в перестрелке и ему не повезло.

После Маши ушли и полицейский с женой, сыном и собакой...

Эдам сотрудничал с двумя наркодилерами — Машей Бонтюк и Лешей-маусом из лагеря. Но качество наркотиков больше нравилось Лешино, и Эдам распрощался с Машей, оставив о ней положительные рекомендации...

Джейк стоял около меня, я сидела на диване и смотрела на него, моя голова на уровне его ширины:

— There are different kinds of sex, — Джейк намекал на оральный. — I just want to feel that I am loved¹... -сказал Джейк эмоционально, пытаюсь объяснить мне... Я опять же пропустила это мимо ушей. А что еще я могла сделать?

Эти слова меня пугали...Я боялась его и избегала. Но мне, безусловно, льстило, что именно я понравилась такому взрослому Джейку.

Нас пригласили к столу. На день рождения также были порезанные бананы и апельсины... Потом нам угощали тортом... Торт был небольшой и порезанный на маленькие прямоугольные высокие кусочки. Джейку подарили пару дорогих подарков, я в том числе, поэтому американцы не скупчились на торт. Все соизмеримо. Торт вынесла и порезала Морген.

— Как ваш малыш, — любила спрашивать у Морген Женя Снисарь и трогать ее живот, ожидая толчков...

— Да, хорошо, спасибо...

Мы сели на пол, на ковер — стульев на всех не хватало — и стали есть торт и порезанные фрукты. В соседней комнате Эдам с Морген и Келвин-Джош пили шампанское, ели торт и обмывали удачные операции.

У Джейка в руках был баллончик с взбитыми сливками.

— Do you like it? — Он взял баллончик и набрызгал круговыми движениями много сливок на печенье и стал есть. Потом Джейк выдавил сливки на банан... Американцы покрывали сливками все, что угодно...

— Do you want to... — И Джейк протянул мне баллончик со сливками, предлагая приснуть сливки ему на лицо, а потом облизать... Так делала его бывшая девушка.

Я баллончик не взяла... — No, thanks...²

Тут Наташа хлопнула комара на икре Джейка. — Я убила у него на ноге комара! — сказала она с гордостью.

¹ — Есть разные виды секса. Я просто хочу почувствовать себя любимым...

² — Ты любишь? Ты хочешь? — Нет спасибо...

«Да, какая честь», — подумала я и, наверное, странно на нее посмотрела... На Наташе было коричневое платье...

Саша Янченко говорил Ясе: — Чешешь себя по коленке и испытываешь сексуальное удовлетворение. И в жизни никто не нужен... Да, Яся? — Яся сейчас так и делала.

Женя Снисарь опять принесла себе перекусить карамельно-орехисовый батончик. Она подарила американцам сувениры на память — в аэропорт с ними она не ехала.

Потом у нас началась небольшая дискотека, мы танцевали в комнате у Джейка и Райли... Несдержанный Джейк подпрыгивал... Высоко, подгибая колени... В нем было столько страсти, столько энергии... И наверняка пугал своим поведением окружающих.

Дискотека была недолгой — максимум пять танцев.

Потом настала очередь Ясиного подарка. Мы с Ясей дозванивались на радио. Мы постоянно звонили по сотовому Яси. Потом Элен принесла нам домашний телефон, с дисковым номеронабирателем, который надо было крутить пальцами — такие телефоны еще существовали. Я честно думала, что дозвониться на радио нереально. Только короткие гудки — занято...

Но мы были «в ветре» и минут через десять Яся дозвонилась до местного радио:

— Тихо-тихо, длинные гудки, — закричала нам Яся. В комнате стоял гул...

— Алло, — сказал низкий глубокий голос ведущей... — Мы слушаем Вас. Говорите.

— Тихо, тихо! Сделайте погромче, — Яся аж подпрыгнула на месте... Все в комнате замолчали... Олеся выкрутила радио на максимум. Мы слушали голос по радио. А Яся говорила в трубку...

— Здравствуйте... Мы хотели заказать сегодня песню по радио! Нашему другу! У него сегодня день рождения!

— Слышу, что вы хорошо веселитесь. А как зовут вашего друга...

— Джейк... Он американец... Ему исполняется двадцать три!

— Поздравляем вашего друга! Ну что же. А какую песню будем дарить сегодня Джейку в честь дня рождения?

— Джессика Пенна «Массивы»...

— Да, отличный выбор! Надеюсь, другу понравится эта песня! И мы слушаем песню в честь дня рождения Джейка! Джессика Пенна «Массивы»...

Сразу же зазвучала музыка.

— Да, Джейк. Сейчас будет песня, — Яся подошла к Джейку, он сидел на кровати.

— Джейк, это твоя песня... Песня для тебя... — Олеся своим грудным низким голосом переводила Джейку, что сказала Яся.

— Is this song for me? Did Yasya order this song for me?

– Yes! Да!!!

– Oh!¹

– Да, Джейк вставай! – Яся потянула Джейка с кровати. Кровати были заправлены велюровыми покрывалами.

Джейк буквально вскочил с кровати, подпрыгнул в центр нашей комнаты и начал беситься. Джейк начал неистово танцевать. Как обычно неудержимый Джейк скакал как сумасшедший... Он высоко подпрыгивал, приземлялся и казался со стороны одержимым песней. Мы танцевали вокруг него, пока звучала быстрая мелодичная песня Джессики Пенны. Джейк еще энергичнее танцевал, еще выше подпрыгивал и еще сильнее бесился! Он даже запрыгнул на кровать, и мы все испугались, что он за просто может провалить ее... Своим буйным поведением Джейк некоторых девушек даже испугал, в том числе и меня.

Потом Джейк подошел к нам и сказал, обращаясь только к Ясе:

– Thank you for your present.

– Ok! Was it good?

– Very!²

Потом начали кричать все русские и американцы, в том числе и Сулгвин, глядя на меня:

– Дай ей шанс! Дай ей шанс!

– Хорошо, – сказал Джейк. – Хорошо...

– Ну слава Богу! – Саша Янченко прямо выдохнул... – Это уже хорошо...

– Это ты, Арина. Та крутая писательница, которая потом все это опишет... – сказал Райли со знанием дела. И я еще раз поймала себя на мысли, что Райли мне нравился намного больше Джейка. По крайней мере, он был мне понятен.

Джейк опять показывал кольцо своей бабушки – семейную реликвию. Всем кроме меня: Тане, Аня, Ясе... Особенно долго Сулгвин.

В комнате стояло две кровати буквой «Г», одна у окна, другая у стены. Я сидела на кровати у окна, а Джейк у стены. Он тогда сказал мне:

– Ignorance is a bliss. If you are blind, if you have never seen the sky, you will suffer less... Because you don't know what you are losing³. – И только несколько лет спустя я поняла, что тогда он имел в виду...

Сулгвин подошла ко мне и опять «нырнула» вбок правой рукой:

– Dig deeper! Do you promise to? – Сулгвин в принципе говорила мне только эту фразу.

Но сегодня я почему-то раздраженно ответила ей:

¹ Эта песня для меня? Яна заказала эту песню мне? – Да! – О!

² – Спасибо за подарок. – Ок. Тебе понравился? – Очень...

³ – Невежество – блаженство. Если ты слепая, если ты никогда не видела неба, то ты будешь страдать меньше... Потому что ты не знаешь, что теряешь...

– Don't worry, Sulguine... I will be really deep!¹

Сулгвин встречалась с Джейкем, но делала вид, что ей нравится Райли. Все американцы нас чем-то отвлекали.

Когда я задала Сулгвин вежливый вопрос, хочет ли она остаться в России, она ответила мне: – I belong there², – имея в виду Америку.

Сегодня на вечеринку пришла и Оля Горбатова, сестра Саши Горбатого.

Мы раскрашивали фломастерами шарики и получались веселые рожицы. Элен нарисовала на зеленом шарике с маленькими ушками котика. Женя Снисарь бегала с большим пластиковым мечом.

– Спасибо за то, что вы сделали для Джейка, – сказала напоследок нам с Ясей Элен. Она относилась к Джейку, как к младшему брату.

После мы делали последние фотографии на мой фотоаппарат. Оля Горбатова на фото поставила Райли большие оленьи рога из двух ладоней, Джейк сделал серьезное лицо, прикрыл глаза, насупился и немного сжал губы... Джейк скалился и паясничал на всех фотографиях. Мы все кричали и понимали вверх руки. Яся на фото на все фотоаппараты делала знак «Пис» – показывала указательный и средний пальцы. Все на фото оставляли напоминания... На фотки других делали другие фотографии, постановки ставил Келвин, фотки были говорящие и предсказывали будущее.

Мы делали фотографии с незнакомыми девушками и парнями, чтобы они засветились на чужих фотоснимках. Под эти фотографии им полицейские разрешали проводить свои преступные операции. Эти фотки кто-то мог выложить в сеть и показать полиции, и у полиции были бы их автопортреты. Все в играх.

При всех Джейк вел себя как обычно... но наедине я чувствовала себя особенной. Он сказал, что приехал с религиозной миссией и поэтому не мог никого выделять среди других девушек. Другие девушки, он имел в виду русских, могли обидеться.

Сейчас Джейку переводила Таня. Разговаривала с ним в уголке и весело хохотала, запрокинув голову. Таня сегодня тоже носила розовую майку с одним плечом и тоже «косила» под жену Джейка. «Темная лошадка», – так говорили о Тане Соснянской. Говорили, что Таня, как и блондинка Саша, сидела на легких наркотиках, они были у нее в пудренице – любила пудрить носик наркотическими веществами. Келвин-Джош напоследок подарил Тане цветок... Решил отбивать ее от сутенеров и проституции...

Келвин-Джош был груздем... Прикрытие для Эдама. Второй Эдам. Саша говорил, что Келвин-Джош договорился с Мариной Шайн встретится на нейтральной территории. А на самом деле с ней договорился Эдам Хейсонд.

¹ – Капай глубже! Ты обещаешь? – Не переживай. Сулгвин. Я буду очень глубоко!

² – Мое место там

Все смотрели на нас и думали: «Боже, как складывается жизнь у этих свидетелей? Таких, как Яся, Саша и я! Как плохо обычно складывается у них жизнь!»

В жизни таких свидетелей, как мы, все только начиналось. Каждые десять лет им устраивали испытания. Ты или вылезешь, или... Растворяли раковые таблетки, пихали в психушки...

Джейк со мной как будто реализовывал пункты из списка и сказал напоследок Саше Янченко:

– Все! Все сказал!

– Jake, you are a good actor! You and Sulgune¹, – сказал Джейку Эдам из другой комнаты. – Я это тоже напишу...

Немного поиграли во фризби на стадионе. Подстреленная Анна, тоже зашив себя, наклеив на рану лейкопластырь, выпив обезболивающие, бегала с нами по стадиону... Келвин-Джейк тоже бегал. Его тоже сильно ранили недавно...

Где-то в Европе через Финский залив переправляли партию Калашниковых... А здесь мы играли во фризби...

Вечером мы пускали фейерверки на стадионе около общежития. Вечеринка заканчивалась. Все уже разъезжались... Джейк стоял в отдалении, он видел, как я прощалась с американками, повернувшись, я столкнулась с ним взглядом.

Он на меня ТАК посмотрел. Сказать, что он раздел меня взглядом – это не сказать ничего... В том взгляде была боль, тоска, желание.. Как изнывающий от голода пес смотрит на кусок мяса, который не может достать. Тем взглядом он навсегда привязал меня к себе.... В его взгляде было страдание мужчины, которому очень нравится девочка. Он сгорал от страсти.... Он мучился от бессилия... Это страдание, он выносил без унижения.

Сейчас я понимаю, как неистово он, должно быть, меня ненавидел! Какое он испытывал чувство унижительного бессилия! Как он был раздавлен моим равнодушием!

В тот момент я так хотела, чтобы он уехал, чтобы этот соблазн закончился. Я так бежала домой, даже взяла такси, бегом домой – подальше от этого взгляда, от этого искушения... И спустя много лет я могу сказать, что никто никогда так на меня не смотрел и, наверное, не посмотрит!

¹ – Джейк, ты хороший актер! Ты и Сулвин!

Предпоследний день

В предпоследний день нас пригласили на то же поле в паре остановок от университета, где весной мы играли во фризби. Райли играл в футбол. Трава уже выросла. Эдам таскал на себе то ли беременную, то ли «запорную» Морген. Меня тогда поразила его забота о ней. Его отношение к ней. Морген было сложно подниматься по ступенькам, и Эдам подталкивал ее сзади, поднимал ее.

Она не могла подниматься на ступеньки, ведущие на площадку. И он прямо толкал ее в спину, чтобы она поднялась на ступеньки, буквально тащил на себе. Толкал в бок, подпирал ей спину, переваливал через бетонные блоки... И он ее долго таскал по баскетбольному полю и часто поднимал, спускал с бетонного постамента — баскетбольное поле было через бетонные плиты. Их каждый раз надо было переходить. В случае Эдама и Морген переступить. Эдам был смешно одет, в прямых широких джинсах, все той же белой майке на выпуск, кожаных туфлях на плоской ровной платформе. Но американцы вообще смешно одевались... И всегда одинаково...

На этой площадке Эдам и Ко тренировались стрелять, и бетонные блоки около футбольной площадки предохраняли детей от случайных пуль. Рядом с этой площадкой тоже жили серьезные преступники, а каменный «колодец» служил как их склад оружия.

Один глаз Эдама был как прицел. Немного темнее, чем другой. Он очень хорошо стрелял... Эдам шаман, чернокнижник, использовал черную и белую магию. Иногда у Эдама были прицелы на двух глазах...

Руководитель миссии священник Эдам Хейсонд занимался контрабандой, а параллельно приторговывал наркотиками, подворовывал детей и отправлял в рабство, убивал негритят, активно сотрудничал с сутенерами, выводя наших проституток на панель — в общем, грешил по полной.

Мы с Ясей играли в тарелку. Джейк сидел в футбольных воротах, напротив него красовалась Таня с книгой и читала ему стихи... Джейк сейчас проводил с Таней все свободное время... Она, наверное, считала себя великой писательницей, будущей женой Джейка. Таня была в своем коротком топе и очень короткой юбке — она всегда была очень мало одета.

— А это книга твоих стихов? — спросил ее Джейк...

— Ой, нет... — рассмеялась Таня, запрокинув голову.

— А моя жена читает стихи из своей книги...

Таня читала Пушкина... И на маленьком листочке свое недавно написанное стихотворение...

Потом Райли пинал футбольный мяч в другие ворота с Ясей — она тоже любила футбол и неплохо играла для девчонки. Эдам таскал на се-

бе Морген. А я так и не поняла, зачем сегодня приехала к американцам?..

Но это была не Морген, а заgrimированный Дахуху Ян Абдулович, а под Эдама был заgrimирован молоденький полицейский. А в это время Морген и Эдам участвовали в перестрелке, а мы гарантировали им алиби...

Джейк все время проводил с Таней у футбольных ворот... Она читала ему стихи, что-то говорила и постоянно смеялась... А я даже немного ревновала... На прощание она подарила Джейку еще маленький томик стихов.

В последние дни американцы пытались обменять рабовладельческое золото. Эдам прикормил каждого. Дал по золотому слитку за проданных в рабство двоюродных братьев. Некоторым по одному слитку. Некоторым по несколько. В зависимости от вклада каждого в контрабанду, убийства и перестрелки, покупал молчание, как у Сулгвин, Джейка или Райли. Джейк и Сулгвин тоже меняли золото в банке недалеко от моего дома для Эдама. В Америке собирались ему отдать доллары. Полицейские золото или деньги за рабов не брали. Американцы золото сдавали в наши банки, только два банка города принимали золото, зачастую с потерей стоимости. Часть денег переводили в доллары и везли в Америку. Или открывали валютные счета и переводили в Америку родственникам, несмотря на огромную комиссию. Сбывать «работорговое» золото было сложно. Американцы поменяли золото, положили деньги на счет и перевели родственникам в Америке – комиссия была огромной. Но по-другому золото было не сдать...

В итоге американцы сбывали все золотые слитки в России, даже с большой потерей стоимости, Эдам всем советовал класть деньги в банк и переводить банковским переводом. Это уже знал отец-дядя Эдама, который уже пытался отмыть золото за проданных детей в Америке и столкнулся с серьезными проблемами. Золото надо было сбывать здесь, в России. В Америке рабовладельческие слитки не любили и могли не принять...

Единственный золотой слиток, который везли в Америку – это был слиток Анны для судьи брата... Все остальные обменяли золото в Краснодаре. С учетом всех курсов и комиссий.

Я сейчас понимаю, что этой историей с американским горбуном американцы отвлекали мое внимание от вещей посерьезнее, от операций по контрабанде и побочного похищения детей. Но история с горбуном для меня имела свое продолжение... Не самое удачное... Для каждого из нас, массовки русских, у Эдама была своя история, и каждого из нас они отвлекали от контрабанды оружия и убийств по-своему, меня любовной историей, Олесю и Аню – проданными в рабство детьми. Таню проституцией...

А Яся и Саша были хорошо в теме, они замаливали свои кладбища. Яся «платила» пока за деда – директора детдома. Переспала уже по щелчку с тремя мужиками... Вроде теперь остановилась... Хорошо...

Напоследок американская мафия голосовала, когда из нас точно убить. Сказали, что если меня ослепить, то нормально, их это устроит. А Ясю точно убить... Сашу скорее всего тоже...

Элен уже убила в России двух негритят... Шерил одного...

Завтра наши летние американцы уезжали...

Святой козел

– Эдам, ты козел! Эдам! Какой козел Эдам Хейсонд! Какой, какой козел? Эдам, ты козел! Эдам! Святой! Святой козел! Эдам! Ты святой козел!

– Такой шанс, как ты, Эдам, бывает раз в жизни! Раз в сто лет! И мы не можем этот шанс упустить! Ты бы на нашем месте тоже этот шанс использовал! Это просто дело чести скинуть на тебя все наши преступления!

– Боже мой, какая костная система! Как сложно сломать стереотип, что фелиситу нельзя сажать... Но я буду бороться с системой! Я один против всей системы!

– Эдам, ты мой Бог! Ты мое божество! Я молюсь на тебя каждый день!

– Эдам – он святой козел! Он должен пострадать за нас всех!

– Эдам, ты что? Надо мыслить шире! Нельзя быть консервативным! Надо расширить границы мышления! Это почему это ты не можешь взять на себя вину нас всех! Что же это за предрассудки! Почему это так не делается! Почему нельзя – можно! Эдам, можно все! Никто тебе не может запретить! Никто! Эдам! Мы договоримся! Не переживай! Почему это один-два... Если за двух. То можно и за двести! Работотворцы всегда много детей воруют и часто даже не знают, кого... Это все нормально! Это даже логично! Вон принц Халим тоже не знает. Кого и когда украли! А ты считаешь, как он! А нет, ты выше его! Также все нормально! Эдам! Мы узнавали! Как это так не принято! Очень даже принято! Уже принято! На то ты и святой козел. Чтобы спасти нас всех! Как это не всех, а половину? Ну какую половину, Эдам... Ты решил расколоть нас? Не получится! Надо всех! И только так! Или всех или никого... Ой-Ой-Ой... Что это я говорю... Тебе только это и надо, чтобы никого... Нет, Эдам, надо всех! Или так или никак! Ну и что что правила такие, так мы правила поменяем! Для тебя Эдам делаем исключение! Под тебя правила поменяем! Ты один такой, Эдам! Для тебя закон не писан! Да почему нельзя! Да почему нельзя-то! Так много вин на себя! Эдам, максимум две! Эдам, ты шутишь! Ты и не заметишь! Две подожди... Я нашел тебе две... вот их можешь смело брать! Это генеральские дети-рабы! Тебе зачтется! Как, ты передумал! Как это можно передумать в таком важном деле... Это не шутки, Эдам. Такими святыми вещами не шутят! Эдам, у тебя совсем нет чувства юмора. Так ты на коленях перед судьей стоишь, чтобы он принял твои показания! Да, нашел! Ты взял на себя вину одного принца Халима... Ан нет... Мы же за это золото себе сложили... Но ты считай, что это вина одного принца Халима. Так что нормально! Под твои правила подходит! А можно двух – Халима и его отца Хусейна, который червячком умер!..

– Если ты заболеешь, Эдам, я буду тебя лечить! И не дай бог тебе заболеть и не дожить до 2023 года! Ты зови мне, если что! Я помогу!

— Какой это ты мне кодекс бандита показываешь. Что ты можешь сидеть за преступления двухсотпятидесяти человек? Ой, по-моему, Эдам, ты тут сотни две не досчитался... Это минимум! Ну ладно. Пока так... так. Это где это написано, что ты не можешь взять на себя все наши преступления? В кодексе бандита? Каком это таком кодексе? Та делай ты свои операции по контрабанде. Я тебе не мешаю... Тебе никто не мешает... Так что это за кодекс такой? Согласно кодексу ты можешь сесть только за двоих? Как за двоих? А не за двухсот? А если ты очень хочешь? Просто просишь нас? Ну где это написано. Что если человек очень хочет взять на себя преступления большего количества человек. То он не может этого сделать? Это что это за дискриминация такая? А, я понял. Это чтобы вас не убивали и не пытали в тюрьмах зазря? Надо подумать. Как это отменить... Кодекс бандита. Видите ли...

— Эдам, даже в кодексе бандита есть лазейки! Мы с моей будущей женой нашли. Она мне из будущего помогает... Если ты святой козел. То ты, свят, свят, можешь и пострадать. Туфу, то есть отсидеть за всех! Если ты хочешь, конечно же! А ты хочешь, Эдам, ты очень хочешь... Как это ты не хочешь... И не надо меня опять бить и пытаться... Это цивилизация, Эдам, все ради детей! Ради бедных деток!

— Как это я тебе надоел уже? И не смотри так грозно... Ой, Эдам-Эдам... Эдам-Эдам...

— Ты потом захочешь, Эдам, я знаю... Это будет потом, не скоро правда, но обязательно будет...

— Эдам, ты святой козел! Именно святой! Имей совесть!

— Эдам, ты должен сесть за нас всех! Ты должен взять на себя нашу вину! Всех нас! И никак иначе...

— Эдам, у нас нет такого правила, что если человек хочет отсидеть за все наши преступления, ему это запрещать! Только если ты настаиваешь! Ну и что что это переодетый актер был и заявление твое подделал! Кто там разбираться будет! Как это ты этого не подписывал? Как это под принуждением... А... Это ты сейчас отказываешься. А потом просить будешь! И умолять на коленях, чтобы я принял это заявление и в полицию отнес... Я ничего врать не буду... А то с тобой пока разберешься... Пусть пока полежит у меня в сейфе...

— Друзья, некоторые наши нормативные документы устарели! Например, кодекс бандита не разрешает человеку отсидеть за чужие преступления, даже если он этого захочет! Даже если он святой козел и именно для этого создан Богом! Почему! Откуда такая несправедливость! Такие допотопные правила! Нам надо менять эти правила. И если человек хочет отсидеть больше... в сотни раз, он может это сделать! Особенно, если он святой козел! И в этом, Эдам Хейсонд, нет ничего стыдного...

— Эдам, ты создан Богом, чтобы отсидеть за нас! Вот!

— Так ты у меня на коленях стоишь и просишь, взять на себя нашу вину! На коленях! Умоляешь меня просто! Вот что с людьми тюрьма делает...

За наши обещания счастья... твоим детям и жене! Так ты умоляешь меня, Эдам, на коленях! Не веришь! Да я тебе клянусь! Потом ты скажешь, что лучшее, что ты сделал в жизни – это отсидел за всех нас! Вот посмотришь! Лучшее! Я тебе не вру, Эдам... И я останусь твоим другом до конца твоих дней... Долгих дней, Эдам, заметь! Ой, нет... Я умру раньше... но жить буду долго! Потом мой сын будет тобой заниматься! Мы тебя не бросим, Эдам, на произвол судьбы! Не переживай! Я тебе клянусь! Я тебе другом буду до конца моих дней!

– Сложно быть Эдамом Хейсондом! Вон своих с рабами перепутал, та же к ним относишься... Но ничего, ты в русской тюрьме потом отдохнешь!

– Эдам, ты только вдумайся, ты такой умный, что смог организовать работоторговлю по всему миру... по всему?... я думал, что только в России? Ну ладно... С двенадцати лет... Представляешь, какой ты умный и как все должны тебя уважать... Как тобой будут гордиться последователи! Ой, какие последователи... Представляешь, ты искоренишь рабство, Эдам... Нет, не то, тебе это не нравится... Но тебя будут уважать другие ку-клус-клановцы! Это ведь главное для тебя! Заслужить и поддерживать их уважение! Главное для тебя, уважение твоих последователей... Мы поняли... И чтобы младший брат никогда не мог занять твое место! Я это тоже проконтролирую...

– Эдам, ты как двигатель прогресса, мы на тебе научимся жить по-новому и брать на себя, если хотим, очень хотим, причем, Эдам, намного больше преступлений!

– Эдам, ты мне еще благодарен будешь! Как только эта книга увидела свет, ты оказался совсем не жилец! Так что мы тебе жизнь спасли! Дали тебе жизнь... И не благодари! Не благодари! Ты мне благодарен будешь! И благодарить до конца дней! До конца твоих долгих! Заметь, очень долгих дней! Очень-очень долгих дней! Вон нам сколько на тебя спихивать преступлений... И не надо опять в меня целиться и стрелять... Ой, Эдам, Ой... И не беги за мной с пушкой... ты мне потом еще спасибо скажешь! Это я для тебя стараюсь...

– Я добрый человек, но даже мое терпение заканчивается когда-нибудь... И оно заканчивается уже скоро, очень скоро, Эдам.... Вот посиди немного в тюрьме, подумай... И пусть пятнадцать наших самых жестоких чистильщиков придут к тебе каждый в свой срок...

– Эдам, тебя наша русская тюрьма заждалась! Она без тебя изнывает... Она без тебя не может... Плачет горькими слезами каждый день... Пожа-лей тюрьму, Эдам!

– Вух... Все, Эдам! Мы тебя посадили! И никому не отдадим! Ты наш и только наш! В далеком 2023 году! Мы тебя нашли! Ты наш клад! Один на нас всех! Ты бесценный! Ты такой один на весь свет! Таких больше нет, как ты!

– Только такие козлы как Эдам и приживаются. Такой хреновый он, ответственный за рабство в Америке.

- У нас дети в рабстве, ты пойми. Мы не можем иначе.
- Эдам, мы узнаем, если посадить такого, как ты, сколько нам детей вернут из рабства? Ого! Эдам, ты должен сесть в тюрьму... Перед тобой вся Россия стоит на коленях – ты в тюрьме, а нам детей возвращают!
- Эдам, ты потом спасибо скажешь, что мы тебя посадили! Вот видишь. Ты мне потом даже низко в пол кланяться будешь! И благодарить! И ноги целуешь... Но это, правда, не скоро!
- Слава Отцу и Сыну и Святому козлу, Эдаму Хейсонду! Так, Эдам, мы на тебя молимся, как на божество! Ты наш Бог, и мы это не скрываем!
- Эдам, ты человек-новатор. Ты будешь первым, кто сядет не за двух.... И даже не за трех... И не за четырех... Ты угадай, за скольких ты отсидишь? А вот и неправильно! Не угадал. За двести тридцать. Это по моим скромным подсчетам. Цифру я еще уточняю... По некоторым данным ты возьмешь на себя человек семьсот, но это если очень повезет. Тебе, Эдам, повезет, тебе! Не нам же!.. И нам тоже, конечно! Но тебе, Эдам, несказанно!.. Вон какая Россия матушка большая! На карту посмотри! А если сидеть, то за нас всех! И не выбирать!.. И носом не воротить!.. А что это ты мне все кодекс бандита показываешь? Эдам, убери пистолет... Что ты на меня дуло наставил... Не хорошо людей, желающих тебе счастья, пугать! Эдам, и не участвуй ты в перестрелках... Надо подписать, чтобы в тебя никогда никто не стрелял... Я тебя не позорю, Эдам, не позорю! Святые козлы не должны рисковать собой!
- За семьсот отсидеть, Эдам! Это, считай, мелочи! По некоторым данным и за тысячу двести! Но это уже совсем в старости! А по некоторым еще больше! Но это только по желанию! По твоему собственному желанию! Ты не человек, Эдам, ты мой кумир! Ты кумир всей планеты Земля! Ты подпиши, что ты не против...
- Эдам, ты изначально в проигрышной ситуации! Ты или дети в рабстве! Чем больше ты возьмешь на себя, тем больше мы вернем! Придется брать много!
- Эдам, тебе надо подписать признания за этих пятьдесят человек, что берешь их вину... И вот тут... И вот здесь... А я думал, ты не заметишь, а ты вон какой внимательный... что цифра становится больше... Это просто нолик добавили... Но если ты готов отсидеть за двести тридцать, мы тебе мешать не будем...

Эдам Хейсонд мой Бог!
 Ты мой друг и Господь...
 Ты за меня пострадал,
 Все грехи мои взял!

- Вот не все! Не все грехи! Но большинство!
- Боже мой! Неужели можно скинуть на Эдама все свои преступления и спать спокойно! Какое же это счастье! Эдам, ты наше чудо чудное! Диво дивное! Чудище заморское! Вот мне все подтверждают!

- Тихо, надо не спугнуть робкое счастье в виде Эдама Хейсонда!
- Так меня даже в Америке попросили на тебя преступления скидывать! Но я пока буду думать, чтобы святость твою не спугнуть. А то наскидываем, что тебя земля принимать перестанет!
- Эдам, если ты переживаешь, что все поверят, что это ты... То эта книга тебя обелит! Тут прямым текстом сказано, что ты «святой козел» и страдаешь за нас всех! Что ты не виноват! Так что все будут знать правду! Так ты не хочешь? Чтобы все знали правду? Тогда не переживай тем более, это всего лишь художественное произведение! Его никто в расчет не берет! Кто там его читать будет! Тем более тебя здесь переименовали.... Никто тебя и не узнает...
- Я не отдам тебя никому!!! Ты будешь сидеть только за нас!!! А за всяких других сидеть не будешь... Но только чтобы тебя из нашей тюрьмы не выпускали, пусть у нас все свои признания за наши преступления подписывает!
- Эдам, ты можешь сесть за нас всех! Мы пробрили! Мы поставили голосование по всему миру и нам подписали! Так что пользуйся, пока предлагают! Ты двигатель прогресса! Вот посмотри, ребенка в ковре понесли! Это ты понес! Там прямо подпись «Эдам Хейсонд», если кто-то не разбирается! И твоя фотография приклеена на маску... Эдам, только если ты захочешь! Но ты настаиваешь, ты прямо нас просишь в 2043 году, умоляешь просто на коленях, чтобы мы тебя за нас всех посадили! Видишь, какой ты хороший человек! Вот опять ты меня бьешь! Эдам, за что? За что? Я же для тебя стараюсь! Действую только в твоих интересах! А твоим в Америке мы не расскажем, ты не переживай из-за этого... Тебя это больше всего в будущем волнует!
- Эдам, из твоих никто не доживет! А ты будешь жить и видеть свет! Правда, в тюрьме, но все же! Эдам – какой ты везунчик! В тюрьме вон сколько людей живут!
- Эдам, ты мне родненький! Я о тебе буду заботиться, как мать! Нет, как отец, как отчим твой ненаглядный! Нет, больше, чем мать! Твоя мать умерла, когда тебе было сколько? Шестнадцать? Так вот, я буду с тобой до конца! Твоих дней! А если я раньше умру, то обязательно к тебе когонибудь приставлю! Сына, Эдам, только сына! Тебя я доверю только сыну! Эдам, одевайся тепло! Береги себя ради нас! Ради нас всех!
- Эдам, ты пойми, ты нам тормозишь эволюцию, ты нам тормозишь цивилизацию! Если бы не ты и не такие, как ты, мы бы давно уже на летающих машинах ездили и во дворцах все жили, и роботами обзавелись, если бы не такие, как ты!
- Эдам, ты вообще человек тысячелетия! Взять на себя вину двухсот пятидесяти человек! Такого еще не знала история и уголовный кодекс!
- Эдам, для тебя нет смерти, только в русской тюрьме в 2061 году... Я подпишу на всякий случай, чтобы тебе никто не давал таблетки смерти, только молодильные яблочки!

— А я святой человек поэтому! Потому что я тебя посадил... Эдам, повторяй себе, что все это только для детей! Все ради них! Ради маленьких мальчиков и девочек в рабстве! Эдам, так в русской тюрьме ты еще поживешь! А в Америке тебе вообще плохо будет! Вообще, я даже у английских королей подписал, что ты можешь сесть за нас всех! Все только ради детей! Ты пока тут похулигань, Эдам, а я поеду по миру, подпиши пособие-раю... А то без бумажки ты какашка... Так что пока Деликат за главного!..

Я поехал — Ан, нет, меня вернули! Ты тут сильно грешишь! За тобой следить надо! Потом подписи соберу!

— Эдам ты все равно из нашей тюрьмы не выйдешь никогда. Так что бери на себя всю нашу вину в свой срок... Чтобы не вызывать подозрений... Мне уже все генералы подписали, что ты можешь на себя все это взять!

— Я пока подпишу, чтобы ты в нашей тюрьме своих подельников не выдал... А то они сильно нервничают... И убить тебя ненароком могут из-за этого... Пусть спят спокойно! И ты, мой фелисита!

— Так ты даже рад, что тебя посадили в тюрьму в России... Ты так в Америку не хочешь возвращаться! Тебе там сейчас совсем не рады, после того как ты крутую писательницу слепой сделал... А она вон какие романы пишет и тебе посвящает... С тобой проблем не оберешься, Эдам! Вот они тоже так думают... твои американцы, коллеги по ку-клус-клану! Ой, как я их понимаю, Эдам! Как я их понимаю... Но я тебе друг... Ты, главное, это помни...

— Эдам, вот тут я себе передаю, что ты в 2037 году за вонючую похлебку (вспомни свою декларацию рабства, так опрометчиво тобой подписанную) готов признаться во всей работорговле по всему миру... И годы даже тебе подкрутили! Все, баста! Ты взял на себя всю нашу вину! Можно умирать... Ой, блин.. Нет, тебе придется еще лет десять пожить... А то показания могут не принять... Так ты готов взять на себя и всю Европу и даже частично Азию... Но мы не против, мы всегда идем тебе на встречу! Во всем! Всегда тебе идем на встречу... ну если ты хочешь, мы не можем тебе отказать!... Все для тебя! Это я тоже теперь пробую... Ты готов взять на себя и работорговлю Америки... Ну это твоя прямая обязанность! Это сам Бог велел! Так ты в ней и виноват по большей части... И не смотри на меня так... Но я поспособствую, чтоб это от тебя приняли, все твои признания... Мы с тобой друзья... Видишь, я поспособствовал... и тебе разрешили взять и эту вину тоже... Ты был не должен ее брать, но так и быть... Я договорился... Я тебе друг и никак иначе... И не смотри на меня так... как на врага народов... Ты до 2036 года доживи, там посмотришь... И не надо меня опять бить... Я ради тебя стараюсь, Эдам! Только ради тебя!!! Никто кроме тебя, Эдам, нам не нужен... Все ради детей в рабстве, которых ты спас!

— Они даже цветы принесли к твоей могиле... Мы не дадим тебе так умереть! Мы причислим тебя к лику святых! Я похлопочу! Эдам, все! Ты

главный святой России! Ты даже планету покинуть можешь! Представляешь, какой ты везунчик! К твоей могиле... Кстати, где ты хочешь, чтобы тебя похоронили? Вот ты подумай!, по-моему, лучше в России. Боюсь, в Америке тебя выкопают и линчуют твой труп негры!!! Но я похлопочу, Эдам! Похлопочу!..

– Эдам, вот в 2053 году ты хочешь сесть за рабство по всему миру! Но по всему миру нельзя... Но я узнаю, Эдам, если ты меня просишь, то я узнаю... Вот, ты меня просишь...

– Эдам взял на себя нашу вину – святой человек! Святой козел... За Эдама теперь мы все, работорговцы, пьем стоя! И желаем ему долгих лет, у нас еще вон сколько дел о пропаже детей нераскрытых. Уже раскрытых! А Эдам так выбивает себе эволюцию! И становится даже человеком в следующей жизни!

– После того как Эдам взял на себя все преступления России по работорговле, его приравнивали в России к лику святых! Если бы тебя не было, тебя стоило придумать! Все работорговцы молятся на него и поклоняются ему как главному божеству. Но я попробую тебя приравнять к лику святых, но это сложно, Эдам, очень сложно!

– А в России, Эдам, к твоей могиле дети принесут цветы! И много цветов! Такого святого будет хоронить вся Россия! Весь мир! Тебе не забудут! Никогда! Я уже, конечно, умру, и мой старший сын... или кто-то из младшеньких, о тебе позаботится... Когда ты умер, Эдам, весь мир плакал! Мы тебя похоронили, как главного святого! Я даже прослезился! Знаешь, сколько ты хорошего сделал, что на себя все наши преступления взял... Сколько мы детей вернули! Дай, тебя обниму.... Я даже прослезился... Какой ты человек! Человечище!!! Таких еще не видал мир! Когда ты умер, весь мир плакал! Я хочу, чтобы ты прочувствовал ту минуту... Эдам, ты вся надежда работорговли в России, нет! Во всем мире! Все ради деток, да, Эдам, ради деток! Все ведите! Этых двадцать в рабство продаем! А потом возвращать будем!

– Эдам, ты не человек, ты гигант! Только ты можешь взять на себя вину семиста и быть таким счастливым!

– Эдам не может взять на себя всю нашу вину... Он стесняется...

– Нет, Эдам! Никто, кроме тебя... Эдаму, никто... не сядет за нас всех... Теперь я в этом точно уверен!

– Эдам, я тебе как отец! И родной, и приемный!

– Эдам, я уже выучил тебя, как облупленного. Я уже знаю все твои родинки и тебя от клона запросто отличу.

– Я живу тобой, я дышу тобой! Ты мой святой козел, а я для русских святой человек!

– Эдам, ты подпиши, что хочешь сделать рабами миллионы! Вот молодец! Ну все, участь твоя решена! Только ты такую чушь подписать можешь!

– Эдам, так у меня на экране состояние твоего организма. Эдам, ты опять стал плохо питаться! Почему ты не ешь мясо и овощи... Ты что по-

стишься? Какой пост, Эдам! Какой может быть пост в твоём случае? Какой пост, Эдам! Ни о каком посте не может быть и речи! Ты должен поститься перед убийством негритенка, как все ку-клус-клановцы... Нет, ты у нас и так святой? Как какой святой? Ты святой козел! Ну и что что козел. Главное, что святой! Я сейчас соберу подписи, что тебе можно не поститься! Ты питайся нормально, пожалуйста. Прямо перед тобой встану на колени. Ты береги свое здоровье ради нас! Я даже тебе дорогие поливитамины куплю! И не вздумай больше голодать! Никогда!

— Эдам, у тебя семья. Ты о жене и детях подумай. О будущих детях! О будущих! Что будет с ними, если с тобой то-то случится? Как это ты хочешь умереть в бою. А не на операционном столе у врача? Да ты еще молодой. Эдам! Ты будешь жить до девяносто! Нет, до ста!

— Эдам, ты просто притча во языцах. Ты один такой на всем белом свете! Ты самый крутой святой козел всех времен и народов! Таких крупных козлов не было еще никогда! Мы поймали крупного козла!

— Эдам, ты лучший, самый главный святой козел современности!

— Эдам, тебя нам ни один маньяк-убийца не заменит...

— Эдам, ты наше все!

— Эдам, ты лучший человек мира! Из-за тебя мы, знаешь, сколько человек из рабства вернули... До хрена! Сто пятьдесят два! У них там, правда, земля поднимается, им теперь наши дети и даром не нужны... Они бы нам всех вернули, да не разрешают... или не вернули... Ну там пока идут волны... А ты святой человек... ты святее нас всех! А мы договоримся. Если ты пострадаешь за нас, чтобы нам побольше рабов вернули... Видишь, мы какие. Хорошие и добрые! Как о детях в рабстве заботимся! А мы договоримся, Эдам! Мы договоримся! Ради детей, все ради них!.. Главное, золото не возвращать...

— А я, да, я тоже святой человек!

— После того, как ты возьмешь на себя столько чужих преступлений, ты точно станешь святым!

— Эдам, это сколько я уже в тебя вложил? Сколько? Ой, что-то много... А сколько еще вложу? Вообще нереально! Что-то я в будущем, по-моему, совсем с ума сошел...

— Эдам, ты для меня просто бесценный козел! Знаешь, сколько ты мне стоил? Сколько? Как двадцать рабов! Это что, четыреста миллионов? Ого! Эдам... Нет не долларов, сплюнь ты! Каких долларов! Где я такие деньги возьму? Рублей! Тут хоть бы рубли нашкребсти! Ты бесценный козел для нас, Эдам! Слышишь! Бесценный! Где я такие деньги возьму? Это на содержание твоей жены и детей. Твоих жен, и Мэри твоей ненаглядной! Пока ты будешь в рабстве... Тьфу, в нашей тюрьме! Надо бросить клич по матушке России. Собираем деньги на содержание семьи святого козла по плитку с каждого продавшего в рабство и с полиции в том числе!.. Вот и деньги нашкребли!

— Так, Эдам, подпиши, что ты не готов взять на себя вину за все преступления в мире за эти годы! А то такой стал в 2045 году, что уже готов

за все преступления в мире сесть! Ты подпиши сейчас, а то потом возьмут и скинут! Ты же как тряпичная кукла стал на наших тюремных препаратах!

– Эдам, брось каку! Какую каку? Пистолет! Ты как ребенок маленький! Брось, я говорю... Не дай Бог с тобой что-то случится, что я делать буду? Мне вся Россия не простит! Ты для меня как сын уже. Нет, больше, чем сын! Ты, как я сам для себя. Ценный–преценный. И дороже тебя для меня нет никого! Брось ты пистолет и не участвуй ты больше в перестрелках НИКОГДА! Никогда, представляешь! Эдам, ты прямо испытываешь мое терпение!

– Нет-нет-нет! подождите! Нет-нет и еще раз нет! Никаких рукопашных боев, Эдам, и перестрелок!

– Как лучше тебе, Эдам? Тебе лучше в светлой русской горнице-тюрьме! Ты в Америке сейчас вообще не жилец! А из тюрьмы еще можно семье помочь, а из могилы уже не поможешь! А у тебя семья и двое детей. И от Мэри дочка... Ты вообще ни дня за нас не отсидишь! Только за себя! А что ты взял на себя нашу вину, мы никому не скажем! Это останется тайной между нами! Между нами и полицией! Но если ты хочешь, чтобы все знали, только тогда мы всем расскажем!

– Сделают тебя, Эдам, тряпичной куклой, затупят таблетками, тебя и не узнать будет...

– Такие преступники, как Эдам, и не сидят никогда. Яд пьют... Они в тюрьме такого наворотить могут! Эдам Хейсонд сидит в русской тюрьме! Этим надо гордиться, а не стесняться! Таких преступников, как Эдам Хейсонд, посадить – это честь! Так нам весь мир поаплодирует! Весь мир нами гордиться будет! Такие преступники в тюрьме и никогда не сидят! Их врачи убивают! Так сколько знаний он может передать на воле! Но нет, мы не можем посадить Эдама Хейсонда. Нам совесть не позволяет! Нам стыдно сажать других за наши преступления! Нас совесть заест! Боже мой, какие мы совестливые люди! Как же так, мы посадим Эдама Хейсонда! Как же жить после этого! Какой грех возьмем на душу! Такие люди созданы для тюрьмы, при них тюрьма расцветает и цветочками покрывается! Но нет, мы не можем его пытаться... А сколько он убил, ты посчитай. Человек двести! Не меньше! И как же мы его посадим? Мы же его боимся! Но нам не страшно. Мы все вместе, всей нацией сможем посадить одного Эдама Хейсонда! Ну и что что он глава ку-клус-клана! Так ку-клус-клан – это пережиток времени! Раз и нету, и не помнит его никто! Пшик. Миф... так нас просить надо, чтобы мы посадили Эдама! Так весь мир на коленях просит! Мы мир настолько лучше сделаем! Мы можем посадить Эдама за то, что сделали сами. И нам не жалко Эдама Хейсонда... Нисколечки! Это я программирую нацию на правильные действия, как экстрасенс...

– Мы можем посадить Эдама Хестанда за все наши преступления! У нас нет совести! И чести! Но честь и совесть, Эдам, это не про тебя! Нам тебя не жалко. Эдам! Мы тебя не пожалеем!

– Ой нет, ку-клус-клан – это пшик!

- Эдам, козлиная, блин... Козлиная ты во всех смыслах этого слова!
- Эдам, ты ни дня за нас не отсидел! Ты сидел только за свое! И ни дня за нас! И ты еще недоволен! Эдам, постыдился бы!
- Эдам, ты серьезно! Хочешь подписать это заявление? Что ты берешь на себя ответственность за всю работоторговлю по всему миру за последние тридцать лет с 1970 года? Ты уверен? Да? Это слишком много, подожди, этому уже не верят! Давай вот на этом ты остановишься! Ты, конечно, выглядишь круто среди своих, но тогда и Халим, и братья Нагайновы, и Елена избежат наказания! Я знаю, ты святой козел, и ты на самом деле свят. Эдам, но ты не должен забывать и о них... они тоже должны пострадать за нас и за себя тоже... их нельзя оставить без наказания... Я понимаю, что ты хочешь пострадать за нас всех. Но ты и так много на себя взял. Пусть и они что-то на себя возьмут!
- Эдам, и не благодари, не благодари меня! Что тебя за нас посадили! Ты мне потом по гроб жизни благодарен будешь! По гроб жизни, ты запомни это, Эдам! И не благодари нас всех! Не благодари!
- Эдам, если бы не ты, я бы умер от горя! Да меня посадили бы лет на сто! Если бы не ты!..
- Так сын – отличник! Эдам, ты подумай, как это редко бывает! У преступника сын отличник! Даже у меня отличников нет! А у тебя старший отличник! Так у тебя даже младший отличником может быть! Ты представляешь, повезло-то как! Это много стоит, Эдам, многого!
- Эдам, так мы твоего старшего сына сделаем известным режиссером в Голливуде! Эдам, прикинь! Самым известным!
- Эдам, я тебе клянусь. Ни один врач не посмеет что-то сделать с твоими мальчиками, ни один! И ни один мужчина не подойдет к твоей женщине... Твоим женщинам! Я тебе клянусь! Я стану им крестным папой! Твои дети всегда будут в безопасности со мной... Ты только подпиши. Эдам, что ты готов отсидеть за нас всех... Только за всех Эдам и никак иначе...
- Эдам, я тебе и живительную козавочку вживлю. Чтобы она тебя вела по жизни и спасала от всех бед, и ты собой больше никогда не рисковал... И отвечала за твою жизнеспособность.
- Эдам взял и прострелил себе бок! Вот придурок! Его тут же в дурдом положили, смирительную рубашку надели и стали кормить из ложечки! Где мы другого такого козла возьмем! Эдама нянчим. Как ребенка малюго! Носимся с тобой, как с писаной торбой! А ты нам такие подарочки преподносишь! У нас дети в рабстве, ты пойми нас... Эдам, ты решил убить нас всех сразу! Всех сразу и наотмашь... Ты еще раз возьмешь в руки нож или пистолет, я сразу узнаю... Я решил так, еще раз ты решишь покончить с собой, я заберу у тебя детей... Я тебе их дал, я их и похороню... Если ты умрешь раньше этой даты, я убью своими руками твоих сыновей... Вот этими самими руками... А ты меня знаешь, Эдам. Я шутить не люблю... Я свои обещания всегда выполняю... Если с ним хоть что-то случится. Я убью вас

всех! Я вам такие проблемы устрою, что ядерная война покажется раем... Я вас убью, нет! Я вас всех кастрирую! Нет! ... В общем, если с Эдамом что-то случится!.. Я свое слово сказал! Я свое слово сдержу! Я обрызгал весь дом Эдама своей водой, чтобы знать, чем заниматься Эдам и что он делает каждый день...

— Эдам, ты не понимаешь, ты больше не можешь рисковать собой ради нас всех! Ты больше не принадлежишь себе! Ты наша собственность! Мы тебя купили с потрохами! И никаких перестрелок, Эдам, ты должен понимать, ты не должен умереть раньше срока! Никаких перестрелок, Эдам! Когда же ты успокоишься, Эдам! Сколько можно рисковать собой!

— Эдам, ты опять взялся за старое! Опять ты хочешь умереть раньше срока! И не вздумай заканчивать жизнь самоубийством!

— Эдам, ты один для нас такой!

— Эдам, только для тебя, только тебе такой подарок жизни! Вся наша работорговля одному тебе досталась! Только потому что ты просишь меня! Умоляешь на коленях! Только потому, что ты мне друг! Нет, сын! Нет, уже брат! Только тебе, Эдам, и никому другому!

— Эдам, так ты ни одного дня не отсидел за нас! Ты только вдумайся — ни одного! Ты отсиживаешь только свой срок! Только свой! И ты еще недоуолен! Мы тебе и детей сделали! И в чести и достатке дети и жена живут! И Мэри твоя! Так у тебя старший сын отличник! Ты представь! У тебя! И отличник! Готовим в режиссеры!

— Эдам, ну и что ты так нервничаешь? Ну и как это выглядит? Почему это ты идиот? Сидишь за нас всех? Ты не думай, как это выглядит, ты думай, что ты за это получишь! А получишь ты много! И сын у тебя звезда Голливуда, а это многого стоит!

— Пусть сидит! Когда такие люди в тюрьме, всем спокойнее! Это говорят следователи между собой! Точнее следователь полицейскому надзирателю... Эдаму лучше, когда он в тюрьме, так он еще не жилец, а так еще живет... И свет белый увидит... и землю еще потопчет... тюремную... А так тю-тю... и поминай, как звали...

— Эдам. тебе с нами очень повезло! Ты потом поймешь! Ты на нас молиться должен, Эдам. И каждый день ставить свечку за наше здоровье! После того, как книга-то вышла... от тебя все отвернулись... Ты там на каждой странице как убийца, работорговец и контрабандист! Тебе бы жизни уже не было, Эдам. Но мы нашли выход... мы спрятали тебя в нашей тюрьме. А это много стоит! Это хорошее пристанище для таких, как ты! Отверженных и обреченных! Эдам, ты останешься в веках! Забвение тебе не грозит! Ты останешься в наших душах навечно!

— Ты наш Бог, Эдам! Как только ты сел за нас, ты стал нашим Богом на веки вечные... Мы тебя никогда не забудем!

— Эдам отсидит за нас всех в тюрьме! Он мне даже больше, чем Иисус Христос! Ты для меня лично больше, чем Бог! Я вот человек не сильно верующий... Ты сам, Эдам, наше божество!

— Как это Эдама нельзя посадить за все наши грехи? Как это — главный по ку-клус-клану неприкосновенен? Как это таких преступников не сажают? Мы посадим! Мы будем первыми! Мы посадим! Мы сможем его посадить! У нас хватит смелости это сделать! Посадить Эдама Хейсонда! У нас нет неприкосновенных преступников! Как это он свят? Он, конечно свят, для нас... он же святой козел! Это надо отменить. Нам надо посадить его и все тут! Как это таких преступников не сажают? У нас вообще что ли преступников не сажают? Это да, это так... Это надо отменять, пока не поздно... Золото так они берут, а Эдама посадить не могут...

— Мы найдем судью, который его посадит! Мы сможем посадить Эдама Хейсонда! И пусть он — Эдам Хейсонд! Нас это не остановит!

— А если у нас пока не родилось такого судьи, который может посадить Эдама Хейсонда, то надо такого судью воспитать! Время еще есть! Делаем судью, который сможет посадить Эдама Хейсонда!

— Надо быть идиотом, чтобы подписать такую декларацию рабства! Но да, Эдам, ты идиот! Ты это подписал... Эдам просто пугает, где корова, а где негритянка!

— А когда Эдам в 2018 году бросил клич, чтобы его убили в перестрелке, так к нему в Колорадо приехало вся краснодарская тусовка с генералом Александром во главе! И я, черт, поехал, и Деликаты всей семьей, И Дажуху Ян... И даже Марина Шайн съездила, и никто ей и слова не сказал... Как же так! Чтобы наш святой козел сдох... Как же так? Так не должно быть! По нашим данным ты должен пострадать за нас... Так мы нашли его могилу. Сказали эксгумировать, достали его волосок, который хранят до сих пор, Деликат хранит... Еще со времен России. Открыли могилу, эксгумировали, а ДНК тест не подтвердился... И тут Эдам живой и здоровый появился... Ох, это Эдам у нас шутит. Эдам у нас такой шутник... Эдам, это мой самый страшный кошмар, что ты умер до срока... Но-но-но! Эдам, ты больше так не делай... Ты так не шути, не порти нашу нервную систему... Нам тебя еще сажать... А знаешь, сколько это нервных клеток потратить... Вот я себе передал, что поседел, пока тебя в тюрьму посадил... И это за твои грехи, Эдам. За твои грехи... даже не за наши... Так когда мы весть получили, что ты умер, мы в России все по инфаркту и инсульту выпили. Нам в России сказали, живыми не возвращаться! А он шутит! Шутник наш... Когда в непроходимом болоте утоп, мы тоже с Романом Александровичем тебя доставали, и когда хотел утопиться, мы тебя спасали, нам даже оракл намоленный помогает!

— Тебе жена и мать — это тюрьма. Эдам. Это русская, краснодарская тюрьма. Мы тебя далеко не отдадим. Ты с нами жить должен. Под боком всегда! Мы в Москву не наездимся с Романом Александровичем... Нам здесь надо... Ты пойми нас. Ты у нас здесь будешь сидеть...

— Мы русские! Мы можем взяться за руки! Сказать себе, что нам надо вернуть детей как можно больше и посадить за наши преступления вместо себя Эдама!

— У нас там тюрьма ходуном ходит от пыток Эдама Хейсонда. Но мы держимся. Нам не жалко бедного Эдама. Нам себя жалко и бедных деток... Кто же такое подписывать будет! За что это нам? За что Брежнев эту декларацию подписал. Детей за ковры продавать... На, Эдам, вот тебе в морду твою декларации рабства! Кто же в своем уме и твердой памяти это подпишет! Но ты подписал... Зверюга! И мы не боимся Эдама Хейсонда. Ни капельки! Ни капелюшечки. Ой, это мы для себя говорим... Чтобы посадить тебя смелости набраться!

— Эдам все надеется, что он соскочит... Да, Эдам, ты лучше надейся... Так жить легче... Легче дожить с надеждой, что это все не сбудется...

— Эдам, мы о тебе позаботимся! Ты не беспокойся! Ты будешь с нами счастлив! За все наши грехи страдаешь ты один. Святой Эдам Хейсонд. Мы приравняем тебя к лику святых... Эдам — ты для нас икона. Ты для нас Бог! Ты мой Бог, Эдам, ты мой Бог! Почти Ииусус! Лучше, чем Иисус! А с тобой я лично знаком! Для меня главнее! Вот он тоже хотел за все наши грехи страдать, как ты! Взять на себя все наши грехи. Чтобы мы стали чистые-пречистые... За Эдама все будем молиться и свечки ставить за его здоровье в нашей тюрьме! Один маньяк тоже хотел за нас сесть, так мы ему не разрешили... Твое место в наших сердцах и в нашей тюрьме никто не может занять, а желающих, правда, много. Поверь, мы сейчас поищем, и знаешь сколько найдем... Больше сотни... А все это достанется тебе... тебе одному! Представляешь, как тебе повезло! Какой ты счастливчик! Ты вытянул самый счастливый билет в своей жизни — сел за нас всех!

— Мы придумали как... каждый из нас, за кого ты сел, а нас много, поверь, сделает для твоей жены и сыновей что-то хорошее... И для твоей Мэри! А прежде всего для Мэри и дочери, а потом уже для жены и детей. Я тебя понял... Не переживай! Мы все будем о тебе заботиться! И о них...

— Собрали со всех работорговцев золото для Эдама, решили инвестировать! Но золото растет в цене! Решили не трогать!

— Нормальные люди, но это не ты, Эдам, ты не слушай, заткни уши! А ты и так знаешь! Сидят или за себя. Или за одного. Ну максимум двух... Но серьезных преступников это не касается! А ты, Эдам, сел за более двух сотен человек! И это только в России, а там еще вот сколько стран! Ты представляешь, какой ты редкий! Так Эдам, ты ж мне сам из 2058 года передаешь, что это лучшее, что ты сделал в жизни...

— И на Наполеона нашлась его Эльба. И на Эдама Хейсонда найдется наша русская тюрьма. А ты даже не Наполеон!

— Что тебе плохо, что ли? У нас вот какая тюрьма хорошая!

— Ты в русской тюрьме, как на курорте. Тут посмотри, все подписано твоей подписью... Ты счастливый и довольный! Но это после того, как ты все подпишешь... А до этого да, тяжело... У нас Америка твои фотки просит после экзекуций. Но если ты не хочешь, мы не пошлем... А нет, придется! Тобой будут пугать детей... Но ты не слушай... Не расстраивайся за зря... Жизнь одна и надо прожить ее счастливо... Вот так ты говоришь

в 2053 году... Я даже тебе фотки из будущего покажу. Вот ты садишься на скамью подсудимых. Вот тебя осудили на двадцать восемь лет... Но это еще не за нас.. Это за то, что ты сам сделал... Судью на мыло... Надо было тебя сразу сажать нормально! А не за мелочи... Ой, нет. Калашниковы — это не мелочи... Видишь, это ты после первой пытки... Сначала мы генеральских на тебя скинем, их тоже продавали... И которых полиция продала... И полиция будет нам до конца твоих дней помогать... пока мы всех не скинем... А это ты после десяти лет... похудел конечно.. Но ты не хочешь с нами сотрудничать... А у нас еще сколько детей... А эта фотка вообще неудачная... Тут ты в камере совсем худой стал без света столько прожить... Но ты смог... мы даже пари ставим, сколько ты продержишься на хлебе и воде... но ты держисься... ты молодец, Эдам! Ты один такой... идиот. Говорю я себе, глядя на тебя... Вот и зачем надо было себя так мучать... А это ты опух от голода, Эдам, да, так тоже бывает... Не надо упорствовать было... и даже жену с детьми к тебе не пускали.. не могли... говорили, что ты болеешь... Это ты уже после всех казней... Вот, тебе даже глаз не нужен. Все равно тебе смотреть некуда.. и руки связаны... Но у полицейских свои пытки... Вот не надо было тебе упорствовать я же говорил... Все рано все подписал... Это мы Деликатом тебе помогаем... Поим тебя водичкой с завязанными руками. Да, помогаем, Эдам, помогаем... Это называется помощь... А вот я стою перед тобой. Да плюнь ты, Эдам, на свой ку-клус-клан.. ты все равно их никогда не увидишь.. Ну какой ты лидер... Да там уже от ку-клус-клана ничего не осталось... И не надо на них производить впечатление... Они тебя уже и не помнят. И не навещают совсем... Эдам, ты теперь наш и только наш! Никого из твоих уже нет в живых... Успокойся, мы никому не скажем, что ты подписал... А вот ты взял на себя вину двадцати человек просто за супчик... А то у тебя какашки из горла полезли!.. Вот достал ты нас, Эдам... Я тебе друг. Я тебе говорю... мы разработали план, как тебе брать на себя нашу вину... В каком количестве и в каком году... Чтобы это не вызвало подозрений. А ты стал отставать от графика... мы это специально для тебя разработали! Сначала ты берешь вот этих и баста! Уж легче... Ну их точно надо... они из своих... Эти мои... Вот молодец... моих тоже надо... Я вот сколько с тобой вожусь... Вся жизнь тобой занимаюсь... А этих нерусских можешь не брать вообще... они нам никто... или только после нас... Только если сам захочешь... А это Деликата. Их тоже надо. Ты же понимаешь... Он тебе как брат уже стал... ты сам говоришь, что он один тут в тюрьме нормальный... Вот ты его слушай и сразу все подписывай... все подписывай в свой срок и выбивай своим жизнь... вот и молодец. И стоило себя так мучать... А это ты решил умереть... Ой тут мы испугались не на шутку... тебе умереть нельзя ну никак... А это ты в смирительной рубашке...

— А это фото твоей камеры, когда тебе единственное окно залили бетоном... А вот фото, где мы заложили тебе дверь, оставили только маленькую щелочку. А это ты бьешься головой о стенку! Эдам, остановись!

— Это мы с тобой играем в карты после всех твоих вовремя пописанных признаний... Да, мы тут теперь все так говорим. Сложными предложениями... Чтобы твой мозг тренировать... Это ты решил устроить побег... подкоп роешь... Какие сложные предложения могут быть?.. Эдам, ну тебе, конечно, все подыграли... Ну куда мы тебя отпустим... Ты посмотри на себя.. конечно, никто тебя никуда не выпустит... Но если ты хочешь идти с опережением плана, то хорошо... А это ты сдуру подписал вину сразу за все года и все страны и решил спокойно умереть... мы, конечно, храним твое признание.. Но нет, тебе лучше сидеть и подтверждать нам это каждый раз... Подписывать правильные показания. Выбирать правильных свидетелей... Но мы будем хранить твои показания... На всякий случай...

— Ну вот опять ты сбежал... Мы подыграем тебе и во второй раз... Но раз ты несчастен, мы тебе и перестрелку устроили... Я понимаю, надо иногда и побегу устраивать.. Чтобы нам не скучно было... Но это последний... ты посмотри, быстрый какой... Только и лови тебя. То здесь, то там...

— А это ты забыл, как тебя зовут, Эдам...

— А жена теперь ни-ни... Мы будем следить... чтобы ты не расстраивался лишней раз... Хранить ее верность для тебя... И навещает тебя... И секс вам устраиваем... И шлюх тебе водить будем, ты не переживай... И Мэри приведем... А это она уснула у тебя под камерой... А это вы вдвоем плачете... Хорошая она у тебя женщина... А вот ваша дочка... На тебя похожа! Это она так хотела... А вот твоя Мэри в старости около вашего дома... Мы тебя не выпустим, Эдам, не можем, правда... Но я так и быть, с тобой туда к ней съезжу... А вот вы вместе с ней, как дедушка с бабушкой... Как बहुत столько лет вместе прожили... Для дочери фотографии... А это она опять плачет и отпускать тебя не хочет... И плачет у вашего забора на дорожке... А к Морген ты сам ехать не захотел... Ты, главное, все подписывай вовремя, а цирк мы тебе устроим все по пунктам. Как ты сейчас захочешь... мы всегда открыты диалогу, Эдам... И детям ничего не скажем до поры до времени... А потом придется, поверь... так лучше... лучше им все знать... Но к Морген ты все таки поехал... И правильно... А то нехорошо как-то... Она-то законная жена... И с тобой не развелась! А вот и с Морген фотка у вашего домика.... Только ты все морду отворачиваешь и в сторону смотришь... И плюешься!.. Ну ради ваших мальчиков... Эдам, ну будь мудрее и плакать не надо, прощаясь и Мэри вспоминая... Да не Мэри, а Энн, ее же Энн зовут. Когда же это я запомню?

— Ну и что ты расстраиваешься? Говоришь, что ты своей Мэри совсем не нужен? Очень даже нужен! Где она еще такого найдет? Ты ее и с панели снял и содержишь! Она вон в богатстве живет! И дочка у вас какая! Да какие мужики! Ей уже мужики вот где! Не то, что твоей Морген, кстати! Но мы следим, Эдам, следим и блюдем твою честь!

— Так ты хочешь просто хорошо выглядеть перед своими — ты прямо скажи мне Эдам! Все мы по пунктам реализуем! Тебе за себя стыдно

не будет... Они поймут, ты не сможешь иначе... Вот сделали бы их козлами отпущения, я бы на них посмотрел... Они все понимают, Эдам, поверь мне!

— А этот ты на порке, как Иисус Христос... Тебя высекает плеткой палач... А Деликат тебе раны мажет мазью... с пчелиным воском, твоей любимой. Кстати... Сколько раз ты негров так порол... А это ты на дереве, как дети рабы эти несчастные... Ну наконец-то ты начал понимать рабов! Бедных деток в рабстве! Чтобы ты понял, какого это детям в рабстве! А ты декларацию подписал! Именно ты подписал!

— А там и правда, летают машины... Но это будет уже совсем не скоро...

— Эдам, мы всю жизнь будем помогать твоей жене, твоей Мэри, тьфу, Энн, и Морген... твоим детям и внукам...

— Тьфу, да что я тут разглагольствую... Подписывай и все тут! Ты думаешь, ты один людей мучать и убивать умеешь? А мы чем хуже? Мы тоже так можем! Вот я на тебя с ножом...

— Эдам, ты нас пойми, или ты, или никто. Мы узнавали. Мы не можем иначе. Другого козла у нас не будет и баста! Другого у нас просто не примут!

— Эдам, я тоже пытался искать вместо себя другого козла. Но нет, не получилось. Его не приняли. Только ты, Эдам! Ты и никто, кроме тебя! Ты для нас единственный козел и другого не будет!

— Эдам, мы честно пытались найти другого «козла»! Но только ты один, Эдам, нам подходишь! Других козлов быть не может и все тут! И не надо мне предлагать твоих маньяков и убийц! Твоих чекотил! Они не связаны с работорговлей, как ты! И не надо марать им руки в работорговле! Все равно они не подойдут, Эдам! Это ты. Эдам, главный по работорговле! Только ты, Эдам! Только ты! Нет, Эдам, только ты, он не подходит! Ну и что, что он убил больше десяти человек и расчленил! Его Казахстан не принял, а это главное! Нам в принципе все равно, на кого скидывать твои преступления, Эдам. А они твои! Они все твои! Вот ты мне из далекого 2048 года передаешь, чтобы я скидывал на тебя все и не стеснялся! Ой, это не ты! Это твой палач! А из 2058 уже ты сам мне передаешь скидывать все! Это уже точно ты! Я верю своему оракулу! У тебя появился конкурент. Он тоже хочет взять на себя нашу вину за деньги! Не бесплатно, конечно! А у тебя дети, Эдам! И внуки! И все богачи! Мы их сохраним до конца твоих... тьфу... их дней! То есть Эдам, ты нам родненький... И не отвертеться тебе никак!

— С другой стороны уже не надо сюда других мешать!

— Когда у тебя, Эдам, появился конкурент, ты пригорюнился! Нет, Эдам, это должен быть ты и только ты! У нас даже земля в Казахстане сильнее поднялась и повисла, когда за наши преступления посадили не тебя! А фирменного маньяка и убийцу, чекотилу. Нет, Эдам, мы не можем пойти против земли! Только ты, Эдам, сядешь за всех нас. и других мы не примем! И не благодари. Эдам! Я тебе друг! Я только тебе разрешу нашу вину взять на себя! И прямо сейчас это подпишу! И не надо опять меня бить,

Эдам... Вон какой ты радостный в будущем, что я сейчас это подписываю! Ты готов целовать землю, тьфу, асфальт, по которому я хожу! Ой, или это не ты Эдам, а твой палач! Ой, нет, это ты. Эдам, собственной персоны. Видишь, вот твой фирменный знак... Это ты! Видишь, как мы о тебе заботимся! И не благодари всех нас, Эдам, не благодари! Только ты сядешь все наши преступления! И не надо идти на меня с ножом опять... Ой-ой-ой... ты мне еще будешь благодарен!

— Ты один сядешь за нас всех! И не благодари! Да! Не благодари, Эдам! Хочешь, мы и жену твою второй раз замуж выдадим? Мы даже найдем, кто ее, такую, возьмет! Не хочешь? Ну и ладно!

— Эдам, ты пойми нас. Ты не один такой желающий сесть за нас всех! Таким козлами, как ты, тюрьма полнится! Ты посмотри, что мы тебе предлагаем и не отказывайся сразу! Смотри! Пожизненное содержание жене и детям! И Мэри твоей ненаглядной! Дома — всем! Образование — всем! Мы их и на работу пристроим! И семьями обеспечим! И тебя навещать будут... редко правда. По праздникам! Но все же... ты не отказывайся так сразу... А то твое место легко занять! Блин, опять земля поднялась.. Нет, Эдам, только ты и ты один! Нет! Нет-нет-нет! И еще раз нет! Только ты один наш святой человек... тьфу, козел!!!

— Сейчас ты зол, Эдам, а в будущем ты доволен! Даже не знаю, как с тобой быть! Посмотрим на землю... В общем, не благодари... Мы — люди будущего прежде всего. Дай-ка я обнимусь с Деликатом!

— Так в конце жизни ты скажешь, что лучшее, что ты сделал в жизни — это сел за нас всех! Вот, это ты мне из 2061 года передаешь! Представляешь, сколько ты жить будешь! Так тебя и дети, и внуки навещать будут! Редко правда. Но будут! Это чтобы ты рабство не думал вернуть... Ты ж хочешь вернуть рабство — вот поэтому! Все поэтому, Эдам! Как ты не понимаешь? Ты подпиши, что хочешь вернуть рабство повсеместно! По всему миру! Вот! Вот и молодец, это главное, что ты подписал. Эту бумагу... Все! Твоя участь решена... И плаха рухнула над твоей головой, но это тебе знать не надо!.. Но это ты поймешь только через долгие двадцать лет...

— И дети у тебя есть, и внуки будут! Мы позаботимся! И жить они будут в богатстве! Обещаем! Клянемся! И здоровый ты будешь долго... и долго жить будешь... правда, в нашей тюрьме. Но тебе, Эдам, нормально! Лучше многих Эдам, поживешь! И на воле ты пожил лучше многих... И грешил много... Людей наувивал... Грех тебе жаловаться, Эдам...

— Эдам, ты такой козел! Всем козлам козел!

— Эдам, ты пойми, если скидывать на тебя все преступления, то это ВСЕ преступления. Всю работорговлю за все времена. По-другому нам никак! Ну никак. Понимаешь? Нам надо скинуть на тебя все! Чтобы ты, Эдам, все подписал. Выбил себе и детям (каким детям? — будущим!) хорошую жизнь, и дом, и образование, и работу потом! Он отвлекал внимания от налаживания связей по Калашниковым. Эдам не промах, все выбил. Все

подписал... Пока подписывал, никто ему негритосиков косить не мешал... Делали вид, что ничего не замечаем...

— Эдам, ты нам нужен живой и здоровый! Мы его и лечим, о нем и заботимся... Уже глаз выбили, чтобы ты никого не перепутал... чтобы твоим опознаниям верить только наполовину. Видишь, как заботятся о козлах! Байсек написал заявление в полицию, что Эдам Хейсонд организовывал работоторговлю с 1980 года, а до этого его отчим... Байсек воровал, а Эдам руководил... Заявление заморозили до лучших времен...

— Эдам, ты не понимаешь! Святые козлы должны быть на себя нашу вину. Ты должен пострадать за всех нас! Эдам, ты святой козел! Ты не можешь не подписать признание!

— Эдам как идол в Америке. Можно все. А что он творит? И правила никакие не соблюдает! И поэтому у него и проблемы. Мавра убил. В звезду влез!

— Старый — и такой козел тоже хорошо! Ты козлами не разбрасывайся! Такие козлы на вес золота! Ого-го какой ты, Эдам, тяжелый! Ты наше золото... Пойди-покакай, легче станешь!

— Мы должны скинуть все на Эдама! У нас дети в рабстве, и мы за них платим. А мы можем их вернуть и не платить! И золото не возвращать! А мы сидим и ждем! И сомневаемся! Жалеем бедного Эдама! И совесть нас мучает! Как же Эдам сядет за нас всех! Какие мы все совестливые, блин!

— Пойдем на экскурсию, Эдам. Как куда? Куда? Нет, не в музей. Ты не угадал! Какой музей, Эдам! Ну какой тебе музей, Эдам. Какой музей... куда с тобой в музей.. Тебя же за преступления против человечества не пустят... И в церковь не ходи... не позорься... Конечно же в... тюрьму! Куда еще с тобой ходить? Ты посмотри на себя в мое зеркало... Ты посмотри на камеры, Эдам. Ты какую себе выбираешь. Ты подумай хорошенько... Я попробую ее тебе пробить... У нас в тюрьмах не так уж и плохо. В Америке конечно лучше... Но там ты не жилец. Зато у нас... Долгожитель... Как по-другу себе выбираешь?.. Тебе с ней навсегда!

— Ты выбери себе камеру. Смотри внимательно. И не попал. Посмотри еще раз... Вот эта камера будет твоей! Твоей навсегда! Знакомься! Какая встреча! Запомни. Подружись с ней! Вам с ней вместе состарится! Вместе до конца дней! Твоих дней! Можно сказать, она твоя вторая половина! Как жена, Эдам! Даже главнее... Она точно навсегда, а жена не факт... В моем случае, точно! Она навечно твоя! До конца твоих дней! Долгих дней. Эдам! Долгих дней... А туда не смотри. Это камера пыток, Эдам. Тоже твоя... Не смотри, не расстраивайся!

— Эдам, мы не можем выпускать таких, как ты! Камера тебя не выпустит, посмотришь! Я же сказал! Это преступление против человечества, выпустить таких, как ты! Даже тюрьма сама тебя закрыла...

— Эдам, тюрьма тебе рада! Она тебя не отдаст... Ты пойми, мы не можем тебя отсюда выпустить... Это преступление против человечества! Все-

го человечества! Да, что я тебе объясняю, сиди тут и все! Еще с тобой разглагольствовать! Вот, и закрыл я Эдама в тюрьме и все тут!

– Эдаму нормально хоть в России посидеть, раз в Америке посадить не могут. Не садят таких в Америке, и все тут!

– Блин, Эдама через пять дней выпустили. Никуда не делись... Очнулись! Тюрьма, правда, горько плакала...

– Эдам! Эдам, Эдам. Эдам... ты такой ценный козел... тебя принимает тюрьма... Тюрьма, когда ты сидишь, расцветает и покрывается цветочками. Цветет и пахнет, можно сказать! Тебя, как козла, принимает Америка. Вся Америка рада тебе в тюрьме в России и не примет тебя обратно! Даже весь Казахстан тебя принимает... Я уже не говорю о России, вся Россия рада на тебя работорговлю скинуть... Полкарты мира рады тебе, козлу... Хотя нет. Вся! Вся карта мира! Ты добавь сюда и Европу, куда ты отвез контакты работорговцев. И всю Африку, и Латинскую Америку. Так весь мир рад тебе – святому козлу! Эдам, ты всему миру насолил! С твоими декларациями рабства, подписанными кровью, тебя все хотят посадить... Один ты, Эдам, недоволен... Так нельзя, Эдам. Надо быть с большинством! Со всем миром!

– Один Эдам ты такой идиот, это подпишешь... Кто ж такие декларации рабства подписывает и хвастается этим!

– Эдам, мы тебя себе купили с потрохами из-за детей. Потенцию тебе сделали, детей тоже сделаем... Ты верь нам! Ты наш святой козел... Ты нам родненький!

– Эдам, ты пойми, мы не можем сесть в тюрьму, вот нас сколько... А ты один. На нас и тюрем не хватит! Ты нам родненький... Там и тюрьма для тебя светлая... Ждет тебя. Не дождется... Твоя родненькая...

– Эдам, ты нас не понимаешь. Нам надо на тебя скинуть все! Не десятка два, а всех! Все двести тридцать! Или даже больше... У нас люди недовольны. Или всех, или никого! У нас люди не поймут... У нас равенство и братство! Тебе все равно, а нам приятно!

– Вон даже другие страны прибежали на тебя все скидывать. На тебя можно. А на других козлов нельзя! Только тебя принимает и Казахстан, и весь мир! Даже самый жестокий маньяк-убийца не так нам хорош, как ты. Это все твоя декларация рабства и тезис, что раб должен быть унижен... Это все она, наша родимая декларация. Ой, дай я даже поцелую ее родненькую! Если бы не она, не было бы у нас такого святого козла!

– Америка святость козла гарантировала. Американцы тебе не рады.. Они положили тебя на алтарь рабства в России. Ты святой козел. Тебе в тюрьме и место...

– Америка нам передала, вот письмо прислали: «Нам не нужен Эдам Хейсонд! Сажайте его до конца дней! Нам наши негрятя важнее... Сейчас с убийствами негрятят и так много проблем! А с мавром вообще! Кем ты себя, Эдам, возомнил... А рабство уже изживает себя...» Да, ты прав, это

не твои писали, это я сам... Ой, не надо так больно руку выкручивать! Ой-Ой-ой! Больно же!

– Вот тебе список, Эдам. Ты выучи, кого и когда ты воровал, чтобы не путаться... Правда, список большой получился, но ты постарайся... Не путайся, пожалуйста! Мне вот Байсек его передал... Здесь, по-моему, все дети России...

– Хотя бы юридически у нас есть козел отпущения.

– И не вздумай отказываться от своих показаний, Эдам, никогда! И не благодари потом!

– Эдам – святой козел! Какой Эдам Хейсонд козел! Вот козел так козел! Таких бы козлов побольше! И нам всем на свете лучше и легче жилось!

– Эдам – ты святой козел! Ты пойми... Тебя принесли нам в жертву, положили на алтарь нашего рабства. Наша работорговля требует таких святых козлов, как ты.

– Эдам, ты святая простота! Ты что это наподписывал! Они же это все хранят и множат! Деликаты и я! И все в полицию несут...

– Эдам – ты один такой! Мы не можем сесть все за то, что делали! Ты нас пойми! Сколько нас много! И так в каждом городе! И столько лет! Проще посадить тебя одного за то, что делали мы все! Ты должен взять на себя нашу вину, чтобы мы спали спокойно! Правильно, выпей за здоровый, спокойный сон русских! Работорговцев и полицейских, конечно! Вот видишь, думаю, что мы сработаемся!.. Ты бы на нашем месте поступил точно также! Ты нас пойми, Эдам! Ты один такой... мы не можем иначе! У нас один шанс скинуть на тебя все и другого шанса не будет! Ты пойми нас! Мы не можем иначе! Или ты, или никто! Другого шанса жизнь может и не дать! Другого козла... Другого козла у нас точно не будет! Тут правила такие... Один козел и все! Баста! Такие козлы, как ты, так редки! Ты не понимаешь нас, Эдам! Да что мы оправдываемся! Делаем все как надо! И дело с концом... то есть с козлом... Тьфу! Пойду и дальше собирать против тебя доказательства, да так, чтобы не отвертеться! Чтобы не придраться! Чтобы все поверили. Этого козла принимали все! И земля, и небо, и народ! И Казахстан! И Россия, и Америка! Только один человек сопротивляется – сам Эдам!

– Эдам, это надо нам всем и тебе в том числе! Ты потом поймешь! Лучше ты посидишь у нас! В Америке ты все равно не сядешь! Там тебя нормально посадить не могут! А если мы перестанем тебя опекать, тебя таблетками и убить могут! Ты пока под нашей протекцией! Дорожи этим! Потом поймешь...

– Да за что оправдываться! Сажайся и все! Пиши чистосердечное признание и дело с концом!

– Пересиль себя и подпиши чистосердечное! Лучше сейчас, чем потом!

– Всей нацией ходили-собирали доказательства, что ты один виноват! Мы так старались все скинуть на тебя!

– Ой, ой, Эдам, ты такой козел, такой козел. Эдам! Стыд и срам, Эдам! Стыд и срам! Что ты не можешь этого подписать!

– Эдам, ты нам родненький! Эдам – ты наше все! Тебя не заменить никем. Вот, тебя и земля приняла! Она прям расцветает, как только тебя посадят! Ты и не заметишь, тебе столько за Калашниковых сидеть! Тебе все равно, а нам приятно! Тебе жалко, что ли? У нас дети в плену! Напиши чистосердечное признание, что ты главный организатор операций по работорговле по всей Руси с 1985 года! Или еще лучше с 1980, скажем, ты ранний преступник, умный, значит! А до этого твой отец... или дядя... Эдам, ты все отказываешься! Ну ты и козел, Эдам! Ну ты и козел! ... Козел... отпущения... Эдам, ты сядешь правильно. За контрабанду и работорговлю! И не сопротивляйся! А потом мы поговорим...

– Эдам один сидит за то, что сделала целая нация! Целая нация воровала детей. Эдам один сел... Какая удача... Эдам Хейсонд... Ты мой кумир! Ты наш Иисус Христос. Как ты и хотел! Ты спасаешь нас всех от уголовного кодекса!

– Вот так продвигать рабство в массы!

– Только не сопротивляйся, Эдам!

– Эдам, у нас дети в рабстве – имей совесть!

– Если бы не дети в рабстве, Эдам! Если бы не дети! Тебе бы так с нами не повезло! Но у нас дети, Эдам, и мы за детей!

– Надо быть идиотом, чтобы купится на контрабанду Калашниковых. Таким, как ты, Эдам! Но нет, ты не идиот! Ты козел!

– Эдам, смирись! Сдавайся! Эдам, ты не победишь нас всех!

– Эдам, и тебе не стыдно? У нас дети в рабстве! Подпиши признание, что ты берешь на себя ответственность за всю работорговлю. Главное, не возвращать золото. Я каждый день хожу за тобой по пятам и уговариваю! Эдам, у тебя совесть есть? Будь человеком! Подпиши признание сразу! Это облегчит твою участь... Явка с повинной... Меньше дадут срок...

– Это же не страна, это же песня!

– Не мы такие, Эдам, жизнь такая!

– Эдам, у нас даже Наполеон в России пропал и проигрался! А ты даже не Наполеон!

– Эдам, тебе даже в Америке не рады. Вот какой ты хороший! Они тебя обратно не примут... даже самолеты из-за тебя разворачивают и рейсы отменяют... А мы тебе всегда рады... в тюрьме, конечно... за нас всех!

– Америка тебе, Эдам, не рада и тебя обратно не ждет... поверь мне, здесь тебе будет лучше...

– Эдам, ты подпиши, что протянул писателя через работорговлю и сделал ключевым свидетелем ради искусства, ради литературы и книг, а потом ради фильмов по этим книгам! Вот и молодец! Уже лучше!

– Эдам, я в тебя уже столько денег вложил, ты от меня так просто не отделаешься! Я и дальше тобой заниматься буду! На то ты и святой козел, чтобы сесть за нас всех!

- Эдам, на то ты и фелисита, чтобы сесть за нас всех! Тем более, что будешь проштрафившимся фелиситой...
- Слава Отцу и Сыну и Святому козлу, Эдаму Хейсонду! И низкий поклон!
- Слава Отцу и Сыну и Эдаму Хейсонду! Аминь!!!

Мозговой штурм

– Неужели Эдам останется безнаказанным за то, что сделали мы все!

– Как же Эдам сядет за нас всех! Бедный Эдам!

– Надо быть идиотами, чтобы все не скинуть на Эдама Хейсонда. Ну да, мы идиоты! Нам жалко бедного Эдама, убийцу, насильника, каннибала, маньяка и наркоторговца! Бедный Эдам! Мы альтруисты! Эдам, ты что! Мы не можем тебя посадить за то, что сделали мы все! Мы сами сядем, но никогда тебя не посадим! Нам тебя жалко, Эдам! Мы сядем сами за себя, но Эдама не посадим никогда! Мы за справедливость!

Русские даже устраивали мозговой штурм «Почему Эдам Хейсонд не может сесть за нас всех?» И работали с возражениями.

– Я богобоязненный человек и не хочу посадить невиновного, то есть Эдама – Но Эдам такое чудовище, что его вообще не жалко...

– Я человек богобоязливый и боюсь ада – Об этом надо было думать раньше, до продажи детей в рабство...

– Я не хочу в тюрьму – Тогда за мою работорговлю надо посадить Эдама...

Я идиот! Я не могу посадить Эдама Хейсонда за то, что сделал сам! Но...

Во-первых, Эдам и так в пушку, а мы нет.

Во-вторых, он уже преступник и злодей, а мы нет. В большинстве своем.

В-третьих, он итак влез в работорговлю нашими детьми... И не прищемим мы ему нос, он бы хватал наших детей на улицах и оптом кидал их к границе... Но это наши дети. И мы сами продаем их в рабство. А потом будем возвращать. Если будем, конечно. Если удастся. И платить за это! И просить легализовать золото за них!

В-четвертых, он итак связан с работорговлей, его род занимается работорговлей уже почти век, и именно он рулит этим процессом из Америки, мало что за это получая... Так они занимаются благотворительностью... Именно он стоит за работорговлей в России. Так что он виноват не меньше многих... А то и больше! Он как иконостас для казахстанских работорговцев. А теперь и для нас!

В-пятых (и это самое главное), Эдама и только его принимает земля и Казахстан.

Деликатны работали с возражениями по-современному:

– Я сяду за себя сам, но не посажу Эдама за себя никогда! Вот такой я честный идиот!

– Но я не обязан сидеть за себя сам, раз никто ничего доказать не может!

— А Эдама и так посадят в тюрьму за контрабанду Калашниковых! Так почему ему не взять и мое преступление, если он все равно сядет до конца своих дней!

— Правильно! Пусть берет мое преступление! И я не виноват, что обстоятельства так складываются, что легче за меня отсидеть Эдаму, чем доказать мою виновность!

— Я согласен, что за меня отсидит Эдам Хейсонд! Я не против! — И Деликат собрал подписи всех работорговцев России: — Вот и я думаю, идиоты мы или нет! Надеюсь, что все-таки нет!

— Мы можем скинуть все на фелиситу без зазрений совести! И никаких зазрений! Никаких!

— А как он, простите, насильовал негритянок? Он же импотент?

— Он вибраторами...

— Надо быть идиотами, чтобы не посадить Эдама за то, что делали мы все. А мы не идиоты! Мы не идиоты! И подчеркните частицу «не». Мы не можем сесть за то, что мы сделали! Мы посадим за это Эдама!

И отвечали на вопросы: — А из других регионов можно скидывать преступления на Эдама? — Если сможете притянуть так, чтобы не прикопаться...

— Итак, надо быть идиотами, чтобы не посадить Эдама за то, что делаем мы все! Нам дан святой козел и грех этим не воспользоваться! Наша работорговля требует жертв, святых козлов! И это Эдам Хейсонд!

— Эдама не посадить за наши грехи — это просто грех! Да! И Бог нам этого не простит! И тюрьма тоже! И прокурор! Мы идем легким путем! Легким — скинуть все на Эдама! И все! Легким и единственно правильным!

В аэропорту

Четырнадцатого июля летние американцы уезжали. День отъезда американцев был пасмурный. Они в аэропорт ехали сами. И мы, провожающие, сами группками добирались до аэропорта и встречались с ними уже там. Я добиралась с Сашей, Ясей, Аней Петрилиной и голубоглазой блондинкой Полиной.

Яся придумала провожать американцев сушками — у нее всегда было много креативных идей.

Скинулись на сушки — они? как и все, что дарила Яся, было копеечным. Яся привезла сушки в пакетиках. С меня денег не брали. Я и так растратилась на икону Джейку. Некоторые ожерелья из сушек Яся привезла из дома. Некоторые докупила по дороге.

Яся привезла розовые и желтые атласные ленточки, и мы открывали пакетики с сушками и нанизывали их у универа — делали ожерелья. Нанизали быстро. Сушки были разного вида, малютки, ванильные, с маком, покрытые сахаром. Мы сейчас делали ожерелья из сушек с маком и покрытых сахаром. Сначала надели ожерелья из сушек себе на шею. Мак осыпался, а сахар пачкался. В аэропорту собирались переодеть их на американцев, подарив им. Сушки-малютки полностью покрывали ленточки, а крупных сушек не хватало, и они висели до половины ленточек, обнажая розовый или желтый атлас. Пока сушки с сахаром надели на Сашу, а с маком на Ясю, ожерелье их сушек-малюток на меня. Остальные сложили в пакет.

Самые красивые ожерелья были из сушек-малюток. Они были полные — полностью покрывали атласные блестящие ленточки.

Саша сначала решил, что сушки — это муляж и даже попробовал одну отгрызть, а когда она оказалась съедобной, очень удивился и обрадовался. — О. сушки съедобные, — и отъел с ленточки еще одну.

— Конечно! Знаешь, сколько муляж стоит, и где его искать и делать! — сказала практичная Яся.

— Какая ты прошаренная!

Мы от университета ехали вчетвером, сели на маршрутку до аэропорта. Маршрутка тоже была веселая, висели листочки с надписями. Водитель был большой шутник: «Тише скажешь — дальше проедешь», «Двадцать минут страха, и вы дома. Стоимость аттракциона — 7 рублей».

Саша ходил, как с козлиной, темной необычной бородкой на подбородке — у него была небольшая борода только на подбородке и не было усов. Сашина козлиная бородка на подбородке олицетворяла наших американцев — святых козлов отпущения.

По пути в аэропорт Саша сидел с философским, немного поэтическим выражением лица — козлов провожаем...

Яся сегодня изменила своим фирменным синим капри и топу качелями. Она была в бордовой кофте с вырезом капелькой и короткой юбке в складочку в мелкую красно-сине-желтую клетку. Похожую юбку-брюки сшила мне мама. А когда я из нее выросла, ее передали Маше, моей подруге-свидетельнице, во Львов. По этой моей юбке Али Рашид недавно нашел Машу...

В аэропорт отдельно приехали Аня, Оксана, Миша, Наташа и Оля Горбатова. Миша приехал в аэропорт последним, мы его немного подождали.

Сфотографировались у здания международных авиалиний — у желтого двухэтажного здания в стиле административных. Встретили остальных. Аня привезла балалайку, простенькую, и голову лошадки на палке, палку-каталку — их всучили мне — провожали американцев чисто русскими атрибутами. Мои льняные штаны сильно вытянулись, и я практические наступала себе на низ брюк каблукками.

Из наших американцев еще никто не прошел паспортный контроль...

Эдам не провожал летних американцев в аэропорту — решил лишний раз не светиться поле неудачной перестрелки. Наши американцы уже сидели в зале ожидания. Они обрадовались, увидев нас. Им надо было сыграть хороший спектакль для работников аэропорта, чтобы их, контрабандистов оружия, преступников и убийц, все-таки выпустили из страны.

— Oh, Jasya and Arina. So glad to see you!¹ — К нам подбежала Анна и остальные девчонки, и они сразу стали обниматься. Американцы сидели с чемоданами. До их вылета оставалось более часа. За нами внимательно наблюдали работники аэропорта.

— This is something for you...² — плохо говорящая на английском Яся выучила несколько фраз. И мы сразу же стали вешать американцам сушки на шею. Сушки с сахаром достались Райли и Келвину-Джошу, с маком — Элен. Келвину-Джошу мы надели засахаренные сушки на желтой ленточке, чем испачкали его небесно-голубую майку, но кто в такой момент обращал на это внимание — Келвин-Джош точно не обращал. Я надела ожерелье из сушек Джейку на шею. Он тут же передел свое ожерелье из сушек-малюток через плечо.

А в это время в больнице умирал от огнестрела Анны генеральский сын. Анна его серьезно ранила, она думала, что у него сквозной огнестрел. Но пуля надежно сидела в теле подстреленного ею полицейского. Пулю пришлось достать, у него началось сильное кровотечение, которое никак не останавливалось. Анна «через ветер» общалась с врачом полицейского и давала ей указания — Анна ведь тоже училась на медицинском и готови-

¹ — О, Яся и Арина! Так рады увидеть вас!

² — У нас есть что-то для вас...

лась стать врачом-хирургом. Генеральский сын умирал от кровотечения... И американцы боялись, что их теперь вообще не выпустят из страны... И американцев держали в аэропорту... думали, выпускать или нет... Генерал, конечно, был в пушку. Часто отмазывал много работарговцев, и в итоге сына хоронил...

Всегда улыбающаяся Аня Петрилина подошла к Джейку с подарком. Она дарила подарок при мне, обязательно чтобы я видела:

— I have something for you!

— Another present! Oh...¹

Джейку дарили только карманные иконы Женя Снисарь и Таня. Мило улыбающаяся Аня, наша постоянная спутница, тоже решила подарить ему икону средних размеров в оберточной бумаге, тоже квадратную, в желтой рамке. Правда, меньше, чем моя. Икону Божьей матери. Джейк теперь запомнил, что книги прямоугольные, а подарочные иконы квадратные.

— Thank you!

Джейк был равнодушен... На меня он смотрел строго и отстраненно... Он был отвергнут...

— Do you promise to dig deeper? — опять напоследок спросила у меня Сулгвин, нырнув правой рукой вбок. Подколола ли она меня опять? Я так и не поняла, было ли что-то пошлое в этом выражении.

— Of course I do...²

У американок из сумок торчали карманные Библии.

Американцы поставили чемоданы, рюкзаки на пол, мы виделись и сфотографировались в последний раз. На фото на мой фотик Джейк как обычно странно прищуривал один глаз и сильно выворачивал пальцы, большой и указательный. И опять не снимал с головы солнечных очков.

Келвин-Джош на фото прятал руки. В своем глубоком кармане шорт он вывозил игрушечный автомат, показывая таможенникам, что контрабанда прошла удачно. Он был в голубой футболке, асфальтово-серых шортах по колено и коричневых сандалях на высокой подошве.

Сулгвин тоже ходила с сахарным ожерельем. Саша загнал американцев на общее фото со словами: — Козлов ведут! Козлов пропускаем вперед! — Но никто из летников не знал русский. Саша все бегал на заднем плане, сильно растопырив руки и сделав злое лицо.

Полицейские уже давно подписали, сколько и чьих преступлений они скинут на американцев, особенно много на Элен и Анну, не считая Эдама, на которого решили скинуть всю работарговлю... Все преступники скинули на Эдама по два своих самых серьезных преступления, как на святого козла... Но это будет в силе, только если Эдама посадят в России...

¹ — У меня есть что-то для тебя! — Еще один подарок! О...

² — Ты обещаешь копать глубже? — Да, конечно...

Райли снял свое ожерелье из сушек. Оно слишком пачкало ему футболку. Келвин-Джош решил свое пачкающееся ожерелье не снимать...

Полицейский, с которым общался и сотрудничал Райли, подарил ему вещи, одежду... И Райли увозил с собой пакетик русских вещей...

Мы делали прощальные снимки на память. Джейк сильно прижал меня к себе, сильнее, чем предполагала ситуация, как будто мы вместе, как будто я его... Как будто хотел напоследок разбудить во мне еще спящую чувственность. Я ощутила тепло его сильного тела и дыхания, свежий запах его кожи... Это было прощальное объятие.

Я даже на одном фото повернулась к Джейку и прислонила к нему согнутую в колене правую ногу...

Все переживали... Анна подстрелила полицейского — она его сильно ранила, а он был теперь в больнице в плохом состоянии. Все гадали, умрет он или нет...

Мы остались с американцами в зале ожидания. Американцы по одному подходили к паспортному контролю, ставили свои чемоданы и рюкзаки на рентгено-телевизионный интроскоп. Им просвечивали содержимое сумок, проверяли документы. Они проходили ворота с металлодетектором. Их также проверяли ручными металлоискателями. И так один за одним американцы оказывались по ту сторону контроля.... У Келвина-Джоша на груди был личный пистолет, на который у него, конечно же, было разрешение.

Но Келвина-Джоша долго не пропускали... У него в ноге был железный болт в ступне, как у многих «оружейников» — так «метили» оружейных баронов после первых операций. И он не мог пройти... Он показывал свою справку, но справка имела странный вид... И... его не пропускали... Он долго ругался на контроле, минут пятнадцать, несколько раз проходил через ворота с поднятыми руками, доставая все из карманов... показывал справку и ее заверенный перевод.

Сегодня Келвин-Джош был с накладным носом, а нос его был живой... И у Келвина были проблемы с носом. И тут заканчивается технологический двадцать первый век, и начинается средневековая сказка...

Нос

Келвин-Джош носил накладные носы. И привез с собой пару накладных, чтобы его сложнее было идентифицировать, один мертвый, другой живой. Настоящий нос Келвина-Джоша был маленький и острый — на таких носках накладные носы хорошо держались.

В аэропорт не имеешь права надеть неживой нос. Келвин-Джош и договорился, чтобы его ранили посерьезнее, чтобы не быть никак замешанным в «подстреле» генеральского отпрыска.

Работник контроля принес Келвину-Джошу нос и говорит: — Надевай нос и все! Посмотрим, как наши носы ведут себя на таких контрабандистах, как ты! Марина Шайн — она наша Марина. А ты нет! Мы с ней еще разберемся, что делать! За нее еще заплатят, а ты уедешь, и поминай, как звали...

Заранее он налил оживляющей жидкости на нос, обучил, потом налил в нос воды, чтобы нос мог плакать и хрюкать. Собственный накладной нос Келвина-Джоша был послушным. А этот нос ему дал работник аэропорта, и этот нос его совсем не слушался...

Одел Келвин-Джош наш нос. А нос то вкривь, то вкось на его лице. Никак Келвин-Джош не похож на фотографию в чужом паспорте...

Стоит, значит, Келвин-Джош на контроле и вдруг... хрюкает... — Хрю-хрю... — И стал нос на Келвине-Джоше как пяточок. Ну никак не похож нос на фотографию. Это нос корки мочит. Внимательно посмотрела на него работник паспортного контроля:

— Ну хорошо, давайте сравним вас с фотографией, — сказала ему проверяющая. А тут нос как взял и отвалился! Келвин-Джош нос вовремя схватил и стал держать его руками.

— Уберите, пожалуйста, руки от лица, — сказала ему проверяющая. — Чтобы я смогла сверить вас с фото. — Келвин только начал шептать что-то носу... и убрал руки... Нос тут же отвалился на пол и побежал от Келвина-Джоша. Нос по полу бегает. Келвин его ловит...

Потом его русский накладной нос опять отваливался по требованию. Не пропускает его паспортный контроль и все тут! Келвин-Джош схватил накладной русский нос и стал его поправлять, пошел в туалет приклеивать... Взял с собой суперклей. Клей ПВА еще нормально, канцелярский клей уже хуже, но еще куда ни шло. Но суперклей — это совсем жестко. Потом отдирать с мясом.

Заходим в туалет — а там Келвин-Джош с носом разговаривает... Сидит, нос заговаривает. Потом с носом ругается! Пришел Саша Янченко — сидят теперь вместе с носом беседуют! Стал Келвин-Джош в туалете уговаривать нос, сначала на английском, а потом на русском по бумажке с лати-

ницей. Стал Саша Янченко ему переводить. А нос ни в какую! — Не встану на место и все тут! Ходи с кривым... Ты контрабандист и хулиган!

Вот и отец Келвина-Джоша с хвостом в сапогах-скороходах с таймером пришагал из Америки сына из России забирать... Дальше аэропорта он не выходил... Забирать сына и договариваться с его носом...

— Живой, руки-ноги на месте?

— Пап, звезду дали? — спросил у отца Кевин.

— Дали, дали, мой мальчик... Все дадут, Стивен подтвердил...

— Хорошо, — Келвин-Джош больше ничего не сказал, только прикрыл глаза... Папа приехал за сыном, знал, куда его отправляет...

А работник контроля все думал, глядя на них: «В Россию в этом году отправляли тех, кого не жалко. Под козлов! Только что ты делаешь здесь, мой мальчик, Джош?.. Ты приехал за звездой — тогда все понятно...»

Загрузили русскому носу английский, чтобы нос их понимал. Втроем стали нос уговаривать прирасти и хоть немного посидеть спокойно... А нос ни в какую, не хочет он сидеть спокойно и все тут! Хоть что с ним делай! Потом решили нос приклеить на скотч — отвалился. Потом на клей ПВА — тоже. Ну суперклей — это жесть. А что делать...

— Ну прирасти ты, жалко тебе что ли? — Папа с умертвляющей водой даже пришагал из Америки, уже туда и обратно ходил... Но умертвляющую воду не разрешали... — Э, нет, — сказал работник аэропорта...

Дажуху Ян Абдулович тоже появился, куда же без него? И тоже уговаривал нос, но он все никак не прирастал. Потом папа с хвостом нос уговаривал, но все никак. Папа ему даже ножом угрожал...

Всем аэропортом уговариваем нос прирасти и посидеть спокойно, а он один не слушается нас всех! Какой нос! Всем носам нос!

И сказал нос Келвину-Джошу: — Так и быть! Проходи паспортный контроль. Посижу спокойно! — Думал Келвин-Джош, что договорился с носом и опять на контроль. Но обманул его нос. А теперь нос расчувствовался и заплакал. И льются у Келвина-Джоша слезы из носа. И взял он капли и стал капать в глаза. Типа у него аллергия... А нос все плачет и плачет... И не хочет его, такого серьезного преступника, выпускать из страны...

Потом нос стал слезами в глаза стреляться. Знает, что выпускать до смерти сына генерала нельзя... А потом тем более.

Какой нос, всем носам нос! И хрюкает! И стреляться слезами умеет! И в глаз попадает! И никакие капли не помогут!

И не пройдет Келвин-Джош никак паспортный контроль! И плачет, и плачет его нос!

Американцам уехать надо. У них генеральский сын умирает в больнице. А у них нос корки мочит... И Анна нервничает, сейчас ее не опустят. Не выпустят из страны за убийство...

Пошли Саша Янченко с Келвином-Джошом и его отцом с хвостом опять в туалет нос уговаривать. Келвин-Джош носу и свой огнестрел показывал и рисунок оракла его возлюбленной, с которой через три года

познакомится и на которой женится... Но нос ни в какую... не вставал на место!

— Ну пожалуйста. Ну посиди спокойно полчаса, ну что тебе стоит? — шепчет Келвин себе в накладной нос, закрыв нос ладонями, чтобы носу хорошо слышно было.

Нос ему отвечает: — Ты рецидивист и контрабандист! Не будет тебе счастья! Вон из-за тебя сколько солдатиков погибло по всему свету! Из-за твоих-то ружей! Иди в тюрьму и все тут! Не приклеюсь я хоть на ПВА, хоть на суперклей! А приклеюсь так, что не отдерешь никогда!

Но делать Келвину-Джошу нечего. Решил приклеить нос на суперклей, чтобы покинуть Россию и вернуться домой, в Америку.

...Ой, не хотел Келвин ехать этим летом в Россию. Но поехал из-за матери. Чтобы спасти ей жизнь... взять звезду... А брат его заплатит в тюрьме... Оракл говорил ему, что сложно все будет там. И много потом людей будет замешено и много потом сядет и будет серьезное дело и серьезная заварушка... И все равно поехал тогда Келвин из-за матери... Как сказал его хвостатый отец, из-за матери поехал... Не мог иначе... Не смог он сидеть спокойно, когда мать спасти мог... И жизнью рисковал. И получил от себя из будущего через своего оракла в шести поколениях весточку, что лучшее, что он сделал в жизни, это съездил тогда в Россию... и поставил из будущего свой фирменный знак — верить без сомнений... И решил тогда ехать Келвин в Россию во что бы то ни стало!..

И вдруг в воздухе появилось сообщение — умер генеральский сын от ран... И опустилась плаха над Анной... и отвисла у всех америкосов челюсть...

Сказал тогда работник аэропорта Келвину-Джошу: — Ты подожди клеить нос на суперклей. Иди в туалет! Сейчас мы поговорим с твоим носом!

— А почему это ты мне помогаешь? — спросил его Келвин-Джош, внимательно на него посмотрев.

Радостно отвалился нос от Келвина-Джоша. Взял его охранник в ладони. Держит нос в ладонях и говорит ему, и объясняет охранник ситуацию носу: — Там дети в рабстве. А американцы эти — козлы отпущения... там мальчики мучаются... Ты приклейся и сиди... Они потом вернуться, и их посадят за рабство... — И его? — спросил нос про Келвин-Джоша... — Нет, его вряд ли. Но может и его... но если не выпустят его, то их тоже не выпустят... А они козлы... Их надо выпустить! — И тут поверил нос охраннику, смягчился и приклеился сам к Келвину-Джошу, даже без суперклея.

И нос прирос. Понял все и прирос. И больше не выпендривался...

Какой нос! Всем носам нос!

И Келвин-Джош стал повторять слова охранника своему носу, что там рабы, дети в рабстве, там маленькие мальчики в плену и их мучают и пытают... мальчики и девочки. И слово «девочки» Келвина-Джоша почему-то так паразитило... Что в мире есть еще и девочки... Не только мальчики...

И это так его удивило... Они умирают в рабстве. И даже нос Келвина-Джоша все понял и успокоился и перестал отваливаться.

Потом расчувствовался нос и расплакался, представляя судьбу детей, маленьких мальчиков и девочек в рабстве, и жалея их...

В итоге нос предсказал Келвину-Джошу дочь, он тоже был «ораклистым» носом... Что будет у Келвина-Джоша две дочери. А дочки, не обделенные талантами. «Какой ужас!» — подумал Келвин-Джош. Что он будет с ними делать? Жизнь девочек-дочек оружейных баронов очень сложна... Но он будет отцом! Он, забирающий жизни, сможет жизнь и дать! У него будут дети!

Нос так расстроился, что даже еще сильнее стал сам плакать. Сидят охранник с Келвином-Джошом носу сопли вытирают... И слезы из носа кажутся! Спадать даже нос стал от своих слез... Стали нос успокаивать! Какой тонкий, отзывчивый, чуткий нос оказался! Достали носовой платок. Вытерли носу слезы, и приклеился опять нос...

Какой нос! Всем носам нос!..

Когда умер генеральский сын, и разрешили носу пройти контроль, легал нос тихо и больше не доставлял Келвину-Джошу никаких неудобств. И «ружейный барон» спокойно прошел контроль.

И хотел налить работник паспортного контроля на нос умертвляющей жидкости, когда прошел Келвин-Джош паспортный контроль, чтобы затих нос... Но Келвин-Джош сказал: — Пусть живет. Со мной в Америку полетит! — Сказал, что сам умертвит нос, когда нос его замучает и будет вызывать полицию... Хороший контрабандист Келвин-Джош. Породистый! Знает правила! А нос ему достался строптивый! Говорит Келвин-Джош, что будет хранить нос в коробочке и вспоминать приключения в России...

И гулял с этим носом Келвин-Джош по своему району в Америке. И хранил, сколько мог, пока нос не стал всем рассказывать планы его дальнейших контрабандных операций ружей. Потом нос переучили. И нашел нос свою «цепь» носов и стал рассказывать Келвину-Джошу, чем занимается русская полиция. И наш полицейский поехал в Америку забирать наш нос у Келвина-Джоша... Умный Келвин-Джош, знает, как такие носы переучивать! Кто ж русские носы хранит так долго?

Мы и они

Келвин-Джош был «русалочкой», как и многие оружейные бароны и серьезные бандиты, и ждал невесту, хранил ее рисованный своим ораком портрет в бумажнике. Он был «русалочкой» — каждый половой акт причинял ему боль. Он чувствовал боль сам и причинял боль своей женщине. У «русалочек» были расширены протоки, при половых актах у них шла кровь. И чем чаще он занимался сексом, тем хуже у него была потенция. Обычно оружейники женились, сразу делали детей и занимались сексом по большим праздникам. И к тридцати пяти годам становились практически импотентами.

Келвин-Джош перед всеми перестрелками и серьезными операциями сидел и писал список, чем он похож на полицейских и чем они похожи на него... Что он мог родиться в семье потомственных полицейских и быть на той стороне, а не на этой. Он писал, что любит своего брата, как его оппонент — полицейский любит свою сестру. Он также любит своих родителей и молиться, чтобы завтрашняя операция прошла хорошо. Как много между ними общего... И так он делал каждый раз перед серьезными операциями. Он делал это, чтобы не было лишних бессмысленных жертв, чтобы ненароком никого не убить. У контрабандистов было много «живых» вещей. И бумага, на которой писал Келвин-Джош, тоже была «живой». И его оппонент полицейский тоже писал на «живой» бумаге такой список, чтобы избежать лишнего кровопролития... А потом они показывали эти списки друг другу или менялись этими списками...

Как сказал мне Леша «плешивый пес» при Маше: — Моя жизнь заключается именно в этих перестрелках... Это вся моя жизнь. И моя жизнь исчисляется тем, сколько я убил полицейских, генеральских...

***

Мы убиваем их, они убивают нас... Законы жизни, законы природы...

Мы не они. И мы никогда не перейдем эту черту между законом и преступлением. И эту черту не стоит переходить. И это очень хорошо понимал Келвин-Джош.

Мы смотрели на них, а они смотрели на нас... И они спрашивали себя, почему мы их отпускаем. Таких не отпускают... В это время умирал генеральский сын, подстреленный этой невысокой, очень плохой, серьезной преступницей американкой Анной. Он умирал в больнице от ран, несоизмеримых с жизнью... Генерал был «в пушку» и все подписал. И его сына не жалко... Все равно жалко. И лучше бы не стрелять Анне... думал Келвин-Джош... Но ничего уже не поделать...

Они смотрели на нас, мы смотрели на них... Мы их выпускали. Они уезжали... И они не понимают, почему мы их выпускаем, почему, убив генеральского отпрыска, провернув такие удачные сделки с уникальным оружием, наубивав негрятя, они могут без последствий уехать из страны...

Просто у нас оборотни в погонах... Просто когда-то Брежнев подписал разрешение на поставки рабов из России в Казахстан. Мы заложники системы... И мы поставляли рабов каждые пять лет... отдавали в рабство наших детей...

Они знали, что это контрабандисты Калашниковых. Что они выпускают убийц и все равно выпускали, потому что не могли доказать, потому что согласовано на высшем уровне.

И они смотрели на работников аэропорта и знали, что их могут не выпустить, что достаточно поднять майку Анне или Келвину-Джошу и обнаружится зашитый огнестрел, к которому минимум нужна справка. Но майки никто не поднимал — все договорено на высшем уровне. Цирк продолжается... Из-за вас мы детей отмолим и вернем хоть часть — нам ораклы подтвердили. Их выпускаем, как козлов. Потому что у нас дети в рабстве, которые стонут и умирают... Им ноги-руки отпиливают, глаза выкалывают... Потому что эти американцы — козлы отпущения, и все в который раз засунули гордость в жопу и помахали им ручкой на прощание... Время рабство вышло, началось время Калашниковых!

— А они себе места выбивают! Они готовы положить голову крутого писателя, лишь бы себе пост посытнее выбить! О чем они думают? Убьют нас, встанут другие! Это они не соблюдают закон и говорят, что все нормально! По закону таких писателей выводят из игр! Для них нет ничего святого... В итоге не надо было ее вообще впутывать... Он имел в виду Яна Абдуловича.

— Он положил ее жизнь на алтарь своей карьеры. Чтобы занять большой пост... и все подписал кровью... — Келвин-Джош сидел на крутых ораклах...

Они собирают подписи и, только набрав три подписи, могут занять определенный пост за заслуги. Они продают своих свидетелей за посты... Тех убивают, а они становятся генералами, начальниками... Хотят, чтобы мы продавали своих детей... А мы не будем убивать наших детей опухолями! Мы не будем такими, как они!

Они собирают подписи и, только набрав три подписи, могут занять определенное место в своем преступном клане. Они убивают свидетелей за эти места... Тех убивают, а они становятся руководителями, главарями... Они хотят, чтобы мы продавали своих детей и растворяли им опухоли... А мы не будем! Не будем такими, как они!

Они смотрели на нас, а мы смотрели на них... Теперь все всё понимаем...

Их выпускали, потому что они вернуться сидеть за рабство через Калашниковых... А через них мы вернем детей. Хоть кого-нибудь...

А теперь мы понимали их, а они понимали нас. У них дети в рабстве, а мы козлы отпущения и нас отпустят, чтобы мы ни делали и кого бы ни убили... И через нас они вернут детей.

Что ждало их и что ждало нас?

Что будет потом?

Долгие провода

Чтобы американцев выпустить, обязательными были слезы. Мы, группа провожающих, должны были плакать при расставании с ними, типа мы с ними так сильно сдружились, так их полюбили и так не хотели с ними расставаться, а они так не хотели от нас уезжать. Тогда бы им поверили... и точно выпустили...

Анна хорошо плакала, она была «русалочкой», у нее на пятках росли наросты, и каждый шаг доставлял боль. Если она не пила обезболивающих, то плакала на раз-два. Сегодня она была без таблеток. Только не от растрогавших ее чувств, а от боли при каждом шаге. Медсестра Элисон честно плакала – она вспомнила умершего дедушку...

Невысокая Анна сегодня носила черную майку и болотную юбку. В лагерь она уже ехала беременной на четвертом месяце от какого-то полицейского, «стального» она ввела в себя его сперму шприцом и выпила специальную таблетку – ускоритель сперматозоидов. Но когда она выстрелила в «генеральского» полицейского, в этот же день вызвала у себя аборт – не хотела иметь детей от полицейского... Она по правилам не могла стать матерью, убив кого-то во время беременности... А своего нерожденного ребенка она съела, чтобы на пару перестрелок стать «стальной»...

Яся не могла плакать просто так... Она капала себе в глаза пипеткой воду. Элен, Анна и Элисон в туалете хлопали себя по щекам, добиваясь эффекта красных пятен на лице, как при рыданиях, и тоже капали себе в глаза щиплющую жидкость, и в том числе жидкость для линз. Глаза щипало, и они слезились... Американцы боялись, что их не выпустят, Анна убила полицейского... Я честно плакала на эндорфинах...

Эдам Хейсонд все-таки сегодня появился. В куртке и кепке, надвинутой на лоб. Чтобы его было не узнать. Он сел на кресла в зале напротив ворот с металлодетекторами и целился из спрятанного в кармане ветровки пистолета в работников контроля, если они не пропускали Элен или Анну. Келвин-Джош сказал, что он сам пройдет, без дула пистолета... Сулгвин, Райли и Джейк Эдама не волновали. Их можно было оставить в России. Но Джейка, как горбуна, пожалел и тоже целился в работников контроля, когда он проходил. За Элисон долго решал, целиться или нет... В итоге дал ей карт-бланш и тоже целился в проверяющих...

– Что, нос корки мочит? – рассмеялся переодетый Эдам в надвинутой на глаза кепке, сидящий на местах в зале ожидания...

– Ага, – ответил Келвин-Джош, повернувшись к нему и радостно кивнув.

«Вот, Эдам, ты не шаришь, вот ты не разбираешься в людях», – думали про себя работники аэропорты, глядя на группу провожающих. – «Один Саша Янченко чего стоит...»

Эдам сильно в «проводниках» не разбирался. Сильно разбирающихся на пробу отправлять нельзя.

Антиподом Эдама бал Келвин-Джош. Оба породистые убийцы... Один в рамках, другой – нет...

Дажуху Ян Абдулович тоже стоял в сторонке, провожал своих контрабандистов и привез им последний недостающий автомат Калашникова в подарок от главного оборотны в погонах...

Проверяющим стоило лишь открыть чей-то чемодан, например, Анны или Элисон. И оттуда бы посыпались доллары, которые на скрине принимали за фантики от конфет... Но чемоданы никто не открывал... Поднять их майки – и увидеть огнестрел. Но майки никто не понимал...

Анна напоследок сказала мне свою коронную фразу:

– I will be praying for you.

– Me too¹, – ответила я.

Но группа улыбающихся русских, которые обнимались с этими американцами, делали прощальные коллективные фотографии и даже плакали, делали свое дело – эту группу американцев-контрабандистов выпускали из страны.

Джейк все переживал, что ему не разрешат провозить иконы через границу... Но нет, все пошло благополучно...

Джейк решил поесть суши в самолете. По-моему, он голодал у американцев – есть негритят Джейк отказывался, и его не кормили. Сулгвин и Райли тоже ходили голодные... Эдам заставлял всех есть мясо негритят каждую неделю. Мы подкармливали американцев-неканнибалов сушками в аэропорту.

Прощание было сумбурным... – Perhaps we shall meet again... I know you will return one day...

– Will I? – Джейк посмотрел на меня с сомнением... Он был уверен, что никогда не вернется. – This is your teacher...

– You will...²- убежденно сказала я. Это были последние слова, которые я ему сказала...

– Это крючок, – сказал он мне тогда, согнув указательный палец и уже пройдя паспортный контроль. – Я буду твоим Богом!

...Мда... Моим Богом Джейк точно стал... Всю жизнь его вспоминаю. Никогда не забуду...

¹ – Я буду молиться за тебя. – Я тоже.

² – Возможно, мы еще увидимся. Я знаю, ты когда-нибудь вернешься... – Вернусь? Это твоя учительница... – Ты вернешься...

Элен последней проходила паспортный контроль. Она прошла без проблем — проблемы могли быть с Анной и Келвином-Джошом. И с деньгами в чемоданах американцев.

— А я не козел! — сказал напоследок Келвин-Джош. — Я не хочу, чтобы мое имя как бы то ни было связано с работоторговлей. За работоторговлю я не сяду. — Только Келвин-Джош нормально разобрался в том, что происходит. — Хорошо, — ответили ему... — Ты один не «козел»... «Ты такой хреновый, что ничего хорошего тебя и так не ждет...»

Наши американцы остались в аэропорту дальше проходить все виды международного контроля для международных перелетов.

Мы проводили американцев и поехали в пиццерию около университета, съели по кусочку пиццы. Я, конечно же, заказала себе коктейль, теперь клубничный... Мы сидели в кафе, а где-то улетал самолет с нашими американцами-контрабандистами...

С «колорадскими» американцами улетал самолет. Одна работница паспортного контроля даже махала им синеньким платочком вслед. А мы с надеждой смотрели в будущее, надеясь, что «козлы» приживутся. Впервые за много лет...

Наши полицейские хотели, чтобы американцы хорошо запянулись... Мало ли что они хотели, но по факту — американцы приехали, их одарили Калашниковыми и отпустили.

Как сказал Саша в кафе мне — он тоже сейчас пил банановый коктейль:

— Посмотрите, скоро появится богатый американец, чтобы тебя, Арина, скомпрометировать.

За которым я буду «бегать». Чтобы опозорить русскую девочку, которую выбрал Джейк, как «жертвоприношение», в глазах других американцев. Я опять же пропустила его слова мимо ушей...

Мы разъехались до поры до времени...

Али Рашид даже по этому случаю вживлял себе в раны червячков, называя их «козлами». И тоже надеялся, что они приживутся, эти черви в его теле. Потом сообщил нам, что черви прижились. Значит, и «козлы» должны...

Эдам Хейсонд стал самым главным козлом современности. Личинки в теле Али жирели, пухли, окуклились, а потом вылупились, стали бабочками и улетели, потом приживались на воле. «Козлы» будут большие... «Много рабов скинем», — решили краснодарские работоторговцы...

У Али Рашида даже махаон прижился и вылупился! А это такая редкость! Али Рашид отпускал этих козлов в поле, а черт Слава бегал за ними с сачком и ловил этих бабочек-«козлов». Они у него жили за стеклом. Этим бабочек Слава тоже называл «козлами», а потом к осени он их сажал на иглу и засушивал на память... Чтобы помнить, как удачно козлы должны прижиться. И никогда не забывать! И все для этого делать! Теперь за американских «козлов» мы все пили стоя!

Даже Рома Деликат проверял личинки на живучесть и подтвердил, что наши американские козлы приживутся сто пудов!

Но люди говорили: — Славка вон, хоть и черт, но свой. Мы с ним сами разберемся. А американцы уехали. И поминай, как звали... Калашниковых наворовали, детей в рабство продали, негрятя поубивали, девчонок на панель вывели и уехали... И не достать их никак... Поэтому бросили за них милиции черную метку...

Итак, торговцы оружием уехали. Теперь приедут чистенькие положительные американцы создавать общее положительно впечатление об Америке...

Но в России оставался Эдам Хейсонд, проводить дальнейшие операции по контрабанде, подчищать концы и... свидетелей, то есть нас — меня, Сашу Янченко и Ясю Воронину. Полицейские все гадали, кого из нас убьют первыми. Или всех трех... Даже делали ставки... Все говорили, что первой убьют меня, или ослепят, потому что я видела Марину Шайн. Среди нас троих самым слабым звеном была Яся — самый слабый, подкупаемый свидетель...

Еще много операций по контрабанде оружия были впереди, в этом году Эдам только налаживал контакты...

— У них будет два-три года активных операций, они будут снимать сливки, потом еще пару лет затухания. А потом они уедут, — говорил Саша Янченко...

Но моя история с горбуном имела свое продолжение... Для меня не самое удачное...

Оглавление

Часть 1. Американский английский	5
Осколок	7
Немного о себе	12
Мой репетитор по английскому	13
История Наташи Айвановой	20
Джессика Рэбитс	22
American center	25
В клубе	29
Прогулка с Дженнифер	33
Баптистская церковь	39
Проповедь	43
Пасхальная служба	50
Часть 2. Миссионеры	55
Американские русские	57
Бирки и этикетки	62
Яна	70
«Американская» весна	72
Фризби	75
«Kick» и «kite»	79
Эдам и Морген	82
Работорговля	85
Ку-клуб-клановцы	91
Американцы в России	96
Крестное знамение	99
Вечеринка в пижамах	103
Письмо ку-клуб-клану, март 2000	108
Майкл	112
«Колорадские» американцы	114
Fucking yankees	116
Мэри	118
Важное объявление	120
Собеседование	124
Леша и Маша	127
Часть 3. Уикенд, изменивший мою жизнь / Life changing weekend ..	131
Американский лагерь / American camp	133
«Однокомандники»	137
Приветствие команды «львов», королей джунглей	142
Крест-параллель	145
Поход	152

У костра	164
Скалы	166
Вечер со свечами	172
Дорога домой	175
Часть 4. После кэмп	179
Языковой барьер. «Рок»	181
На стадионе	189
В пирамиде	192
В общежитии	196
Ораклы	204
Мост поцелуев	206
В парке	210
Сквозь время...	214
Прощание с Дженнифер	218
День независимости	224
Твистер	226
«Сказки» Джейка Рэббита	232
Часть 5. Рабство в двадцать первом веке	243
Келвин-Джош и Марина Шайн	245
Они и мы	249
Эдам и Ко, Калашниковы	252
Главный по работоторговле	255
Истоки рабства в Казахстане	261
Замершие восковые фигуры	265
Жертвоприношение	272
Иисус Христос	279
Часть 6. Раб	291
Часть 7. Все только...	323
На поле	325
Церковь Святого Георгия	334
Без прикрытий	341
День рождения Джейка	348
Предпоследний день	361
Святой козел	364
Мозговой штурм	386
В аэропорту	388
Нос	392
Мы и они	396
Долгие провода	399

Инга Полякова

Горбуны
Часть 1. Калашниковы